

Центр "Казахстан-Петербург"

216-2

С.Т. Клыштаров

Т.И. Султанов

Казахстан

Летопись

тысячелетий

Алма-Ата
"Рауан"
1992

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

11896-95

К $\frac{0503020905-065}{404 (05) -92}$ заказ

ISBN 5-625-02160-0

© Центр "Казахстан-Петербург", 1992

Посвящается

525-летию

первого

казахского

государства

(1470-1718)

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Наверное, чтобы понять, что ты казах, стоило далеко уехать из дома. В 1981 г. я поступил в аспирантуру Физико-технического института и вместе с семьей переехал из Алма-Аты в Ленинград. Традиционно физтеховская «команда» интернациональна по своему составу. Кроме физики в разговорах с коллегами мы обсуждали самые разные темы и, конечно, рассказывали друг другу о родных краях, «углублялись» в национальные проблемы.

Там, в Физтехе, я впервые понял, что фактически не знаю историю своего народа. Особенно тягостным для меня это ощущение стало, когда после окончания учебы остался работать в Ленинграде постоянно. Доступных книжек не нашел. По зрелому размышлению пришел к выводу, что во многом дело не в моей необразованности, что данная ситуация достаточно типическая. Нестерпимое желание иметь у себя на столе книгу по истории казахов овладело мной. У меня было уже в науке такое: «Ты должен сделать это!».

Еще в аспирантских времен в Ленинграде я был знаком с Александром Кадырбаевым (Институт истории, Алма-Ата); он устраивал нам в общежитии импровизированные лекции по истории. Летом 1990 г. мы стали с разных сторон обсуждать эту проблему, и А.К. посоветовал обратиться к Турсуну Икрамовичу Султанову — доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику из Института востоковедения в Петербурге.

В сентябре того же года мы впервые встретились с Т.С., который сразу же привлек к разговору своего коллегу профессора Сергея Григорьевича Кляшторного, заведующего Сектором тюркологии и монголистики Института востоковедения. Результат той памятной мне и по сей день беседы — книга, которую Вы, уважаемый Читатель, держите перед собой. А тогда — впереди были проекты плана книги, писание глав, их обсуждение, наши почти еженедельные встречи в Институте на Дворцовой набережной ... Впереди была работа авторов и издателя.

Как первый читатель этой книги хочу поделиться своим впечатлением. Книга состоит из двух частей, каждая из которых в определенном смысле уникальна. В первой части С.К. с удивительной, на мой взгляд, легкостью «проводит» читателя сквозь материал такого объема и такой разноплановой структуры, что, осилив эту часть,

вдруг ощущаешь насколько больше ты узнал. Тебе становятся интересны и близки книги по древней и раннесредневековой истории совершенно других регионов.

Часть, написанная Т.С., устроена совершенно иначе — сужен регион и растянуто время — принят совсем другой темп изложения. Здесь настолько сливаешься с авторским стилем, что поневоле начинаешь в повседневной жизни неспешно вести свою речь и даже думать как средневековый мусульманский историограф.

Как оказалось, выпустить книгу — непростое дело. Мне приятно выразить благодарность своим друзьям и коллегам, которые помогли мне словом и делом: Куанышбеку Абиеву (Чимкент), Нурсеиту Абдрахманову («Камкорбанк», А-Ата), Владимиру Белякову («МЕКО», СПб), Александру Кадырбаеву (Институт истории, А-Ата), Марату Османову (БИОН, СПб).

Генеральным Спонсором издания книги является Ассоциация содействия перестройке экономики Казахстана (АСПЭК). Генеральный директор АСПЭК — Еркебулан Мурзагалиев. Человека с таким кругозором не часто встречаешь. Я рад, что судьба столкнула меня с ним, — ведь АСПЭК является также учредителем Центра «Казахстан-Петербург». Знаю, что АСПЭК — это надежный партнер.

Наконец, общение с Турсуном Икрамовичем и Сергеем Григорьевичем на протяжении работы над книгой было чрезвычайно полезным и интересным. Мне приятно выразить им благодарность, и, надеюсь, вместе мы еще представим на суд читателя новые работы.

Нурлан Аблязов

Центр «Казахстан-Петербург»

А-Ата — С-Петербург

июнь, 1992

Нурлан Аблязов

P.S. Уважаемый читатель!

Мы имеем честь представить на Ваш суд новую книгу, готовящуюся к изданию в Центре «Казахстан-Петербург»:

Т.И. Султанов «Историческая книга в Средней Азии XV-XIX вв.»

Подробности приводятся в конце настоящей книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В течении нескольких десятилетий авторы этой книги работали над историческими и источниковедческими проблемами, так или иначе связанными с историей Казахстана. Тем не менее, не без долгих колебаний, мы согласились принять предложение Директора Центра «Казахстан-Петербург» Нурлана Аблязова о подготовке книги, доступной не только специалистам, как, например, многотомная «История Казахской ССР», но и всем заинтересованным читателям, — книги, где были бы изложены главные события древней и средневековой истории Казахстана.

Нам была совершенно ясна сложность поставленной задачи. Нам было понятно, что мы не достигнем совершенства в ее решении. Взяться за работу нас заставила простая мысль — кому-то надо начинать! Мы готовы принять все неизбежные, по-видимому, упреки и замечания в надежде, что они сослужат полезную службу либо нам, если мы решимся совершенствовать книгу, либо тому, кто решится повторить наш опыт. Как говорили древние римляне *fecit quod potui, faciant meliora potentes* «я сделал, что мог, кто может, пусть сделает лучше».

Целью работы является популяризация достигнутых в ходе научных исследований результатов для их широкого обсуждения и более ясного понимания всей сложности и далеко не полной разработанности сформулированных нами проблем. Трудностями, стоящими на пути познания, являются не отсутствие внимания исследователей к названной теме (об истории казахов написаны сотни работ), а прежде всего состояние источниковедческой базы, далеко не адекватное тому интересу к теме, который существует и в научной среде, и среди казахской интеллигенции. Вторым препятствием, казалось бы менее значительным, но все же весьма существенным, является господство и в науке, и в общественном мнении предвзятых концепций, касающихся истории казахского народа и родственных ему народов Средней Азии, Поволжья и Сибири. Последний фактор оказывает весьма мощное воздействие не только на мышление исследователей, но и на практические формы изложения ими и анализа казалось бы общеизвестных исторических фактов. Отнюдь не считая себя полностью свободными от воздействия указанных выше факторов, авторы книги, тем не менее, стремятся избежать многих крайностей, столь обострившихся в наше время.

Предлагаемая читателю книга не претендует на систематическое и полное изложение истории Казахстана и его населения. Из всего многообразия прошлого Казахстана мы выделили лишь то, что составляет «костяк» древней и средневековой истории страны — основные события прошедших веков, их влияние на сложение казахского народа, формирование его хозяйства, культуры и государственности. Естественно, что территория Казахстана никогда не была изолирована и прошлое страны и населявших ее народов неразрывно связано с прошлым евразийских степей, всего огромного Центральноазиатского региона.

Авторы исходят из представления, что этническая история казахского народа первоначально складывалась как синтез двух групп древнего населения. Одна из них, сложившись к западу от Волги, в III-II тыс. до н.э. стала преобладающим населением Казахстана и Поволжья. Начальный период ее этнической истории связан с формированием индоевропейских языков и европеоидного расового типа. Другая группа племен имела центральноазиатское происхождение; в их среде преобладали тюркские языки и монголоидный расовый тип. История взаимодействия и слияния обеих групп населения на протяжении 2-3 тысяч лет и есть процесс, в ходе которого осуществлялась этническая консолидация и сформировались протоказахская и родственные ей этнические общности. Именно из их среды во втором тысячелетии н.э. сложились казахский, кыргызский, каракалпакский, узбекский и некоторые другие народы.

Книга состоит из двух основных разделов. Первый раздел — этноязыковая и политическая ситуация на территории современного Казахстана и Центральной Азии в I-ом тысячелетии до н.э. и в I-ом тысячелетии н.э.; начало сложения хозяйственно-культурного типа кочевого скотоводства и его специфические особенности в Казахстане; контакты и связи населения Казахстана с окружающими народами и цивилизациями.

Второй раздел — Казахстан в системе монгольской государственности (XIII в.); размежевание родственных объединений кочевников и сложение новой, послемонгольской, политической структуры на территории Средней Азии и Казахстана (XIV-XV вв.); история взаимоотношения казахов с соседними народами в XVI-XVII вв.

Таким образом, хронологически книга охватывает основные события, имевшие место на территории современного Казахстана и прилегающих к нему регионов на протяжении более чем трех тысячелетий, и завершается изло-

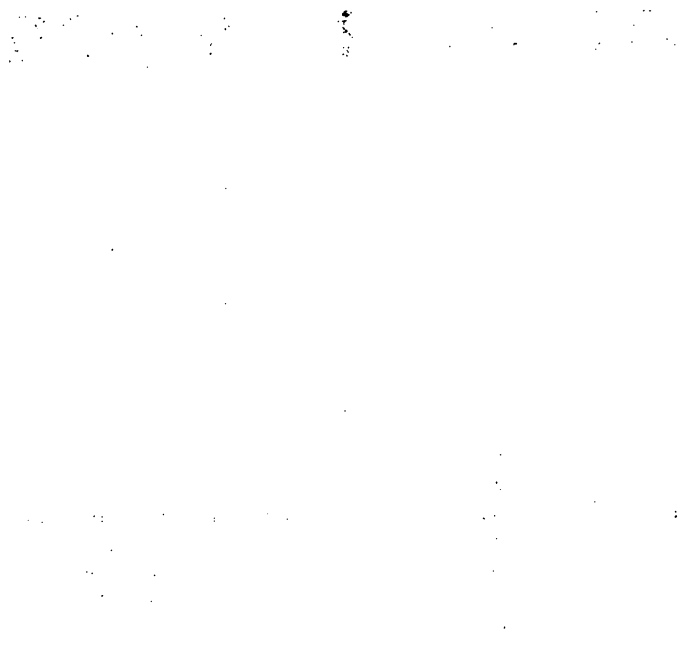
жением истории Казахского ханства начала XVIII в. Нижняя дата взята не случайно. Около 1718 г. умер Тауке-хан — последний из казахских ханов, чья власть распространилась на все три жуза. В 20-х годах XVIII в. обострились отношения казахских владетелей с джунгарами. В 1730 г. бии Киши (Младшего) жуза собрались в одно место, «в середине степи, для рассуждения о делах народных». Абу-л-Хайр-хан, воспользовавшись настроением биев, отправил грамоту в Санкт-Петербург с просьбой о подданстве России казахских жузов. С этого времени судьба Казахстана решалась в иных геополитических условиях, в составе Российской империи, судьбы которой ему предстояло разделить. Здесь мы и обрываем свое повествование, ибо тут кончается история казахского средневековья и открывается следующая страница — страница новой истории Казахстана.

Мир
первых
кочевников

Копия рисунка, найденного в пещере Арпаузень. В центре изображены две фигуры, стоящие на колеснице. Рядом с ними, вверху, нанесены стрелы. Внизу, под колесницей, нанесены различные знаки, которые могут быть символами или частью рисунка.

Рисунки, найденные в пещере Арпаузень, являются одними из древнейших изображений на территории Казахстана. Они представляют собой стилизованные изображения колесницы и воинов, что свидетельствует о развитии колесничества в древности. Стрелы, нанесенные вверху, могут указывать на воинов, готовящихся к бою. Знаки в нижней части рисунка, возможно, являются символами или частью ритуального изображения. Такие рисунки имеют важное значение для изучения истории и культуры древних народов Казахстана.

Рис. 1. Колесница и воины. Лучник на колеснице. Наскальное изображение, урочище Арпаузень, II тыс. до н.э., Казахстан

ГЛАВА 1

МИР ПЕРВЫХ КОЧЕВНИКОВ

Древняя история Казахстана — это прежде всего история скотоводческих племен, освоивших степи между Волгой и Алтаем в III-II тыс. до н.э. Этнический состав населения степей менялся в ходе трехтысячелетней истории, и ниже мы проследим динамику изменений. Вместе с тем, созданный здесь тип скотоводческого и скотоводческо-земледельческого хозяйства, как и тип сопутствующий такому хозяйству культуры, никогда не знал полного разрыва с традицией предшествующих эпох.

Однако при всем консерватизме скотоводческой «технологии», под воздействием достижений в материальной культуре (например, возникновения бронзолитейного, а позднее железоделательного производства) или изменения природных условий (большая или меньшая увлажненность климата), повседневная жизнь незаметно менялась. Процесс изменений в хозяйстве неизбежно завершался изменениями в формах быта, а затем и в общественном устройстве населения степей, в его идеологии и культуре. Одна эпоха подчас достаточно резко сменяла другую, но смена эпох казалась внезапной только для современного историка, в перспективе наблюдаемых им веков и тысячелетий. Для людей же тех времен, всегда стремившихся жить по обычаям отцов и дедов, по заветам предков, понятие исторического времени и его разделение сливалось с представлениями о прошедших «славных временах», о «годах бедствий» и вражеских нашествий, природных катастрофах. Только так различались эпохи в народной памяти, зачастую персонифицируясь, отождествляясь с личностями правителей и мятежников, богатырей и предателей, героев и антигероев, религиозных реформаторов и упорных «хранителей старой веры».

1. Эпоха боевых колесниц

Небольшие племена охотников и рыболовов, обитавшие на недолговременных стоянках в речных долинах и вблизи бесчисленных тогда озер лишь во второй половине III — начале II тыс. до н.э. начали наряду с каменными орудиями использовать металл, занимаясь примитивным земледелием и разведением скота. Рядом с местными неолитическими племенами селились пришедшие с запада, из-за Волги, племена скотоводов, принадлежавшие по языку к той общности, которую в XIX в. назвали индоевропейской. Конечно, речь идет о переселении в Заволжье лишь малой части индоевропейцев, тех из них, которых археологи, по способу погребения, именуют племенами «ямной» культуры.

В индоевропейскую общность входят ныне славянские и германские, романские и иранские языки, а также языки Северной Индии и некоторые другие. В целом эта языковая семья сформировалась примерно к V тыс. до н.э. между Дунаем, Рейном и Волгой, и только в III тыс., в процессе распада и расселения, началось ее распространение южнее и восточнее первоначальной прародины. Такой взгляд на раннюю историю индоевропейцев предложил выдающийся петербургский историк и языковед И.М. Дьяконов [Дьяконов, 1982]. Существует и другая точка зрения на местоположение прародины индоевропейских языков, отстаивающая приоритет Передней Азии [Гамкрелидзе, Иванов, 1985]. В настоящее время археологические открытия все более подтверждают выводы И.М. Дьяконова.

В III тыс. до н.э., с развитием скотоводства и заимствованием из стран древневосточной цивилизации колесной повозки (через Кавказ и Подунавье), началась восточная миграция индоевропейцев. Причина переселения очевидна — в сравнении со скотоводством занятие земледелием было в степи малопродуктивным, хотя и необходимым подспорьем. Быстро разраставшееся стадо и демографический взрыв, обусловленный хозяйственными успехами, требовали освоения новых пастбищных территорий. Редко заселенные, обильные водными источниками, ковыльные и полынно-типчаковые степи к востоку от Волги стали желанным объектом хозяйственного освоения племенами, накопившими огромные стада быков, коней и овец. Ведь на одном

квадратном километре разнотравной степи выпасаются до 7 голов коней или крупного рогатого скота.

Несколько волн миграции индоевропейских племен, в особенности носителей "ямной" культуры, постепенно проникли столь далеко на восток, что связанные с ними археологические памятники или родственные археологические культуры обнаруживаются не только в Казахстане (район современной Караганды), но даже на Енисее и в Западной Монголии (афанасьевская культура). Наиболее крупные подвижки на восток племенных групп из Поволжья и Причерноморья произошли в 1800-1600 гг. до н.э., когда в степи сложились две новые археологические общности. Западная, сформировавшаяся между Днестром и Волгой, получила название *срубной* культуры (по способу погребения в срубках). Восточная, относящаяся к степной зоне Казахстана и Южной Сибири, по месту выявления (на Енисее) стала именоваться *андроновской* культурой. Возможной предпосылкой смены культурных комплексов стало тогда освоение бронзового литья, резко улучшившее качество орудий и оружия, и появление конской упряжи (изобретение псалиев), приведшее, наряду с трансформацией древней повозки, к созданию легкой боевой колесницы. Создатели боевых колесниц и нового бронзового оружия (втульчатые копья, секиры, металлические наконечники стрел) получили огромное военное преимущество, использованное как хеттами в Малой Азии и ахейцами на Пелопонесском полуострове, так и срубно-андроновскими племенами в Великой Степи.

Обе степные общности раннего бронзового века были предельно близки и по типу хозяйствования, и по социальному развитию, и по культуре. Лишь ассимиляция каждой из них разных групп предшествующего населения и постепенные утраты первоначальной близости обуславливали нарождавшееся различие. Именно носители андроновской культуры, а в прикаспийских районах — «срубники», стали основным населением казахстанских степей в эпоху бронзы.

Изучение памятников андроновской культуры в Казахстане и на Южном Урале было особенно интенсивным последние сорок лет. За это время было выявлено около 150 поселений андроновцев и многие могильники. Оказалось, что зона ее простирается не только на Западную Сибирь и долину верхнего Енисея, но достигает на к. Центрального Тянь-Шаня, Южного Таджикистана, Афганистана, а некоторые андроновские элементы явно просле-

живаются и в Северном Пакистане (долина Свата). Тем не менее, коренной территорией андроновцев остаются Казахстан и прилегающие районы Урала. Именно здесь были обнаружены древнейшие памятники этой культуры. Заслуга в их выявлении и интерпретации принадлежит целой плеяде археологов. Их трудами, в особенности обобщающими работами Е.Е. Кузьминой, мы здесь и воспользуемся [Смирнов, Кузьмина, 1977; Кузьмина, 1981; Кузьмина, 1986].

Андроновская культура существовала около восьми-девяти веков и в ее развитии выделяются три этапа: *ранний* (XVII-XVI вв. до н.э.), *развитой* (XV-XIII вв. до н.э.) и *поздний* (XII-IX вв. до н.э.). За многие века жизнь андроновских племен существенно изменилась.

Как выглядели андроновцы? Вот что об этом писал известный антрополог академик В.П. Алексеев: «Андроновцы, конечно, европеоиды, и характерные черты у них доведены до полного выражения, в какой-то мере, может быть, даже на наш современный взгляд, до утрировки — ведь кажутся нам резкими черты лица кавказцев, а все за счет того же очень полного и четкого выражения классического европеоидного типа. Андроновцы были очень носаты, а лица их, почти без скул, с широко открытыми глазами, возможно, напоминали лица кавказцев. Но они были еще более широколицы, чем афанасьевцы, а на лбу, над глазами вздувалось еще более мощное и сильное надбровье. Грубого облика, но красивые люди, мощного телосложения, мужественного вида ... Их нужно рассматривать как последний рецидив, последний отголосок мощного передвижения европеоидов на восток, одной большой миграции или цепи миграций, за которыми последовали как будто бы проникновения отдельных элементов андроновской культуры на юг, переселение древнеиранских племен, появление ариев в Индии, одним словом, целый калейдоскоп событий, важных и неважных, встряхнувших древний Восток» [Алексеев, с.236-237].

Андроновцы жили в оседлых поселениях по берегам небольших речек. В каждом таком поселке, окруженном глубоким рвом и валом с установленным на нем частоколом, было 10-20 больших полуземлянок, площадь которых варьировалась от 25-100 кв. м. (ранний период) до 150 кв. м. в позднейшее время; встречаются и жилища в 200-300 кв. м. Заглубленный на 1-1.5 м. деревянный сруб перекрывался двускатной или пирамидальной крышей с отверстиями, дымоходами и световыми люками. Крыша поддерживалась не-

сколькими столбами. В каждом доме жила большая семья (30-50 человек), а поселок с прилегающими пахотными землями, пастбищами и кладбищем принадлежал одному роду. Иногда род рассредотачивался в небольших селениях по малым речкам и ручьям, а в соседних долинах были разбросаны поселки, принадлежащие к тому же племени. Эта одноплеменная группа поселений создавала, по терминологии археологов, локальный вариант культуры. Территории таких групп были отделены друг от друга большим незаселенным пространством.

Поймы речек, где земля влажная и мягкая, тщательно обрабатывались мотыгами, а выращенный урожай зерновых жали бронзовыми серпами. В жилищах андроновцев часто находят каменные зернотерки. Судя по наскальным изображениям (петроглифам) бронзового века, была известна и плужная запряжка, влекаемая быками.

Главным источником средств существования для андроновцев всегда оставалось скотоводство. Судя по следам на стенках горшков, обнаруженных в могилах, их основной пищей были молочные продукты. В кухонных отбросах андроновских поселений во множестве содержатся кости быков, коней и овец. По подсчетам палеозоологов мясная пища андроновцев на 60-70% состояла из говядины и только на 10% — из баранины. Конина составляла в мясном рационе 20-30%. В жилищах существовала отгороженная половина для зимнего стойлового содержания животных, скорее всего молодняка; иногда к дому примыкала постройка-хлев.

Наиболее ценимой частью андроновского стада были табуны коней. По костным остаткам удалось установить, что кони были трех пород: малорослые с крупной головой выносливые лошади «монгольского типа» (высота в холке 128-136 см); высокие кони (136-152 см); высокопородные кони высотой в 152-160 см с тонкими ногами, маленькой головой на длинной изогнутой шее и подобранным крупом. Кони элитной породы предназначались для колесничной запряжки и составляли славу их хозяев. Именно они были предками современных ахалтекинцев.

Оседлость андроновского хозяйства имела свои выгоды и свои невыгоды. Скот ежевечерне возвращался с ближних пастбищ в поселок для защиты от угона и дойки. Такой режим обеспечивал относительную безопасность стада и регулярный молочный рацион. Но поголовье скота было, естественно, ограничено площадью прилегающих пастбищ. Кроме того, пастбища сравнительно быстро истощались и

вытаптывались, что побуждало жителей поселка покидать насиженные места и каждые 20-25 лет переселяться на новые земли. Очевидно, что пока существовала угроза частых нападений, иного способа выпастить скот не было. Но после XV в. до н.э., во времена расцвета андроновской культуры, появились неукрепленные поселения. Видимо, опасность угона животных и разграбления поселков уменьшилась, межплеменные войны стали происходить реже. Тогда и возникла новая форма скотоводства — отгонная. Пастухи весной угоняли часть стада на дальние пастбища или горные луга, перекочевывали вместе со скотом и лишь осенью возвращались в поселок. На дальних пастбищах они строили из жердей легкие каркасные жилища, со стенами из плетенки или циновок — своего рода предки юрт. Находки на таких стоянках крайне скудны — кострище, черепки разбитых горшков с характерным андроновским орнаментом, дротик или стрела. Вблизи зачастую регистрируют выкопанные пастухами неглубокие колодцы, а на горных перевалах — выбитые ими петроглифы.

Именно отгонное скотоводство стало посредствующим звеном в переходе к более продуктивному способу освоения степных и пустынных пастбищ — кочевому хозяйству. Важной предпосылкой к таким изменениям образа жизни был состав стада, в котором особенно многочисленны были кони и овцы, более других приспособленные к тебенёвке (добыванию корма из-под снега) и дальним передвижениям. Соответственно, доля крупного рогатого скота в стаде уменьшилась, а доля конского поголовья возрасла. В поздний период существования андроновской культуры (XII-IX вв.) в Северном и Центральном Казахстане доля коней увеличилась в стаде с 14 до 36%. Андроновская культура становится по преимуществу культурой коневодов.

Закрепляется и другое новшество — по мере роста подвижности хозяйства, возросло поголовье двугорбых верблюдов — бактрианов. Их кости обнаружены на самых ранних стоянках андроновцев, а в поздний период устанавливается культ верблюда — зарегистрированы его глиняные статуэтки и изображения на скалах. Появляются и приспособленные к дальним перекочевкам войлочные кибитки, устанавливаемые на четырехколесных телегах; фрагменты их глиняных моделей находят при раскопках андроновских поселений; сами кибитки на телегах изображены на скалах среди других петроглифов.

В позднеандроновский период полностью завершился процесс формирования скотоводческого хозяйства совершенно иного типа, чем тот, который был свойственен раннему этапу истории андроновских племен. Начиналась эра скотоводов-кочевников.

Погребальные памятники андроновцев дают представление и о стратификации общества, т.е. о его разделении на социальные слои (группы), и об идеологии, или, несколько уже, о религиозных представлениях создателей андроновской культуры. Прежде всего отметим, что практиковались два погребальных обряда — трупоположение, т.е. захоронение в могильной яме с курганной насыпью, и трупосоужение. Наличие двух традиций — важный признак не только существования локальных культур у разных племенных групп андроновцев, но и возможных этнических различий или, во всяком случае, присутствия весьма близких по культуре и идентичных по образу жизни этнических традиций, характерных для разных по происхождению групп населения андроновской культуры. Другой особенностью погребального обряда, характеризующей уже социальную неоднородность общества, является градация захоронений по размерам и богатству. Если жилища андроновцев свидетельствуют о жизни в составе большесемейной общины, то разделение погребений на «рядовые» и «богатые» говорят о том, что в андроновских родах и племенах отнюдь не было равенства всех их членов.

Инвентарь «рядовой могилы», т.е. совокупность предметов, сопровождавших покойного в иной мир, состоял обычно из нескольких глиняных горшков с пищей, скромных украшений, иногда орудий (ножи, тесла, каменные стрелы) и частей туши жертвенного животного. В «богатых» погребениях могильная яма отличалась значительными размерами, грандиозностью курганной насыпи, каменной ограды вокруг нее, и, в особенности, инвентарем. Так, в пяти погребениях могильника Синташта I (Южный Урал) найдены боевые двухколесные колесницы с десятью спицами в колесе, конские скелеты (от двух до семи), предметы конской упряжи. В таких захоронениях обильно представлено оружие — втульчатые бронзовые копья, луки со стрелами, бронзовые топоры-секиры, каменные и бронзовые булавы, кинжалы. Среди украшений — медные браслеты и кольца, покрытые золотом височные кольца, нагрудные уборы из серебряных пластин.

Вывод, который напрашивается, однозначен — в родах и племенах андроновцев, наряду с рядовыми общинниками

— пастухами и земледельцами — существовала военная аристократия, отличавшаяся по своему положению и богатству от прочих сородичей. Основу этого привилегированного слоя составляли воины-колесничие, добывавшие богатство и славу в набегах и на войне, в защите своего рода и племени и в угоне скота иных племен. Жизнь андроновцев была отнюдь не всегда мирной и безмятежной, а отношения между племенами — далеко не идиллическими.

Колесница у андроновцев была не только орудием войны, но и предметом особого культа, почитания. В жилищах и погребениях нередко находки глиняных моделей колес со спицами или бронзовых блях, имитирующих колесо. Изображения колеса со спицами или колесниц с конной запряжкой часты не только среди петроглифов Тянь-Шаня, но и на глиняных сосудах. Конь был главным жертвенным животным. Жертвы приносились как на похоронах, так и в почитаемых местах, в родовых и племенных святилищах. Как показывают этнографические параллели, такие капища часто располагаются высоко в горах, в труднодоступных местах, где скальные плоскости обильно украшены выбитыми на камне изображениями животных, людей, колесничих и земледельцев, странных существ с головой — солнечным диском и другими сюжетами. Свидетельством другого объекта поклонения — священного огня — являются прямоугольные культовые очаги с чистым зольным слоем, обнаруженные в андроновских жилищах.

Вглядываясь во мглу времен, русский поэт и писатель Иван Бунин подвел итог своим размышлениям:

Молчат курганы, черепки и кости
Лишь слову жизнь бессмертная дана,
Из тьмы веков на мировом погосте
Звучат лишь письменна.

Дополнить и одушевить картину жизни андроновских племен могли только письменные источники. Но очаги письменности тех времен были далеки от казахстанских степей — в городских цивилизациях Ближнего Востока, в долине Хуанхэ, может быть, и в долине Инда. Однако, не все обстоит безнадежно — степная цивилизация бронзового века способна говорить с потомками собственным языком.

2. Страна ариев

Три тысячи лет назад в стране Ари-анам Вайджа, что значит «Простор ариев», жрец Заратуштра провозгласил веру в единственного, несотворимого и вечного бога творца всех прочих божеств (ахур) и всего благого — Ахура Мазду, «Господа Мудрость». Целью всех уверовавших стали «благая мысль», «благое слово» и «благое дело» — триада, которая в конце времен должна сокрушить Анхра Манью, «Злого духа», несведущего в истине и зловредного предводителя демонов-дэвов (даэва).

Суть проповеди Заратуштры в сравнении с прежними верованиями так изложена немецким иранистом Г. Хумбахом: «Заратуштра воспринял веру в ахур от своих предшественников. Очевидно, он видоизменил эти верования, а возможно, даже создал имя Ахура Мазда и предложил считать ахур воплощениями качеств Ахура Мазды. Но такими теологическими вопросами вряд ли удалось бы вовлечь целый народ в религиозное движение. Привилегированное положение, созданное для Арты [«Истина», «Праведный путь» — С.К.], прославлявшейся и противниками пророка, не было новшеством, равно как и почитание коровы, которое уже Заратуштра приписывал Фрияне, мифическому предку кави Виштаспы. Возможно, что даже дуализм [т.е. вера в два начала — С.К.] в основных своих чертах был разработан предшественниками Заратуштры. В чем же заключалась та, отличная от прежних идея, которой Заратуштра затмил всех поклонявшихся корове магов и брахманов, и которая сделала его одним из величайших религиозных реформаторов? Она заключалась в представлении о вплотную приблизившемся начале последнего этапа существования мира, когда Добро и Зло будут отделены друг от друга — это представление Заратуштра дал человечеству. Она заключалась, далее, в учении о том, что каждый индивидуум может участвовать в уничтожении Зла и в установлении царства Добра, перед которым одинаково равны все преданные пастушеской жизни, и таким образом восстановить на земле рай с молочными реками» [Humbach, с.74].

Заратуштра, арий из рода Спитамы, сын Поурушаспы («Серолошадного»), не владел богатством. Его имя значило

«Обладающий старым верблюдом» (по другой интерпретации — «Тот, кто погоняет верблюдов»). Его авторитет в родной стране был невелик; он сумел убедить в истинности своего учения лишь двоюродного брата. Но и в соседних землях никто не воспринимал Заратуштру как пророка. Его учение много лет отвергали, и о причинах долгого неприятия зороастризма (из позднейшей греческой переделки имени пророка — Зороастр) яснее других написала виднейшая современная исследовательница этой религии Мэри Бойс: «Хотя учение Зороастра — развитие старой веры в Ахуру, оно содержало много такого, что раздражало и тревожило его соплеменников. Предоставляя надежды на достижение рая всякому, кто последует за ним и будет стремиться к праведному, Зороастр порывал со старой аристократической и жреческой традицией, отводившей всем знатным людям после смерти подземное царство. Более того, он не только распространил надежду в спасение на небесах среди бедняков, но и пригрозил адом и, в конечном счете, уничтожением сильным мира сего, если они будут поступать несправедливо. Его учение о загробной жизни, казалось, задумано так, чтобы вдвойне рассердить привилегированных. Что касается его отрицания демонов-даэва, то оно могло показаться опрометчивым и опасным как богатым, так и бедным, потому что навлекало гнев этих божественных существ на все общество. Далее, величественные представления об одном Творце, о разделении добра и зла и грандиозной мировой борьбе, требующей постоянных нравственных усилий, было трудно постичь, а будучи понятыми, эти представления оказались слишком вызывающими для обычных беспечных политейстов» [Бойс, с.40-41].

После долгих скитаний Заратуштра нашел прибежище вдали от родных мест, у одного из кави (царей-жрецов) — «арийских стран», Виштаспы. Жена царя, Хутаоса, восприняла новую веру, а когда правители соседних стран, недовольные успехами Заратуштры при дворе Виштаспы, заключили враждебный ему союз, царица побудила мужа к войне против соседей. Виштаспа оказался победителем, а учение Заратуштры утвердилось в стране. Но старое жреческое сословие не простило Заратуштру — по легенде он был заколот жрецом во время молитвы.

Священное писание зороастризма получило название Авеста («Наставление» или «Восхваление»). В этом своде эсхатологических и литургических текстов самому Заратуштре приписываются только Гаты, «Песнопения». В течение многих веков жрецы-последователи Заратуштры за-

учивали и изустно передавали из поколения в поколение священные тексты. Учение, созданное в стойбищах арийских пастушеских племен и перенявшее их поверия и мифы, не знало поначалу ни храмов, ни культовых сооружений. Арии молились и приносили жертвы на вершинах холмов и гор, у домашнего очага, на берегах рек и озер. Лишь через полтора тысячелетия, в Иране, при династии Сасанидов, зороастризм, ставший государственной религией, был зафиксирован специально изобретенным письмом. Письменная Авеста составила 21 наск (книг) из весьма разнородных и разновременных частей, лишь некоторые из которых восходят ко времени Заратуштры или еще более древним временам. К наиболее древним «дозаратуштровским» разделам Авесты принадлежат Яшты («Гимны»), сохранившие, несмотря на все позднейшие переделки и сокращения, бесценные крупицы прошлого знания и знания о прошлом, повествования и мифы минувших веков, безмерно далеких от дней Заратуштры.

Впрочем, время жизни Заратуштры нельзя считать установленным. Мэри Бойс указывает на промежуток между 1500–1200 гг. до н.э. [Бойс, с.27]. Более принято относить время Заратуштры к самому началу I тыс. до н.э. или даже к VIII–VI вв. до н.э. Мы принимаем более трубую оценку конец II-го или начало I тыс. до н.э.

Еще более спорны гипотезы о родине Заратуштры и месте первоначального распространения его учения. В дискуссии между сторонниками локализации родины зороастризма в Западном или Восточном Иране (включая Среднюю Азию), ныне преобладает последняя точка зрения. В какой-то мере она отражена сводным трудом Р. Фрая «Наследие Ирана»: «Лингвистические данные говорят в пользу отнесения пророка к Восточному Ирану. Исторически оправдано, что Авеста, с ее мифологией и чертами героического эпоса, примешивающимся к общим восточноиранским сказаниям, оказалась составленной на языке, который был близок к языку первоначальной территории обитания арийцев. Эта прародина могла располагаться в Средней Азии или даже южнее, в районе Герата. Индийцы, когда они продвинулись с этой прародины в различные районы (Индийского) субконтинента, сохранили, несмотря на происшедшие в их диалектах изменения, ведические гимны на древнем языке преданий; также и иранцы, распространившиеся по (Иранскому) нагорью, сохранили гимны Митре и другим арийским богам» [Фрай, с.54].

Хронологически многослойность Авесты обусловила, по мере распространения зороастризма с востока на запад, или с северо-востока на юго-запад, отнесение к наиболее почитаемым и изначальным местам религии самых разных местностей в Средней Азии и Иране. Так, в Яште 19, прославляющем Хварно (Хварэна, «Божественная благодать»), говорится, что это царственное отличие нисходит лишь на тех, «кто правит у озера Кансаоиа, принимающего (реку) Хаэтумант». Река и озеро отождествляются с Гильмендом и Хамуном в современной провинции Систан в Иране. Однако зороастризм утвердился там лишь около VI в. до н.э. [Бойс, с.52]. Напротив, в «Михр-Яште», прославляющем Митру, названы в числе «арийских земель» лишь восточноиранские и среднеазиатские страны — Мерв, Согдиана, Ишката (Северный Афганистан), Харайва (Ариана, район Герата), Хорезм и «высокие горы Хара», откуда стекают глубокие реки, достающие Согда и Хорезма, т.е. Аму-Дарья и Сыр-Дарья, долины которых также входят в «край арийцев» [Авеста, с.57; Фрай, с.72-75]. В другой книге Авесты, «Видэвдате» («Законе против дэвов»), первой страной — прародиной ариев, названа Арианам Вайджа, "Простор ариев", и еще шестнадцать стран, сотворенных Ахура Маздой, в том числе Согд, Моуру (Мерв), Бахди (Бактрия), но не упомянут Хорезм [Бойс, с.52].

Наконец, самый древний и самый трудный для интерпретации слой авестийской географии содержится в гимнах Ахура Мазде («Ормазд-Яшт») и богине Ардви Суре («Ардвисур-Яшт»), которые, вместе с другими Яштами, блестяще переведены на русский язык И.М. Стеблиным-Каменским. В 21-м стихе «Ормазд-Яшта» описывается «благой мир» Арианам Вайджа:

Хвала Арианам Вайджа
И благу, Маздой данному!
И водам Датъи слава
И чистым водам Ардви!
[Авеста, с.17]

Здесь Арианам Вайджа — обширная страна, орошаемая двумя могучими и глубокими реками, не раз упоминаемыми в Яштах — Датъи и Ардви. В стране есть и горы — Ушида, Ушидарна. Развивает тему географии Арианам Вайджа другой древнейший Яшт, гимн Ардви Суре. Воды Ардви «мощно текут от высоты Хукарья до моря Ворукаша»:

Из края в край волнуется
Все море Ворукаша,
И волны в середине
Вздываются, когда
Свои вливает воды,
В него впадая, Ардви
Всей тысячью протоков
И тысячью озер

.....
Молись ей,
О Спитама!

[Авеста, с.24]

Молюсь горе Хукарья,
Преславной, золотой,
С которой к нам стекает
Благая Ардви Сура

.....
Молюсь ей ради счастья!

[Авеста, с.45]

Ворукаша в этом гимне отнюдь не мифическое озеро, а огромное море в сердце Арианам Вайджа. Именно там, в середине моря и скрыто Хварно, божественная благодать, которой «завладели грядущие и бывшие цари арийских стран» [Авеста, с.31]. Вспомним — много позднее местом, где скрыта Хварно арийских стран, названо озеро Кансаоиа (оз. Хамун в Восточном Иране). Центры зороастризма сместились тогда на Иранское плато.

Другая великая река Арианам Вайджа, «благая Датья», как и Ардви, берущая начало в горах, не обозначена никакими дополнительными координатами; ничего не говорится о ее впадении в море.

Берега моря Ворукаша принадлежат не только ариям. Здесь молятся и приносят жертвы богине Ардви Суре и враги ариев — туры. Арийский герой Карсаспа, победитель драконов и дэвов, молит Ардви Суру дать ему победу над «приверженцем обмана» Гандарвой, чей дом «у берега Ворукаши» [стих 39].

Другой вождь туров, Йойшта, приносит жертву Ардви Суре «на острове в стремнине реки широкой Ранха». Самый страшный враг ариев, «трехглавый змей Дахака», почитающий, тем не менее, Ардви Суру, приносит ей жертву «в стране, чье имя Баври» («Бобровая»). А сама богиня

Ардви Сура, одетая в бобровую накидку «из шкур трехсот бобров» [стих 129], тоже как-то связана со страной Баври. Еще одна пограничная область между ариями и турами обозначена в стихах 54-59. «Могучий воин Туса» просит победы над «быстрыми сыновьями Вайсаки», для сокрушения «героев Турана», у «врат (прохода) Хшатросука (Свет Царства)», «наивысших в Кангхе, высокой и священной». А сыновья Вайсаки, прародителя туранских героев, приносят жертву Ардви Суре «у врат Хшатросука, наивысших в Кангхе, высокой и священной» [Кляшторный, 1964, с.169].

И, наконец, другие злейшие враги ариев, племена хьона, также подступают к Арианам Вайджа. В гимне Аши (Ард-Яшт) «многомудрый Виштаспа» просит о победе над «хьонским злодеем» «лживым Арэджатаспой», и еще другими героями «из хьонийских стран», одетыми в «остроконечные шлемы». Моление о победе происходит у реки Датья [Авеста, с.121]. А между тем, река Датья — то самое место в Арианам Вайджа, где и Ахура Мазда почитал Ардви «и хаомю молочной, и прутьями барсмана» [Авеста, с.26]; сам же Заратуштра «на Арианам Вайджа, у Датии благой» почитал богиню Аши.

Брат «хьонского злодея» Арэджатаспы, хьонский вождь Вандарманиш, помышляя отомстить «могучему Виштаспе» и «поразить сотню арийских воинов», молит Ардви Суру о победе у моря Ворукаша [Авеста, с.44].

Еще одно место в стране ариев заслуживает внимания — озеро Чайчаста. Там приносил жертвы Ардви Суре Хоасрава (Хосров), «герой, слотивший страны ариев» [Авеста, с.32]. А в гимне Аши [Ард-Яшт, стихи 37-43] эпизод с Хоасравом развернут подробно — «целительный, прекрасный, золотоглазый Хаома» просит Аши помочь ему пленить туранца Франхрасьяна (Афрасиаба) и привести того связанным в ставку к Хоасраву, на озеро Чайчаста. О том же молится и сам Хоасрава «у озера Чайчаста» [Авеста, с.119-120].

Подведем некоторые итоги «географическому обзору» Арианам Вайджа, стремясь увидеть «страну ариев» такой, какой она предстает в древнейших дозаратуштровских Яштах, лишь обработанных пророком или его последователями. Равнина «Простора ариев» омывается двумя «благими» и божественными реками, Ардви и Датья, имеющими чрезвычайное значение для жизни арийских племен — им приносят жертвы боги и герои ариев, но также герои их врагов — туров и хьона. Обе реки стекают с одних и тех же гор,

но лишь одна из них впадает в море Ворукаша, на берегах которого (или близ которого) живут и арии, и туры, и хьоны. С Ардви связана и «страна Баври» («Бобровая»), и туранский герой, приносящий ей жертву на острове «в стремнине реки Ранха».

Хьоны угрожают ариям и близ арийской реки Датъи, а туры — близ «Кангхи, высокой и священной», и близ ставки «героя арийских стран» Хаосравы на озере Чайчаства. Горы Хукаръя (также Харата, «высокая Хара») хорошо известны ариям, там истоки Ардви и Датъи, там обитель богов, прежде всего Митры. Но эти горы лежат за пределами центральных районов Арианам Вайджа, тех мест, где разыгрываются сцены сражений арийских героев.

В дальнейших суждениях можно опереться на два достаточно обоснованных отождествления — Ранха, несомненно, древнейшее название Волги [Абаев, 1965, с. 122], а река Ардви, река богини Ардви Суры Анахиты, — Аму-Дарья, впадавшая во III-II тыс. до н.э. в Каспий через русло Узбоя. Море Ворукаша, куда впадает река Ардви — Каспийское море, с которым связаны река Ранха (Волга) и «Бобровая страна» (бассейн р. Кама) [Членова, 1984]. Тогда вторая река Арианам Вайджа, Датъя, надежно отождествляется с Сыр-Дарьей, а о локализации Кангхи по среднему и нижнему течению Сыр-Дарьи мы писали достаточно подробно [Кляшторный, 1964]. Не без доли гипотетичности, озеро Чайчаства отождествляется с Аральским морем. А Хукаръя («высокая Хара») — горная страна Памиро-Алая и Тянь-Шаня.

Бурная история межплеменных войн ариев, туров и хьона, почитающих одних и тех же древних богов и молящих их о победе на одном языке, разворачивается на границе Арианам Вайджа, на берегах Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, на Каспии и Арале, на Волге и в Прикамье. События, чей отзвук сохранили Яшты, происходили, возможно, задолго до времен Заратуштры, во второй половине II — начале I тыс. до н.э.

Сражения и молитвы богов и героев Яшт — это и есть мифы и эпос андроновской эпохи, мифы и эпос ариев и племен, которые названы вместе с ариями — туров, хьона, дана, сайрима, саина, даха.

Воины Яштов — это колесничие (*ратаэштар* — «стоящие на колесницах»), обладатели быстрых коней и тучных стад, «просторных пастбищ» и «добрых повозок». Их бог-покровитель — Митра, солнечный бог, небесный колесничий. Ему они возносят молитву:

Мы почитаем Митру
Он правит колесницей
С высокими колесами
.....
Вывозит мощный Митра
Свою легковезомую,
Златую колесницу,
Красивую, прекрасную,
И колесницу эту
Везут четыре белых,
Взращенных духом, вечных
И быстрых скакуна,
И спереди копыта
Их золотом одеты,
А сзади серебром.
И впряжены все четверо
В одно ярмо с завязками
При палочках, а дышло
Прикреплено крюком.

.....
Так дай же нам,
О Митра!
Чьи пастбища просторны
Упряжкам нашим силу
И нам самим здоровье,
Дай нам способность видеть
Врагов издалека,
И чтоб мы побеждали
Врагов одним ударом,
Всех недругов враждебных
И каждого врага!

[Авеста, сс.70,83,85]

Основное оружие колесничего — лук с тетивой из оленьих жил, стрелы с орлиным оперением, дротики с длинным древком, метательные ножи, металлическая булава «из желтого металла».

В другом описании Митры в облике царственного воина, он выступает:

С копьем из серебра,
И в золотых доспехах
Кнутом он погоняет,
Широкоплечий ратник,

Когда в страну приходит,
Где почитают Митру,
Широкие долины
Дает он для пастьбы,
Где бродят скот и люди.
Привольно на земле.

[Авеста, с.82]

Боевая колесница, изготовленная плотником (строители колесниц упомянуты в Авесте), была шедевром мастерства, совмещающая прочность конструкции и маневренность на большой скорости. Ее основой являлась обтянутая кожей деревянная рама, укрепленная на длинной оси. Колеса с девятью-десятью спицами были значительно легче сплошных колес повозок. К дышлу припрягали двух — четырех лошадей. Для достижения большей устойчивости при поворотах ось зачастую выносили в заднюю часть кузова.

Изображенные на скалах урочища Арпаузен в горах Каратау атакующие колесницы имеют ось в середине кузова [Медоев, табл.29]. На колесницах такого типа рядом с воином мог расположиться и возница, который иногда упоминается в Яште, посвященном Митре. Когда воин-колесничий сражался один, он привязывал вожжи к поясу, используя на дальней дистанции лук, а на ближней — дротики (колчан с дротиками крепился на раме). Прорывая вражеский строй колесничий использовал длинное копье, но главным поражающим оружием становилась секира. Вот описание атаки Митры:

Мы почитаем Митру,
Чьи яростные кони
С широкими копытами
К войскам мчат кровожадным
Сражающихся стран.

.....
Он битву начинает,
Выстаивает в битве,
Выстаивая в битве,
Ломает войска строй ...
В руке топор стоострый
Он держит стоударный,
Мужей валящий вниз,
Из желтого металла
Отлитый, золоченный,

Сильнейшее оружие
И самое победное!
[Авеста, с.66]

Народ, над которым властвуют воины-колесничие, цари или боги — народ скотоводов, чье имущество — быки, кони и верблюды, чья земля — пастбище, чья пища — молоко и мясо. Жертвы, которые они приносят богам —

Сто жеребцов, и тысячу
Коров, и мириад овец
[Авеста, с.44]

Против таких жертв решительно возражает Заратуштра, и в Яштах появляется описание иных, праведных, жертвоприношений:

Пусть благо будет мужу,
Который тебя чтит,
Возьмет дрова с барсманом
И молоко со ступкой,
Умытыми руками
Помоет пестик, ступку
И, стирая барсман
И хаому подняв,
Споет «Ахуна Варья»
[Авеста, с.76]

Но было божество, которому сам Ахура Мазда повелел приносить кровавые жертвы, божество бесконечно древнее и не избавившееся от своих звериных воплощений. Этот бог — Вэратрагна, бог Сражений и Победы, олицетворение ярости боя и торжества триумфа, бог, носящий дозаратуштровский эпитет «созданный ахурами»:

Еще спросил Ахуру
Спитама Заратуштра:
Скажи, Ахура Мазда,
Как следует молиться,
И жертву нам какую
По Истине, по лучшей,
Вэратрагне приносить?
Сказал Ахура Мазда:
Свершат пусть возлияния
Ему арийцев страны,

И пусть скотину варят
Ему арийцев страны,
Хоть светлую, хоть темную
Но цвета одного!

[Авеста, с. 103]

Вэрэтрагна — кумир «стоящих на колесницах», божество «десяти воплощений», верный спутник воинственного Митры, сражающийся рядом с ним в образе вепря, — своим пятом воплощении:

Мы почитаем Митру...
Летит пред ним Вэрэтрагна,
Создание Ахуры,
Рассвирипевшим вепрем,
Злым, острыми зубами
И острыми клыками,
Разящим наповал.

[Авеста, с.71]

Если для воинов Вэрэтрагна — свирепый вепрь, то для царей он проявляется в первом своем воплощении, ветре, несущем Хварно; для всех остальных ариев Вэрэтрагна предстает то быком, то конем, то верблюдом.

Пантеон и эпос ариев увековечен не только словесно, но и изобразительно. В древних торных капищах, где приносили жертвы и звучали гимны, обнаружены грандиозные «художественные галереи». Одно из таких святилищ находится в урочище Тамгалы в 170 км к северо-западу от Алма-Аты, в горах Анракай. Там древнейшие из множества изображений относятся к эпохе бронзы, т.е. ко времени андроновцев, — эпические герои несутся на колесницах, натягивая луки, кочуют в повозках, запряженных верблюдами, кружатся в ритуальном танце. Главные фигуры святилища — возвышающиеся над смертными «солнцеголовые существа» (так назвали их археологи, работавшие в Тамгалы). Огромные головы-диски окружены ямками-углублениями, символизирующими нимб, божественную благодать. В одних случаях головы имеют «расходящиеся по радиусу лучи», а в других — нет [Максимова и др., с.9]. Основной сюжета является композиция из двух «солнцеголовых существ», окруженных домашним скотом и двенадцатью танцующими перед ликом богов человечками. Разгадка сцены отчасти содержится в «Хурхед-Яште» (Гимне Солнцу):

Помолимся Митре,
Чьи нивы просторны...
Помолимся связи,
Из всех наилучшей,
Меж Солнцем и Луною!
[Авеста, с.51]

Божества Солнца и Луны благославляют скот и людей. А на другой каменной плоскости представлено огромное солнцеголовое божество — Митра, возвышающийся на спине быка. Бык — второе воплощение Вэрэтрагны, спутника верховного божества:

Явился Заратуштре
Второй раз так Вэртрагна,
Создание Ахуры:
Быком золоторогим,
Прекрасным и могучим,
Таким, что над рогами
Вздымались Мошь и Сила!
[Авеста, с.95]

Так мифы и эпос ариев побуждали к зримому почитанию их богов. Запечатленные в гравюрах на вечных скалах, арийские боги сами становились частицей вечности, незыблемого космического порядка.

Структура авестийского скотоводческого социума, т.е. воплощение космического порядка среди людей, предельно проста: глава дома, глава рода, глава народа (племени) и глава страны (царь). Общественное устройство и его отличительные черты целиком совпадают с теми наблюдениями, которые сделаны археологами, исследующими андроновскую культуру. По гипотезе французского ученого Ж. Дюмезиля общество индоариев составляют три иерархически соподчиненных группы: военная аристократия, жрецы и рядовые члены общины — пастухи и земледельцы [Dumezil, 1958].

Арийские (иранские) и индоарийские (индийские) племена относились к той индоевропейской языковой и культурной общности, которая в начале II тыс. до н.э. обособилась в степной части Восточной Европы и Казахстана, где стала известна современной науке как носители срубной и андроновской культур. Вторая четверть II тыс. до н.э. была временем наибольшей экспансии этих племен, а их общим самоназванием был этноним «арья». Они говорили на род-

ственных диалектах, к которым восходит язык Вед (цикл индоарийских священных текстов, сложившихся в Северной Индии около XII-X вв. до н.э.) и язык Авесты. Хотя основное направление их миграций было восточным и юго-восточным, много племен ушли за Гиндукуш, в Северную Индию, а немалая их часть проникла в Западный Иран и Месопотамию. Там следы языка индоариев зафиксированы на клинописных глиняных табличках в Хеттском и Митаннийском (Северная Месопотамия) царствах. Так, в договоре, который заключили между собой царь Митанни и царь хеттов около 1370 г. до н.э., упомянуты арийские боги Митра, Варуна и божества-близнецы Насатья. В других хеттских документах обнаружены, кроме арийских имен, арийские коневодческие термины; их особенно много в трактате, составленном Киккули, «объездчиком лошадей из страны Митанни». Как полагают, вслед за первой арийской волной, ассимилированной в странах Передней Азии, сюда началось более значительное переселение ариев, точные даты которого установить трудно; возможно, что уже в начале I тыс. до н.э. произошла «иранизация» страны, получившей имя переселенцев (Иран, Эраншахр) [Фрай, с.19-20,35-45].

Арии Казахстана и Средней Азии закончили свое существование под этим именем в начале I тыс. до н.э., когда завершилось формирование нового типа скотоводческого хозяйства — кочевнического, а на юге, в области оседлого земледелия и городского ремесленного производства, окончательно сложился тот способ обработки земли, который связан с созданием крупных ирригационных систем.

Преемниками ариев в Великой Степи стали их потомки — саки и савроматы.

3. Саки

Эпоху господства в казахстанских и уральских степях саков и савроматов принято обозначать либо археологическими терминами, либо термином, в который вкладывают скорее этнографическое, нежели историческое содержание — «раннежелезный век», «эпоха ранних кочевников», «скифская эпоха». В последнем случае на весь кочевой мир евразийских степей перенесено самоназвание одного из племен иранских кочевников Причерноморья (*скуда* или *шкуда*, более поздняя

форма с показателем множественного числа — *сколоты*). «Все вместе они называются сколоты ... Скифами же их назвали греки», — писал Геродот [Геродот, IV,6; См. также Дьяконов, 1956, с.242-245]. Свойственный скифам тип вооружения и конского убора, характерная скифская одежда, «звериный стиль» в искусстве засвидетельствованы археологическими раскопками на пространстве от Хуанхэ до Дуная, что и стало основанием для общего названия той культурной общности, которая сложилась в степях не позднее IX-VIII вв. до н.э. и просуществовала по крайней мере до III в. до н.э.

Как же называли себя «скифские» племена, кочевавшие к востоку от Волги? Первый по времени ответ на этот вопрос содержится в знаменитой скальной надписи Дария I (522-486 гг. до н.э.), относящейся к начальным годам его царствования, Бехистунской надписи; там племена, жившие за Сыр-Дарьей названы *сака*. Мы еще вернемся к рассказу Дария. Пока же отметим, что Геродот, чья «История» была завершена между 430-424 гг. до н.э., утверждает: «персы всех скифов называют саками» [Геродот, VII,64]. Действительно, не только среднеазиатских, но и причерноморских кочевников, тех самых, кого греки именуют скифами, царь Дарий в надписи из Накши Рустама называет *сака парадрайа*, т.е. «заморскими саками». Создатели могучей империи Ахеменидов (550-330 гг. до н.э.), сами себя именующие «персами» и «ариями из арийского племени», хорошо знали своих соседей и сородичей. Название народа, употреблявшееся Ахеменидами столь расширительно, они не выдумали. В письменных свидетельствах из Передней Азии имя *сака* появляется задолго до ахеменидских надписей.

В конце VIII — начале VII вв. до н.э. ассирийские цари были очень обеспокоены опустошительными набегами на их владения неких конных воинов, которых они именовали *гиммири*. Без малого через триста лет Геродот рассказал об уходе в Азию под натиском преследовавших их скифов народа *киммерийцев*, живших в Причерноморье в незапамятные времена. И киммерийцы, и ушедшие за ними на юг скифы создали в Малой Азии и Северном Иране свои небольшие царства, ставшие грозой для соседей. Ныне установлено, что название «киммерийцы» (ассиро-вавилонские «гиммири») вовсе не племенное имя, а древнеиранское обозначение подвижного конского отряда, совершающего набег [Дьяконов, 1981, с.90-100]. Для соседей киммерийцев оно стало названием воинственных пле-

мен конных лучников, по своей культуре и образу жизни, как установили археологи, неотличимых от скифов-сколов. Их действительное самоназвание стало известно только после находки надписи в храме богини Иштар, найденной при раскопках столицы Ассирии, Ниневии.

На обнаруженной там мраморной плите была высечена надпись ассирийского царя Ашшурбанапала (669-631 гг. до н.э.). В ней упомянуты гиммири, а их вождь Тугдамме, погибший впоследствии в Киликии, назван *царем саков* (возможен и перевод «царь страны саков»). После расшифровки надписи Ашшурбанапала стало ясно, что персы не выдумали имя своих кочевых соседей, а использовали их самоназвание, причем не племенное, а общее для всех кочевых племен, соседствующих с персами в Средней Азии и на Ближнем Востоке и говоривших на родственных древнеперсидскому иранских языках. К этому кругу племен принадлежали и гиммири-киммерийцы, и причерноморские скифы, которые, по словам Геродота, «пришли из Азии», и все кочевники Приаралья и Семиречья, которых, с большим или меньшим успехом, Ахемениды старались сделать поданными империи [Грантовский, 1975, с.84-85; Раевский, 1977, с.143-144].

То, что сакские племена осознавали свою генеалогическую и культурную общность, выраженную единством самоназвания и, возможно, подтвержденную языковой близостью, не только не исключает, а, напротив, предполагает существование местных этнотерриториальных группировок, больших и малых племенных союзов. Названия некоторых из них были зафиксированы в немногих сохранившихся донныне письменных текстах их соседей.

Известны две группы древних текстов, содержащих сведения о саках: клинописные наскальные надписи ахеменидских царей и сочинения греко-римских авторов, начиная с Геродота. В сочинениях античных авторов нашла некоторое отражение ахеменидская политическая и историографическая традиция, но все же преобладала иная информация, полученная разными путями и через разных посредников. К примеру, информаторами Геродота были не только персы, но и причерноморские греки, хорошо знакомые с местными скифами, сами путешествовавшие по скифским землям и собиравшие сведения о дорогах на восток.

Весь этот информационный массив имеет как бы три «этажа», Самый нижний, т.е. самый ранний «этаж», по-

строен на сведениях древнеперсидских надписей и «скифском рассказе» Геродота. Второй «этаж» — сведения, полученные и сохраненные эллинами во время и непосредственно после походов Александра Македонского и его политических наследников (*диadoхов и эпигонов*) в Среднюю Азию. Наконец, третий «этаж» — сведения греческих и латинских писателей, не только воспроизводивших прежние рассказы, но и передававших сообщения, полученные от своих современников, так или иначе соприкасавшихся с миром центральноазиатских народов и стран. Этому хронологическому уровню синхронны сведения о центральноазиатских «варварах», запечатленные на бумаге в совсем другом конце ойкумены, т.е. тогдашнего «обитаемого мира» — в государстве Хань (древнем Китае).

Главными для стран глубинной Азии политическими событиями, по крайней мере с точки зрения иноземных историографов, были в VI-IV вв. до н.э. отношения с Ахеменидской державой, а в IV-III вв. — поход Александра Македонского на восток и возникновение в центре Азиатского материка эллинистических или эллинизированных государств. Главными событиями, обусловившими содержание третьего информационного «этажа», стали крушение среднеазиатского эллинизма под натиском кочевой периферии и возникновение *Великого Шелкового пути*, впервые соединившего через Среднюю Азию суперцивилизации Дальнего Востока и Средиземноморья.

Началом сакской эпопеи для исторической науки древности были киммерийские и скифские вторжения в VIII-VII вв. в Переднюю Азию и Причерноморье. Ее продолжением стали военные операции ахеменидских царей, Кира и Дария, против саков за *Оксом* и *Яксартом* (соответственно, Аму-Дарья и Сыр-Дарья) против «заморских», т.е. причерноморских саков — скифов-сколотов Геродота. На фоне этих событий появилась первая, не всегда ясная и не вполне достоверная информация о родине сакских племен, об их жизни на своей земле, об их обычаях и нравах, об их племенах, об их северных и восточных соседях.

В 558 г. до н.э. главой персидских племен на юго-западе Иранского плато стал Кир, внук Кира, царя страны Парсуаш из рода Ахеменидов. Соседями его небольшого царства были четыре самые могущественные державы того времени — Мидия (на Иранском плато), Лидия (в Малой Азии), Вавилония (в междуречье Тигра и Ефрата) и Египет. В 553 г. Кир восстал против своего сюзерена, мидийского царя Астиага, а через три года он уже посе-

лился во дворце прежнего владыки Ирана. В 547 г. было сокрушено Лидийское царство Креза, а в 539 г. настала очередь Вавилонии. Никто не мог устоять перед персидским войском.

Но еще до захвата Вавилонии, между 545-539 гг. Кир повернул главные силы своей армии на восток. Сведений о первом походе Кира очень немного и они не отличаются точностью. Однако, благодаря Бехистунской надписи, известно, что Дарий унаследовал от Кира земли до северо-западных границ Индии, в том числе и страну саков. А античные историографы сообщают, что на границе с саками, близ Яксарта (т.е. Сыр-Дарья), был сооружен город-крепость Куриштиш (вероятно Курушката — «город Кира»). Впоследствии он был назван спутниками Александра Македонского Кирополем. Мощные стены Кирополя с трудом проломили осадные машины македонцев, и взятая ими крепость была переименована в Александрию Эсхату — «Александрию Крайнюю».

Второй, роковой для него поход на восток Кир предпринял в 530 г. уже глубоким стариком (ему было тогда около 70 лет). Очевидно, ситуация на восточной границе требовала решительных действий. Противников Кира через сто лет Геродот назовет *массагетами*, «племенем большим и сильным», Жили массагеты, по Геродоту, на равнинах к востоку от Каспия и за рекой Аракс, сорок рукавов которого впадают в топи и болота, а сдин — в Каспийской море. Здесь Араксом названа Аму-Дарья, а ее главным рукавом — полноводный тогда Узбой. Для того, чтобы достигнуть массагетов Кир наводит мосты и «сооружает башни на судах для переправы через реку» [Геродот, I, 205].

Вокруг последнего похода Кира в античной литературе сложилось несколько «остросюжетных», но совершенно легендарных повествований, связанных с именем массагетской «царицы Томирис», которая будто бы, после гибели Кира в проигранном им сражении, приказала бросить его голову в бурдюк, наполненный человеческой кровью. Впрочем, сам Геродот называет эту версию одним из «многочисленных рассказов о смерти Кира», Достоверно известно лишь, что Кир погиб в сражении на берегах Узбоя (т.е. Аму-Дарья) в начале августа 530 г., и что тело его вовсе не стало добычей врагов. Напротив того, оно было доставлено в Пасаргады и погребено, после чего там была сооружена великолепная гробница, сохранившаяся до сих пор. Осталось неясным, была ли разбита персидская армия, по-

терявшая царя, и покинула ли она вновь завоеванные земли на берегах Аму-Дарьи.

Противников Кира античная традиция именует по-разному — Геродот называет их массагетами; Ктесий Книдский — врач, вернувшийся в Элладу в 398 г. до н.э. после семнадцатилетнего пребывания при персидском дворе, — дербиками; Берос — вавилонский жрец, историк и астроном, писавший по-гречески в III в. до н.э. и знавший как эллинистическую, так и персидскую традицию, именует племя, сражавшееся с Киrom, даями (дахами).

В 522 г. до н.э. в охваченном смутой Иране к власти пришел дальний родственник Кира, Дарий. Завоеванные прежде страны, и среди них страна саков, спешили восстановить свою независимость. Дарий начал вновь собирать империю, жестоко карая мятежников. Особенно суровой была расправа с Маргианой (Мерв, совр. г. Мары в Туркменистане), разгромленной сатрапом Бактрии, персом Дадаршишем, оставшимся верным Дарию. Вместе с маргианцами, как полагает немецкий исследователь Ю. Юнге, были разгромлены и приведены к покорности и саки [Justi, с.182].

Через одиннадцать лет после гибели Кира и на третьем году правления Дария (в 519 г.) события на востоке обеспокоили царя: «Говорит Дарий царь: затем я с войском отправился против Страны саков. Затем саки, которые носят остроконечную шапку, выступили, чтобы дать битву. Когда я прибыл к реке, на ту сторону её со всем войском перешел. Затем я на голову разбил часть саков, а другую [часть — С.К.] захватил в плен ... Вождя их по имени Скунха взяли в плен и привели ко мне. Тогда я другого назначил их вождем, как было на то мое желание. Затем страна стала моей.» [цит. по Дандамаев, 1985, с.100-101]. Таков текст победной надписи Дария на Бехистунской скале о походе против «саков в остроконечных колпаках», *саков-тиграхауда*. Здесь впервые назван один из сакских племенных союзов, но назван он тем именем, которое ему дали персы, выделившие в одежде саков этого племени характерную особенность.

Битва царя с саками-тиграхауда выгравирована на одной из печатей Дария — поверженный враг лежит у ног владыки, а другого, в высоком колпаке, царь хватает левой рукой, готовясь нанести удар коротким мечом.

Саки-тиграхауда не были до этой битвы подчинены персам, так как Дарий не называет их мятежниками, а их вождя, Скунху, не обвиняет во «лжи», т.е. в мятеже против власти. Сам Скунха изображен на Бехистунском рельефе

не с обнаженной головой, как прочие мятежники, а в остроконечном колпаке высотой в половину его роста. Ничего не говорится и о казни Скунхи; упомянута лишь её замена другим вождем саков, угодным Дарию. Следовательно, поход Дария против саков-тиграхауда был не карательной акцией, а подчинением ранее непокоренного народа [Дандамаев, 1985, с.101].

Местоположение страны саков-тиграхауда определяется названием той большой реки (употреблено слово *драйа* — море, большая река), через которую переправился Дарий перед битвой. В надписи река не названа, однако же имеются косвенные свидетельства, указывающие, что большой рекой, разделявшей тогда персов и саков, была Сыр-Дарья. В нескольких надписях, выгравированных на золотых и серебрянных пластинах (такие пластины закладывались в фундамент строящихся царских дворцов), Дарий, определяя пределы своей державы, на крайнем её северо-востоке называет страну «саков, которые за Согдом», а на крайнем юго-западе — Куш (Эфиопию). Как отмечает Б.А. Литвинский «в этих надписях Дарий несомненно хотел продемонстрировать колоссальные размеры своих владений, показав, насколько удалены друг от друга их крайние пределы. При этом, как совершенно правильно указал В.В. Струве, географические определения даются с точки зрения западного иранца, для которого Согд лежал на северо-востоке, а Эфиопия — на юго-западе. Следовательно ... надписи должны указывать на саков, живших на северо-восток от Согда.» [Литвинский, 1972, с.169]. Центром Согда был Самарканд (греч. Мараканда), но на востоке Согд граничил с Ферганой и Чачем (область Ташкента). Страна саков, находившаяся к северо-востоку от Согда и подчиненная персам, была отделена от согдийских земель Сыр-Дарьей.

Но единственный поход Дария против заречных саков, упомянутый в Бехистунской надписи, был поход против саков-тиграхауда, западная граница которых — правобережье Сыр-Дарьи в её среднем течении, к северо-востоку от Согда.

Дарий и его наследник Ксеркс (486-464 гг.) называют в своих надписях еще один племенной союз среднеазиатских саков, подвластных персам. Они названы *сакси-хаумавазда*, т.е. «почитающие Хаому», Хаомой назывался возбуждающий напиток, получаемый из сока эфедры (хвойника) и употреблявшийся в культовых целях. Но «Хаома золотоглазый» был одним из арийских божеств, первым совершившим обрядовое истолчение хаомы и приготовление риту-

ального напитка. Ему посвящены торжественные строки в Михр-Яште:

Мы почитаем Митру,
Которому молился
Лучистый, властный Хаома
Целебный, златоглазый,
На высочайшем пике
Высоких гор Харати...
Он первый жрец, что хаому
Расписанную звездами
И созданную духом
Вознес к высокой Харати
[Авеста, с.75-76]

Обиталище Хаомы — высокая Харати, т.е. Памиро-Алайская горная страна и прилегающие к ней горные системы, где обильно произрастает эфедра. Именно в предгорьях Памиро-Алая, в долинах у подножий «высокой Харати», прежде всего в Фергане и Восточном Туркестане, были основные земли саков-хаумаварга. Далеким потомком языка этих саков был так называемый «хотано-сакский язык», сохранившийся в рукописях VIII-X вв. в оазисах Восточного Туркестана. В тех случаях, когда в ахеменидских надписях упомянуты просто «сака», без сужающего значения термина имени или определения, там имелись в виду саки-хаумаварга [Данвамаев, 1963, с.178-180].

Персепольская надпись Ксеркса, вместе с саками-тиграхауда и саками-хаумаварга, называет среди подвластных Ахеменидам народов еще и дахов, которым вавилонянин Берос приписывал победу над великим Киrom. Никаких других «скифских» народов к востоку от Ирана древнеперсидские источники не знают, но их во множестве называют греко-римские авторы.

Геродот упоминает *саков-ортоксирибантцев*, т.е. «острошапочных», и *саков-аморгиев* (так же, у нескольких авторов, «саки царя Аморга/Омарга», которых достаточно уверенно отождествляют с саками-тиграхауда и саками-хаумаварга персов. Неоднократно упомянуты и дахи (даи). Все остальные этнонимы сакских племен, названные в античных источниках, отсутствуют в ахеменидских надписях.

Наиболее загадочным казалось отсутствие упоминаний о массагетах, главных врагах персов со времен Кира. Ведь узбойско-хорезмийский регион, где Кир сражался с массагетами, вошел в состав Персидской державы; для персид-

ского сатрапа, управлявшего Хорезмом и Приаральем, был построен великолепный дворец (ныне развалины Калалыгыр, раскопанные Хорезмской экспедицией С.П. Толстова в 50-х годах) [Ставиский, 1971, с.157]. Было выдвинуто логичное предположение, что массагеты эллинических авторов в персидских надписях упомянуты под другим именем. Такого рода гипотезу первым выдвинул А. Херман, ныне поддержанный Б.А. Литвинским: «массагеты античных источников идентичны сакам-тиграхауда ... Мы принимаем их идентификацию с массагетами и помещаем в западную часть Средней Азии» [Литвинский, 1972, с.172-173]. Такая локализация саков-тиграхауда очень расходится, однако, с показаниями надписей Дария и делает маловероятным их отождествление с массагетами.

Если массагеты действительно фигурируют в ахеменидских надписях, то более всего на отождествление с ними мог бы претендовать могучий племенной союз дахов (даев). Упомянутые еще Авестой среди племен, которые, по выражению Дария, «не чтит Ахура Мазду», дахи помещены в Персепольской надписи Ксеркса в перечне самых крупных стран и народов, подвластных этому грозному завоевателю. Коренные земли дахов в IV в. до н.э. находились «за Танаисом», т.е. Сыр-Дарьей, и «по Танаису» [Арриан, III, 28], а также в Приаралье [Страбон, XI, 9]. Среди союзников Дария III Кадомана (336-331 гг.) в его проигранной войне с Александром названы и дахи. В битве при Гавгамелах, открывшей Александру путь на восток, дахи, вместе с бактрийской конницей, противостояли лучшей части македонской армии — коннице «друзей», личного окружения Александра. Характерная черта вооружения сражающихся дахов, необычная в то время, отмечена Аррианом: «сами скифы (дахи) и лошади их были тщательно защищены броней» [Арриан, III, 13]. Эти «даи с Танаиса» сражались с македонцами и после гибели Дария, но затем они стали союзниками Александра в его походе на Индию. Отряд дахов назван «конными лучниками» [Арриан, V, 12].

Следует обратить внимание на важную деталь вооружения дахов — броню, защищавшую всадников и их коней. Такого рода двойной доспех столетием раньше Геродот отмечает только у массагетов: «лошадям на грудь они одевают медные панцири» [Геродот, I, 215]. Появление катафрактариев — конных воинов в тяжелых пластинчатых доспехах и на защищенных броней конях, отмечено не только письменными источниками, но и документировано археологическими находками в стране дахов и массагетов. Еще в

50-х годах Хорезмская экспедиция С.П. Толстова вела раскопки на городище Чирик-рабат — «столице» приаральских саков, расположенном на левом берегу Сыр-Дарьи, в верховьях её пересохшего русла Жана-Дарьи. Там, в одном из погребальных сооружений, датируемом IV в. до н.э., был обнаружен железный пластинчатый доспех [Толстов, 1962, с.148-150]. Такого рода защитная броня сохранилась в последующие века у родственных дахам парфян, и не отмечена у других степных племен.

В трех далеких по времени и независимых друг от друга сочинениях — Авесте, надписи Ксеркса, труде Арриана — племена дахов обозначены одним и тем же именем — их самоназванием. Иначе следовало бы предположить существование общего для трех названных сочинений источника, что нереально.

Между тем, название массагетов сохранилось только в античной историографии, где оно объединяет самые разные по хозяйству, образу жизни и культуре племена — от кочевников-коневодов до охотников за тюленями и собирателей корней, одевающихся «в древесную кору» [Страбон, XI,8]. Массагеты в сочинениях греческих авторов связаны только территориальной общностью — Приаралье, низовья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, район Узбоя. Отмеченные у них общие обычаи — остатки группового брака, ритуальное убийство и поедание стариков — невероятно архаичны и не могут свидетельствовать о каком-либо единстве. Скорее всего, название «массагеты» объединяло целую группу племенных союзов, связанных бесконечно древней генеалогической традицией, еще сохранившей значение в консервативной сфере родоплеменной мифологии и зависимой от нее этнонимии, но утратившей политическую актуальность в середине I тыс. до н.э.

Рассмотрим внимательнее сведения Арриана, который упоминает при описании одновременных событий и скифов-массагетов, и скифов-даев, что, казалось бы, противоречит их сближению. Его повествование опирается на свидетельства спутников македонского завоевателя, записанные во время и после похода. В отличие от экзотических, удивляющих, привлекающих и отталкивающих читателя рассказов Геродота и Страбона, зависимых от многих и разных по времени информаторов, Арриан не восхищается доблестью массагетов (Страбон) и не пишет о «несметном количестве золота и меди» в их стране (Геродот). Но вот случай из военной судьбы согдийца Спитамена, почти три года ведшего партизанскую войну против македонской армии,

который привлек на свою сторону отряд массагетов: «Скифы эти (массагеты) жили в крайней бедности, не было у них ни городов, ни оседлого жилья, бояться за свои блага им было нечего, и поэтому склонить их на любую войну ничего не стоило ... Потерпев поражение, массагеты разграбили обоз бактрийцев и согдиан, воевавших с ними, и бежали вместе со Спитаменом в пустыню. Когда до них дошла весть о том, что Александр собирается вторгнуться в пустыню, они отрезали голову Спитамена и послали её Александру, чтобы этим поступком отвлечь его от этого намерения» [Арриан, IV,17].

Для Арриана массагеты были обитателями страны, что по левому берегу Окса (Аму-Дарья); она граничит с Согдианой с запада. Дахи же для него, напротив, северо-восточные соседи Согдианы, обитатели долины Танаиса (Сыр-Дарья). По представлениям спутников Александра, массагеты были беднейшие из скифов, готовые на любую войну ради наживы, не брезгающие грабежом и предательством союзников. Напротив того, дахи, — закованные в броню всадники на покрытых доспехом конях, элитарная конница Дария в битвах с Александром и кавалерийский авангард Александра в битвах с индийским царем Пором, — конечно же, резко отличались от других скифов, но очень походили на конных воинов-массагетов из повествования Геродота.

Ни Арриан, ни его информаторы не знали, что у внешне различных племен общая территория, общие политические и культовые центры в Приаралье, где расположены города-ставки их «царей», общие святыни, связанные с почитанием солнечного бога Митры. Оставленные ими могильники, укрепленные городища и поселения по древним руслам Сыр-Дарья — Жана-Дарье, Куван-Дарье, Инкар-Дарье — стали объектом исследования Хорезмской экспедиции. Археологические находки ярко характеризуют повседневную жизнь скотоводческих и земледельческих племен Приаралья в VII-II вв. до н.э. и выявляют несомненную зависимость памятников этого времени от памятников эпохи бронзы, их генетическую связь. Особенно это было заметно при раскопках мавзолеев эпохи бронзы Тагискена и сакских могильников Тагискена и Уйгарака, на левобережье Сыр-Дарья. Преемственность в развитии культур здесь вполне очевидна и она распространяется на все Приаралье к востоку от Хорезма.

Племена столь огромного объединения кочевников, и не только кочевников, не могли быть одинаковы, но могли

носить общее название. Массагеты — общее древнее имя приаральских племен, имеющих общую генеалогическую традицию, и возможно, общий эпоним, т.е. общего предка, чаще всего мифического, по имени которого и назван народ. Древнее эпонимическое имя массагетов сохранилось в иранской ономастике и зафиксировано письменно — одного из полководцев Ксеркса звали «Массагес, сын Оариза» [Геродот, VII, 71]. Неизвестно, кто был подлинным героем-эпонимом массагетских племен, но он носил то же самое имя.

Дахи — военное ядро сырдарьинских и приаральских племен, чье имя было единственно значимым в том политическом аспекте, который проявился в надписи Ксеркса. Именно поэтому нельзя исключить корректность сведений Бероса, назвавшего врагов Кира дахами.

В III в. до н.э. имя дахов (даев) полностью вытесняет более древнее общее имя — массагетов. Этот процесс тогда завершился даже в Прикаспии, где со времен Геродота эллинистские историки любое «скифское» племя считали массагетами. В 238 г. до н.э. одно из племен даев, парны (парфяне), возглавленное родом Аршакидов, создало в Иране новую империю, сменившую наследников Александра. А на севере, в степях Западного Казахстана и Приуралья, дахо-массагетская экспансия III-го в. до н.э., повторив события полутысячелетней давности, заставила уйти в Причерноморскую Скифию племена сарматов, потомков савроматов Геродота, близких сакам по языку, образу жизни и культуре.

Некоторые современные исследователи предполагают, что в III в. до н.э. дахи, продвинувшись с Сыр-Дарьи в Прикаспийские степи, вытеснили с их земель массагетов. Но достоверно ответить на вопрос, куда делись и где появились «вытесненные» массагеты, невозможно. Массагеты окончательно стали дахами. Закончилась трехвековая история деградации их названия.

Мир заяксартских степей и гор был, по существу, закрытым миром для античных авторов. Древнейшие сведения, касающиеся его и приводимые Геродотом, основываются на поэме некоего Аристей из города Проконнес на Мраморном море, владельца сукновальной мастерской. Аристей, будто бы по внушению Аполлона, совершил шестилетнее путешествие через страну скифов на восток, стремясь достигнуть земель таинственных гипербореев. Он дошел до страны исседов или исседонов, а возвратившись, изложил свои впечатления в поэме. Жил Аристей в VII в. до н.э. [Пьянков, 1978, с.184-190]. В VI-V вв. Гекатей Ми-

летский и сам Геродот передают немало сказочных рассказов, услышанных от скифов: «А скифы, которые к ним прибывают, договариваются с помощью семи переводчиков, на семи языках» [Геродот, IV,24].

Большинство исследователей ныне локализуют иседонов в лесостепях Зауралья и в Казахстане. Некоторые обычаи иседонов схожи с обычаями массагетов. Крупнейший исследователь сакских археологических памятников Казахстана К.А. Акишев считает раннесакскую культуру Центрального Казахстана, названную «тасмолинской», принадлежащей иседонам, которых он безусловно относит к кругу сакских племен. Более того, расцвет сакской культуры в Семиречье и Южном Казахстане, по мнению К.А. Акишева, «является результатом переселения центральноказахстанских иседонских племен с почти сформировавшейся культурой сакского типа на юг Казахстана и в Киргизию» [Акишев, Кушаев, с.134-135].

Дальнейший рассказ Геродота носит откровенно легендарный характер, быть может, вследствие передачи через «семь языков» и «семь переводчиков»: «выше иседонов живут одноглазые мужи — аримасы. Над ними живут стерегущие золото грифы, а выше этих — гипорборей, достающие моря. Кроме гипорбореев, все эти племена, начиная с аримаспов, всегда нападали на соседей» [Геродот, IV, 13].

Здесь реальны не столько имена племен, сколько сообщение о бесконечных войнах между ними, о постоянных столкновениях, ведущих к переселениям целых народов: «И как аримаспами вытесняются из страны иседоны, так иседонами — скифы» [Геродот, IV,13]. Вспоминаются слова скифа в передаче греческого поэта Лукиана: «У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ и добычи» [Хазанов, с.34].

Наиболее яркое впечатление о сакской культуре Казахстана дают археологические памятники, прежде всего знаменитые Бешатырские курганы в долине р. Или и редкий по богатству находок Иссыкский курган. Большой Бешатырский курган диаметром 104 м. и высотой 17 м., окруженный валом, представляется подлинным архитектурным сооружением. Внутри кургана построена погребальная камера из стволов тяньшанских елей. К сожалению, эти «царские» усыпальницы были ограблены еще в древности. Случайно уцелело погребение «золотого человека» из кургана Иссык, датируемое IV в. до н.э. Описанию погребения

посвящена специальная монография [Акишев, 1978]. Среди находок наиболее важной представляется двухстрочная надпись из 26 знаков неизвестного рукоподобного письма, прогарапанная на серебряном сосуде; проблема её расшифровки еще не решена. Погребенного юношу К.А. Акишев относит к числу вождей саков-тиграхауда.

Теперь может быть предложено дальнейшее развитие этого определения. Как уже отмечено, саки, жившие за Сыр-Дарьей, в её среднем течении, названы в персидских надписях «саками, носящими остроконечные колпаки». Парадным вариантом такого головного убора была тиара иссыкского юноши. Но название по одному этнографическому признаку, заметному только внешнему наблюдателю, обычно не может быть самоназванием народа. Разгадка этнонима — в последующих событиях сакской истории.

Во II в. до н.э. начались крупные подвижки степных племен, вызванные формированием в Центральной Азии державы гуннов (см. ниже). Движение ушедших на запад после долгой и неудачной для них войны юэчжийских племен и вытесненных со своих пастбищ в Восточном Туркестане усуней, обрушилось на семиреченских саков, которых китайская хроника именует ся «сак», Саки ушли в нескольких направлениях, в том числе к Сыр-Дарье. Между 141-128 гг. до н.э. они перешли Яксарт и сокрушили в Греко-Бактрии наследников Александра. В поле зрения античных авторов мельком попали племена, до того неизвестные им. Страбон [XI,8] называет четыре племени, перешедшие Яксарт: асии, пасианы (иной вариант: «асии или зсианы; тогда число племен сокращается до трех), тохары и сакараулы. Другой автор, Юстин, в пересказе сочинения римского историка I в. н.э. Помпея Трога, называет два скифских племени — сакарауков и асианов, упоминая, впрочем, в другом месте тохар. В оглавлении несохранившейся 42-й книги «Истории» Помпея Трога имеется следующий отрывок: «асиане, став царями тохар, погубили сакараваков» (вариант: «азианские цари токаров и гибель сарауков») [Юстин, XI,11].

Истории этих загадочных племен посвящено в научной литературе немало страниц, но достоверных выводов немного. Во всяком случае, до переправы через Яксарт племена жили много восточнее. Собственно сакской группой племен в этом перечислении были сарауки (сакарауки в более точной передаче — сакарауки). Их имя теперь достаточно надежно объяснено на древнеиранском языке том материале: *сака раука* «светлые саки» [Грантовский,

1975, с. 79]. Скорее всего, именно их называет саками китайская династийная история, когда повествует об изгнании усунями народа сэ из Семиречья. Судя по туманному сообщению автора IV в., Оросия, пользовавшегося ранними источниками о связи дахов и сакарауков с «рекой Ганг», ушедшие из Семиречья сакарауки обосновались первоначально в царстве Канг на средней Сыр-Дарье, именуемом в китайских источниках Кангюй. Лишь по прошествии многих лет сакарауки, вместе с асианами и тохарами, завоевали Бактрию и там были «погублены»,

Если эта реконструкция событий верна, то сакарауки, «светлые саки», и были теми самыми племенами, которые в V-II вв. до н.э. владели Семиречьем; их вождей хоронили в Бешатыре и к роду вождей сакарауков принадлежал юноша из Иссыкского кургана.

Сакские племена Казахстана были прямыми потомками андроновского населения — ариев и туров, дахов и данов Авесты. Этот неоспоримый вывод подтверждают археологи, проводящие прямые линии связей между андроновской и сакской культурами, а также антропологи, установившие генетическую преемственность населения сакского времени от населения эпохи бронзы [Акишев, Кушаса, с.121-136; Исмагулов, с.33]. Вместе с тем, установлено, что с начала сакской эпохи у обитателей казахстанских степей почвляются монголоидные примеси центральноазиатского происхождения, сказавшиеся на их облике. По словам В.П. Алексеева «широкий пояс евразийских степей ... на век — два раньше середины I тыс. до н.э. заволновался. Через него потянул ветерок с востока, население стало впитывать этнические влияния центральноазиатского происхождения. Среди европеоидов появились люди какого-то чужого, малознамого облика — с жесткими черными волосами и раскосыми глазами... Этих людей было мало, единицы, но потом, к началу нашей эры, их количество стало увеличиваться» [Алексеев, с.255].

Главным прорывом из века бронзы, из мира авестийских ариев, в железный век, век скифо-сакских племен, был прорыв в образе хозяйственной деятельности, и, соответственно, в образе жизни. Знаменем прорыва стало сложение кочевого скотоводческого хозяйства. Переход к кочевничеству вовлек в хозяйственный оборот огромные незаселенные и неиспользовавшиеся ранее междуречные степные пространства. Изменившееся в позднеандоновскую эпоху стадо, где крупный рогатый скот все более заменялся лошаадью, не требующей повседневного ухода и способной к

тебенёвке, позволило в начале I тыс. до н.э. резко удлинить маршруты перекочевок и сделать их сезонными. Однако, вместе с ростом стада и специализацией хозяйства, возросла зависимость населения степи от погодных и климатических колебаний и состояния пастбищ. Любой сбой в природных циклах создавал кризисную ситуацию, которая не полностью компенсировалась ослабленным земледелием на зимниках, в поймах рек и ручьев. Обусловленность миграций, завоевательных походов, набегов кризисными изменениями в кочевом хозяйстве смутно сознавали и сами кочевники (вспомним цитированные ранее слова Лукиана!). Не исключался и временный возврат к оседлому или полuosедлому быту и даже к ирригационному земледелию части племен союза, что, например, наблюдается археологами у дахов и массагетов нижней Сыр-Дарьи. Оседание стимулировалось и резким расслоением племени по уровню богатства, по величине стада, находившегося в собственности разных семей. Беднейшие семьи неизбежно оседали.

Кочевой быт в казахстанских степях полнее описан в других разделах книги. Пока же заметим, что появление кочевого хозяйства было наиболее рациональным ответом общества на изменение природной среды, резкий рост народонаселения в конце эпохи бронзы и усилившуюся военную опасность. Последняя была обусловлена появлением всадничества и созданием войска конных лучников — подвижным, тактически пластичным, обладающим огромными возможностями быстрых и длительных перемещений и высокой поражающей силой оружия.

Высоким боевым качествам сакских воинов и удивительной резвости их коней античные авторы посвятили немало строк. Остановимся на одном, отнюдь не военном, а спортивном эпизоде, характеризующим еще и этические нормы саков. Ксенофонт (434-355 гг. до н.э.), долго живший при персидском дворе, рассказывает: «Персидский царь устроил конные ристалища для всадников, представлявших разные народы. Длина беговой дорожки была определена в пять стадиев (около одного километра — С.К.). Когда начались бега, то какой-то молодой сак вырвался вперед и достиг финиша, оставив всех остальных всадников почти на половине дорожки. Персидский царь предложил саку царство в обмен на коня, но тот отказался, заявив, что отдал бы коня лишь в обмен на благодарность храброго человека» [Цит. в изложении И.В. Пьянкова: Пьянков, 1975, с.37].

В суждениях о социальном устройстве сакского общества скудость письменных источников заставляет более пола-

гаться на археологический материал. Действительно, различия между громадными погребальными сооружениями знати и рядовыми погребениями наглядны и впечатляюще убеждают в далеко зашедшей дифференциации общества. Имущественная поляризация внутри племен усиливалась, конечно, и социальное расслоение всего общества, но далеко не всегда играла решающую роль для статуса его членов. Принадлежность к знатному роду или личная воинская слава были не менее престижны в сакских племенах.

Сакские «цари» и «царицы», упоминаемые античными источниками, обладали немалой властью, они решали вопросы войны и мира, посылали послов и заключали союзы, возглавляли войско. Во времена Ктесия (конец V — IV вв. до н.э.) страна саков не входила ни в одну из ахеменидских сатрапий, а царь саков считался не подданным, а союзником персидского царя [Пьянков, 1975, с.32]. Однако, пределы их власти внутри племен неясны. Царская власть сохранялась в одном роду. Арриан упоминает о случае, когда умершему «царю» наследовал его брат. Более неопределёнными сообщения о наследовании власти «царицами» — все сведения о них содержатся в явно легендарных повествованиях или связаны с литературными сюжетами.

Роль народного собрания отмечена только единственным сообщением о переговорах Александра с «царем скифов» после неудачного для саков (вероятно, дахов) столкновения на Танаисе. «Царь» не считает этот бой войной, так как напала на македонцев, по его словам, сакская вольница, а «скифский народ в целом» войну Александру не объявлял. Возможно, этот случай свидетельствует об ограничении власти вождей решениями и властью народного собрания, т.е. всех взрослых мужчин племени.

В числе институций «царской» власти Арриан упоминает «сатрапов», т.е. поставленных «царем» управителей в какой-либо местности или племени. На втором месте названы «могущественные мужи скифской земли», т.е. военно-племенная аристократия. Вообще же сведения о сословиях у саков отсутствуют и их существование возможно предположить лишь по аналогиям. Так, упоминание у массагетов пехоты, быть может, свидетельствует о безлошадных членах сакской общины. Свидетельства греческих авторов с скифах Причерноморья, выделяющих, кроме племенной знати и рядовых общинников, еще и сословие жрецов вполне допустимо распространить на саков.

Духовная культура и религия саков реконструируются скорее по памятникам искусства, чем по письменным па-

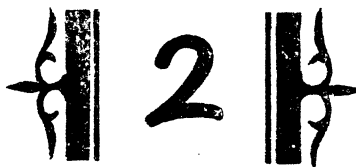
мятникам. Близость представлений саков о мире богов с уже упомянутыми религиозными воззрениями ариев (в частности, общий для них культ Митры) позволяет опустить эту тему. Во всяком случае, скифская эпоха в казахстанских степях была ознаменована такими шедеврами артистического мастерства, связанными с мифологией и пантеоном саков, представления о которых могут дать только специальные работы [см., например, Алишер Акишев, 1984].

Непосредственными продолжателями сакских традиций были, в первые века н.э., усунь в Семиречье и царство Канг (Кангюй) в присырдарьинских оазисах и западной части Семиречья. Появление во II в. до н.э. на территории древней авестийской «Кангхи, высокой и священной» царства Канг скорее всего связано с переселением сюда части оэчжийских (тохарских) и сакараукских племен, поделившихся с усунями прежние земли заякскартских и семиреченских саков.

Однако подлинное изменение этнической, расовой и культурной обстановки связано с поистине эпохальным событием — Великим переселением с Востока в евразийских степях.

Великое
переселение
с
Востока

Серебряная бляха из погребения шаньюя.
Гуннский могильник Ноим-Ула, I в. н.э., Монголия.

ГЛАВА 2

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ С ВОСТОКА

1. Этнолингвистическая ситуация в Казахстане в начале I тыс. н.э.

В течении I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. оседлое население и кочевые племена в полосе степей и гор между Нижним Поволжьем и Алтаем были преимущественно носителями индоевропейских языков. Вместе с тем, уже тогда, в результате интенсивных и постоянных миграций населения в евразийских степях, на территорию Казахстана и Средней Азии постоянно проникали более или менее компактные группы не только индоевропейских, но также протоугорских племен из Западной Сибири и Приуралья, и так называемых *алтайских* племен из Восточной Сибири и восточной части Центральной Азии. «Алтайскими» эти племена названы условно; первоначально они формировались значительно восточнее Алтая, на огромной территории южной полосы Сибири, между Енисеем и Тихим океаном, в Монголии, Маньчжурии, и в нынешних провинциях Северного Китая. Во II-I тыс. до н.э. в среде «алтайских» племен постепенно сформировались пратюрко-монгольская и пратунгусо-маньчжурская языковые общности. Внутри первой из них в середине I тыс. до н.э. началось сложение прототюркских и протомонгольских языков, причем племена — носители протомонгольских языков консолидировались в Северной Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии, а племена — носители прототюркских языков расселялись главным образом в Центральной и Внутренней Монголии, от Байкала до Ордоса. Процессы языковой дифференциации были весьма сложными и протекали в разных областях неодинаково; на многих тер-

риториях прототюркские и протомонгольские племена жили смешанно; в Западной и Центральной Монголии, где до начала II в. до н.э. преобладали ираноязычные юэчжи, прототюркские племена находились в непосредственном соседстве с ними.

Такова была, в самых общих чертах, этнолингвистическая карта Средней и Центральной Азии до образования первой кочевнической империи в Центральной Азии, которая была создана племенным союзом хунну (гуннов), оттеснившим юэчжей и многочисленными сакскими племенами в Среднюю Азию.

Хотя сами гунны не относились к числу «алтайских» этносов, внутри гуннской конфедерации преобладали племена, говорившие, по-видимому, на древнейших тюркских языках; следует учесть, что в лингвистическом отношении кочевые племена, входившие в состав гуннской империи, не были однородны.

Проникновение прототюркских и протомонгольских племен на запад началось рано; уже у приуральских ираноязычных саков антропологи фиксируют монголоидную примесь. Именно «алтайские» племена были носителями монголоидного физического типа. Среднеазиатские и казахстанские слепы I тыс. н.э. были очагом постоянных языковых и культурных контактов иранских, угорских (приуральских) и «алтайских» племен. Однако, вероятно, лишь после начавшегося на рубеже н.э. движения на запад гуннских племен, в степной зоне Средней Азии начинают складываться тюркоязычные общности.

В IV-V вв. н.э. в Поволжье и Западном Казахстане консолидируются так называемые *огурские* племена, самым крупным из которых были *булгары*. Они говорили на одном из очень архаичных тюркских языков. По отдельным словам и грамматическим формам, сохранившимся в письменных памятниках и отразивших язык волжских и дунайских булгар (до славянизации последних), установлено, что булгарское наречие было предшественником современного чувашского языка; его элементы сохранены также у татар Поволжья, гагаузов, кумыков и некоторых других тюркоязычных народностей.

Все эти этнолингвистические процессы связаны с изменениями, которые на протяжении многих столетий происходили в глубинах Центральной Азии и на Дальнем Востоке, с изменениями, которые породили мощные миграционные потоки, сотрясавшие цивилизации Средней и Персидской Азии, а затем Европы, на протяжении более тысячи

летия. Именно на востоке Великой Степи родилась кочевая государственность того типа, который был свойственен протогосударственным и государственным образованиям кочевников Средней Азии и Казахстана. Все это побуждает обратиться к процессам, происходившим в конце I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э. в центре Азии.

Изагаемые далее события — не история Казахстана, но история предков казахского народа, той их части, внутри которой сформировались облик и язык казахских племен средневековья и современных казахов, их этнические и психологические стереотипы, многие элементы быта и народных обычаев.

2. Ранние кочевники Центральной Азии.

В середине II — начале I тыс. до н.э. на востоке Евразии окончательно сформировались два отличных друг от друга хозяйственно-культурных региона — собственно китайский, в среднем и нижнем течении Хуанхэ, и центральноазиатский, охватывающий огромную территорию от Восточного Туркестана на западе до Южной Маньчжурии на востоке, от Гоби и Ордоса в излучине Хуанхэ, до Тувы и Забайкалья. На большей части этой территории основой хозяйственной деятельности было кочевое и полукочевое скотоводство, сочетавшееся с примитивным земледелием и охотой. В начале I тыс. до н.э. племена, населявшие Центральную Азию, создали кочевую культуру скифского типа. Они освоили металлургию бронзы и железа, металлообработку, колесные повозки и всадничество. Жилищем им служила полусферическая с коническим верхом войлочная кибитка, которую при перекочевке укрепляли на большой повозке, влекомой быками.

Облик «скифской» культуры Центральной Азии, восстановленный археологами, мало дополняется письменными источниками, созданными в древнем Китае. В иньских гадательных надписях на панцирях черепах и лопаточных костях животных (XIV-XI вв. до н.э.) северо-восточные соседи протокитайских племен обычно именуются *цзянами* или, позднее, уже в исторических трактатах, *жунами*. Они названы в надписях «лошадными цзянами» и «во множестве разводящими лошадей цзянами». Северные соседи китайских государств VIII-VII вв. до н.э., именовавшиеся *ди*,

также относились к кругу «скифских» племен, что археологически засвидетельствовано находками так называемых «ордосских бронз» — великолепных памятников «скифского» искусства Центральной Азии.

Ранние рассказы о «северных соседях» собрал в своих «Исторических записках» создатель нормативной китайской историографии Сыма Цянь (135-67 гг. до н.э.). Все его сведения по этому сюжету отрывочны, не систематичны, предельно кратки и ничем не напоминают обширные повествования Геродота о причерноморских скифах.

Кочевники, населявшие Центральную Азию в VII-VI вв. до н.э. именуются Сыма Цянем *жунами* и *ди*. Позднее их стали называть *ху*. В ту же эпоху в степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и в отрогах Большого Хингана жили «горные жуны» и *дунху* («восточные варвары»). Северные племена были постоянными участниками политической жизни древнекитайских царств, то сражаясь с ними, то вступая в коалиции воюющих друг с другом государств и получая за это вознаграждение.

Сыма Цянь ярко описывает их «варварский» образ жизни и общественное устройство. Жуны и дунху не были политически объединены, «все они были рассеяны по горным долинам, имели собственных вождей, и хотя нередко собиралось свыше ста племен жунов, они не сумели объединиться в одно целое». Источники отмечают у жунов и дунху посевы проса, но главным их занятием было скотоводство: «переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей ... Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемства у них нет. Каждое стойбище имеет своего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину ... От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение ... В каждом деле следуют мнению женщин, одни военные дела сами решают ... Войну ставят важным делом.» [Бичурин, I, с.142-143].

Трудно нарисовать более выразительную картину родоплеменного общества, еще не знавшего классового расслоения и насильственного авторитета. По словам китайского наблюдателя VII в. до н.э., у жунов «высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим

[т.е. выборным старейшинам и вождям — С.К.] руководствуясь искренностью и преданностью» [Таскин, I, с.123]. Война и набег с целью захвата добычи — важная сторона их жизни. По словам китайского сановника VI в. до н.э., северные варвары «ценят богатства и с пренебрежением относятся к земле»; слово «богатство» объясняется здесь как «золото, яшма, полотно и шелк». Однако; даже во времена наибольшей слабости мелких китайских царств, жуны никогда не угрожали им завоеванием. Набеги кочевников сдерживались или ограничивались военными мерами, дарами, подкупом вождей, торговлей. В ходе военных столкновений китайцы не раз убеждались в достоинствах варварской конницы, а иногда даже перенимали одежду и оружие своих противников. Правитель царства Чжао, Улинь-ван (325-299 гг. до н.э.), «изменив существовавшие обычаи, стал носить варварскую одежду, обучаться верховой езде и стрельбе из лука». Впрочем, Улинь-ван, как и другие правители, более полагался на строительство длинных стен и укреплений вдоль пограничной линии, чем на полевую армию. Вместе с тем, сами китайцы не только сдерживали жунов у своих границ, но и захватывали их земли. Первое такое сообщение относится к 623 г. до н.э., когда правитель царства Цинь, Мугун, напал на жунов и захватил «двенадцать их владений» [Таскин, I, с.122-123].

Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в «период воюющих царств» (403-221 гг. до н.э.). Вместо прежних жунов на севере и западе появляются сильные объединения кочевых племен *сюнну* (*гуннов*) и *юэчжей*, а про дунку сообщается, что они «достигла расцвета» и у них появился единый правитель. В IV в. до н.э. китайцы впервые называют гуннов среди своих противников; позднее те начинают ожесточенную борьбу за Ордос с царством Чжао. Война шла с переменным успехом, но в составе гуннского объединения оказались за это время те жунские племена, которые прежде были независимы. На западе соседями гуннов были юэчжи — восточноскифские (сакские) племена, занимавшие, вместе с родственными им усунями, огромную территорию от Тянь-Шаня до Центральной Монголии. Тамги (геральдические знаки) вождей юэчжийских племен, недавно обнаруженные на черных скалах ущелья Цаган-год в Гобийском Алтае, фиксируют южную границу юэчжийских земель.

Благодаря работам советских и монгольских археологов оказалось возможным проверить, дополнить и конк-

ретизировать сообщения письменных источников. Раскопками обнаружены два типа культур скифского круга (I тыс. до н.э.). Один тип представлен *культурой плиточных могил и «оленными камнями»*. Плиточные могилы сооружались из неглубоко погруженных в землю плоских каменных плит, образующих прямоугольный ящик. Погребенных клали головой на восток вместе с оружием, украшениями, сосудами. Специфическими предметами в захоронениях являются сосуды на трех полых ножках (триподы) и бронзовые ножи с выемчатыми фигурками людей и животных, бронзовые удила, часто кости коня. Плиточные могилы располагаются на местности цепочками, образующими родовые кладбища. К сожалению, большинство погребений начисто ограблены.

С плиточными могилами сопряжен другой тип памятников, «оленные камни», — каменные стелы, на которые нанесены изображения стилизованных оленей с вытянутыми вперед узкими клювообразными мордами, закинутыми за спину длинными ветвистыми рогами и подогнутыми в летучем галопе ногами. Вместе с ними на камень нанесены изображения других предметов — боевых топоров, кинжалов, зеркал, круто изогнутых луков. Большая часть этих предметов, сделанных из бронзы, и роговые обкладки луков найдены в плиточных могилах. Находки железных предметов там крайне редки.

Культура плиточных могил распространена на огромной территории от Забайкалья до Северного Тибета, охватывает степную часть Маньчжурии, всю Внутреннюю, Восточную и Центральную Монголию, резко обрываясь на западных склонах Хангайских гор. Там начинается область другой культуры скифского типа: каменные ящики сменяются курганами, такими же, как раскопанные на Алтае знаменитые гробницы Пазарыка. Эта область охватывает Западную Монголию, Туву, Алтай, Восточный Казахстан. Антропологически погребенные различаются так же резко, как и тип захоронений. В плиточных могилах погребены монголоиды северной (палеосибирской) ветви этой расы, а в курганах — европеоиды. В III-II вв. до н.э. плиточные могилы и скифские курганы вытесняются иными по облику погребениями, в которых железный инвентарь сменяет бронзовый.

Теперь, накладывая сведения письменных источников на археологическую карту, логично заключить, что *носителями культуры плиточных могил были племена жунов и дунху. Культура курганных захоронений Западномонголь-*

ского и Саяно-Алтайского регионов, датируемая V-III вв. до н.э., принадлежала восточноскифским племенам — юэчжам и усуням.

Именно среди памятников близких, но не тождественных скифским, выделены теперь многочисленные погребальные комплексы VII-V вв. до н.э., несущие все признаки, характерные для позднейших гуннских захоронений. Район распространения этих своеобразных памятников расположен к востоку и юго-востоку от нынешней Монголии, в степных и лесостепных пространствах Маньчжурии и, частично, во Внутренней Монголии. Здесь и была, скорее всего, первоначальная родина или территория формирования тех кочевых скотоводческих племен ярко выраженного монголоидного облика, которые позднее, в IV-III вв. до н.э., сместившись к западу и овладев степями между Ордосом и Забайкальем, стали известны под именем гуннов [Миняев, с.70-77].

3. Держава гуннских шаньюев

В последние десятилетия III вв. до н.э. союз гуннских племен, возглавлявшийся военным вождем — шаньюем, вместе с подчиненными племенами, испытал небывалую ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением примитивного варварского государства. Сыма Цянь излагает события в степи, положившие начало гуннскому могуществу, скорее в стиле эпического сказания, чем исторической хроники, — его повествование сохранило отзвук легенд, рожденных в далеких кочевьях [Таскин, I, с.37-39].

«В то время дунху были сильны, а юэчжи достигли расцвета. Шаньюем у гуннов был Тоумань». Он имел двух сыновей от разных жен. Для того, чтобы сделать наследником младшего, шаньюй решил пожертвовать старшим, Маодунем, и отправил его заложником в юэчжам. Затем Тоумань напал на юэчжей. Маодунь не погиб, он украл коня и ускакал к своим. Отец дал ему под начало отряд. Маодунь, обучая воинов, приказал им стрелять туда, куда летит его «свистунка» (боевые стрелы гуннов снабжались свистящими шариками с отверстиями — сотни свистящих стрел наводили ужас на врагов и пугали их коней). Вскоре Маодунь пустил стрелу в своего прекрасного коня. Тем из его отряда, кто не выстрелил, он приказал отрубить

головы. Некоторое время спустя Маодунь пустил стрелу в свою любимую жену. Он отрубил головы тем, кто не последовал ему. На охоте Маодунь направил стрелу в коня своего отца и никто из его воинов не опоздал выстрелить. Тогда Маодунь понял, что время настало. И когда он пустил стрелу в отца, никто из его воинов не дрогнул, — Тумань был утыкан стрелами. Казнив младшего брата, мачеху и приближенных отца, Маодунь стал шаньюем.

Узнав о событиях в орде (так называли гунны военный лагерь и княжескую ставку), правитель дунху решил, что смута ослабила гуннов, и потребовал от Маодуня уступить пограничную территорию. Многие старейшины, опасаясь войны, советовали Маодуню отдать землю. «Крайне разгневанный, Маодунь ответил: «Земля — основа государства, разве можно отдавать ее!». Всем, советовавшим уступить землю, он отрубил головы. Затем Маодунь сел на коня, приказал рубить головы каждому, кто опоздает явиться, двинул на восток и внезапно напал на дунху ... Он разгромил дунху наголову, убил их правителя, взял людей из народа и захватил домашний скот». Так описал Сыма Цянь начало гуннских завоеваний.

В 203-202 гг. до н.э. Маодунь подчинил племена Саян, Алтая и Верхнего Енисея (в том числе древних кыргызов на территории современной Хакасии) и окончательно установил северные границы своей державы. Но оставались два главных противника — Китай и юэцзи.

В 202 г. до н.э. закончилась гражданская война в Китае. К власти пришла династия Хань. Ее основатель, Лю Бан (император Гао-ди), стремясь обезопасить границу, зимой 200 г. лично повел войска против гуннов. После первых столкновений Маодунь отступил, а ханьский авангард в преследовании противника оторвался от основных сил. С авангардом был сам император. Гунны сразу же прекратили отступление и четыре их конных корпуса окружили императора в горах Байдэн : «в течение семи дней ханьские войска, находившиеся в горах и вне их не могли оказать друг другу ни военной помощи, ни помощи продовольствием», — пишет Сыма Цянь. «Конники сюнну на западной стороне все сидели на белых лошадях, на восточной стороне на серых с белым пятном на морде, на северной стороне — на вороных, а на южной стороне — на рыжих лошадях» [Таскин, I, с.41].

Спасло императора только обещание заключить с гуннами мирный договор, основанный на родстве, т.е. выдать за Маодуня принцессу из императорского дома. Маодунь снял

окружение. Император выполнил обещание лишь после нескольких новых набегов гуннов и, вместе с принцессой, прислал богатые подарки, обязавшись возобновлять их ежегодно, -- шелковые ткани и вату, вино и рис, украшения. Фактически это была замаскированная дань. Между гуннами и Хань на 40 лет установились мирные отношения, лишь ненадолго прерванные гуннскими набегами в 166-163 гг.; после них договор о мире и родстве был возобновлен.

Самую жестокую войну Маодуню и его наследнику, Лаошань-шаньюю (174-161 гг. до н.э.), пришлось выдержать с юэчжами. Борьба длилась четверть века и лишь в 177-176 гг., ценой величайшего напряжения гуннам удалось переломить борьбу в свою пользу. Окончательная победа была одержана между 174-165 гг. до н.э. Вождь юэчжей пал в бою, а из его черепа Лаошань-шаньюю сделал чашу для питья. Оттесненные в Среднюю Азию, юэчжи завладели землями в верховьях Аму-Дарьи и впоследствии стали создателями Кушанской державы. А западная граница гуннов надолго стабилизировалась в Восточном Туркестане, где они не раз сражались с ханьцами за власть над богатыми городами-оазисами бассейна Тарима.

Дань, которую получали шаньюи от ханьского двора, была совершенно недостаточна для удовлетворения потребностей значительного кочевового населения в продуктах оседлого хозяйства. Поэтому, для гуннов более существенным было установление пограничной торговли, которую, однако, не разрешало императорское правительство, видевшее в торговле только инструмент давления на «варваров». Позднее, суть этой политики четко сформулировал один из китайских историографов: «нет дани (от варваров) — нет и торговли с ними, есть дань — есть и вознаграждение (т.е. торговля)».

Добиваясь открытия рынков на границе, шаньюю начал в 158 г. новую серию набегов и опустошил несколько северных округов. «После этого (в 152 г.) император Сяоцин снова заключил с гуннами мир, основанный на родстве, открыл рынки на пограничных пропускных пунктах, послал гуннам подарки и отправил принцессу, согласно прежнему договору». «Отличаясь алчностью, — добавляет Сыма Цянь, — гунны ценили рынки на пограничных пропускных пунктах и любили китайские изделия» [Таскин, I, с.49-50].

4. Хозяйство, общественное и государственное устройство

Экономика гуннского общества по описанию Сыма Цяня весьма примитивна: «в мирное время они следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений. Таковы их врожденные свойства... Начиная от правителя, все питаются мясом домашнего скота, одеваются в его шкуры и носят шубы из войлока» [Таскин, I, с.34-35]. Столь же простой кажется и проистекающая из характера экономики программа отношений с Китаем, сформулированная одним из шаньюев: «Я хочу открыть вместе с Хань большие заставы для торговли, взять в жены дочь из дома Хань, хочу, чтобы мне ежегодно посылались 10 тыс. даней рисового вина, 5 тыс. ху (мер) проса, 10 тыс. кусков различных шелковых тканей, а также все остальное, и в этом случае на границе не будет взаимных грабежей» [Там же].

Однако, с представлениями о чисто кочевом характере гуннского общества никак не вяжутся неоднократные упоминания о городках в глубине гуннских земель, о хранимых там запасах зерна; сообщая о суровых для гуннов зиме и лете 89-88 гг. летописец замечает: «в это время начался снегопад, длившийся несколько месяцев подряд, скот падал, среди населения начались болезни, хлеба не вызрели, напуганный шаньюй построил моленную» [Таскин, II, с.28].

В Забайкалье археологи исследовали один из гуннских городков у впадения р. Иволга в Селенгу. Иволгинское городище, окруженное четырьмя рвами и четырьмя валами, имеет площадь в 75 гектаров, застроенных полуземлянками (отрыто около 80 жилищ); там обнаружены следы железодельного и бронзоволитейного производства, а главное — сошники из чугуна и литейные формы для них, железные серпы и каменные зернотерки. Судя по малым размерам сошников, плуги у гуннов были небольшие деревянные, и земля вскапывалась не глубоко. Развитию земледелия, однако, препятствовали суровые природные условия страны гуннов, и собственное производство зерна (главным образом, проса и ячменя) никогда не удовлетворяло потреб-

ностей довольно многочисленного населения (по расчетам исследователей, около 1,5 млн. человек).

Основным видом хозяйственной деятельности гуннов всегда было кочевое скотоводство, что подтверждают как сообщения письменных источников, так и результаты археологических раскопок. Первостепенную роль у гуннов играла лошадь. При экстенсивном скотоводческом хозяйстве, когда корма для скота на зиму не заготавливались, лошадь имела и то преимущество, что она могла тебеневать, т.е. круглый год находиться на подножном корму, добывая траву из-под неглубокого снега. Судя по костям, найденным в гуннских погребениях, лошади были типичными монгольскими — небольшого роста, грубого, но мускулистого сложения, с короткой и широкой мордой.

Кроме огромных табунов лошадей, основным богатством гуннов были стада быков, яков и верблюдов, громадные отары овец и коз. По современным подсчетам, хотя и весьма приблизительным, гунны в пору расцвета имели на душу населения 19 голов скота, в пору упадка — 5-9 голов. Для сравнения заметим, что в предреволюционной Монголии (1918 г.) на душу населения приходилось около 17 голов всех видов домашнего скота. Скот находился в семейной собственности; каждая семья имела право на определенную часть родовой территории для выпаса скота и пользовалась защитой всего рода. Для сохранения численности и нераздельности имущества семьи гунны, как отмечает Сыма Цянь, «после смерти отца берут в жены мачех, после смерти старшего или младшего брата женятся на их женах» (у гуннов, как и многих кочевников, существовало многоженство). Предусматривалась и семейная ответственность за кражу чужого имущества, прежде всего скота — семья виновного могла быть обращена в рабство.

Социальное устройство гуннского общества и его государственная организация не могут быть реконструированы с достаточной полнотой, но социально развитый характер гуннской империи несомненен. Верхушку гуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанных между собой брачными отношениями, когда мужчины любого из этих родов брали себе жен только из трех других знатных родов. Глава государства, шаньюй, мог быть только из рода Люаньди, самого знатного из четырех. Позднейшие источники упоминают и другие знатные роды. Очевидно, что иерархия родов и племен играла в гуннском обществе немалую роль, причем на низшей ступени находились покоренные племена, адаптированные в гуннскую родо-

племенную систему. Ниже них были покоренные племена, не включенные в состав гуннских; они подвергались особенно безжалостной эксплуатации. Так, подвластные гуннам дунху выплачивали постоянную дань тканями, овчиной и кожей. Если дань задерживалась, то гунны казнили родовых старейшин, отнимали и обращали в рабство женщин и детей данников, требуя затем особый выкуп за их освобождение.

Рабство у гуннов часто упоминается источниками. Рабами были пленные, но в рабство за различные преступления попадали и сами гунны. Рабы-иноплеменники использовались прежде всего в оседлом хозяйстве, они жили вместе с гуннами в укрепленных городках, копали оросительные каналы, пахали землю, участвовали в строительных и горных работах, в различных ремесленных промыслах. Положение рабов-гуннов неясно; возможно, они составляли низшую часть большой патриархальной семьи.

Устройство гуннского государства было столь же строго иерархично, как и их общественная структура. Держава гуннов, выросшая из военной демократии жунских племен V-IV вв. до н.э., сложилась в борьбе не на жизнь, а на смерть с соседними племенными союзами и китайскими царствами. Основатели страны и их преемники видели свою главную цель в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т.е. над кочевниками) и превосходстве над «людьми, живущими в землянных домах» (т.е. над оседлыми земледельцами); такое государство могло существовать только как централизованная империя, организованная на военно-административных принципах.

Во главе государства стоял шаньюй, чья власть была строго наследственной и освященной божественным авторитетом. Его называли «сыном Неба» и официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, великий гуннский шаньюй». Власть государя определялась его правами и функциями: а) правом распоряжаться всей территорией государства, всеми землями, принадлежавшими гуннам, и функцией охраны этой территории; б) правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; в) правом концентрировать в своих руках все внешние сношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; г) правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи. Вероятно, шаньюй был и средоточием сакральной власти; во всяком случае, все упомянутые источниками действия в защиту и соблюдения куль-

та исходили от шаньюя, который «утром выходил из ставки и совершал поклонения восходящему солнцу, а вечером совершал поклонение луне». Верховного владетеля окружала многочисленная группа помощников, советников и военачальников, однако, решающее слово всегда оставалось за шаньюем, даже если он действовал вопреки единодушному мнению своего окружения.

Высшие после шаньюя лица в государстве — левый и правый (т.е. западный и восточный) «мудрые князья» были его сыновьями или ближайшими родственниками. Они управляли западными и восточными территориями империи и, одновременно, командовали левым и правым крылом армии. Ниже их стояли другие родичи шаньюя, управлявшие определенной территорией — все они носили различные титулы и назывались «начальники над десятью тысячами всадников» (т.е. темниками). Их число было строго фиксировано — 24 высших военачальника, распределенных между левым и правым крыльями войска, западной и восточной частью империи. Тот или иной пост занимался в зависимости от степени родства с шаньюем. Темники назначал сам государь. Он же выделял подвластную каждому темнику территорию вместе с населением, проживающим на этой территории. Какое-либо перемещение племен без приказа шаньюя строго возбранялось.

Наибольшее значение имел не размер удела, а именно численность его населения, которым и определялась власть и военная сила темника; число в десять тысяч воинов, находившихся под его командой, было условным — Сыма Цянь замечает, что каждый из 24 начальников имел от десяти тысяч до нескольких тысяч войска.

В пределах своих владений, темник, подобно шаньюю, назначал тысячников, сотников и десятников, наделяя их землей с кочующим на ней населением. Сместить и наказать темника мог только шаньюй. В свою очередь, темники участвовали в возведении шаньюя на престол, не имея, впрочем права выбора — власть переходила по строгой наследственной системе, которая утратила свое значение лишь в период полного ослабления гуннского государства.

Основной повинностью всего мужского населения государства была военная служба. Каждый гунн считался воином и малейшее уклонение от исполнения военных обязанностей каралось смертью. Все мужчины с детства и до смерти были приписаны к строго определенному воинскому подразделению, и каждый сражался под командованием своего темника.

При Лаошань-шаньюе началось систематическое взаимное податей, о размере и характере которых сведений нет. Трижды в год все начальники, как правило, выходцы из четырех аристократических родов, съезжались в ставку шаньюя для «принесения жертв предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам», для обсуждения государственных дел и один раз, осенью, — «для подсчета и проверки количества людей и домашнего скота». Эти совещания были не столько каким-либо правительственным органом, сколько семейным советом родственников, — все их участники были родичами шаньюя.

Таким образом, правящий класс гуннской империи сложился из родо-племенной знати; отношения родства и свойства сохраняли решающее значение для определения социального положения и политической роли каждого, кто принадлежал к высшим слоям гуннского общества. В то же время, вся эта знать, сохраняя внутривидовые и внутривидовые связи, выступала и как патриархальная верхушка племен, как их «естественные» вожди, кровно связанные с родными соплеменниками.

Основу общественного влияния и политической силы знати составляла собственность на пастбищные земли, проявлявшаяся в форме права распоряжаться перекочевками и, тем самым, распределять кормовые угодья между родами. Степень реализации права собственности целиком зависела от места того или иного знатного лица в военно-административной системе, что в свою очередь, предопределялось его местом в родо-племенной иерархии. Вся эта структура обладала достаточной устойчивостью, чтобы предопределить более трех веков существования гуннской империи и еще несколько веков жизни мелких гуннских государств.

5. Расцвет и упадок кочевой империи

С образованием гуннской империи и после окончания долгой гунно-юэчжуйской войны в степях наступил мир. Большая часть II в. до н.э. была временем подъема гуннского кочевого хозяйства. В ходе нескольких гунно-китайских войн кочевники вернули захваченные циньскими императорами пастбища к югу от Гоби и добились своей главной цели — постоянного поступления тканей и зерна из Китая через рыночную торговлю на границе и «дары» (замаскированную дань) шаньюям.

Новый цикл гунно-китайских войн был начат в 133 г. до н.э. по инициативе ханьцев. Император У-ди (140-87 гг. до н.э.), решил вновь захватить гуннские земли к югу от Гоби и навсегда сокрушить мощь северных кочевников. Наступление ханьцев привело к успеху в 127 г. до н.э.: «гунны бежали далеко и к югу от пустыни уже не было ставки их правителя. Ханьцы, перейдя Хуанхэ, ... построили оросительные каналы и, понемногу захватывая земли, стали граничить с гуннами...». В 124-123 гг. война была перенесена на коренные земли гуннов, в монгольские степи, где шла с переменным успехом. В 119 г. огромная китайская армия захватила северную ставку шаньюя и перебила около 90 тыс. гуннов, но и сама понесла тяжелые потери [Таскин, I, с.50-54].

Одновременно началось продвижение ханьских войск на запад, в Среднюю Азию, где в 101 г. ими были разграблены ферганские города, а гунны отрезаны от восточно-туркестанских оазисов. В 99 и 97 гг. ханьцы вновь предприняли два крупных наступления против гуннов, но успеха не добились. Наконец, в 90 г. семидесятитысячная китайская армия под командованием полководца Ли Гуань-ли вторглась в гуннские земли, разгромила передовые отряды гуннов и сошлась для генерального сражения с армией шаньюя. В это время Ли Гуань-ли узнал, что его семья арестована в столице по обвинению в колдовстве и всем его родичам, а по возвращению и ему самому, грозит смерть. Он решил заслужить милость императора победой, но в первом же бою понес тяжелые потери. Тогда старшие командиры войска решили взять его под стражу. Однако, Ли Гуань-ли, казнив участников заговора, начал генеральное сражение у горы Яньжинь. В тяжелом бою китайцы были окружены, и Ли Гуань-ли сдался в плен. У императора не осталось больше полевой армии для продолжения войны. Китай не сумел сломить гуннов своими силами, но через двадцать лет нанес им тяжелые поражения с помощью других кочевых народов — в 71 г. усунь с запада, ухуани (часть дунху) с востока и енисейские динлины с севера ворвались в гуннские земли; в жестокой войне гунны потеряли до трети населения. Начался кризис политического господства гуннов в Центральной Азии.

Внешним выражением этого кризиса был раскол гуннов в 56 г. до н.э. на южных и северных. Южные гунны, во главе с Хуханье-шаньюем установили мирные отношения с Китаем, отказавшись от набегов, а Китай делал все для их умиротворения. Более пятидесяти лет на гунно-

китайской границе не происходило крупных столкновений. Северные гунны, во главе с Чжичжи-шаньюем, ушли в Среднюю Азию, в союзное государство Кангюй (на средней Сыр-Дарье), но здесь были настигнуты китайским экспедиционным корпусом и уничтожены — ханьские власти опасались, что Чжичжи в союзе с кангюйцами будет угрожать их господству в Восточном Туркестане. (см. раздел 7).

Вновь единство и могущество гуннской империи было восстановлено на короткий срок в начале I в. н.э. Уже в 48 г. н.э. происходит новый раскол гуннов на северных и южных. Вся дальнейшая судьба южных гуннов, вплоть до падения Ханьской империи, является, по существу, историей обычных варваров-федератов, целиком зависимых от правительства в имперской столице. Северяне же, под ударами с юга и натиском бывших вассалов — древнекыргызских племен Енисея и, в особенности, потомков дунху, *сяньби* — протомонгольских племен юго-западной Маньчжурии, с каждым десятилетием утрачивали свое могущество и территории. Их ставки сместились в Западную Монголию, в Юго-Западную Сибирь и Восточный Туркестан, где до середины II в. н.э. они продолжали сопротивляться ханьскому продвижению на запад. Наиболее тяжелые поражения гунны понесли в войнах с *сяньби* в 93-94 гг., когда десятки тысяч их семей были включены в состав *сяньбийской* племенной конфедерации, и в 151-155 гг., когда создатель эфемерной *сяньбийской* империи вытеснил гуннов из их последних владений в Джунгарии. Именно в первой половине II в. н.э. началась миграция гуннских племен сначала в Восточный Казахстан и Семиречье, где они создали государство Юэбань, просуществовавшее до V в., а затем, вместе с угорскими племенами Западной Сибири, — в Приуралье, в прикаспийские и заволжские степи (см. раздел 7).

6. Гунны у границы Римской империи

Идентификация «азиатских» и «европейских» гуннов зачастую вызывает сомнение, так как нет прямых указаний на их миграцию к западу от среднеазиатских степей. Достоверно неизвестен и язык гуннских племен Востока и Запада, хотя, по косвенным указаниям, можно предположить, что их основную массу составляли и там, и тут прототюркские пле-

мена. Это, конечно, не исключает многоязычия гуннских объединений, куда входили предки монголов, тунгусов, угров, а в Средней Азии и на западе — ираноязычных племен и даже славян.

Наибольшее затруднение для историка вызывает то обстоятельство, что в степях юго-восточной Европы гунны появились внезапно, в 70-е годы IV в. Первой их жертвой стали приазовские аланы, лишь часть которых спаслась в горах Северного Кавказа. Вслед затем, овладев Прикубаньем, гунны зимой, по льду, переправились через Керченский пролив и разгромили богатые города Боспорского царства. Вся причерноморская периферия античного мира, вплоть до Днестра, сармато-аланские и готские племена были разгромлены в течении нескольких лет; частью они были включены гуннами в состав своих орд, частью бежали за Днестр. К 376 г. гунны продвинулись непосредственно к границам Римской империи.

«Невиданный дотоле род людей, — пишет автор V в. Аммиан Марцеллин, — поднявшийся как снег из укромного угла, потрясает и уничтожает все, что покажется навстречу, подобно вихрю, несущемуся с высоких гор». Для ромейского эрудита, изучавшего труды ранних авторов, гунны были новым племенем, «о котором мало знают древние памятники». В середине II в. автор стихотворного «Описания населенной земли» Дионисий размещает гуннов где-то в Прикаспии. Во второй половине II в. их упоминает там и знаменитый александрийский географ Клавдий Птолемей. Но даже для образованного человека IV-V вв. эти краткие сведения мало о чем говорили. Поэтому столкновение с невиданным дотоле народом казалось не только внезапным, но и ужасным. Классическое описание пришельцев и их воздействие на римский мир дал Аммиан Марцеллин; по его словам, гунны, «которые превосходят всякую меру дикости», были «семенем всех несчастий и корнем разнородных бедствий»; «все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей ...; кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду; и на чужбине они не входят в жилище за исключением разве крайней необходимости: ... они плохо действуют в пеших стычках, но зато как бы приросшие к своим выносливым, но безобразным на вид лошаденкам, и иногда, сидя на них

по-женски, они исполняют на них все обычае свои дела; на них каждый из этого племени ночует и днюет, покупает и продает, ест и пьет и, пригнувшись к узкой шее своей скотины, погружается в глубокий сон... Если случится рассуждать о серьезных делах, они все сообща советуются в том же обычном порядке; они не подчиняются строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадает на пути... У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея определенного места жительства ... кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткнут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина; он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше» [Аммиан Марцеллин, XXXI, 2].

В своем ярком описании гуннов Аммиан Марцеллин допустил ряд преувеличений, наделив их традиционными чертами самых диких северных племен. Гунны имели достаточно развитую материальную культуру и такие навыки военного дела, вплоть до стенобитной техники, которые позволяли им сокрушать хорошо вооруженных противников, брать его укрепленные города. Но несомненно, что пришедшие в Европу племена утратили многое из достижений экономического, социального и культурного развития, которые были характерны для их предков в Центральной Азии. Собственные производительные силы европейских гуннов были ничтожны. Нападения на оседлые народы, захват продуктов их труда, пленение и обращение в рабство ремесленников сделались для них основным источником добывания жизненных благ, а гуннское общество стало полностью паразитическим. Все это с особой силой проявилось в последующий период, когда степняки прорвали пограничную линию Римской империи, и их вождь, Аттила, создал гуннскую империю в Европе.

7. Гунны между Алтаем и Аралом

Если память о гуннах в Европе сохранила многочисленными и яркими свидетельствами греческих и латинских авторов, то сведений о появлении новых кочевых завоевателей с Востока в Средней Азии почти нет. Крайне скудны и археологические материалы. Повествования сирийских и византийских летописцев о «белых гуннах» — *хионитах и эфталитах* (IV-VI вв.) — отнюдь не указывают на генетическое родство обоих народов с гуннами Центральной Азии. Тем не менее, частичная реконструкция «гуннского периода» в истории кочевых народов Казахстана возможна.

Продвижение гуннов на запад началось еще при шаньюе Маодуне, с войны за политическое преобладание в Восточном Туркестане. Письмо, отправленное Маодунем в 176 г. до н.э. ханьскому императору Вэньди, подробно рассказывает о разгроме юэчжей и покорении других племен на западе: «Благодаря милости Неба командиры и воины были в хорошем состоянии, лошади сильны, что позволило мне уничтожить юэчжей, которые были истреблены или сдались. Я усмирил также лоуланей, усуней, хуцзе и двадцать шесть соседних с ними владений, которые все стали принадлежать сюнну (гуннам)» [Таскин, I, с.43]. Маодунь явно преувеличивает свои успехи — ни юэчжи, ни усунь не были тогда разгромлены и покорены, хотя и понесли тяжкие поражения. Но в этом письме впервые упоминается о вторжении гуннов в Восточный Туркестан и выходе их к границам Казахстана. Политический авторитет гуннских шаньюев в Западном крае (так в Ханьской империи именовали Восточный Туркестан и Среднюю Азию) на протяжении почти столетия был очень велик. Ханьский летописец отмечает: «всякий раз, как посланник сюнну (гуннов) с верительными знаками от шаньюя прибывал в одно из государств (Западного края), его сопровождали в пути из государства в государство, снабжали продуктами и никто не осмеливался задержать его или чинить ему помехи» [Hulsewe, с.37].

Зависимые от гуннов владения вскоре появились не только в бассейне р. Тарим, но и много западнее. Одно из них упомянуто китайским историографом в связи с событиями середины I в. до н.э. Сын наследника гуннского

престола был женат на дочери владетеля Учаньму, о котором рассказывается: «Учаньму первоначально был правителем небольшого владения, лежавшего между землями усуней и владениями Кангюй. Он неоднократно подвергался нападениям и притеснениям соседей, а поэтому во главе своего народа (воинов?) в несколько тысяч человек, перешел на сторону гуннов. Шаньюй Хулугу ... приказал (ему) по-прежнему управлять его народом и жить на западных землях» [Бичурин, I, с.85].

Итак, в северо-западном Семиречье (между усунями и кангюйцами) существует небольшое княжество, владетель которого, вступив в брачные отношения с царским домом гуннов, обеспечил защиту и покровительство могучего родственника на условиях вассалитета. Несколько позже, зять владетеля Учаньму, принц Цзихоусянь, после неудачной попытки занять освободившийся трон, бежит со своей ордой во владения тестя. Это самое раннее упоминание о переселении гуннов на территорию нынешнего Казахстана.

Трепет, который внушала власть шаньюев их западным соседям, заставляла владетелей государств Западного края признавать сюзеренные права гуннских владык и блюсти их интересы. Такая ситуация сохранялась до распада гуннской державы и подчинения шаньюя «южных» гуннов, Хуханье, власти ханьского императора (53 г. до н.э.).

Младший брат Хуханье, Чжичжи-шаньюй, возглавив «северных» гуннов, вскоре перенес свою ставку в Джунгарию. Именно с ним связано первое отмеченное источниками вмешательство гуннов в войну между Кангюем и усунями, завершившееся переселением Чжичжи-шаньюя и части его войск в долину Таласа. В 42 г. до н.э. гунны и кангюйцы разгромили столицу усуней — город в «Долине Красных Скал», на берегу Иссык-Куля. Вслед затем, Чжичжи совершил поход в Фергану. Опасаясь за безопасность границы, командование китайских войск в Западном крае направило экспедиционный корпус в Кангюй. Крепость, где находилась ставка Чжичжи, была взята штурмом, а он сам и его спутники погибли.

В начале I в. н.э. «северные» гунны восстановили свое политическое влияние в Восточном Туркестане, но уже в 73-94 гг. им пришлось вести ожесточенную борьбу с ханьскими войсками. Особенно тяжелое поражение гунны понесли в 90-91 гг. на Восточном Тянь-Шане. Ставки северян, возглавленных знатным родом Хоянь, находились между оз. Баркуль и Алтаем. Именно здесь на них обрушилась армия двух ханьских полководцев — Доу Сяня и

Гэн Куя, после чего, по словам китайского историографа, «испуганный шаньюй, накинув на себя войлочные одежды и боясь от страха дышать, бежал в земли усуней. Земля к северу от пустыни обезлюдела» [Таскин, II, с.98].

Итак, в конце I в. н.э. под влиянием поражений в борьбе за Джунгарию и Восточный Тянь-Шань масса «северных» гуннских племен откочевала в «земли усуней», т.е. в Семиречье и Восточный Казахстан, соседствующие с их прежними землями. Никаких сведений об их возвращении в Джунгарию в источниках нет, хотя неудачные попытки наладить дипломатические отношения с ханьским двором, например, в 104-105 гг., предпринимались. Между 120-150 гг. гунны со своих новых земель совершали набеги на оазисы Таримского бассейна, но их военные успехи часто сменялись крупными поражениями. Так, в 137 г. правитель Дуньхуана изрубил гуннский отряд у оз. Баркуль, а в 151 г. гуннское нападение на Хами закончилось поспешным бегством перед войсками, посланными из Дуньхуана. Сяньбийское вторжение в 70-х гг. II в. окончательно вытеснило северян из Джунгарии и отбросило их за Тарбагатай. Началось постепенное овладение гуннами землями в степях между Тарбагатаем и Прикаспием.

Единственное государственное образование, созданное тогда гуннами к северу от озера Балхаш, получило в китайских источниках название Юэбань. По словам авторов «Бейши», «северный» шаньюй, спасаясь от войск Доу Сяня, «перешел через хребет Гинь-вэй-шань (Тарбагатай), и ушел на запад в Кангюй, в сторону Сыр-Дарьи и Арала. Однако, часть его орды (200 тыс. душ) осталась за Тарбагатаем, будучи «малосильными». Они-то и создали новое гуннское государство, владетель которого принял традиционный титул шаньюй. Оно существовало еще в V в., обменивалось посольствами с одним из северокитайских государств и даже заключило с ним военный союз против жуань-жуаней. Отличительной чертой этих кочевников китайцы называют исключительную опрятность, что будто бы и стало побудительным мотивом для вражды между юэбаньским шаньюем и жуань-жуаньским каганом. Источник передает следующий рассказ, услышанный от юэбаньского посла: «(Юэбаньский) владетель был (раньше) в дружеских связях с жужаньцами (жуань-жуаньями). Однажды он с несколькими тысячами человек вступил в жужаньские земли, желая увидеться с (каганом) Датансм (ум. в 429 г.). По вступлении в пределы его, еще не проехал ста ли (около 50 км), как увидел, что мужчины не моют платья, не

связывают волос, не умывают рук, женщины языком обли-
зывают посуду. Он обратился к своим вельможам и сказал:
«Вы смеетесь надо мною, что я предпринял путешествие в
это собачье государство!». И так он поскакал обратно в свое
владение. Датань послал конницу в погоню за ним, но не
догнал. С этого времени они сделались врагами и несколько
раз ходили друг на друга войною» [Бичурин, II, с.258-259].

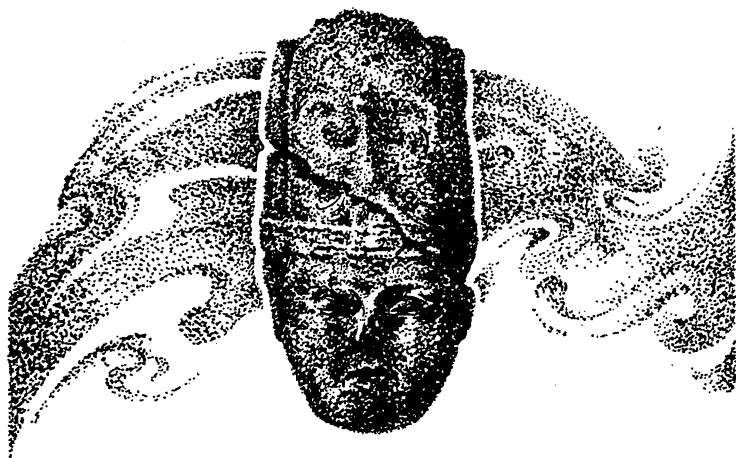
Самым знаменательным в сообщениях о Юэбань явля-
ется упоминание об одинаковости языка населения этого
государства, потомков «северных» гуннов, с языком гаогуй-
цев, т.е. с языком древних тюркских племен. Таким обра-
зом, вполне осведомленный письменный источник, инфор-
мация которого почерпнута из отчетов о личном общении
китайских чиновников династии Северная Вэй с юэбань-
скими послами, впервые фиксирует совершенно определен-
ную, а именно тюркскую языковую принадлежность насе-
ления одного из древних государств, существовавшего на
территории Казахстана во II-V вв. Можно определенно ут-
верждать, что с этого времени на огромном пространстве
казахстанских степей, вместе с племенами «северных» гун-
нов, появляется население, говорившее на древнем языке
(языках?) из той же языковой семьи, что и казахский.

Стелная империя
тюрков
и ее наследники

**Статуя тюркского полководца Кюль-Тегина,
732 г., Кошо-Цайдам, Монголия.**

ГЛАВА 3

СТЕПНАЯ ИМПЕРИЯ ТЮРКОВ И ЕЕ НАСЛЕДНИКИ

«Когда было сотворено вверху голубое небо, а внизу бурая земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели на царство мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев на царство они охраняли государство и устанавливали законы тюркского народа».

Так повествует о начале новой эпохи в Великой Степи, эпохи господства тюркских племен, эпохи их государств и их языков, самый большой письменный памятник тюрков тех времен — руническая надпись в честь Кюль-тегина, прославленного воина из каганского рода. Время сотворения мира совмещено здесь со временем появления людей, а сотворение «сынов человеческих» предельно близко ко времени царствования первых тюркских каганов, покоривших «народы четырех углов света».

Почти через двести лет после «начала начал», после возникновения Тюркского эля (государства), после воцарения там первых каганов, для автора надписи история совместилась с легендой, а величие прошлого было призвано возвышать настоящее.

Что же стояло в реальной истории за патетикой первого тюркского летописца?

В I тыс. н.э. началось постепенное изменение этнической среды в евразийских степях. Преобладание здесь все более переходило к тюркоязычным племенам. Ускорение

*

Рунические памятники здесь и далее цитируются по изданиям: Малов, 1951; Малов, 1952; Малов, 1959.

процессов социального развития и территориально-политической консолидации привело во второй половине I тыс. к созданию тюркоязычными племенами нескольких крупных государственных образований (каганатов) на территории Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа: первого Тюркского каганата, Восточнотюркского каганата, Западнотюркского каганата, Тюркешского каганата, Уйгурского каганата, а также государств енисейских кыргызов, карлуков, кимаков и приаральских огузов (гузов). Это время принято называть древнетюркской эпохой.

Ниже мы познакомимся в самых общих чертах с этнической, социальной и политической историей тюркских народов Центральной и Средней Азии во второй половине I тыс. н.э. Именно в это время возникли этнополитические объединения, ставшие прямыми предшественниками и предками современных тюркоязычных наций, в том числе казахской. Тогда же поднялась на новую ступень духовная культура степняков — возникла тюркская письменность, заимствованная и оригинальная, появилась запечатленная на письме тюркская литература, тюркские племена впервые приобщились к великим религиям того времени — буддизму, манихейству, христианству, исламу, широко освоили достижения иных цивилизаций. В условиях кочевого и полукочевого быта, а иногда — после перехода к оседлой и городской жизни, как например, в Семиречье, — была создана новая своеобразная и самобытная культура, занявшая свое место в мировой культуре того времени.

Все эти процессы невозможно расчленить на «истории» отдельных племен и народов Великой Степи и совместить их исключительно с прошлым какой-либо одной современной нации. Тюркоязычные народы Евразии, так же как и их предшественники, в течение многих веков имели общую историю и общую по происхождению культуру, ставшую их общим наследием. Смена на исторической арене одних племенных объединений другими вовсе не означает полного исчезновения первых — древние племена сохранялись во вновь возникших этнических и политических структурах, часто под другими названиями, и формировали новые народы, претерпевавшие свои деформации. Судьба каждого из них неотделима от судьбы соседей и сородичей.

Единство и преемственность в истории и культуре евразийских степей, возникшие в начале бронзового века, до-

стигшие расцвета в скифское время, не исчезли, а лишь окрасились в новые этнические цвета с наступлением древнетюркской эпохи.

1. Сложение древнетюркского союза племен

В 1968 г. в Монголии был открыт пока единственный эпиграфический памятник начального периода существования Тюркского каганата — стела с согдоязычной надписью из Бугута [Кляшторный, Лившиц, 1968]. В навершии памятника изображена волчья фигура, под брюхом которой лежал человек с обрубленными ногами и руками. Что знаменовал этот странный барельеф на каганской стеле?

Согласно тюркской легенде, записанной в VI в. китайскими историками, предки тюрков, «жившие на краю большого болота», были истреблены воинами соседнего племени. Уцелел лишь изуродованный врагами десятилетний мальчик (ему обрубили руки и ноги), которого выкормила волчица, ставшая впоследствии его женой. Скрываясь от врагов, в конце концов убивших мальчика, волчица бежит в горы севернее Турфана (Восточный Тянь-Шань). Там, в пещере, она рождает десятерых сыновей, отцом которых был спасенный ею мальчик. Сыновья волчицы женятся на женщинах Турфана. Один из ее внуков, по имени Ашина, стал вождем нового племени и дал ему свое имя. Позднее вожди из рода *Ашина* выводят своих сородичей на Алтай, где они, возглавив местные племена, принимают имя тюрк.

Легенда связывает происхождение тюрков с Восточным Тянь-Шанем. О том же сообщают китайские исторические хроники, согласно которым группа позднегуннских племен в конце III — начале IV вв., переселившаяся в местность севернее Нань-Шаня, была вытеснена в конце IV в. в район Турфана, где продержалась до 460 г. В том году на них напали монголоязычные *жуань-жуани* (*авары*), уничтожили созданное ими владение и переселили покорившихся гуннов на Алтай. В числе переселенцев было и племя потомков *Ашина*.

И тюркская легенда (она известна в двух вариантах), и китайские исторические сведения отмечают, что Ашина за время жизни в Восточном Туркестане восприняли в свой состав новую этническую группу — смешались с местными жителями. На территории, где жили Ашина с конца III в.

до 460 г., преобладало иранское (согдийское) и тохарское (индоевропейское) население, повлиявшее на язык и культурные традиции Ашина. Именно здесь было положено начало тесным тюрко-согдийским связям, оказавшим огромное воздействие на всю культуру и государственность древних тюрков.

На Алтае тюрки-ашина, вынужденные выплачивать аварам дань железом, создали крупное объединение племен, которое уже в 545 г. установило дипломатические отношения с одним из северокитайских государств. Первым посредником в этих переговорах стал согдиец, выходец из Бухары. В то время согдийцы имели свои поселения по всей трассе Великого Шелкового пути, вплоть до столичных городов Китая (см. ниже разделы 5, 6).

Наиболее крупным объединением племен, говоривших на языках, впоследствии названных тюркскими, был огузский племенной союз, носивший в китайских источниках название *теле* (*тегрег*, «тележники»). Уже в IV-V вв. многочисленные племена, входившие в это объединение, появились в западной части евразийских степей; их главной территорией оставались Джунгария и Хангайское нагорье.

Тюрки-ашина, подчинив некоторые огузские племена и усилившись за их счет, восстали против своих жуань-жуаньских правителей. Последний каган жуань-жуаней Анахуань, разгромленный в битве, покончил жизнь самоубийством. Вождь тюрков Бумын в 551 г. принял титул кагана. В 552 г. он умер; ему наследовали Кара-каган (552-553) и Муган-каган (553-572), которые довершили разгром жуань-жуаней.

Часть жуань-жуаней бежала в Корею и Северный Китай, другие на запад, где они стали известны под именем аваров. Включив в состав своих орд многочисленные позднетунгусские племена Поволжья, Приазовья и Северного Кавказа, эти авары в 558-568 гг. прорвались к границам Византии, создали в долине Дуная свое государство и не раз опустошали страны Центральной Европы.

Во второй половине VI в. термин тюрк впервые фиксируется источниками и получает широкое распространение. Согдийцы передавали его как *турк*, согдийское множественное число — *туркут*, «тюрки». Согдийскую форму (во множественном числе) заимствовали китайцы (*туцзюе* — *тюркюэ*), так как первоначально дипломатические и письменные сношения между тюрками и Китаем осуществлялись при посредстве согдийцев и согдийского письма. Вслед за тем, термин *тюрк* фиксируется византийцами,

арабами, сирийцами, попадает в санскрит, различные иранские языки, в тибетский.

До создания каганата слово *тюрк* означало лишь союз десяти (позднее двенадцати) племен, сложившийся вскоре после 460 г. на Алтае. Это значение сохранялось термином и в эпоху каганатов. Оно отражено древнейшими тюркскими текстами в выражении *тюрк бодун*; слово *бодун* как раз и означает совокупность, союз племен (из *бод* «племя»), народ, состоящий из отдельных племен. Еще в середине VIII в. источники упоминают «двенадцатиплеменный тюркский народ». Этим же словом было обозначено и государство, созданное собственно тюркским племенным союзом — *Тюрк эль*. Оба этих значения отражены в древнетюркских эпиграфических памятниках и китайских источниках. В более широком смысле термин стал обозначать принадлежность различных кочевых племен к державе, созданной тюрками. Так его употребляли византийцы и иранцы, а иногда и сами тюрки.

Последнее значение термина получило дальнейшее развитие у арабских историков и географов в IX-XI вв., где слово *турк* появляется как название группы народов и языков, а не как название какого-либо одного народа или государства [Бартольд, V, 584]. Именно в арабской научной литературе возникло общее понятие о генетическом родстве языков, на которых говорили тюркские племена, и генеалогическом родстве самих этих племен. Вне сферы мусульманской образованности столь широкая трактовка не проявилась. Так, в русских летописях 985 г. упоминается племя торков (т.е. тюрков), но это лишь одно из многих кочевых объединений Дикого поля, называемое вместе с берендеями, печенегами, черными клобуками, половцами.

Последовательному изложению политической и социальной истории древнетюркских государств теперь, после прояснения основных понятий с ними связанных, предстоит предпослать хотя бы самый общий набросок этнической истории тех племен, которые, в сущности сформировали мир древнетюркских кочевников I тыс. н.э. Мы сознаем, что такое забегание вперед не всегда легко воспринимается читателем. Тем не менее, необходимость введения в текст некоторых генерализованных представлений более всего ощущается в предвосхищении дальнейшего изложения.

2. Общая концепция этнической истории древнетюркских племен

Древнейшие очаги тюркского этно- и глоттогенеза (т.е. территории формирования их этносов и языка) неразрывно связаны с восточной частью Евразийского континента — Центральной Азией и Южной Сибирью — от Алтая на западе до Хингана на востоке. Этот огромный регион не был изолирован ни от соседних цивилизаций, ни от горно-таежных и степных племен иного этнического облика. Трассы миграционных процессов, то усиливаясь, то затихая, пронизывали Великую Степь. Отличительной чертой этногенетических процессов в Великой Степи был их дислокальный, т.е. не связанный с одной территорией, характер, определяемый высокой степенью подвижности населявших ее племен. Общей особенностью тюркоязычных племенных объединений древности и средневековья была их неустойчивость, мобильность, способность легко адаптироваться в составе вновь возникающих племенных группировок. Только в рамках этнополитических объединений, созданных той или иной родоплеменной группой (династией), казалось бы хаотические миграции приобретали определенную направленность. И только в пределах обширных хронологических периодов заметно, что эти миграции подчинялись общей закономерности — *смещению тюркоязычных групп с востока на запад.*

Крайняя скудость письменных источников и трудности этнической интерпретации археологических материалов предопределяют реконструктивный характер рассматриваемых процессов в целом и известную гипотетичность частных выводов. Поэтому приходится ограничиться здесь рассмотрением наиболее общих и ясно очерченных периодов в границах древнетюркской эпохи, с которыми связаны качественно отличные этапы в формировании тюркоязычных этнических общностей.

Начало тюркского этногенеза привычно связывается с распадом государства гуннов и обособлением на территории Центральной Азии неизвестных ранее племенных групп. Однако, связь последних с гуннами, несмотря на определенную тенденцию китайской историографической традиции, в этногенетическом отношении далеко не бесспорна.

К настоящему времени достаточно определенно выявилось различие между «неалтайской» (в лингвистическом понимании) принадлежностью ранних гуннов, создавших империю, и явно конгломератным позднегуннским сообществом, где преобладали «алтайские» этнические группы. Именно на периферии империи гуннов обозначились в первые века новой эры прототюркские этнополитические образования.

Первым тюркским фольклорным памятником, зафиксированным письменно в VI в. и отразившим ранний этап тюркского этногенеза, являются генеалогические легенды о происхождении племени ашина и его превращении в господствующую группу внутри возникшего тогда племенного союза. Генеалогические легенды тюрков, трактуемые обычно весьма узко, позволяют, тем не менее, *кроме собственно тюркской генеалогии*, обнаружить истоки еще трех племенных традиций, связанных, как оказывается, с начальными этапами этногенеза *кыргызов, кипчаков и теле (огузов)*.

Обычно интерпретируются две записанные в *Чжоу шу* и *Бэй ши* легенды о происхождении тюрков. Обе легенды являются, скорее всего, разными записями одной легенды, отражающими последовательные этапы расселения тюрков-ашина в Центральной Азии. После переселения ашина на Алтай в их генеалогическую традицию включаются как равноправные участники тюркоязычные этнические группы севера Центральной Азии и Южной Сибири, создавшие обособленные племенные объединения по соседству с тюрками-ашина. Согласно записанной в Китае генеалогии — это группа *цигу*, т.е. енисейских кыргызов, группа «*белого лебедя*», отождествляемая мною [т.е. — С.К.] с кипчаками, и группа *теле*, отождествляемая с упоминаемыми в легенде родичами ашина, поселившимися на р. Чжучже.

Анализ версий легенды позволяет заметить два важных обстоятельства — во-первых, четыре основные древнетюркские группировки племен, сохранившие в позднейшую эпоху историческую преемственность, сложились на весьма раннем этапе тюркского этногенеза, когда еще ощущалось и запечатлелось в повествовательной традиции их генеалогическое родство. Во-вторых, по счету поколений, сведения, сохранившиеся в записи VI в., отражают события V в. или, возможно, IV-V вв., происходившие на территории Восточного Тянь-Шаня и Саяно-Алтая (включая Монгольский Алтай). Последнее обстоятельство дает возможность обратиться к сохранившимся

фрагментам описаний исторических событий и археологическим материалам того времени.

На территории Саяно-Алтая в III-V вв. выделяются несколько археологических культур, которые по некоторым характерным элементам, могут быть с различной степенью достоверности атрибутированы как *раннекыргызская*, *раннетелеская* и *раннекипчакская*. Так, в *таштыкской культуре* III-V вв., сложившейся на территории Среднеенисейской низменности, четко прослеживается ряд элементов (обряд трупосожжения, некоторые конструктивные особенности погребальных склепов, отдельные виды украшений и керамики), получивших развитие в *культуре енисейских кыргызов*. *Памятники берельского типа* на Горном Алтае (III-V вв.) отличаются сопроводительными захоронениями коней и на этом основании справедливо трактуются как *раннетелеские (раннеогузские)*. В синхронных памятниках Северного Алтая, входящих в круг конгломератской *верхнеобской культуры*, достаточно рано прослеживаются элементы, характерные впоследствии для культуры *раннесредневековых кипчаков*. Создатели перечисленных археологических комплексов явно связаны с этнокультурным субстратом гунского времени, но в III-V вв. древнетюркские культуры уже обособились как проявления самостоятельных этнических общностей. Таким образом, анализ письменной традиции и археологических материалов позволяет наметить первый по глубине этап тюркского этногенеза, который может быть условно обозначен как *этап легендарных предков*.

В середине VI в. четыре основные группировки древнетюркских племен вошли в состав нового политического образования, созданного тюрками-ашина, и тем самым было положено начало следующему этапу этнической и политической истории Центральной Азии — *этапу архаических империй (VI-IX вв.)*.

Новый этап тюркского этногенеза протекал на фоне изменившихся социальных условий (активизация процессов выделения господствующих и подчиненных групп населения), в иных территориальных пределах (распространение власти тюркских каганов на казахстанскую часть Великой Степи и проникновение их политического влияния в зону оседлой среднеазиатской цивилизации). Этот этап обусловил новый уровень этнических контактов и экономического симбиоза с восточноиранским миром. Образование Тюркских и Уйгурского каганатов, а также государств карлуков, тюркшей, кыргызов и кимаков, создавших аналогичные

социально-политические структуры, предопределили *постепенное смещение к западу центров тюркского этногенеза* и одновременное ослабление прежних, связанных с тюрками этнических процессов на территории Центральной Азии.

Внутри архаических империй родоплеменной партикуляризм, т.е. стремление к обособлению, впервые приобретает противовес — им становится общеимперская идеология. В рамках единой державы появляются и продолжают существовать даже после ее распада единый литературный язык и письменность, общеимперская мода в материальной культуре, единая социально-политическая номенклатура. Эти процессы отражали новое этническое мироощущение противопоставления себя как целого иному культурному миру. Вместе с тем, в Смиречье, Восточном Туркестане и, отчасти, в Среднеазиатском Междуречье, обозначились совершенно отличные от отмеченных выше процессы сравнительно узкой локализации устойчивых этнотерриториальных групп, внутри которых усилилось воздействие центростремительных сил, и окрепли прежде нестойкие межплеменные связи, формирующие будущие тюркские нации.

Центростремительные и центробежные процессы, сменяющие друг друга и сосуществующие в истории архаических империй, отразились в противоречивом характере развития археологических культур того времени. С одной стороны, происходит сложение общетюркского культурного комплекса, включающего широкораспространенные по всему степному поясу во второй половине I тыс. н.э. формы предметов материальной культуры (седла со стременем, сложносоставленные луки, трехперые стрелы, пряжки, украшения), идеологических представлений, отраженных в погребальном обряде, памятников изобразительного искусства. С другой — достаточно четко фиксируются культурно-дифференцирующие признаки археологических комплексов, имеющих конкретное этническое содержание. Так, могут быть выделены три самостоятельные археологические культуры, различающиеся нормами погребального обряда, характерным оформлением предметов и их декором — *культура енисейских кыргызов, культура алтайских тюрков и сроткинская, т.е. кимакско-кипчакская культура* Восточного Казахстана и Северного Алтая. Общая тенденция развития раннесредневековых культур прослеживается по характеру распространения инноваций — с юга на север, с востока на запад.

Таким образом, в течение всего I тыс. н.э. в Центральной Азии и степной части юго-западной Сибири, в Семиречье и на Тянь-Шане, в рамках общих для тюркской этнической среды процессов, происходило сопряженное *формирование культурных традиций, связанных с собственнотюркским, огузским, кыргызским и кипчакским этногенезом.*

В границах архаических империй четыре разных группировки тюркоязычных племен консолидировались и превратились в *очаги формирования новых этносов.* Кимакско-кипчакская группа и некоторые огузские племена, покинувшие Центральную Азию, передвинулись в бассейне Иртыша, а затем стремительно распространились в западном направлении, оттеснив на юг многие другие тюркские племена. *Кыргызы*, раздвинув границы своего енисейского государства, освоили малоудобные для кочевников, но обладавшие значительным хозяйственным потенциалом предгорные и лесостепные районы от Байкала до Восточного Казахстана, что находит отражение и в археологических материалах. Границы распространения кыргызов в IX-X вв. маркируют на востоке погребения близ Читы, на западе — могильник Узун-Тал на Южном Алтае; кыргызские элементы прослеживаются в инвентаре курганов Западного Алтая и Верхнего Иртыша. Западная граница распространения влияния енисейских кыргызов отмечена материалами захоронения на р. Или.

Группа токуз-огузских племен в жестокой борьбе с северной экспансией Тибета все более смещалась в сторону западной части Ганьсу и в Восточный Туркестан, уже в середине VIII в. превратив Таримский бассейн в западную периферию своего государства. *Тюрки*, потерпевшие политическую катастрофу в 744 г. и утратившие свою центральноазиатскую прародину, концентрировались в Кашгарии и в Семиречье, где в X в., после принятия ислама и смешения с родственными карлукскими племенами, создали Караханидское государство. Их семиреченская ветвь, потомки тюрко-огузских племен Западного каганата, теснимые карлуками, тогда же формируют государство приаральских огузов, ассимилируя население присырдарьинских оазисов и приаральских степей. Динамика этнического развития, определившаяся в недрах архаических империй, отчетливо проявилась в этих государствах, формирование которых положило начало следующему этапу политической, социальной и этнической истории Великой Степи — *этапу варварских государств*, преобразующихся в ранне-

феодалные державы. Именно в рамках этих государств наиболее ясно обозначились нуклеарные компоненты, вокруг которых консолидировались этнические процессы, определившие языковую и культурную специфику тюркских протонародностей раннего средневековья.

Вместе с тем, резко изменилось соотношение внутренних и внешних факторов, определивших направленность этнокультурных процессов. *Главным на следующем этапе этногенеза оказалось не столько саморазвитие древнетюркских компонентов, сколько воздействие теснейших контактов с окружающей этнической средой — иранской, кавказской, малоазийской, финно-угорской, славянской.* Обе линии этнического развития — привнесенная центральноазиатская и местная субстратная — по-разному проявились в расогенезе, культурогенезе и в собственно этнической истории тюркоязычных народов.

3. Первый Тюркский каганат (551-630 гг.)

Муган-каган, наследник Бумына и Кара-кагана, окончательно утвердил господство Тюркского эля в Центральной Азии и Южной Сибири, покорив монгольские племена киданей в юго-западной Маньчжурии и кыргызов на Енисее. По словам китайской летописи, он «привел в трепет все владения, лежащие за границей [Великой стеной — С.К.]. С востока от Корейского залива на запад до Западного моря [Каспия — С.К.] до десяти тысяч ли, с юга от Песчаной степи [пустыни Алашань и Гоби — С.К.] на север до Северного моря [Байкал — С.К.] от пяти до шести тысяч ли, все сие пространство земель находилось под его державой. Он сделался соперником Срединному царству» [Бичурин, I, с.229]. Последнее утверждение не вполне точно — каганат в эту эпоху фактически превратил оба северокитайских государства — Северное Ци и Северное Чжоу — в своих данников. Особенно усилилась их зависимость при наследнике Муган-кагана, Таспар-кагане (572-581 гг.).

Успешными для тюрков были их западные походы. К концу 60-х годов VI в. Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени — Византии, Сасанидского Ирана, Китая, и ведет борьбу за контроль на торговом

пути, связывающим Дальний Восток со странами Средиземноморья.

Непрерывные завоевательные войны на время приглушили острые противоречия, возникшие в ходе социальной перестройки тюркского общества, но первые же неудачи быстро изменили обстановку. В 581-588 гг. раздробленный до того Китай был объединен под властью династии Суй (581-618 гг.); осуществленные там реформы привели к быстрому росту экономической и военной мощи империи. Усиление Китая совпало с началом распрей внутри правящей группировки тюрков, прежде всего в самом династийном племени Ашина, и со страшным голодом в степи. Китайский историк замечает: «вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости» [Бичурин, I, с.229]. Рост государства и влияния тюркской аристократии, стремившейся к автономному управлению захваченными территориями, обеднение массы рядовых кочевников, вынесших на своих плечах все тяготы непрерывных войн и лишившихся средств существования вследствие джута 581-583 гг., новая политическая обстановка, не дававшая тюркским каганам возможности искать выход в набегах — все это привело каганат к острейшему кризису и междоусобице.

В 582-603 гг. окончательно завершился распад каганата на восточную (центральноазиатскую) и западную (среднеазиатскую) части; между Восточнотюркским и Западнотюркским каганатами велись все это время изнурительные войны.

Лишь при Шиби-кагане (609-619 гг.) Восточнотюркский каганат на короткое время вышел из состояния кризиса; наметился новый подъем его политического могущества. Гражданская война в Китае (613-618 гг.) и падение династии Суй, которую сменил дом Тан (618-907 гг.), позволили Шиби и его младшему брату Эль-кагану (620-630 гг.) возобновить войны на южной границе. Однако к этому времени обстановка в каганате существенно изменилась.

Давно минули времена, когда весь тюркский племенной союз видел в набегах нормальный и доходный промысел. Восемьдесятiletний путь исторического развития созданного тюрками государства привел к глубоким качественным изменениям общества. Всевластный каган руководствовался в политике интересами аристократической верхушки, в значительной мере оторвавшейся от своих корней в роду и племени. Война становилась выгодной только для правящего слоя каганата, которому доставалась львиная доля добычи и дани. Основная масса населения жила доходами скотоводческого хозяйства. Большая часть тюрков была заин-

тересована не в походах за рабами и драгоценностями, не в дани шелком, а в мирной меновой торговле. Иногда каганы, считаясь с насущными проблемами своих подданных, обращались к императорскому правительству Китая с просьбой разрешить меновой торг. Но на протяжении почти тысячелетия пограничная торговля рассматривалась в Китае лишь как средство политического контроля над «варварами», монополизировалась императорским двором и предельно ограничивалась. За двести лет существования в Центральной Азии тюркских каганатов имеется только несколько сообщений об открытии меновых рынков на китайской границе. Поэтому на определенном этапе истории тюркской аристократии удавалось получать широкую поддержку рядовых общинников в ее военных предприятиях на юге. Алчность и борьба за господство над чужими землями были свойственны и императорскому двору, и каганской ставке, страдали от этого китайские землепашцы и тюркские скотоводы, стремившиеся к мирной торговле на пограничных рынках.

В течение 620–629 гг. Эль-каган и его военачальники организовали 67 нападений на границы. Непрерывные войны требовали бесперебойного снабжения огромной армии, постоянного ремонта конского состава и многих других затрат. В результате Эль-каган, не довольствуясь данью и добычей, усилил обложение податями и сборами собственного народа. Подати оказались особенно тяжелыми в годы джута, падежа скота и голода (627–629 гг.). Эль-каган, следуя по пути, проложенному его предшественниками, перешел к формам и методам осуществления власти, свойственным более развитым обществам. Не полагаясь на старые органы управления, связанные в какой-то степени родоплеменными традициями, он заместил должностных лиц, занимавших ключевые посты, китайцами и согдийцами.

В глазах народа обострение социального неравенства и классового угнетения было непосредственно связано с переходом реальной власти в руки чужаков. Недовольство обездоленных превратилось в ненависть к иноземцам. Внутренние противоречия в каганате казались столь очевидными, что стали темой докладных записок китайских пограничных чиновников, наблюдения которых были резюмированы историографом: «Тюрки имели простые обычаи и были по природе простодушны. Хели [Эль-каган — С.К.] имел при себе одного китайского ученого, Чжао Дэ-яня. Он уважал его ради талантов и питал к нему полное доверие, так что Чжао Дэ-янь стал мало-помалу управлять государственно-

ми делами. Кроме того, Хели доверил правление ху (соддийцам), удалил от себя своих сородичей и не допускал их к службе. Он ежегодно посылал войска в поход ..., так что его народ не смог более переносить эти тяготы ... Год за годом (в стране) был великий голод. Налоги и сборы стали невыносимо тяжелыми, и племена все более отвращались от Хели» [Liu Mau-tsai, I, c.194].

Последствия не замедлили сказаться. В 629 г. Эль-каган потерпел поражение в Шаньси. Против него сразу же восстали огузские племена. Императорская армия, воспользовавшись обстановкой, вторглась на территорию каганата. Покинутый всеми Эль-каган попал в плен (630 г.). Так завершилась история Первого Тюркского каганата.

4. Тюрки в Средней Азии

Тюркский историограф VIII в., повествуя о державе своих предков и завоеваниях первых каганов, пишет: «Вперед (т.е. на восток) вплоть до Кадырканской черни, назад (т.е. на запад) вплоть до Железных ворот они расселили свой народ». Кадырканская чернь — это горы Большого Хингана, а Железные ворота — проход Бузгала в горах Байсун-тау, по дороге из Самарканда в Балх, в 90 км к югу от Шахрисябза. В момент своей наибольшей территориальной экспансии (576 г.) Тюркский каганат простирался от Маньчжурии до Боспора Кимерийского (Керченского пролива), от верховьев Енисея до верховьев Аму-Дарьи. Таким образом, тюркские каганы стали создателями первой евразийской империи, политическое и культурное наследие которой оказало существенное влияние на историю Средней Азии и Юго-Восточной Европы.

Правителем западных территорий каганата стал брат Бумын-кагана, Истеми (Сильзибул или Дизавул византийских и Синджибу арабских исторических сочинений); он носил титул ябгу-кагана, в дальнейшем традиционный для западной ветви тюркской династии Ашина. Военный титул *ябгу* (*явуга*) был заимствован тюрками из кушанской политической традиции, сохраненной эфталитами. Именно при Истеми, который умер в 575 г., тюрки достигли на западе пика своего военного могущества.

Уже к 555 г. тюркские племена, двигавшиеся на запад, овладели Семиречьем и всей степной зоной Казахстана,

вплоть до Сыр-Дарьи и Приаралья. Возможно тогда же сюзеренитет тюркского ябгу-кагана распространился на Хорезм. Движение тюрков на запад было не просто завоеванием, а крупной миграцией центральноазиатских тюркоязычных племен и заселением ими обширных горно-степных районов на севере и востоке Средней Азии, прежде всего в казахстанской степи. Местные кочевые племена, по языку родственные тюркам, были либо включены в военно-административную систему, созданную тюрками, либо бежали вместе с аварами в степи Юго-Восточной Европы, приняв то же этническое имя и значительно усилив военный потенциал авар. Последнее обстоятельство дало повод византийскому автору Феофилакту Симокатте, писавшему в начале VII в., назвать этих беглецов «псевдоаварами». Однако сами тюрки, судя по свидетельству другого византийского историка, Менандра (конец VI в.), именовали бежавших врагов именно аварами.

Нет никаких сведений об изменении тюрками в завоеванных ими землях Средней Азии, с городами и оседлоземельским населением, существовавшей там социальной, экономической или политической систем. Напротив, отрывочные сведения источников позволяют предположить, что даже на ранних этапах завоевания тюркский каган ограничился утверждением здесь своего сюзеренитета и получением дани.

Кочевое же население было организовано в «десятистрельный племенной союз» (*он ок бодун*), вполне аналогичный в то время военно-административной системе, существовавшей у восточных тюрков. Сам Истеми-ябгу-каган назван в одном из китайских источников «каганом десяти племен». Однако «стрела», судя по позднейшим сообщениям, была формой военно-административной, а не родоплеменной организации. Возможно, что в состав «стрелы» входило несколько племен, принявших общее имя. Каждая «стрела» выставляла один тюмен, т.е. десятитысячное войско во главе с «великим предводителем» (шадом) и имела свой боевой стяг. Все «десять стрел» были сгруппированы в восточный и западный союзы, по пять «стрел» в каждом. Китайский документ той эпохи свидетельствует: «Восточная сторона называлась пять племен дулу, во главе которых были поставлены пять великих чоров. Западная сторона называлась пять племен нушиби. Во главе их стояло пять великих иркинов. Позднее каждая стрела стала называться племенем, а великим вождям стрел было дано звание великих предводителей. Пять племен дулу оби-

тали к востоку от Суяба; пять племен нушиби обитали к западу от Суяба» [Chavannes, с.27-28].

Разделение на два крыла было присуще многим крупным тюркским племенным объединениям древности и средневековья. Таков гуннский племенной союз с его «восточной» и «западной» стороной, такова огузская конфедерация, полумифический прототип которой, улус Огузхана, делился на бузуков и учуков. Символом власти младшей ветви огузской конфедерации, учуков, была стрела. Отметим, что ябгу-каганы западной ветви династии Ашина считались младшей линией каганского рода и находились в том же отношении к каганам восточной ветви, что и учуки к бузукам в легендарных генеалогиях «Огуз-наме». В VII в. «десятистрельная» система в Восточнотюркском каганате была заменена системой «двенадцати племен», делившихся на две конфедерации — телисов и тардушей (восточное и западное крылья). Эта последняя система в VIII в. была унаследована Уйгурским каганатом.

Таким образом, уже через три года после создания Тюркского каганата, в 555 г., на его западных (среднеазиатских) территориях сложилась военно-административная система, подобная той, которая существовала на востоке, но не объединенная с ней. Тем самым были созданы политические условия для последующего распада каганата.

Освоение новых территорий сделало тюрков соседями могущественного государства эфталитов, восточные владения которого (Хотан и вассальные княжества в Семиречье) были тюрками завоеваны. Враждебность, сразу же проявившаяся в тюрко-эфталитских отношениях, сдерживалась, однако, не менее 8 лет. Эфталиты, связанные войной в Индии и опасностью, угрожавшей из Ирана, не решались на поход в степь. Тюркские же вожди считали своей главной целью докончить разгром аваров, ушедших за Волгу.

К 558 г. тюрки завершили покорение Поволжья и Приуралья. В том же году император Юстиниан принял в Константинополе послов аварского кагана Баяна, овладевшего обширными землями к западу от Волги и Северным Кавказом. Вскоре к аварам прибыло ответное византийское посольство. Все это не могло не встревожить Истеми, тем более, что набеги авар на новые тюркские владения создавали на западной границе каганата напряженное положение.

Вместе с тем, в конце 50-х годов VI в. перед Истеми открылась перспектива успешных военных действий против эфталитов. Шах Ирана, Хосров I Ануширван (531-579), прекративший выплату дани эфталитам и готовящийся к войне с ними, уже в 557 г. возобновил перемирие с Византией и тем самым развязал себе руки на западе. Хотя окончательная договоренность о прочном мире была достигнута только в 561-563 гг., Хосров предложил тюркам военный союз против эфталитов. Союз был заключен и скреплен брачным договором — дочь Истеми стала женой Хосрова и впоследствии матерью наследника престола Хормизда. Этот союз определил направление новых походов кочевников. В Константинополь было отправлено тюркское посольство во главе с вождем одного из племен нушиби, Эскиль Кюль-иркином, которое прибыло туда в 563 г. с целью добиться от императора прекращения помощи аварам. А армия кагана, поддержанная с запада наступлением иранских войск на Балх, в том же году вторглась в эфталитские земли с востока. По «Шах-наме», решающая битва произошла под Бухарой. Войско эфталитского царя Гатифара было разгромлено. Лишь небольшое эфталитское владение в Тохаристане сохраняло некоторое время независимость, но и оно вскоре оказалось под властью Хосрова, который распространил свое влияние на все бывшие эфталитские земли южнее Аму-Дарьи.

Трения между Хосровом и тюркским каганом, начавшиеся из-за раздела эфталитского наследства, вскоре переросли в открытый конфликт, причиной которого стали различные экономические интересы обеих держав.

★

Как пишет В.В. Бартольд, «название области Тохаристан... в эпоху арабских географов употреблялось в двух значениях. В тесном смысле под Тохаристаном понимали область к югу от Аму-Дарьи и к востоку от Балха, с главным городом Тальканом (нане Талихан), простиравшуюся на восток до Бадахшана, на юг — до Гиндукуша. Но в более обширном значении термин Тохаристан прилагался ко всей стране по обеим берегам Аму-Дарьи до ближайших гор, преимущественно к стране к востоку от Балха [Бартольд, VII, с.47].

5. Тюркский каганат, Сасанидский Иран и Византия. «Шелковый путь»

После завоевания Средней Азии, тюрки стали хозяевами значительной части торгового пути из Китая в страны Средиземноморья — Великого Шелкового пути. Главными посредниками в торговле шелком были согдийцы (на центральноазиатском и среднеазиатском участках пути) и персы, контролировавшие путь от Пайкенда (близ Бухары) до Сирии. Основным покупателем шелковых тканей была Византия. Торговля шелком приносила согдийским купцам и тюркским ханам огромные доходы. Тюрки получали возможность сбывать через согдийцев военную добычу и дань, выплачиваемую им китайскими царствами. Согдийцы сосредоточили в своих руках небывалое количество драгоценных шелковых тканей. Вместе с тем, уже с конца IV в. в Согде существовало свое шелкоткацкое производство на местном сырье. Согдийские шелка высоко ценились не только на западе, их ввозили даже в Восточный Туркестан и Китай. Сбыт этих тканей в VI в. стал важной проблемой для согдийских городов. В Иране и Византийской империи, особенно в Сирии и Египте, также существовало развитое шелкоткацкое производство, но сырьем для него был шелк-сырец, ввозимый из Восточного Туркестана и Средней Азии. Однако в VI в. в Иране и Византии появляется свой шелк-сырец.

Первая попытка сбыть накопившийся у них шелк и договориться о регулярной торговле была предпринята согдийцами в Иране. Согдийский посол Маниах прибыл туда в 566 или 567 г. как представитель тюркского кагана. Однако Хосров, опасавшийся свободного доступа тюрок в свою страну и незаинтересованный в резком увеличении количества импортного шелка на иранском рынке, что понизило бы доходы местного шелкоткацкого производства, купил привезенный Маниахом шелк и тут же сжег привезенный товар. Тогда Маниах сделал попытку найти более выгодного покупателя — Византию. В 567 г. он возглавил посольство тюркского кагана в Константинополь. Византия, как и Иран, не испытывала острой нужды в согдийском шелке, но была заинтересована в союзе с тюрками против персов. Именно этот аспект внешней политики константи-

нопольского двора и стремились использовать согдийцы для заключения торгового соглашения.

Тюркское посольство было с почетом принято при императорском дворе, и между тюрками и Византией заключено военное соглашение против Ирана. Вместе с Маниахом в ставку кагана выехал византийский посол Земарх Киликиец, «стратег восточных городов» империи. Каган принял Земарха в своей ставке близ «Золотой горы», на Тянь-Шане. И сразу же предложил путешественнику сопровождать тюркское войско в походе на Иран. Попытка шаха дипломатическим путем остановить тюркское наступление не удалась, и тюрки захватили в Гургане несколько богатых городов. Впрочем, уже в 569 г. их войско вернулось в Согд.

Вслед за тем Истеми перенес военные действия на Волгу, к 571 г. завоевал Северный Кавказ и вскоре вышел на Боспор (Керчь), подчинив аланов и утигуров. Тем самым каган расчищал трудный обходной путь в Византию, путь через Хорезм, Поволжье и Кавказ или Крым. Византийский историк Менандр упоминает семь византийских посольств к тюркам между 568-576 гг. и сообщает, что к каждому посольству присоединялись тюрки, согдийцы и хорезмийцы. Число их было часто значительно — к посольству мечника Валентина, например, присоединилось в 576 г. 106 «тюрков», т.е. подданных кагана, в разное время прибывших в Константинополь. В большинстве своем это были купцы. Регулярные торговые связи с Византией подтверждаются и многочисленными находками в Средней Азии византийских монет VI в. Впрочем, в 575-576 гг. на короткий срок тюрко-византийские отношения внезапно обострились. После смерти Истеми-кагана один из его сыновей, Турксанф, получивший свой удел на крайнем западе каганата и крайне недовольный мирными переговорами, которые император Юстин II вел с аварами, обвинил Византию в нарушении союзных отношений, а затем захватил Боспор Киммерийский и вторгся в Крым (576 г.). Вскоре, однако, он был вынужден покинуть полуостров.

Второй поход тюрков в Иран относится к 588-589 гг. Войско, возглавленное «царем тюрков» Савэ (или Шаба), вторглось в Хорасан. Возле Герата его встретили иранские войска, которыми командовал прославленный полководец Бахрам Чобин. Он разгромил тюркское войско и застрелил из лука «царя тюрков». Попытка реванша оказалась безуспешной, и стороны заключили мир.

Вплоть до разгрома Сасанидов арабами граница между тюркскими владениями в Средней Азии и Ираном оставалась неизменной. Все эти годы, с большей или меньшей регулярностью, караваны с шелком и другими товарами шли на запад и через Иран, и через Хорезм, и через Поволжье.

6. Западнотюркский каганат. Согдийские колонии Семиречья

Междоусобная война в Тюркском каганате, раздираемом сепаратистскими тенденциями и борьбой за уделы внутри правящего рода, длилась более 20 лет и завершилась в 603 г. окончательным распадом на два государства — Западнотюркский каганат в Средней Азии, включая Джунгарию и часть Восточного Туркестана, и Восточнотюркский каганат в Монголии. Кратковременный расцвет Западнотюркского каганата при каганах Шегуй (619-618) и Тон-ябгу (618-630) стал временем максимальной территориальной экспансии нового государства, быстрого обогащения и роста влияния военно-племенной знати, объединившей силы племен под эгидой каганской власти для почти непрекращавшихся и всегда успешных походов. Уже Шегуй сделал Алтай восточной границей каганата и распространил свою власть на весь бассейн Тарима и восточное Припамирье. Тон-ябгу возродил активную западную политику каганата и перенес свою зимнюю резиденцию в Суяб — крупный торгово-ремесленный центр в долине р. Чу (ныне городище Ак-бешим близ г. Токмак), а летнюю ставку — в Минг-булак близ Исфиджаба (невдалеке от современного г. Туркестан). Новые походы раздвинули границы каганата до верховий Аму-Дарьи и Гиндукуша. Управление югом (Тохаристаном) Тон-ябгу передал своему сыну Гарду-шаду, ставка которого находилась в Кундузе.

Реализуя договорные отношения с Византией, Тон-ябгу-каган принял личное участие в третьем походе императора Ираклия в Закавказье (627-628 гг.). Тюрки захватили огромную добычу во взятых ими Чоре (Дербенте) и Тбилиси. Апофеозом успехов Тон-ябгу-кагана была его встреча с Ираклием под стенами Тбилиси, во время которой византийский император возложил на голову тюркского хана

свою собственную корону и пообещал выдать за него свою дочь, принцессу Евдокию.

При Тон-ябгу-кагане был установлен более строгий политический контроль каганата в практически независимых прежде среднеазиатских государствах, чей вассалитет всегда ограничивался лишь уплатой дани. Во все подвластные ему владения от Исфиджаба и Чача (Ташкентский оазис) на севере до территорий Южного Афганистана и северо-западного Пакистана, были посланы уполномоченные кагана — тудуны, которым вменялся контроль над сбором податей и посылкой дани в каганскую ставку. Местным владельцам были «пожалованы» тюркские титулы, как бы включавшие их в административную иерархию каганата. Вместе с тем, Тон-ябгу стремился укрепить с крупнейшими из местных владельцев личные связи; так, он выдал свою дочь за наиболее сильного в Средней Азии владельца — правителя Самарканда. Подводя итоги правления Тон-ябгу, китайский хронист замечает: «Никогда еще западные варвары не были столь могущественны» [Chavannes, с.24].

Деспотический характер власти Тон-ябгу, который, «полагаясь на свое могущество и богатство, стал немилостив к подданным» [там же], скоро оказался в противоречии с возросшим сепаратизмом разбогатевшей в ходе победоносных войн племенной знати. Пытаясь предотвратить междоусобицу, дядя Тон-ябгу, Кюль-багатур, убил племянника и провозгласил себя Кюль Эльбильге-каганом. Однако часть племен поддержала другого претендента, и межплеменная война началась. Уже в 630-634 гг. каганат утратил все свои среднеазиатские владения к западу от Сыр-Дарьи. Государство вступило в полосу затяжного политического кризиса, главной причиной которого была борьба за власть между знатью двух конфедераций, составлявших западнотюркский племенной союз — дулу и нушиби.

В 634 г. к власти пришел Ышбара Эльтериш Шир-каган, опиравшийся на нушиби. Он сделал попытку возродить действенность военно-административной системы «десяти стрел». Новые реформы превратили племенных вождей (иркинов и чоров) в назначаемых или утверждаемых каганом «управляющих», зависимых лично от него. Кроме того, для осуществления действенного контроля в каждую «стрелу» был направлен член каганского рода — шад, никак не связанный с племенной знатью и руководствовавшийся интересами центральной власти. Тем самым, политическая ини-

циатива местных вождей была резко ограничена. Однако военно-политические ресурсы каганской власти оказались недостаточны для удержания племен в повиновении. Уже в 638 г. племена дулу провозгласили каганом одного из посланных к ним шадов. После кровопролитной и тяжелой войны между дулу и нушиби каганат распался «на два царства», граница между которыми проходила по р. Или. Ышбара-каган был низложен и бежал в Фергану [Chavannes, с.56].

Межплеменная война и династийная борьба, продолжавшиеся последующие 17 лет (640-657 гг.), привели в конце концов к вторжению в Семиречье китайских войск. Ополчение «десяти стрел» потерпело поражение, а их последний независимый правитель, Нивар Ышбара-ябгу-каган, (Ашина Хэлу китайских источников) был захвачен в плен, где и умер через два года, в 659 г.

Танская империя пыталась управлять западнотюркскими племенами, опираясь на своих ставленников из каганского рода. Какое-то время эти методы были действенными, но непрерывавшаяся борьба тюрков за независимость в конце VII в. увенчалась успехом. Государство западных тюрков восстановил вождь племени тюргешей Уч-элиг, создавший новое государство — Тюргешский каганат. К этому времени в Центральной и Средней Азии сложилась новая политическая ситуация, определившаяся возрождением Восточнотюркского каганата и арабскими завоеваниями в Средней Азии.

Западнотюркский каганат (его самоназванием было *Он Ок Эли* — «Государство десяти стрел») весьма значительно отличался от Тюркского каганата на востоке. Если там преобладала кочевая жизнь, то на западе значительная часть населения была оседлой и занималась земледелием, ремеслом и торговлей. Социальная структура Западнотюркского каганата была несравненно сложнее, и его и с большим правом можно считать государством со сравнительно развитыми феодальными отношениями, чем Восточнотюркский каганат.

Раннесредневековая городская и земледельческая культура Западнотюркского каганата была создана с участием согдийцев, весьма рано начавшими создавать свои торговоземледельческие колонии на Великом Шелковом пути — в Семиречье, Джунгарии, Восточном Туркестане, Северном Китае. В V-VII вв. интенсивная согдийская колонизация в долинах рек Талас («страна Аргу» тюркских источников), Чу и Или привела к созданию там десятков городов и

укрепленных поселков. Основной приток согдийцев в Семиречье, особенно в Чуйскую долину, приходится на VII-VIII вв. Поселения этого времени частично вскрыты раскопками, в особенности, исследованиями ведущего казахстанского археолога К.М. Байпакова [Байпаков, 1986]. Это были большие города, не уступавшие по размерам большинству раннесредневековых городов Средней Азии. Их центральная часть состояла из цитадели и плотно застроенного шахристана. К шахристану примыкал рабад (ремесленно-торговое предместье) и обнесенная стенами территория усадебной застройки; укрепленные усадьбы — кешки, окруженные садами и виноградниками, отстояли друг от друга на 50-100 м. Прилегающая местность, составлявшая пахотные земли жителей города, также была обнесена валами.

Только в Чуйской долине в VI-VIII вв. существовало не менее 18 крупных городов и большое число мелких поселений, основанных и населенных согдийцами, тюрками, сирийцами, персами. Первое описание городов Семиречья и их населения принадлежит китайскому путешественнику Сюань Цзану, посетившему страну в 630 г.: «Пройдя более 500 ли на северо-запад от прозрачного озера (Иссык-Куль), прибыли в город Суй-е (Суяб). Этот город в окружности 6-7 ли. В нем смешанно живут торговцы из разных стран и ху (согдийцы). Земли пригодны для возделывания красного проса и винограда. Леса здесь редки, климат ветренный и холодный. Люди одеваются в тканые шерстяные одежды. Прямо на западе от Суй-е находятся несколько десятков одиночных городов, и в каждом из них свой старейшина. Хотя они не зависят один от другого, но все подчиняются тюркам» [Зуев, 1960]. Теми же словами характеризует путешественник другой крупный город — Талас. Путешественник резюмирует свои наблюдения: «Страна от города Суяба до княжества Кушания называется Согд, ее население также носит это имя» [там же]. Как очевидно, Сюань Цзан, показавший себя весьма тонким наблюдателем, не находил этнического различия между частью населения семиреченских городов и собственно Согда.

Описав одежду, внешний вид и письменность согдийцев, Сюань Цзан не слишком лестно отзываясь об их обычаях — торговая предприимчивость, погоня за наживой претили буддийскому монаху, проповедовавшему отрешенность от мирской суеты. Однако паломник не преминул отметить одно чрезвычайно важное обстоятельство, сразу же вводя-

щее его читателя в круг повседневной жизни согдийских поселенцев: «Тех, кто возделывает поля и тех, кто преследует выгоду (т.е. ремесленников и купцов) — поровну» [там же]. Это свидетельство явно указывает не только на торгово-ремесленный, но и на аграрный характер согдийских городов, что подтверждается и археологическими наблюдениями.

В западнотюркском каганате VII-VIII вв. власть каганов не была столь сильна, как на востоке. Ожесточенная борьба различных группировок военно-племенной знати, в чьих руках была военная сила, часто делала каганов подставными фигурами, цеплявшимися за каждую возможность найти политическую и экономическую опору в своей стране. В этих условиях положение больших и богатых согдийских городов, обладавших мощными укреплениями, сильными военными отрядами и огромными торгово-дипломатическими связями, было исключительно выгодным. Они имели неизменную возможность выступать как «третья сила» во всяком крупном внутреннем или внешнем конфликте. Тюркские каганы называли своих согдийских подданных «татами», т.е. зависимыми данниками. Однако, есть все основания полагать, что роль согдийцев в Западном каганате была очень значительна — под их контролем находилась вся экономическая жизнь государства, включая денежную эмиссию. Все местные монеты VIII в., найденные при раскопках столицы тюркских и тюркешских каганов, Суяба, имеют легенды на согдийском языке и были отлиты в согдийских мастерских.

7. Возрождение Восточнотюркского каганата. Тюркешский каганат. Борьба с арабами

В 679-687 гг. восточные тюрки в результате упорной борьбы за независимость с Китаем восстановили свое государство. Первым каганом стал Кутлуг, принявший титул Эльтериш-каган. Его ближайшим помощником и советником был Тоньюкук, оставивший описание своих деяний запечатленным на каменной стеле древнетюркским руническим письмом. Центр каганата находился в Отюкене (Хангайские горы), а его западной границей уже при Эльтерише был Алтай. В 691 г., после смерти Эльтериша на престол сел его брат,

Капаган-каган (691-716), при котором отмечен наивысший подъем военно-политического могущества второго Восточнотюркского каганата. Несколько успешных кампаний против китайских армий в Северном Китае, разгром государства енисейских кыргызов (709-710 гг.) сделали Капагана господином Центральной Азии. Состояние дел в Западном каганате дало ему повод для военного вмешательства.

В 699 г. Уч-элиг, вождь тюргешей, вытеснил в Китай претендента на власть в Западном каганате, креатуру императорского двора, Хосрова Бёри-шада, и установил свою власть на всей территории от Чача (Ташкент) до Турфана и Бешбалыка. Вместе с Хосровом Бёри-шадом в Бешбалык ушло 60-70 тыс. человек из подвластных ему западнотюркских племен. Наместничество Бэйтин (Бешбалык), где кроме крупного китайского гарнизона, сконцентрировались все подчинившиеся Китаю вожди из рода Ашина, стало грозным врагом тюргешей. В 704 г. один из претендентов, Ашина Сянь, вместе с Бёри-шадом, совершил глубокое вторжение в Семиречье. Тюргеши предприняли несколько ответных нападений и начали подготовку к большому походу в Восточный Туркестан.

В Чуйской и Илийской долинах Уч-элигом были учреждены каганские ставки, страна разделена на 20 областей (тутукств), каждая из которых выставляла 7000 воинов. При наследнике Уч-элига, Сакале, которого китайские источники именуют Согэ, начались первые мятежи племенной аристократии, поддержанной китайскими войсками. Сакал нанес поражение восставшим и разбил армию китайского наместника в Куче.

Поход 708 г. на Кучу (Аньси) готовился еще Уч-элигом. Его задачей было заставить Танскую империю прекратить вторжения в Семиречье, постоянно организуемые китайскими властями. В полевом сражении китайские войска понесли сокрушительные поражение, погиб сам наместник Аньси, Нью Шицзян, а вместе с ним и многие другие военачальники. Остатки гарнизона Кучи отсиживались в крепостях. Для тюргешей угроза с юга на некоторое время исчезла. Однако вслед за этим поднял восстание младший брат Сакала, обратившийся за помощью к восточному соседу, Капаган-кагану.

В 711 г. восточнотюркское войско, во главе которого были сын Капагана Инэль и апатаркан (главнокомандующий) Тоньюкук, разбило армию Сакала на р. Болучу в Джунгарии. Оба враждовавших между собой брата были

по приказу Капагана казнены, и на некоторое время (711-715 гг.) Тюргешский каганат перестал существовать.

Остатки тюргешских войск, возглавленные полководцем и членом каганского рода Сулуком Чабыш-чором, отступили за Сыр-Дарью и ушли на юг. Преследуя их, в 712-713 гг. отряды восточнотюркского войска, которыми командовали Тоньюкук и сыновья Эльтериш-кагана, будущий Бильге-каган и Кюль-тегин, оказались в Согде. Здесь они приняли участие в сражениях с арабами на стороне царя Согда Гурека, но разбитые арабским полководцем Кутейбой б. Муслимом, отступили и в 714 г., преодолевая сопротивление восставших на Алтае племен, возвратились в Отюкен.

Сулук же вернулся в Семиречье и, провозгласив себя Тюргеш-каганом, восстановил Тюргешское государство. Ему пришлось вести борьбу на два фронта. На западе стране серьезно угрожали победоносные арабские армии, в 714-715 гг. совершившие походы за Сыр-Дарью. На востоке китайский двор поддерживал реваншистски настроенных князей из рода западнотюркских каганов, обосновавшихся в Восточном Туркестане.

Сулук прежде всего попытался нейтрализовать восточную угрозу. В 717 г. он совершил успешную дипломатическую поездку в Чанань, столицу Танской империи. Вслед за тем он заключил брачные союзы с тремя опасными для него владетелями: он женился на дочери потомка западнотюркских каганов из рода Ашина и тем узаконил свою власть; второй женой он сделал дочь Бильге-кагана, сменившего Капагана на троне Восточнотюркского каганата; третьей женой Сулука стала дочь царя Тибета. Своего сына Сулук женил на дочери Бильге-кагана, после чего дружественные отношения ни разу не нарушались. Попытки китайских наместников в Восточном Туркестане ограничить суверенитет Сулука решительно пресекались. В 726 и 727 гг. тюргешская армия (во второй раз — вместе с тибетцами) дважды осаждала Кучу.

Однако основная военная активность Сулука была направлена на запад, где он активно включился в антиарабскую борьбу государств Средней Азии. В 720-721 гг. полководец Сулука, вождь сары-тюргешей Кули-Чор (Курсуль арабских источников) вел успешные боевые действия против арабов в Согде.

В 728-729 гг., во время крупнейшего антиарабского восстания населения Самарканда и Бухары согдийцы обрати-

лись за помощью к кагану. Вторжение тюргешей привело на короткий срок к почти полному освобождению Согды от арабов, которые удерживали лишь Самарканд. В 730 г. арабы сумели одержать некоторые успехи, но в 731 или 732 гг. были вновь разбиты тюргешами в горах между Кешем и Самаркандом, а затем под Кермине. Лишь в конце 732 г. арабский наместник Джунейд б. Абдаллах разбил тюргешей и вошел в Бухару.

Прошло около пяти лет после взятия Бухары, и тюргешская армия вновь появилась в Верховьях Аму-Дарьи, откликнувшись на призыв о помощи осажденного там арабами ябгу Тохаристана (сам ябгу принадлежал к тюркской династии). Кагана поддержали согдийцы. В короткий срок тюргешаи вытеснили из Тохаристана армию арабского наместника Асада б. Абдаллаха, но вслед за тем рассеялись мелкими отрядами по стране. Каган с небольшими силами атаковал арабов и потерпел сокрушительное поражение. Эта неудача стоила Сулуку жизни. По возвращению в Невакет (737 г.) он был убит своим полководцем (китайцы именуют его по титулу — Бага таркан). Новый арабский наместник в Хорасане, Наср б. Сейяр, в 739 г. вторгся в каганат, нанес тюргешам поражение и казнил захваченного в плен их вождя Кули-чора.

Арабы прозвали Сулука Абу Музахим (букв. «ударяющий, бодающийся») и видели в нем главную угрозу своей власти в Согде. В годы правления омейядского халифа Хишама (724-743 гг.) была сделана попытка решить дело дипломатическими средствами, обратив тюргешского кагана в ислам. Точная дата и обстоятельства арабского посольства в тюргешскую ставку (одна из них была на р. Или) неизвестны, но сохранился рассказ историка Ибн ал-Факиха (начало X в.), сокращенно изложенный в географическом труде Йакута «Муджам ал-булдан» [Йакут, т. I, с. 839]: «Посол рассказывает об этом: «Я получил аудиенцию (у кагана), когда тот своею рукой делал седло. Каган спросил толмача: кто это? Тот ответил: посол царя арабов. Каган спросил: мой подданный? Толмач ответил: да. Тогда он велел отвести меня в шатер, где было много мяса, но мало хлеба. Потом он велел позвать меня и спросил: что тебе нужно? Я ему стал льстить, говоря: мой господин видит, что ты находишься в заблуждении и хочет дать тебе искренний совет — он желает тебе принять ислам. Каган спросил: а что такое ислам? Я рассказал ему о (религиозных) правилах, о том, что ислам запрещает и что поощряет, о религиозных обязанно-

стях и о службе богу ...» [В тексте Йакута здесь пропуск. В полном тексте Ибн ал-Факиха, сохраненном мешхедской рукописью, каган спрашивает: кто мусульмане? И посол отвечает, что они — жители городов, и есть среди них банщики, портные, сапожники — С.К.]. «Тогда каган велел мне подождать несколько дней.

Однажды каган сел на коня и его сопровождали 10 человек, каждый из которых держал знамя. Он велел мне ехать с ним. (Вскоре) мы достигли окруженного рощей холма. Как только взошло солнце, он приказал одному из десяти сопровождавших его людей развернуть свое знамя, и оно засверкало (в солнечных лучах) ... И появились десять тысяч вооруженных всадников, которые закричали: чах! чах! И они выстроились под холмом. Их командир выехал перед царем. Один за другим все знаменосцы разворачивали (на холме) свои знамена, и каждый раз под холмом выстраивалось десять тысяч всадников. И когда были развернуты все десять знамен, под холмом стояли сто тысяч вооруженных с головы до ног всадников.

Тогда (каган) приказал толмачу: скажи этому послу и пусть он передаст своему господину — среди (моих воинов) нет ни банщика, ни сапожника, ни портного. Если же они примут ислам и будут выполнять все его предписания, то что же они будут есть?»

Демонстрация войск «десяти стрел» выглядела достаточно убедительно, и арабы больше не пытались склонить кагана к принятию новой веры.

Мусульманские авторы, знавшие о тюрках от участников арабских походов в Туркестан, сохранили немало живых описаний нравов и обычаев кочевников, в особенности их военных качеств. Сочинением такого рода является трактат багдадского эрудита ал-Джахиза (ум. в 869 г.). Вот что он пишет об образе жизни тюрков: «Тюрки — народ, для которого оседлая жизнь, неподвижное состояние, длительность пребывания и нахождения в одном месте, малочисленность передвижений и перемен невыносимы. Сущность их сложения основана на движении и нет у них предназначения к покою ... Они не занимаются ремеслами, торговлей, медициной, земледелием, посадкой деревьев, строительством, проведением каналов и сбором урожая. И нет у них иных помыслов, кроме набега, грабежа, охоты, верховой езды, сражений витязей, поисков добычи и завоевания стран. Помыслы их направлены только на это, подчинены лишь этим целям и мотивам, ограничены ими и

связаны только с ними. Они овладели этими делами в совершенстве и достигли в них предела. Это стало их ремеслом, торговлей, наслаждением, гордостью, предметом их разговоров и ночных бесед».

Главное оружие тюрков — лук и стрелы, которыми они владеют необычайно искусно: «Тюркок стреляет по диким животным, птицам, мишеням, людям ... Он стреляет, гоня во весь опор назад и вперед, вправо и влево, вверх и вниз. Он выпускает десять стрел, прежде чем (араб)- хариджит положит одну стрелу на тетиву. И он скачет на своей лошади, спускаясь с горы или в долине с большей скоростью, чем хариджит может скакать по ровной местности. У тюрка четыре глаза — два на лице, два на затылке».

Ибн ал-Факих, описывая встречу посла халифа с каганом тюргешей, отмечает поразительную для араба деталь — каган собственными руками мастерил себе седло. Джахиз подробно развивает эту тему. Рассказывая об изготовлении меча у арабов, он перечисляет восемь-девять операций, каждую из которых выполняет особый мастер, а затем отмечает: «Подобно этому происходит изготовление седла, стрел ..., колчана, копыя и всего оружия ... А тюркок делает все сам от начала до конца, не просит помощи у товарищей, не обращается за советом к другу. Он не ходит к мастеру и не тревожится его отсрочками со дня на день, его лживыми обещаниями, и не думает об уплате ему вознаграждения.» [Мандельштам, с.230-241]

Джахиз, конечно, не избегает утрировки в своих рассказах и сам это признает: «но не каждый тюркок на земле таков, как мы описали». Именно арабские историки и географы первыми, сравнивая тюрков со своими соотечественниками и другими известными им народами, не ограничились регистрацией политических и юридических установлений, а обратили внимание на человеческие качества, особенности психологии и характера тюрков и попытались связать эти особенности с образом жизни и жизненными устремлениями кочевников. В суждениях арабов не было пренебрежения к «варварам», столь свойственного иным источникам; их эмоциональные оценки, восхищение или осуждение, зиждились не на предвзятых установках, а на личном опыте общения в течение нескольких столетий.

Гибель Сулука и недолгое правление его сына Тухварсен Кут-чор-кагана положили начало двадцатилетней борьбе за власть между «желтыми» и «черными» тюргешами и

привели к распаду и деградации Тюркешского каганата. Междоусобица среди тюркешей дала возможность китайским наместникам в Восточном Туркестане для вмешательства в дела страны. Между тем, второй Тюркский каганат, после гибели Капаган-кагана (716 г.) и возникшего из-за восстания огузов кризиса власти был возрожден Бильге-каганом и его братом Кюль-тегином. Победой в войне с Китаем (721-723 гг.) Бильге добился выгодных условий мира — была расширена пограничная торговля, а в обмен на символическую «дань» в 30 лошадей император Сюаньцзун только в 727 г. прислал в тюркскую ставку 100 тыс. кип шелка. Это была щедрая плата за мир на северной границе, который Бильге-каган никогда не нарушал.

В 731 г. умер Кюль-тегин. Бильге не надолго пережил брата — в 734 г. он был отравлен одним из своих приближенных. Близ р. Орхон, в межгорной котловине на месте стоянки караванов, в память обоих братьев были воздвигнуты поминальные храмы и стелы с руническими надписями — летописью бурной истории второй Тюркской империи.

Наследники Бильге-кагана на изменили его политического курса, но удельные правители из рода Ашина стали всё меньше считаться с центральной властью. В 741 г. малолетний Тенгри-каган был убит своим дядей Кутлугом-ябгу, захватившим престол. Началась война с прежними вассалами — огузами, басмылами и карлуками, в которой погибли Кутлуг-ябгу и его наследники. В 744 г. династия Ашина окончила свое существование. Каганом был провозглашен вождь басмылов, царствовавший, однако, немного более двух лет.

Тюркские племена, сохранившие часть земель на западе бывшей империи, на Алтае и в Джунгарии, не играли заметной роли в событиях последующих лет. Последнее сообщение о них в китайских источниках относится к 941 г.; в эти годы часть тюрков была в числе племен, создавших Караханидский каганат.

8. Уйгурский каганат и Карлукское государство. Караханиды

Падение второго Тюркского каганата создало в степи политический вакуум. В борьбу за господство над тюркскими племенами, за титул кагана, вступили племена-победители, довершившие разгром империи Ашина — басмылы, уйгуры и карлуки. Сильнейшими оказались уйгуры, отнявшие власть у басмылов.

Уйгуры, также как и тюрки, кыргызы и кипчаки, принадлежали к числу древнейших племенных союзов Центральной Азии. В III-IV вв. уйгуры входили в объединение, которое в китайских династийных хрониках носило название гаогуй (букв. «высокие телеги»). В V в. в китайских источниках появляется новое название этого союза — *теле* (*тегег* «тележники»). Значительная группа племен теле мигрировала на запад, в степи Казахстана и Юго-Восточной Европы. Оставшиеся в центральноазиатских степях были подчинены тюрками и вошли в состав их государства. Основные земли теле были тогда в Джунгарии и Семиречье. Но в 605 г., после предательского избиения западнотюркским Чурын-каганом нескольких сот вождей теле, предводитель уйгуров увел племена в Хангайские горы, где они создали обособленную группу, названную китайскими историографами «девятью племенами». В орхонских надписях племена этой группы названы *токуз-огузами*. С 630 г., после падения первого Тюркского каганата, токуз-огузы выступают как значительная политическая сила, лидерство внутри которой утвердилось за десятью племенами уйгуров во главе с родом *Яглакар*.

Вождь токуз-огузов, эльтебер Тумиду, создал свое государство в 647 г. в бассейне рек Тола и Орхон. Китайские хроники сообщают: «Тумиду все же самовольно именовал себя каганом, учредил должности чиновников, одинаковые с тюркскими должностями» [Chavannes, с.91]. Танское правительство не признало вновь созданное государство. Более того, в 630-663 гг. между токуз-огузами и Танской империей шла война, в которой китайские войска не смогли одержать победы. Однако в начале 80-х годов токуз-огузы потерпели поражение в боях с тюрками Эльтериш-кагана и утратили свою государственность.

Новое государство уйгуров возникло в ожесточенной борьбе не только с бывшими союзниками, басмылами и карлуками; ожесточенное сопротивление Яглакарской династии оказали многие племена токуз-огузов. Уйгурам удалось отстоять право рода Яглакаров на титул кагана, но окончательное умиротворение наступило лишь после крупных военных успехов в Китае, раздираемого после 755 г. восстанием пограничных войск под командованием выходца из знатного тюрко-согдийского рода Ань Лушаня и последовавшей затем гражданской войной.

Элетмиш Бильге-каган (747-759) и его сын Бёгю-каган (759-779), оказав поддержку императорскому правительству, помогли подавить мятежи и получить громадные материальные выгоды за свою помощь. Добыча, дань и выгодная пограничная торговля обеспечили на некоторое время мир в каганате и авторитет династии.

Вместе с военной добычей и императорскими дарами Бёгю-каган увез из Китая в Ордубалык, свою столицу на Орхоне, проповедников нового учения — согдийских миссионеров-манихеев, чью веру он принял в Лояне, освобожденной им от мятежников столице Танов. После 763 г. и почти до конца столетия уйгуры стали решающей политической силой в делах Центральной Азии. Их соперниками были только тибетцы и карлуки.

С главенством карлуков связано возрождение государственности западнотюркских племен на новом витке истории тюркской Центральной Азии. Крупное племенное объединение, неоднократно упоминаемое в рунических надписях под именем уч карлук («три карлука»), появляется в китайских источниках уже в связи с событиями первой половины VII в. Кочевья в Джунгарии, Восточном Казахстане и на Алтае (включая Монгольский Алтай) в течение нескольких столетий оставались главной территорией карлукских племен.

В середине VII в. карлуки активно проявляли себя в политической жизни Западнотюркского каганата, где они, кроме Джунгаро-Алтайского региона, контролировали Тохаристан. Согласно арабским источникам, владетель Тохаристана именовался то «ябгу тохаров», то «ябгу карлуков». В 710 г. арабский завоеватель Средней Азии Кутейба ибн Муслим арестовал карлукского ябгу Тохаристана, и тот провел долгие годы в Дамаске, что не помешало его сыну занять отцовский престол.

Восстание джунгарских карлуков на Черном Иртыше в 630 г. стало одной из причин гибели западнотюркского

Тон-ябгу-кагана. Известна также попытка подчинить эту группу карлуков, предпринятая в 647-650 гг. восточнотюркским Чабыш-каганом, поднявшим восстание против Танской империи и обосновавшимся на Северном Алтае.

Общий глава карлуков впервые упоминается орхонскими надписями под титулом *эльтебер*, который носили вожди крупных племенных объединений. Китайский источник отмечает, что обычаи карлуков такие же, как у других западных тюрков, а язык мало отличается от языков большинства из них. Характерной чертой языка карлуков было «джекание»: они произносили, например, «джабгу», вместо обычного для соседних тюркских племен «ябгу».

Оставаясь в сфере политического влияния восточнотюркских каганов с конца VII в., карлуки не смирились с утратой независимости. Только в первой четверти VIII в. Бильге-каган и Кюль-тегин трижды участвовали в боях с мятежными карлуками, а в надписи их полководца Кули-чора Тардушского рассказано о поражении тюрков в жестокой битве на р. Тез (в Северо-Западной Монголии).

Участвуя в коалиции с басмылами и уйгурами, а затем враждуя со своими бывшими союзниками, глава карлуков принял титул ябгу, который носили правители западного «крыла» тюркских каганатов. Потерпев поражение, карлуки, согласно надписи уйгурского Элетмиш Бильге-кагана, «в год Собаки (746 г.), замыслив измену, бежали. На запад, в страну Десяти стрел, они пришли» [Кляшторный, 1980, с.94]. Элетмиш правильно оценил обстановку. Уже в следующем году карлуки, в союзе с токуз-татарами, вновь сражались с уйгурами. Однако, быстрое изменение военно-политической ситуации между Сыр-Дарьей и Алтаем заставило карлуков на время забыть о соперниках на востоке и противостоять новому врагу.

Воспользовавшись фактическим распадом Тюргешского каганата после гибели Сулука, танская администрация западного края постепенно подчинила своей власти Семиречье, а имперская армия продвинулась на рубеж Сыр-Дарьи. В 740 г. китайскими войсками был захвачен и разграблен Тараз; гравившая там тюргешская династия кара чоров физически истреблена. В Семиречье появляется китайский ставленник «хан десяти стрел» Ашина Сянь, но в 742 г. он был убит в Кулане. В 748 г. китайский экспедиционный корпус захватил и разрушил столицу западнотюркских каганов Суяб, а в 749 г. китайская армия взяла Чач (Ташкент). Местный владетель

был казнен. Танский губернатор в Куче, Гао Сяньчжи, казалось мог считать завершенным полное подчинение еще недавно грозных соперников империи в Западном крае.

Между тем, успехи Китая серьезно обеспокоили наместника аббасидских халифов в Хорасане, Абу Муслима, и вызвали все нарастающее противодействие карлуков. Арабский отряд Салиха ибн Хумейда взял Тараз, но был осажден превосходящей китайской армией. Просьбы о помощи сына казенного владетеля Чача и опасения за судьбу своего отряда в Таразе заставили Абу Муслима отправить на выручку осажденным еще один отряд под командованием Зияда ибн Салиха.

Противодействующие армии сошлись на р. Талас в июле 751 г., несколько дней не решаясь вступить в битву. На пятый день противостояния в тыл китайцам внезапно ударили карлуки, и тогда атаку с фронта начали арабы. Танская армия, неся большие потери, дрогнула и обратилась в бегство. Конвой Гао Сяньчжи с трудом проложил ему дорогу среди охваченных паникой бегущих воинов.

Мусульмане и карлуки овладели огромной добычей, а обнаруженные среди пленных китайские ремесленники были доставлены в Самарканд и в Ирак, где занялись изготовлением бумаги и шелкоткачеством. Таласское сражение «положило конец попыткам танского Китая вмешиваться в среднеазиатские дела» [Большаков, с.132].

Своим участием в Таласской битве карлуки не испортили отношений с танским двором. Уже в 752 г., после шестилетнего перерыва, в имперскую столицу Чанань прибыло посольство карлукского ябгу. Причиной столь быстрого восстановления связей стало тревожившее обе стороны усиление уйгуров. В том же году карлуки возобновили войну с уйгурами. Ябгу все еще рассчитывал занять каганский престол в Отюкенской черни, захваченной Яглакарами традиционной ставке повелителей кочевых народов Центральной Азии. Надежды ябгу были небезосновательны — его союзниками стали енисейские кыргызы, басмылы и тюркши, а оставшиеся в Хангайских горах после 744 г. карлукские племена были особенно опасны для Элетмиша.

Война, с переменным успехом, длилась более двух лет и велась в центре уйгурских земель. С огромным трудом уйгурскому кагану удалось одолеть своих противников, действовавших слишком разобщенно, чтобы победить.

Последствия войны имели немалое значение для будущего карлуков. Отюкенские карлуки подчинились Элетмишу и приняли поставленного им тутука (управителя). Карлукский ябгу окончательно оставил надежды на каганат и прекратил войну за тюркское наследство. Отныне все его устремления были направлены на овладение Семиречьем и закрепление в Джунгарии и в городах Таримского бассейна. Впрочем, и здесь он потерпел неудачу — в 756 г. уйгуры принудили к подчинению джунгарскую группу карлукских племен.

О западном походе двух полководцев Элетмиша известно из Терхинской надписи кагана. Охваченный восстанием Ань Лушаня Китай уже не мог оказать поддержку отдаленным западным гарнизонам. Под контроль Уйгурского каганата попали не только основные городские центры Таримского бассейна, но и тюркские племена Восточного Туркестана. Среди них впервые упомянуто племя или племенной союз *ягма*.

О ягма было известно прежде всего по двум персидским географическим сочинениям — «Худуд ал-алам» («Граница мира», X в.) и «Зайн ал-ахбар» («Украшение известий») Гардизи (XI в.). Согласно этим сочинениям, ягма объединили многочисленные племена, обитающие между уйгурами на востоке, кочевьями карлуков на западе, притоками Тарима на юге, т.е. на большей части Восточного Тянь-Шаня. На западе ягма контролировали округ и город Кашгар. В X в. правящий род ягма происходил из токуз-огузов. Гардизи, чьи источники восходят к VIII в., называет ягма «богатыми людьми, владеющими большими табунами лошадей», живущими в стране протяженностью «в один месяц пути» [Бартольд, VIII, с.45-46]. Оба сочинения сообщают о непрерывных стычках ягма с карлуками и кимаками, об их зависимости от западнотюркских каганов.

Между тем, в Семиречье карлуки встретили ожесточенное сопротивление не мелких тюркешских княжеств, ставших союзниками и вассалами ябгу, а огузских племен, обитавших там со времен первого Тюркского каганата и обособившихся за несколько столетий от их восточной ветви (токуз-огузов). Общий ход борьбы между карлуками и огузами плохо освещен источниками. Известно только, что во второй половине VIII в. огузы покинули Семиречье и ушли в низовья Сыр-Дарьи. Их глава также принял титул ябгу, претендуя тем самым на главенство над западнотюркскими племенами; вскоре в Приаралье сложилось государ-

ство огузов (мусульманские источники называли их *гуззами*) со столицей в Янгикенте, городе на Сыр-Дарье.

История государства огузов стала предисторией Сельджукской державы, владевшей в XI-XII вв. всем Средним и Ближним Востоком, от Туркмении до Малой Азии. История государства Сельджукидов и его связи с сопредельными государствами и народами подробно изучены и сделаны достоянием самого широкого круга читателей [Агаджанов, 1991].

Власть карлуков окончательно утвердилась в Семиречье в 766 г., когда они заняли Тараз и Суяб. С той поры в соперничестве с уйгурами карлуки начали борьбу за Восточный Туркестан.

В 80-х гг. VIII в. отношения между уйгурской династией и населением городов Тарима резко ухудшилось. Недовольство и опасения там вызвал антимахейский переворот в Ордубалыке, жертвой которого пал Бегю-каган. Его убийца, провозгласивший себя Алп Кутлуг Бильге-каганом, санкционировал избиение согдийцев и махейских вероучителей, живших в уйгурской столице. И в Семиречье, и в таримских оазисах махейство было тогда господствующей религией. Именно согдийские и тюркские махейские конгрегации были главными координаторами торговых операций на трассе от Семиречья до столичных центров Танской империи. Важным отрезком этой трассы был путь через Ордубалык, блокированный самозванным каганом сразу же после захвата власти в столице.

Договорные принципы, благодаря которым прежнему правителю Бёгю-кагану удалось утвердиться в таримских оазисах, были нарушены, — узурпатор выгодам торговли предпочел ограбление согдийских и тюркских общин. Последствия не заставили себя ждать — города Притяньшанья восстали, а соседи, — карлуки и тибетцы, заключив между собой союз, поддержали восставших. Как пишет китайский историограф, «тюрки в белых одеждах», т.е. махей, вместе с карлуками нанесли несколько серьезных поражений командующему уйгурской армией Иль Угеси; в 790 г. тибетцы и тюрки взяли Бешбалык, последний оплот уйгуров. Новая уйгурская армия в 50-60 тыс. воинов попыталась было изменить положение, но потерпела неудачу.

Поражение в Джунгарии и на Тариме не прошли бесследно для каганской ставки — начались распри, наследник Алп Кутлуга был свергнут и убит своим младшим братом, который не сумел удержаться у власти и сам погиб

в ходе мятежа. Тяжелая война с карлуками и тибетцами продолжалась; ход её почти не освещается источниками.

В смутное время к власти в Ордубалыке пришла новая династия из племени *эдиэ*, «принявшая прозвание Яглакар», и, тем самым отождествившая себя с легитимным каганским родом (795 г.). В столице была восстановлена «религия света», и туда прибыл манихейский пресвитер. После пятнадцатилетнего перерыва были возобновлены союзные и договорные отношения с манихейскими общинами Притяньшанья, а Шелковый путь по «уйгурской дороге», через Ордубалык, вновь открыт для караванов.

Карлуки лишились мощной опоры в Северном Притяньшанье, где города и кочевые племена, вероятно ягма, признали протекторат кагана Отюкенской черни. В 803 г. уйгурское войско заняло Кочо (Турфан) и, нанеся поражение карлукам, через Фергану вышло на Сыр-Дарью. Это был последний успех уйгуров на западной границе.

В первом десятилетии IX в. главным врагом уйгурского каганата стали енисейские кыргызы. Войны между ними, с переменным успехом, шли более двадцати лет. В 840 г. кыргызы, объединив усилия с мятежным уйгурским полководцем, взяли Ордубалык. Уйгурский каган пал в сражении.

Теряя по пути отставших и отчаявшихся, остатки токуз-огузов во главе с одним из яглакарских принцев, оставив родину кыргызам, пришли на свои прежние пограничные земли. Единство племен вскоре было утрачено. Беглецы укрепились в Куче и Бешбалыке. Вождь бешбалыкских уйгуров, Буку Чин, разгромив тибетцев, стал господином положения во всем Таримском бассейне. Так было положено начало уйгурскому государству Кочо с центрами в Турфане и Бешбалыке.

Несмотря на неудачи в войнах начала IX в. положение Карлукского государства, опиравшегося на богатые семиреченские города, оставалось прочным. Обогащению ябгу способствовала выгодная торговля тюркскими рабами для гвардии аббасидских халифов на сыр-дарьинских невольничьих рынках и контроль за транзитом в Китай на участке от Тараза до Иссык-Куля. Укрепились позиции карлуков в и Фергане, несмотря на несколько попыток арабов вытеснить их оттуда. Самым опасным для ябгу оказался поход знаменитого сподвижника халифа ал-Мамуна (813-833), Фадла ибн Сахла, известного под титулом Зу-р-рийасатайн («Обладатель двух знамен»). Арабы предприняли поход между 812-817 гг. в район Отрара. Там был убит начальник кар-

лукской пограничной охраны, а затем будто бы была захвачена в плен семья ябгу, а сам ябгу бежал к кимакам. Успех нападавших явно преувеличен в донесении Фадла, однако поражение пограничного отряда карлуков действительно могло создать для ябгу напряженную ситуацию на западной границе.

Прошло четверть века, и крах последних каганов Отюкена, прежде доминировавших на протяжении трех веков, создал во всей тюркской Центральной Азии совершенно новую геополитическую ситуацию, — впервые за триста лет окончательно исчез мощный центр власти, определявший возможности экспансии или даже существования любого государства в Туркестане. Отныне тюркские племена признавали лишь высокий статус рода, унаследовавшего каганский титул, но уже никогда его единую власть.

По свидетельству нескольких мусульманских историков, после утраты уйгурами их могущества, верховный авторитет среди тюркских племен переходит к вождям карлуков. Происхождение из рода Ашина, правящего рода Тюркского каганата, позволило карлукской династии облечь эту власть в легитимное одеяние и, отбросив старый титул ябгу, принять новый каган. «Ябгу, — пишет автор «Худуд ал-алем в X в., — это прежний титул царей карлуков».

Вряд ли можно говорить о реальной власти карлуков над тюркскими племенами в IX в. — старая традиция имела скорее морально-идеологическое значение. И все же ясна основная тенденция этих сообщений, лучше других отраженная у ал-Масуди: из среды карлуков происходит «каган каганов», он имеет власть над всеми тюркскими племенами, а его предками были Афрасиаб и Шана (т.е. Ашина!).

Так было положено начало новой тюркской империи в Средней Азии и Кашгарии, названной в русской науке государством Караханидов. Политические амбиции караханидского дома предельно ясно отражены в сообщении ал-Масуди.

Караханидское государство не оставило собственной историографической традиции, и все сведения о нем содержатся в трудах арабских и персидских авторов, писавших за пределами каганата. Труд единственного караханидского историка, имя которого сохранилось, — имам Абу-л-Футуха ал-Гафира ал-Алмаи, — «Тарихи Кашгар» известен лишь в небольших отрывках у Джамалы Карши (XIII в.). Отсутствие своей историографии было отмечено уже поздними современниками Караханидов, один из которых, блестящий персидский литератор Низами Арузи, писал в

1156 г.: «Имена царей из дома хакана [т.е. Караханидов — С.К.] сохранились только благодаря поэтам» [Бертельс, 1960, с.458].

Известно семь гипотез о происхождении Караханидов. В.В. Бартольд ограничил круг поисков тремя племенами (карлуки, ягма, чигили). Теперь ясно, что чигили и ягма, а также одно из тюркешских племен, тухси, и остатки орхонских тюрков, вошли в карлукский племенной союз и история этих племен, во всяком случае с IX в., неразрывна.

Собственно караханидское предание (кашгарская традиция у Джамала Карши) называет первым государем караханидской династии Бильге Кюль Кадыр-кагана, с которым вел войну один из саманидских эмиров, владетелей Самарканда и Бухары. Удалось установить, что этим эмиром был Нух ибн Асад, в 840 г. совершивший поход против семи-реченских тюрков и завоевавший Исфиджаб. Именно в этом году, по сообщению Гардизи, яггу карлуков принял титул каган. Круг источников замкнулся — единственным каганом в 840 г. был родоначальник караханидской династии и прежний яггу карлуков Бильге Кюль Кадыр-каган.

Власть в Караханидском государстве была поделена между знатью двух племенных группировок, составивших в IX в. ядро карлукского племенного союза — чигилей и ягма. Внешне это выразилось в разделении каганата на две части — восточную и западную со своими каганами во главе. Верховным считался восточный каган, имевший ставку в Кашгаре и Баласагуне (городище Бурана, близ г. Токмак в Кыргызстане) Он был из чигилей и носил титул Арслан Кара-хакан. Западный, младший каган, из ягма, носил титул Богра Кара-каган и имел ставку в Таразе, а позднее — в Самарканде. Существовала сложная иерархия правителей, своя в обоих каганатах: Арслан-илек и Богра-илек, Арслан-тегин и Богра-тегин и другие. Впервые дуальная система власти была реализована при сыновьях первого кагана, Базыр Арслан-хане и Огулчак Кадыр-хане, но окончательный распад державы относится к середине XI в. При Огулчаке, успешным походом саманидского эмира Исмаила ибн Ахмада на Тараз в 893 г. начались длительные и жестокие войны между Караханидами и Саманидами за власть над всей Средней Азией. Войны длились более века и завершились полным крахом Саманидов и распространением власти их противников до Аму-Дарьи. На территории Средней Азии возникло множество караханидских владений, зависимость которых от каганов в Баласагуне была

минимальной, а отношения друг с другом — далеки от дружественных.

Крупнейшим событием времени ранних Караханидов было принятие династией и зависимыми от нее племенами ислама. «Еще арабские географы X в. описывают тюрков как народ, совершенно чуждый исламу и находящийся во вражде с мусульманами» — замечает В.В. Бартольд [Бартольд, V, с.59]. Однако именно в X в. произошли решительные изменения. Один из арабских географов того времени Ибн Хаукаль сообщает о принятии ислама тысячью семей тюрков, кочевавших в местах между Исфиджабом и Шашем, т.е. в горно-степном районе, прилегающем к среднему течению Сыр-Дарьи. Однако самое крупное событие такого рода произошло в 960 г., когда где-то во внутренних областях Караханидского государства, скорее всего в Семиречье, ислам приняли 200 тыс. шатров тюрков.

Этот факт связывается с именем караханидского кагана, сына Базыра и племянника Огулчака, Сатур Богра-хана, который сам, еще до массовой исламизации тюрков, принял новую веру и новое имя — Абд ал-Керим. Именно сын Сатука, Муса, унаследовавший престол в 955 г., объявил ислам государственной религией. Возможно, решение Мусы связано с деятельностью мусульманского богослова, нишапурсца Абу-л-Хасана Мухаммеда ибн Суфьяна Келимати, жившего при дворе Сатука и Мусы, однако достоверно о его роли в событиях ничего неизвестно [Бартольд, II, ч.1, с.245-246]. Несомненно одно: исламизация караханидских тюрков не была следствием кратковременных усилий какого-либо миссионера, а, напротив, процессом постепенного проникновения ислама в тюркскую среду в силу тех экономических и политических выгод, которые пристекали из этого обращения. Уже Сатук, ведший длительную войну против своего дяди, великого кагана, использовал свой переход в новую веру для того, чтобы заручиться весьма существенной для него поддержкой Саманидов. Сын Сатука, Муса, под лозунгом борьбы с неверными и защиты ислама успешно осуществлял военную экспансию в направлении Хотана и в сторону Исфиджаба.

Оказавшись в зоне мощного воздействия оседлой цивилизации, тюркские племена были втянуты в новую систему экономических и социальных отношений, стали частью этой системы и нашли приемлемые пути вхождения в уже давно сложившиеся хозяйственно-культурные регионы Средней и Передней Азии. Внешним выражением такой интеграции, по крайней мере в её идеологическом аспекте,

была сравнительно быстрая исламизация тюрков в государствах Караханидов и Сельджукидов, создавшая предпосылки для политического приятия новых династий в мире абсолютного господства мусульманской религии.

Государства Караханидов и Сельджукидов, на первых порах продолжая традиции тюркских каганатов, не стали их повторением ни в экономическом, ни в социальном планах. Здесь возникла и оформилась иная чем в Центральной Азии политическая система, с иной чем прежде культурной ориентацией. Сложилась раннефеодальная военно-ленная структура (*икта*), породившая новую знать и получившая быстрое и полное развитие в тюркских империях Средней и Передней Азии.

Нашествие кара-китаев (киданей) — дальневосточных монгольских племен — и создание ими своего государства в Семиречье (1130-1210 г.) надолго превратило часть караханидских владетелей в вассалов гурхана, главы киданей. Кара-китай, впрочем ограничились лишь верховным сюзеренитетом и взиманием налогов, не затрагивая ни устройства, ни религии, ни культуры своих подданных. Даже небольшое карлукское княжество в Алмалыке — реликт до-караханидского государства карлукских ябгу — не было уничтожено ими. Тем не менее, кара-китайское владычество стало началом политической гибели Караханидов.

В 1210 г. в борьбе с найманами пресеклась восточнокараханидская династия. В 1212 г. в Самарканде был казнен хорезмшах Мухаммадом последний представитель западнокараханидской династии. А вскоре исчезла и ферганская ветвь Караханидов.

К этому времени Средняя Азия, Семиречье, Кашгария приобрели новое этническое лицо, новую социальную и экономическую структуру, новый тип духовной культуры. По мере сложения здесь феодальной государственности и включения тюркских племен в сферу оседлой, прежде всего городской цивилизации, явно выделось оформление надплеменной этнической общности, с одним общепотребительным языком и письменной культурой. Лишь потрясения монгольского завоевания прервали естественный процесс наметившегося развития.

9. Кипчаки

Ибн Хордадбех, иранский аристократ, выросший в Багдаде и близкий ко двору аббасидских халифов, еще в молодые годы получил назначение на важный пост в провинции Джибаль (северо-западный Иран) — он стал там начальником государственной осведомительной службы (разведки и контрразведки) и почтовой связи. Массу затруднений в его работе вызывало отсутствие служебных справочников. И вот, собрав отчеты чиновников и донесения осведомителей, в 846-847 гг. он написал «Книгу путей и провинций», впоследствии не раз дополнявшуюся или сокращавшуюся, и ставшую образцом для немалого числа подобных сочинений.

Кроме названий провинций и городов, селений и почтовых станций, дорожных маршрутов и расстояний, информации о налоговых поступлениях и экономической жизни, Ибн Хордадбех приводит некоторые сведения о соседях халифата. В частности, используя некий документ VIII в., он включил в «Книгу» перечень тюркских народов — и тех, кто жил «по эту сторону реки», т.е. Аму-Дарьи, и тех, кто жил «за рекой». «По эту сторону реки», к западу от Аму-Дарьи, названы лишь тохаристанские карлуки и халаджи. Напротив, список «заречных» племен внушительен, и к тому же впервые в арабской географической литературе упомянуты шестнадцать городов тюрков. Четко обозначена граница стран ислама и стран тюрков — область Фараба, т.е. нынешнего г. Туркестана: «в области Фараба находятся одновременно отряды мусульман и отряды тюрков-карлуков [МИТТ, I, с.144]. В 812 г. арабский отряд Зу-р-рийасатайна напал на карлуков и убил «начальника карлуцкой пограничной стражи» [Кляшторный, 1964, с.159].

Естественно, Ибн Хордадбех упоминает только самые значительные «страны тюрков», как, например, землю токузгузов (Уйгурский каганат), добавляя при этом: «их область самая большая из тюркских стран, они граничат с Китаем, Тибетом и карлуками». Сразу после страны тогузгузов в списке значится «страна кимаков», а где-то в конце списка, перед малоизвестными арабам «кыргызами, у которых есть мускус», названы кипчаки.

Так, впервые в мусульманских источниках появились упоминания двух крупнейших племенных союзов, едва ли не самых значительных для последующей этнической истории казахстанских степей.

В VIII-X вв. преобладание кимаков и кипчаков сначала на Алтае, в Прииртышье и Восточном Казахстане, а затем в Приуралье и Центральном Казахстане, становится определяющим фактором в этом огромном степном регионе. Крах государства кимаков и смещение части кипчаков к западу, в Приаралье и Поволжье (вторая половина X — первая половина XI вв.), составили основное содержание новой фазы кимакско-кипчакского расселения. Наконец, в середине XI — начале XII вв., на последней фазе миграций кипчаков в домонгольский период окончательно формируются пять основных групп кипчакских племен: 1) алтайско-сибирская; 2) казахстанско-приуральская (включая так называемую «саксинскую», т.е. итиль-яикскую группу); 3) подонская (включая предкавказскую подгруппу); 4) днепровская (включая крымскую подгруппу); 5) дунайская (включая балканскую подгруппу). Отдельные группы кипчаков известны также в Фергане и Восточном Туркестане. Так, Махмуд Кашгарский упоминает «местность кыпчаков (кипчаков)» близ Кашгара [Махмуд Кашгарский, I, 474].

Ранние кипчаки. Более тысячи двухсот лет назад в сочинениях разноязычных авторов появилось название племени, именовавшимися на Руси — половцами, в Центральной Европе — команам, а на Востоке — кипчаками. Мусульманские историографы и русские летописцы знают кипчаков-половцев как племя многочисленное и сильное, именем которого стала называться вся Великая Степь. Нет, однако, ни одного повествования того времени, где рассказывалось бы о прошлом кипчаков. Даже легенды о происхождении

*

Сообщение Ибн ал-Асира, арабского историка XII—XIII вв., об участии кипчаков на стороне хазар в их войне с арабами на территории Армении (722 г.) не подтверждается более подробным описанием этих событий в арабских исторических трудах IX в. (ат-Табари, Ибн Асама, ал-Йакуби, ал-Белазури) и является явным анахронизмом. Однако же, появление в отмеченном контексте имени кипчаков вполне объяснимо их активным участием в закавказских делах XII—XIII вв., во времена, когда писал Ибн ал-Асир, который, к тому же, родился и вырос в Мосуле, близком к Закавказью.

*

Попытка реконструировать название упомянутого Сыма Цянем (II в. до н.э.) этнонима цюйше как *кипчак* неоправдана фонетически.

кипчаков, призванные объяснить сам этноним, возникли, по словам В.В. Бартольда, «в более поздней народной и ученой этимологии» [Бартольд, V, с.550].

Отсутствие каких-либо упоминаний о кипчаках ранее VIII-IX вв. кажется загадочным и заставляет предположить, что такого рода информацию содержат в зашифрованной для нас форме уже известные источники. Для проверки этого предположения вернемся к самому раннему случаю фиксации этнонима кипчак.

В 1909 г., во время путешествия по Монголии, финский ученый Г. Расмстедт обнаружил в котловине Могон Шине Усу, южнее р. Селенги, стелу с руническим текстом. Первооткрыватель назвал памятник «Надписью из Шине Усу» или, в другом месте — «Селенгинским камнем». Надпись оказалась частью погребального сооружения Элетмиш Бильге-кагана (747-759), одного из создателей Уйгурского каганата. Значительная часть надписи посвящена войнам уйгуров с тюркскими каганами в 742-744 гг.

В полуразрушенной строке северной стороны стелы Расмстедт прочел: «Когда турки-кыпчаки властвовали (над нами) пятьдесят лет ...» [Расмстедт, с.40]. Действительно, в 691-742 гг. тюрки были сюзеренами тогуз-огузов, которых тогда возглавляли уйгуры.

Хотя предложенное Расмстедтом слитное чтение «турки-кыпчаки» грамматически правомерно, оно вряд ли приемлемо. Надписи не знают случая слияния или отождествления в унитарном написании двух этнонимов. Более того, семантика (т.е. смысловое содержание) каждого этнического имени строго определена и не имеет расширительного значения. Поэтому следует предпочесть обычное для рунических текстов чтение стоящих подряд этнонимов как самостоятельных имен: «*тюрки и кыпчаки (кыпчаки)*».

Совместное упоминание тюрков и кипчаков в контексте, указывающим на их политический союз и военное единство (вместе властвовали над уйгурами), никак не проясняется сведениями других источников. Для поиска объяснения обратимся к тем руническим надписям, где тюрки упомянуты совместно с другими племенами.

Надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана (Кошодцадайские памятники) называют рядом с *тюрк бодун*, «тюркским племенным союзом», лишь многочисленный и могущественный племенной союз тогуз-огузов. Рассказывается о покорении тогуз-огузов в 687-691 гг. и о войнах с ними в 714-715 и 723-724 гг. В объединении тогуз-огузов

господствовали «десять уйгурских (племен)». Именно вождь «десяти уйгуров» и глава «девяти огузов» Элетмиш Бильге-каган называет время существования второго Тюркского каганата (681-744) пятидесятилетием господства над уйгурами «тюрков и кыбчаков».

Надпись Тоньюкука, советника и родственника первых трех тюркских каганов, повествующая о тех же событиях, что и Кошоцайдамские тексты, совершенно иначе называет правящую племенную группу Тюркского эля. Пока Тоньюкук рассказывает о времени, предшествующем образованию каганата (подчинение Китаю), он также как и автор Кошоцайдамских текстов, упоминает лишь «тюркский племенной союз». Но с момента восстания тюрков и последовавшего затем образования Тюркского государства в земле Отюкен, т.е. после переселения в Хангай, Северную и Центральную Монголию, обозначение *тюрк бодун*, «тюркский племенной союз», заменяется на *тюрк сир бодун*, «тюркский и сирский племенной союз (племенные союзы)». Коренная территория второго Тюркского каганата, Отюкенская чернь, названа «страной племенного союза (племенных союзов) тюрков и сиров», но ее властелин именуется «тюркским каганом». Вождя сиров в полуразрушенном тексте упоминает памятник из Йхе Хушоту, близкий по времени Кошоцайдамским текстам. Там он назван *сир иркин*, «иркин сиров». В заключительной строке надписи Тоньюкука «племенной союз тюрков и сиров» и «племенной союз огузов» поименованы как два отдельных объединения.

Однако племена сиров несколько иначе, чем надпись Тоньюкука, упоминает и памятник в честь Бильге-кагана. Его преамбула содержит обращение кагана к подданным, сохранившееся не полностью: » ... О, живущие в юртах беги и простой народ ... (тюрков?), шести племен сиров, девяти племен огузов, двух племен эдизов!». Автор надписи в честь Бильге-кагана, Йоллыг-тегин, в обращении от имени своего покойного сюзерена воззвал к «бегам и простому народу» тех племен, чье отношение к династии определяло, по меньшей мере, целостность эля. Сирь здесь упомянуты раньше огузов, что фиксирует их приоритет в иерархии племен. Если Тоньюкук выделяет сиров как ближайших союзников тюрков, причастных к власти над страной и покоренными племенами, то Йоллыг-тегин, хотя и не столь отчетливо, выделяет высокое положение сиров в этнополитической структуре каганата.

Суммируем сведения рунических памятников о преобладающих в Тюркском эле племенных союзах:

Памятник	Перечень племенных союзов	Политический статус
Тоньюкука, около 726 г.	тюрки и сирь огузы	господствующая группа племен подчиненная группа племен
Памятник Бильге-кагану, 735 г., вся сумма упоминаемых названных племенных союзов	тюрки шесть сиров девять огузов два эдиза	господствующее племя второе в иерархии племя подчиненные племена подчиненные племена
Памятник Элетмиш Бильге-кагана из Шине Усу, 760 г.	тюрки и кыбчаки уйгуры	господствующая группа племен подчиненные племена

Господствующую группу племен, которую собственно тюркские памятники именуют «тюрками и сирами», уйгурский (огузский) памятник из Шине Усу называет «тюрками и кыбчаками». Напрашивается вывод, что при обозначении одного и того же племенного союза в какой-то мере делившегося власть с тюрками, тюркские источники пользуются этнонимом сир, в то время как уйгурский — этнонимом *кыбчак* (*кывчак*). Иными словами, оба эти этнонима тождественны, а различия их употребления применительно к известному авторам надписей племени (племенному союзу) проистекают из политических или каких-то иных причин.

Представленный вывод требует проверки, т.е. ответа на вопросы: кто были сирь? Когда и где обитал этот племенной союз? Какие обстоятельства привели к слиянию тюрков и сиров в единую этнополитическую группу? Какова судьба сиров-кыбчаков в государствах тюрков и уйгуров?

Еще в 1899 г. немецкий китаист Ф. Хирт предположил, что известные по китайским источникам племена *се* и *яньто*, составили конфедерацию сеяньто. Вместе с теле и тюрками они часто упоминаются при описании событий первой половины VII в. Сеяньто по-тюркски именовались сирами и тардушами (сир-тардуши). В 1932 г. владивостокский востоковед И.А. Клюкин доказал ошибочность отождеств-

ления этнонима яньто (ямтар орхонских надписей?) с названием военно-административного объединения («крыла») западных племен каганата — тардуш. А вслед затем американский китаист П. Будберг, не отвергая уравниения се = сир, окончательно ликвидировал «сир-тардушский фантом» (выражение П. Будберга).

Таким образом, было установлено, что: а) этноним, обозначенный в китайской транскрипции как *се*, соответствует *сир* тюркского памятника; б) племя, именовавшееся в китайских источниках *сеяньто*, в надписи Тоньюкука названо *сир*.

Первые сведения о племенах *се* и *яньто* весьма фрагментарны. Яньто упомянуты среди гуннских племен, перекочевавших на территорию китайского государства Раннее Янь (337-370), т.е. в степь восточнее Ордоса. Шаньюй Халатоу, возглавивший перекочевку подвластных ему 35 тыс. семей, правил, по всей вероятности, в 356-358 гг. Несколько позднее яньто были покорены своими соседями, племенем *се* (*сир*), истребившим правящие рода яньто и подчинившим остальную часть племени. Новую конфедерацию возглавил правящий род сиров, Илиту (Ильтэр). В обозначении названия племенной группировки, существовавшей в IV-VII вв., китайские историографы механически соединили два этнонима, и название господствующего племени, сиров, слилось с названием подчиненного племени, яньто. В тюркских памятниках, соответственно законам древнетюркской этнонимии, это механическое соединение двух имен отсутствует, там упомянуто лишь главенствующее племя — сир.

После крушения империи жуань-жуаней (551 г.) сеяньто стали вассалами тюркских каганов. Значительная их часть жила в Хангае, другие переселились в горы Тяньхань (Восточный Тянь-Шань). В китайских исторических трудах упоминается, что «их (сеяньто) административная система, оружие и обычаи почти такие же, как у тюрков» [Liu Mau-t'ai, с.35]. В конце VI в., после распада Тюркского каганата, тяньшаньские сеяньто оказались в подчинении у западнотюркских ябгу-каганов. Вместе с некоторыми племенами теле, к числу которых их относит источник, сеяньто кочевали между Восточным Тянь-Шанем и юго-западными отрогами Алтая. Хангайскую группу сеяньто около 600 г. потеснило телеское племя сикер.

В 605 г. западнотюркский Чурин-ябгу-каган, опасаясь мятежа тяньшаньских сеяньто, «собрал в большом количестве и казнил их вождей». Сразу же началось восстание и

переселение на восток части племен теле, а вместе с ними и сеяньто. Несколько неудачных столкновений с западными тюрками понудили большую часть сеяньто покинуть Тянь-Шань. Семьдесят тысяч их семей во главе с вождем Инанчу-иркином откочевали на свои древние земли южнее р. Толы и подчинились восточнотюркским каганам. В 619 г. Эль-каган назначил для управления сеяньто своего младшего брата, получившего высший после кагана титул шад.

После того, как наместник кагана собрал с новых подданных «беззаконные подати», те «вышли из повиновения ему». Сильная группировка телеских племен, возглавленная сеяньто и уйгурами, нанесла Эль-кагану столь серьезное поражение, что тот бежал в свои южные земли, к Иньшаню, оставив Хангай восставшим племенам (628 г.). Тюркские племена, оставшиеся в Хангае, влились в состав сеяньто. Так было положено начало «племенному союзу тюрков и сиров».

В 630 г. после неудачных сражений с танскими войсками, Эль-каган попал в плен. Самостоятельное существование первого Тюркского каганата прекратилось. В Хангае соперничали за власть сеяньто и уйгуры. Уже в 629 г. и те, и другие прислали ко двору китайского императора Тайцзуна отдельные посольства. Поддержку танского двора получили сеяньто и их вождь, Инанчу-иркин, провозгласивший себя Йенчу Бильге-каганом. Именно в это время произошел раскол внутри союза десяти племен теле, сложившегося в Северной Монголии в начале VII в. Сеяньто, возглавлявшие племена, вышли из союза, и главенствующее положение там заняли уйгуры. Тем самым, завершилось формирование могущественной племенной конфедерации токуз-огузов. После 630 г. токуз-огузы оказались скорее вассалами, чем союзниками сирского кагана и, очевидно, первоначально смирились с этой ролью. Во всяком случае, в 630-640 гг. они уже не посылали самостоятельных посольств к танскому двору. Нет сообщений и о столкновениях между ними и сеяньто. В Северной Монголии появилось новое государство — Сирский каганат во главе с династией *Ильтэр*. Его границами стали Алтай и Хинган, Гоби и Керулен. На севере каган сеяньто подчинил страну енисейских кыргызов и держал там «для верховного надзора» своего наместника — эльтебера.

Йенчу Бильге-каган принял в своем государстве ту же административную структуру, которая существовала в

Тюркском каганате. Возродились два территориальных объединения племен — «западное крыло» тардушей и «восточное крыло» телисов. Во главе тардушей и телисов были поставлены сыновья Йенчу, шады, получившие затем титулы «малых каганов». Сам Йенчу учредил свою ставку на северном берегу р. Толы. В центре Отюкенской черни сложился новый племенной союз — объединение сиров и тюрков, при главенствующем положении сирской династии.

Тайцзун был серьезно обеспокоен возникновением на северных рубежах империи сильного государства кочевников. Единственным приемлемым для него решением оказалось восстановление вассального и небольшого по размерам государства тюрков, способного прикрыть северную границу. Тюркские племена, переселенные в 630 г. на юг от Хуанхэ, были возвращены в горную область Иньшана (*Чугай кузы* тюрков) и степи севернее Ордоса (*Кара-кум*), на южные земли Эль-кагана и в его южную ставку (*Хэйшачэн* «город Черных песков» китайских источников). Тюрков возглавил близкий родственник Эль-кагана, Ашина Сымо, принявший каганский титул. Новый каган был лично предан Тайцзуну и пользовался его полным доверием, но не имел авторитета у своих сородичей.

Обеспокоенный появлением соперника и опасавшийся за судьбу союза с хангайскими тюрками, Йенчу Бильге-каган принял ответные меры. В декабре 641 г. войско сиров и токуз-огузов во главе с сыном Йенчу, Тардуш-шадом, пересекло Гоби. Ашина Сымо успел скрыться за Великой стеной, а сирсы оказались втянутыми в войну с империей и потерпели поражение. Начались переговоры о «мире и родстве», которые тянулись более трех лет.

После смерти Йенчу его младший сын Бачжо (Барсчор?) убил своего брата и захватил власть. В 646 г. огузские племена, страдавшие от притеснений Бачжо, обратились за помощью к Тайцзуну. Их послы жаловались, что Бачжо «жесток и беззаконен, не способен быть нам господином». Против кагана сиров был заключен военный союз империи с токуз-огузами. В июне 646 г. токуз-огузы, во главе с вождем уйгуров, «великим эльтебером» Тумиду напали на сиров и нанесли им тяжелое поражение. Бачжо бежал, но был настигнут уйгурами. «Хойху (уйгуры) убили его и истребили весь его род». Поражение сиров в Хангае совершили китайское войско и действовавшие совместно с ним два тюмена уйгурской конницы. Государство сиров прекратило свое существо-

вание. Многие роды были уничтожены, многие угнаны в Китай.

Гибель могучего племенного союза оказалась столь внезапной и полной, что породила среди остатков сиров легенду о злом вмешательстве сверхъестественных сил. Легенда представлялась убедительным объяснением событий и в степи была общеизвестна. Во всяком случае, китайскими историографами она была зафиксирована в нескольких весьма близких вариантах. Приведем более короткий вариант.

«Прежде, перед тем, как сеяньто были уничтожены, некто просил еды в их племени. Отвели гостя в юрту. Жена посмотрела на гостя — оказывается у него волчья голова [волк считался прародителем уйгуров — С.К.]. Хозяин не заметил. После того как гость поел, жена сказала людям племени. Вместе погнались за ним, дошли до горы Юйду-гюнь [Отюкенская чернь — С.К.]. Увидели там двух людей. Они сказали: «Мы духи (боги). Сеяньто будут уничтожены». Преследовавшие испугались, отступив, убежали. Из-за этого потеряли их. И вот теперь (сеяньто) действительно разбиты под этой горой».

Спасшиеся после разгрома племени сиров частью бежали в Западный край, на земли, покинутые двадцать лет назад. В 647-648 гг. там с ними сражался Ашина Шэр, тюркский царевич на танской службе, взявший тогда для Тайцзуна Кучу. Другая часть сиров осталась на прежних кочевьях в Хангае. В 668 г. их попытка возродить свою независимость была подавлена по приказу императора Гаоцзуна. Однако, в 679-681 гг. сиров поддержали восстание тюрков в Северном Китае. Вместе с тюрками они сражались с танскими войсками в Черных песках и несли тяжелые потери.

Дальнейшая история сиров — это история «племенного союза тюрков и сиров», в котором главенствующая роль принадлежала тюркам. Сиров были верны союзу. Вместе с тюрками они восстали против помыкавших их племенами китайских управителей и стали грозными противниками Танской империи. В войске Эльтериш-кагана и Тоньюкука они мстили уйгурам за гибель сородичей в резне 646 г. Вместе с тюрками они отвоевали Отюкенскую чернь, «страну тюрков и сиров». В середине сороковых годов VIII в., после гибели государства и «племенного союза тюрков и сиров», они разделили судьбу тюрков. Но судьба названий племен была различна. Этноним тюрк не только сохранился, но и возродился как

политический термин, утратив прежнюю этническую определенность. Этноним *сир* после 735 г. не упоминает ни один известный источник, но уже во второй половине VIII в. в руническом тексте и в первом арабском списке тюркских племен появляется этноним *кыбчак* (*кывачак*) — *кипчаки*.

Ситуационная однозначность употребления этнонимов *сир* и *кывачак* — *кыбчак* в тюркских и уйгурском рунических памятниках, весьма близких по времени написания и полемизирующих друг с другом, свидетельствует, что оба этнонима, древний и новый, некоторое время сосуществовали и были понятны читателям текстов. Выбор названия авторами памятников, принадлежавших к двум враждебным племенным группировкам, мог быть, следовательно, либо случайным, либо мотивированным, но не зависел от хронологии памятников или разницы в этнической терминологии тюрков и уйгуров — во всех поддающихся проверке случаях такая терминология совпадает.

Очевидно, что появление нового этнического термина, связанного с примечательными и всем известными обстоятельствами, явилось ответом на событие, коренным образом повлиявшим на судьбу сирских племен. Таким событием, ближайшим по времени к эпохе рунических памятников, было массовое истребление сиров уйгурами и китайцами, гибель их государства и правящего рода. Естественным отражением этих событий была семантика, т.е. смысловое содержание нового племенного названия.

Нарицательное значение слова *кывачак-кыбчак* в языке древнетюркских памятников сомнений не вызывает: «неудачный», «злосчастный», «злополучный»; в устойчивом парном сочетании *кывачак ковы* — *кыбчак кобы* «пустой», «ничемный» (по значению второго компонента) [Древнетюркский словарь, с.449,451,462; Clauson, с.581,583; Arat, с.252].

Семантика этнонима прозрачна и не требует сложного анализа. Связано ли становление названия с изменением этнического самосознания племени, результатом чего и стало новое самоназвание? Или старый этноним постепенно вытесняется названием, полученным извне, из словарного обихода иной племенной группировки?

По-видимому, объяснение кроется в одной из самых универсальных особенностей религиозно-магического мышления — представления о неразрывной связи между пред-

метом (существом) и его названием (именем). В частности, у тюркских и монгольских народов и поныне существует некогда обширный класс имен-оберегов. Так, детям или взрослому, обычно после смерти предыдущего ребенка или члена семьи (рода), а также после тяжелой болезни или пережитой смертельной опасности дают имя-оберег с уничижительным значением или новое охранительное имя, долженствующее ввести в заблуждение преследующие человека (семью, род) сверхъестественные силы, вызвавшие несчастье.

Совершенно та же ситуация применительно к целому племени сложилась у сиров после междоусобиц и резни 646-647 гг., когда остатки прежде богатых и могущественных сирских родов с трудом отстаивали право на жизнь. Сирская легенда приписала все несчастья злобе божеств (духов), решивших извести племя. И, следовательно, надежным мог оказаться только путь спасения, который укрыл бы остатки сиров от мести кровожадных духов, отождествленных легендой с предками-прародителями враждебного племени — уйгуров. Средством спасения стала смена название племени, принятие прозвища-оберега с уничижительным значением («злосчастные», «никчемные»), возникшего, скорее всего, как подмена этнонима в ритуальной практике.

Политическая оценка сосуществовавших какое-то время старого этнонима и воспринявшего этнонимические функции прозвища-оберега возникла не сразу. Очевидна зависимость такой оценки от меняющейся ситуации, от соотношения сил разных племенных союзов. В возрожденном Тюркском каганате имя сиров превалировало над прозвищем. С древним этнонимом было связано право на обладание коренной территорией («земли тюрков и сиров»), право на совластие. Пока сирь, знатнейшие из телеских (огузских) племен, хотя бы символически делили власть с тюрками, законность их господства над огузами не могла быть подвергнута сомнению.

Для уйгуров, давних соперников сиров, подмена древнего названия этого племени уничижительным прозвищем была как нельзя более кстати. Победа над тюрками рисуется уйгурскими руническими памятниками торжеством исторической справедливости и генеалогического легитимизма. Но в сравнении с сирами, их правящим родом Ильтэр, никакого превосходства знатности князя из рода Яглакар не имели. Принятый ими каганский титул в правовых представлениях других огузских племен был, по меньшей

мере, сомнительным. Недаром уже на самых первых порах существования Уйгурского эля разразилось грозное восстание огузов, отказавшихся признать ягларских каганов. Предать забвению имя сиров, акцентировать их прозвище с уничижительным значением оказалось политически выгодным и необходимым, и вот, в памятнике Элетмиш Бильге-кагана, племя, делившее власть с тюрками, названо кыбчаками.

Прошло немалое время. Были забыты и причины появления имени кыбчак и его семантика, мало приемлемая для этнического самоназвания. Для объяснения этнонима родилась новая легенда. Ее запечатлел многократно перерабатывавшийся эпос огузов. Огуз-каган, именующий себя «уйгурским каганом», духом-покровителем которого был «сивый волк», мифический предок уйгуров, дарует своим ближним бекам имена, ставшие по легенде эпонимами огузских племен. Один из бсков назван Кывчак, и это имя связывается с деревом. Иной вариант той же легенды, приведенный Рашид ад-Дином и повторенный Абу-л-Гази, уточняет — имя Кывчак связано с дуплистым, пустым внутри деревом, называемым «кабук» (древнетюрк. *ковук*). Абу-л-Гази замечает: «На древнем тюркском языке дуплистое дерево называют кипчак». Так, прежние значения слова *кывчак-кыбчак* сужается и закрепляется в понятии «пустое, дуплистое дерево».

После победы уйгуров в 744 г. тюрки и их союзники были вытеснены из «Отюкенской страны». Северной и западной границами Уйгурского эля стали Саяны и Алтай. А за этими рубежами, на Северном Алтае и в Верхнем Прииртышье, археологически фиксируется появление во второй половине VIII — первой половине IX вв. усложненных вариантов древнетюркских погребений с конем, представленных большим числом памятников. Позднее, в IX-X вв., этот тип погребений получает развитие в так называемой «сросткинской культуре», приписываемой кимакам и кипчакам [более подробно: Ахинжанов, с.66-71].

Окончилась история сиров. Началась история кипчаков, вначале одного из племен Кимакского каганата, а впоследствии — главенствующего племенного союза в огромном объединении кочевых племен Великой Степи, прямых предков казахского народа.

Государство кимаков. В то время как на Алтае вокруг сиров-кипчаков началось формирование нового племенного союза, на востоке казахстанских степей, в Прииртышье,

сложилось сообщество тюркских племен, которых мусульманские источники именовали *кимаками*, а тюркский филолог XI в. Махмуд Кашгарский называл йемеками. Те немногие, что известно о кимаках, сообщают несколько арабских и персидских источников, изученных видным казахстанским историком-востоковедом Б.Е. Кумековым. Он впервые реконструировал по далеко не всегда ясным сообщениям генезис, состав и недолгую историческую жизнь племенного союза и государства кимаков [Кумев. 1972].

Единственная генеалогическая легенда о происхождении кимаков, а точнее — о начале формирования их племенного союза, сохранена Гардизи (XI в.), который использовал здесь источники VIII-IX вв., т.е. того же времени, что и список тюркских племен Ибн Хордадбеха. Легенда связывает возникновение кимацкого союза с племенем татар, что послужило поводом для поиска предков кимаков среди монголоязычных племен Центральной Азии. Однако Махмуд Кашгарский, основательно знакомый с языками тюрков, относит к этим языкам не только кимацкий (йемекский), но и наречие татар, оговаривая, впрочем, что у них свой диалект.

Здесь необходимы некоторые пояснения. Представления о древних татарах как о едином монголоязычном народе, жившем в VIII-XIII вв. на востоке Монголии, далеко не точны. Орхонские надписи пишут сначала об *отуз татар* «тридцати татарских (племенах)», а затем о *токуз татар* «девяти татарах», т.е. о громадных и неустойчивых племенных сообществах. Персидский историк конца XIII в. Рашид ад-Дин вообще отрицает какое-либо единство татар в прошлом и настоящем, рассказывает о вражде и постоянных войнах татарских племен между собой, упоминает, что до монгольских завоеваний было шесть отдельных татарских государств, а вообще же татарами тогда именовались многие тюркские племена.

На юго-востоке Туркестана в IX-XIII вв. существовала большая и политически организованная группа татарских племен, имевшая своего государя и поддерживавшая дипломатические связи с Китаем. «Худуд ал-алем», анонимная персидская география X в., связывает их с токуз-огузами («они из расы токузгузов»), а страну, т.е. Восточный Туркестан, не без некоторого преувеличения называет «страной токузгузов и татар» [Kljastornyj, 1992, с.72-93].

Поэтому, начальный этап формирования кимацкой общности не следует обязательно связывать с монголоязыч-

ными племенами, а появление в Прииртышье татар в VIII-IX вв. вовсе не было свидетельством происходившей тогда их миграции из Восточной Монголии. Генеалогическая легенда кимаков и добавления к ней, заимствованные Гардизи из других источников, показывают лишь тот круг тюркских племен, из которых сформировался кимакский племенной союз. Этот процесс завершился не ранее середины IX в., когда после падения Уйгурского каганата в центре кимакских земель на Иртыше появились осколки бежавших сюда после разгрома токузгузских племен. Но важнейшим событием для кимакского объединения стало вхождение в него кипчаков, что произошло, вероятно, не ранее конца VIII — начала IX вв.

Именно после 840 г. глава кимакского племенного союза принял засвидетельствованный мусульманскими источниками титул кагана (хакан) и, тем самым, обозначил не только создание нового государства, но также, наравне с карлуками и енисейскими кыргызами, декларировал свою претензию на верховный авторитет в степи.

Источники пишут об «одиннадцати управителях» областями страны кимаков. Эти управители, именуемые также «царями», т.е. ханами, утверждают каганом и наследственно правят своими уделами — картина не очень далекая от способа политического управления и устройства Караханидского каганата. Внутренняя неустойчивость таких государственных образований, порождаемая сепаратизмом наследственных владетелей, и, в не меньшей степени, племенным партикуляризмом, неизбежно предопределяла их крах при столкновении с более сильным противником уже через несколько поколений после их создания и, на первых порах, успешных набегов и завоеваний.

Если Прииртышье было коренной территорией кимаков, то очень скоро они распространили свои владения до Джунгарии, овладев север-восточным Семиречьем, а кипчаки — и Приуральем. Арабский географ XII в. ал-Идриси, использовавший сведения из несохранившейся книги Джанаха ибн Хакана ал-Кимаки, т.е. «Джанаха, сына кагана кимаков», так пишет о политической значимости кимакского государя: «Царь кимаков один из великих царей и один из славных своим достоинством ... Тюркские цари опасаются власти хакана, боятся его мести, остерегаются его силы, бегутся его набегов, так как они уже знали это и испытали от него раньше подо-

бные действия» [Кумеков, с.120]. Несмотря на явную апологетику этой тирады, в ней совершенно реальный намек на войны и набеги, которыми обильна история кимаков.

На западе и юго-западе кимаки граничили с семиреченскими и приаральскими огузами, на юге — с карлуками, на востоке — с государством енисейских кыргызов. Наиболее спокойными были, очевидно, отношения с огузами. Во всяком случае, если между ними не было войны, кимаки и огузы, по взаимному согласию, пасли скот на пастбищах, принадлежавших и тому, и другому племени. Соперничество с карлуками и кыргызами, владельцы которых также именовали себя каганами и также претендовали на «уйгурское наследство», было более острым. Ал-Идриси пишет, что кыргызы «особенно должны опасаться предприимчивости царя кимаков, воинственного государя, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями» [там же]. Впрочем, источники отмечают не только войны, но и тесные культурные связи кимаков и кыргызов. Согласно «Худуд ал-алем», одно из кыргызских племен по одежде не отличается от кимаков, а у кимаков многие следуют обычаям кыргызов.

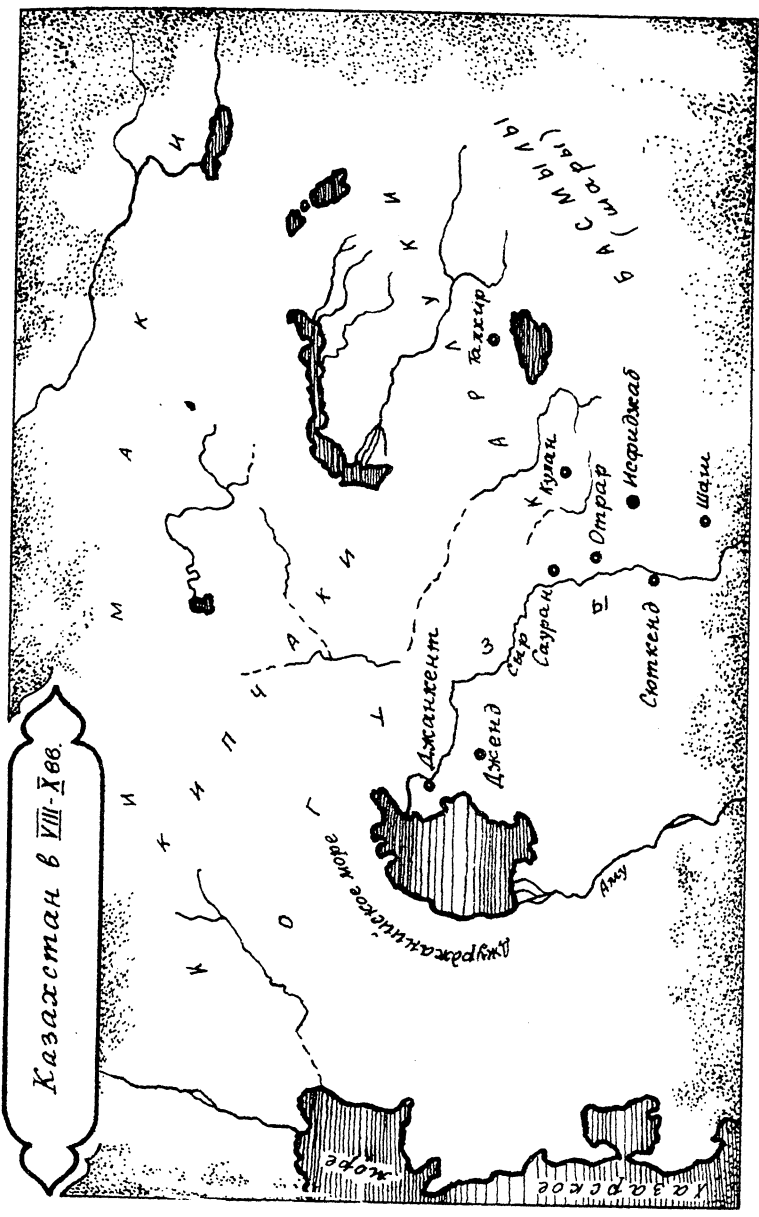
Чрезвычайно интересен рассказ ал-Идриси о шестнадцати кимакских городах, в одном из которых была резиденция царя. Оседлые поселения упоминает и арабский путешественник Тамим ибн Бахр, посетивший страну кимаков в начале IX в. Пашни и селения, а также резиденцию царя упоминает анонимный автор «Худуд ал-алем». Однако все источники свидетельствуют, что главным занятием кимаков было кочевое скотоводство.

Крушение Кимакского государства в конце X или начале IX вв. связано с миграциями племен в Великой Степи.

Кипчакская степь. Насири Хосров, знаменитый персидский поэт, путешественник и проповедник исмаилитского шиизма, родившийся в 1004 г. в Кобадiane, на юге Таджикистана, носил, тем не менее, нисбу, т.е. прозвание по месту рождения, ал-Марвази, т.е. «Мервский». В Мерве он поселился в 1045 г. и состоял там на государственной службе у сельджукского султана Чагры-бека: «Я был дабиром (чиновником) и принадлежал к числу тех, кому поручено имущество и земли султана», — писал он впоследствии [А. Бертельс, с.175].

Тогда в Мерве Насири Хосров, побывавший к своим сорока двум годам в Иране, Индии и Аравии, впервые познакомился с «делами тюрок». Политическая обстановка

Казакстан в VIII-X вв.

на северо-восточной границе Сельджукской державы была тревожной и требовала от окружения Чагры-бека постоянного внимания к бывшим огузским землям, прародине Сельджукидов, которую арабские географы X в. именовали *Мафазат ал-гузз* — «Степь огузов». Поэт и чиновник схватил главную суть изменений — первым, и на века Насири Хосров назвал земли от Алтая до Итиля *Дешт-и кипчак* «Степью кипчаков». Прошло полстолетия, и причерноморские степи стали Полем половецким русских летописей, а в начале XIV в. близкий Рашид ад-Дину персидский историк Хамдаллах Казвини разъяснил, что волжско-донецкие степные просторы, ранее называемые Хазарской степью, давно стали Степью кипчаков.

Какие события привели к столь существенным переменам в привычной географической номенклатуре?

Первая глухая информация о новых этнических волнах, тогда еще только омывавших запад Великой Степи, содержится в беглом упоминании ал-Масуди, великого арабского географа и историка первой половины X в. В одном из своих географических сочинений ал-Масуди, в рассказе о печенегах и их уходе на запад пишет, отсылая читателя к другому своему труду, до нас не дошедшему: «а мы упомянули ... причины переселения этих четырех тюркских племен с востока и то, что было между ними, гузами, карлуками и кимаками из войн и набегов на Джурджанийском озере [Аральском море — С.К.]» [МИТТ, I, с.166].

Сообщение ал-Масуди явно относится к IX в., когда огузы, вытеснив печенегов из Приаралья, создали там свое государство со столичным городом Янгикентом на нижней Сыр-Дарье. Тогда же карлуки контролировали Фараб, т.е. земли по средней Сыр-Дарье. Но об участии кимаков в приаральских событиях до того не было известно, и ал-Масуди первым упоминает их возле «Джурджанийского озера».

Несколько позднее другой арабский географ и путешественник ал-Макдиси, писавший во второй половине X в., в географическом труде, созданном им по заказу Саманидов и представленном в 985 г. к их двору в Бухаре, вновь фиксирует кимаков там, где они упомянуты ал-Масуди — в Приаралье и на Сыр-Дарье. Пользуясь информацией из саманидских источников, ал-Макдиси назвал сырдарьинский город Сауран «(саманидской) пограничной крепостью против гузов и кимаков» [МИТТ, I, с.185]. Те же сведения есть и у других географов — современников ал-Макдиси.

Правильную трактовку сообщению ал-Макдиси дал В.В. Бартольд — он заметил, что кимаками у ал-Макдиси названы кипчаки, западное «крыло» Кимакской державы. Между временем, которому принадлежит сообщение ал-Масуди (IX в.), и актуальной для конца X в. информацией ал-Макдиси прошло столетие. Кипчакские пастбища вплотную примыкали к приаральским и присырдарьинским землям огузов, и, пользуясь миром, кипчаки пасли там свой скот. Ситуация взорвалась внезапно, но взрыв исподволь готовился с давнего времени.

В начале XII в. придворный врач сельджукского султана Маликшаха и его наследников, уроженец Мерва, Шараф аз-Заман Тахир Марвази написал трактат по зоологии (*Табиа ал-хайаван* — «Природа животных») и дополнил свое сочинение сведениями по этнографии и истории. Основываясь на каких-то местных огузских повествованиях, он поместил в раздел о тюрках не очень ясный, с очевидным фольклорно-эпическим налетом, рассказ о давних и полузабытых событиях, имевших отношение к прошлой истории сельджукских, а вернее огузских племен:

«Среди них (тюрков) есть группа племен, которые называются кун, они прибыли из земли Кытай, боясь Кыта-хана. Они были христиане-несториане. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из них был хорезмшах Икинджи ибн Кочкар. За кунами последовал (или: их преследовал) народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. Куны переселились на землю шаров, а шары переселились на землю туркменов. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского (Черного) моря» [Марвази, с.29-30].

Из других разделов книги Марвази к этому рассказу можно привлечь одно пояснение и одно дополнение. Туркменами, по словам Марвази, называются тюрки, пришедшие в страны ислама и принявшие мусульманство. Кто были туркмены, жившие на восточной границе огузских земель накануне начала их движения на печенегов, помогает понять текст ал-Макдиси: «Орду — маленький город, в нем живет царь туркмен, который постоянно посылает подарки владетелю Исфиджаба» [МИТТ, I, с.185]. Город Орду, в междуречье Таласа и Чу, еще в X в. был столицей семиреченских карлуков. Следовательно, туркменами названы у Марвази исламизированные в IX в. Саманидами карлуки, до того исповедовавшие не-

сторианский толк христианства. В 893 г. саманид Исмаил ибн Ахмед в походе на карлуков разрушил несторианскую церковь в Таразе, воздвиг на ее месте мечеть, а население этого небольшого западнотюркского княжества обратил в ислам.

Итак, последний этап переселения, о котором кратко сообщил Марвази, особых трудностей не вызывает: просто события изложены им очень выборочно и неполно. Под напором с востока, в котором приняли участие и семиреченские карлуки, огузы, ослабленные уходом в Хоросан основной массы огузско-сельджукских племен, двинулись со своих восточных земель в западные приволжские кочевья, а затем, разгромив печенегов — в причерноморские степи. Уже в 985 г. они появляются на границах Киевской Руси (византийцы называли их узамы, а русы — торками, т.е. тюрками) и в союзе с князем Владимиром совершают набег на камских булгар.

Дополнение к основному рассказу, имеющиеся в другой главе сочинения Марвази, касается шары. В то время, как основная масса шары, тесня туркмен-карлуков, двигалась к Сыр-Дарье, другие из них остались в глубине Центральной Азии: «Путник, идущий в Китай, на расстоянии полмесяца пути из Санджу [Дунхуань, округ и город на границе Восточного Туркестана и провинции Ганьсу в Западном Китае — С.К.] достигает группы (племени) шары, которая известна по имени их вождя, а он — басмыл» [Марвази, с.19]. Далее добавляется, что шары убежали в эти места «от ислама, боясь обрезания».

После массовой исламизации караханидских тюрков около 960 г. разгорелась длительная «борьба за веру» — войны Караханидов против своих «неверных» соседей на севере и востоке, войны длительные и жестокие, но почти неизвестные мусульманским авторам, как, впрочем, и многие другие стороны жизни Караханидского государства.

Однако окрашенные религиозными мотивами войны породили особый вид героических сказаний, эпических богатырских поэм, главными героями которых были гази — «борцы за веру», сражающиеся с язычниками на рубежах стран ислама. Появились такие поэмы и в среде караханидских тюрков. Отрывки из них сохранились случайно, в той мере, в какой Махмуд Кашгарский, собиратель тюркского фольклора, записал и использовал повествования о гази в качестве примеров своего словаря. Главным героем тех отрывков, которые записал Махмуд,

был гази Арслан-тегин, иногда именуемый еще *бекеч* «принц». Не исключено, что впоследствии он стал одним из первых караханидских каганов, но надежное отождествление вряд ли возможно. Иногда главным героем поэм выступает сам «хакан», имя которого у Махмуда отсутствует. Впрочем, оно и не нужно было Махмуду, ведь приводимые им отрывки героических повествований были лишь стихотворными примерами, поясняющими употребление какого-либо слова.

Главные враги Караханидов, племена тюрков-язычников, несколько раз перечисляются. Это уйгуры-идолопоклонники, что жили за рекой Ила (Или), в стране Мын-гяк. Это ограки, пограничное племя, которые жили в местности Кара Йигач. Это прииртышские йемеки. Но самым страшным врагом Караханидов был союз трех племен: басмылов, чомулов и ябаку, а также соседи ябаку — каи. Все три племени известны по китайским и древнетюркским источникам. Их земли еще в VII-VIII вв. протянулись от восточной части Семиречья, через Тарбагатай, Северную Джунгарию, Алтай до Оби. Новая мусульманская держава, с ее стремлением навязать свою власть и свою идеологию, отрезала эти племена от богатых городов и селений Семиречья и Восточного Туркестана, поставила под свой контроль часть привычных кочевий. Столкновения перерастали в войны, войны становились частью повседневной жизни и тянулись десятилетиями. Лишь иногда известие о прорыве язычников или обращении их в ислам мелькало на страницах мусульманских хроник. И только песни о героях-гази, попавшие на страницы грамматического труда почтенного филолога из Кашгара, отразили то напряжение и непримиримость, предопределившие силу и глубину будущего прорыва мусульманского барьера, массовость и стремительность миграций к новым землям и новым границам.

В эпических отрывках инициаторами войн чаще всего изображаются *ябаку* (алтайская ветвь карлуков), *чомулы* (остатки древнейших гунно-тюркских племен Семиречья, чуми китайских источников) и басмылы, которых уйгурская руническая надпись начала IX в. называет «сорокаплеменными басмылами». Именно басмылы после падения Тюркского каганата стали наследниками имперской традиции — их вожди были из рода Ашина, но власть и титул были отняты у них уйгурами и карлуками.

Особенно досаждал мусульманам бек басмылов и вождь ябаку Будрач, носивший прзвище бёке «большая змея, дракон». Сохранился отрывок сказания о решающей битве мусульман с «Великим Змеем» Будрачем. Тот пришел в страну мусульман с семисоттысячным (!) войском, но гази Арслан-тегин во главе сорока тысяч мусульман разгромил и пленил его. Вот отрывок из речи гази накануне битвы:

Припустим-ка мы коней на рассвете,
будем искать крови Будрача,
сожжем-ка мы бека басмылов,
пусть теперь собираются йигиты.

[Махмуд Кашгарский, II, с.330;
поэтический перевод Стеблева, с.147]

События, отзвук которых сохранился в эпосе, датируются, скорее всего, второй половиной X — началом XI вв. Эту войну, самую опасную из всех, что вели с «неверными» тюрками Караханиды, допустимо сопоставить с другой крупномасштабной военной операцией, упомянутой Ибн ал-Асиром, арабским историком XIII в. Согласно его сообщению, в 1017-1018 гг. «300 тыс. шатров тюрков вышли из Сина (Китая)» и появились в Семиречье. Баласагунский Туган-хан отбил их и разгромил в ходе длительного преследования [Dankoff, с.151-165].

Однако для уверенного сопоставления обоих событий имеются определенные трудности. Ибн ал-Асир называет среди противников Туган-хана китаев (киданей), владевших в то время Северным Китаем. Действительно, в начале XI в. отмечается активность западной политики императоров династии Ляо, т.е. киданей. В 1027 г. в Газну, к султану Махмуду прибывает киданьское посольство с предложением об установлении связей. Именно после этого посольства в труде ал-Бируни, написанном в Газне около 1029 г., в списке тюркских племен упомянуты куны и как самые восточные из тюрков. Никогда позднее Бируни их не упоминал.

Скорее всего, то общее и схематическое представление о передвижениях кочевых племен от границ Китая до Сыр-Дарьи, которое попало из устной традиции, бытовавшей в огузско-сельджукской среде, на страницах труда Марвази, просто не отражено у мусульманских историграфов. Единственным намеком на те же события является, кроме рассказа Марвази, вполне фольклорное повествование армян-

ского историка XI в. Матфея Эдесского о нападении «народа змей» (тамгой кай была змея) на «желтых», т.е. шары.

Независимо от того, кто были куны (под этим именем известно одно из племен тогуз-огузов, оказавшееся после краха Уйгурского каганата на новой территории и вытесненное оттуда, если полагаться на сведения Марвази, кытаями-киданиями) и была ли война между названными у Марвази племенами или они двигались по «принципу снежного кома», западная миграция восточных тюркских племен была результатом неблагоприятных для них политических условий, возникших в X в. вследствие создания на востоке империи Ляо, в Восточном Туркестане и Семиречье — Караханидского каганата.

Именно после кровопролитных войн с Караханидами, часть «сорокаплеменных» басмылов, противящаяся принятию ислама, покинула прежние места обитания. Марвази прямо говорит о том, что это были шары. Во главе басмылов стояли князья из древнего каганского рода Ашина, и этим объясняется другой намек Марвази об известности шары только благодаря имени их вождя, происходящего из басмылов. Одна группа шары оказалась на востоке. Судя по маршруту, приведенному Марвази, они ушли в низовья Эдзин-гола, т.е. в страну тангутов, воевавших с Караханидами. Другая группа, слившаяся с кай и кунами, оказалась в Семиречье и близ Сыр-Дарьи. На этом рассказ Марвази обрывается.

В 1055 г. до границ Руси докатывается вал передвижений новых степных племен. Все они были связаны с кипчаками, как о том сообщают мусульманские авторы. Но в новых местах этот общий этнополитический термин не привился. На Руси перевели на славянский имя шары («желтый, половый»), и все новые пришельцы получили название *половцев*, а степь стали называть *Подем половецким*. Тех, кто ушел на Дунай, венгры называли их именем — *кунами*, но одновременно появилось другое их название — *команы*, как полагают — по имени одного из их вождей [Бартольд, V, с.402]. Не исчезли и кай — русские летописи многократно упоминают *каепичей*, *кай-оба*, т.е. «племя кай».

Среди ханских родов шары-половцев не угасло и имя царского рода басмылов — *Осень*, т.е. Ашена-Ашина. Из дунайских половцев в 1187 г. выдвинулась династия основателей второго Болгарского царства — Асений (Ашена).

А в казахстанской части Дешт-и Кипчак состав племен начал меняться в XII в.: появились многочисленные племе-

на канглы, вошедшие в кипчакское объединение, но не слившиеся с ним. Главная ставка канглы была на Нижней Сыр-Дарье, а значение их в степи столь велико, что в начале XIII в. монгольское повествование о Чингиз-хане «Сокровенное сказание» (1240 г.) называет степь к западу от Иртыша «страной канлийцев и кыпчаутов» [Сокровенное сказание, с.151]. Но с приходом монголов в истории Великой Степи началась другая эпоха.

10. Общественные идеалы и социальное устройство в древнетюркских государствах

Характеристика социальной природы древнетюркских государств, обладающих одинаковыми институтами общественного устройства, до сих пор весьма разноречива. Их определяют и как военную демократию, и как родоплеменное государство, и как военно-рабовладельческие империи, и как феодальные или патриархально-феодальные военные образования.

Особое значение для выявления социальных связей и зависимостей имеют памятники, созданные в древнетюркской среде. В год Барса по степному календарю, а по нашему летоисчислению в году 582, среди громадных курганов скифских царей, что в Оленьем урочище на реке Баян-Цаган, в центре Хангайской горной страны, над местом поминаения тюркского кагана Гаспара была воздвигнута стела с надписью о деяниях первых тюркских каганов, распространивших свою власть от Желтой реки до Боспора Киммерийского. Именно с этой стелы получившей название Бугутской, ведется ныне отсчет древнетюркских источников на согдийском и тюркском языках. Полтысячелетия воздвигались на поминальном кургане высшей знати тюрков, уйгуров и кыргызов каменные стелы с надписями, где апология усопших вождей соседствовала с царским хрониконом и актуальной декларацией, а дидактика окрашивалась политическими эмоциями. Заупокойные эпитафии становились средством монументальной пропаганды. Они отражали, формулировали и формировали видение и картину мира, отстаивали и навязывали жизненные и нравственные идеалы, устремления, цели.

Через несколько столетий, в столице Караханидской державы, уже включившейся в систему развитых цивилизаций ислама, но еще сохранившей архаичные институты

древнетюркского времени, была написана дидактическая поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»). Ее автор, государственный деятель и политический теоретик, хас-хаджиб («министр двора») Юсуф Баласагунский обрисовал идеальные формы общественного и политического устройства, во многом коррелирующие с социальными реалиями, запечатленными руническими текстами. Общество, конструируемое Юсуфом, строго иерархично. Личность в нем, полностью лишенная индивидуальности, выступает только как воплощение сословных черт, ее поведение запрограммировано и определено исключительно сословными функциями. Все, что делает или может сделать человек в мире, воспетом Юсуфом, сводится к двум категориям — должного и недолжного. Конечно же, должное и недолжное совершенно различны для людей из разных сословий, и покушение на сословные разграничения почитается абсолютным злом, нарушением божественной воли и заветов предков. Вряд ли какой-либо из документов тюркского средневековья столь же полно отражает образ мышления кочевой аристократии. И ни один из источников не перекликается столь же живо с древнейшими тюркскими текстами — камнеписными памятниками Центральной Азии. И здесь и там на первом плане политическая доктрина, отражающая взгляд на мир тюркской военно-племенной знати, для которой абсолютным императивом было стремление к подчинению иноплемеников и господству над ними.

Война ради добычи, усердие в ее поиске и щедрость при распределении добытого среди войска представляются Юсуфу едва ли не главными добродетелями правителей:

О беки! Нам любо усердьє элика,
Да будет и Ваше раденьє велико!
Усердием беков усилится власть,
От лениности их ей назначено пасть!
Внемли, что сказал муж о рати своей:
«Добудешь победу наград не жалей!
Корми, награждай, не жалея отличий,
Иссякнут дары — снова мчись за добычей».

(Перевод С.Н. Иванова)

Те же мотивы звучат в декларациях тюркских каганов и полководцев VIII в., запечатленных орхонскими стелами в Монголии и таласскими надписями, на Тянь-Шане: «Я постоянно ходил походами на ближних и на дальних!» —

повествует эпитафия Бег-чора, одного из семиреченских князей тридцатых годов VIII в.

Структуры древнетюркской общины веками складывались и приспособлялись к целям и задачам военного быта. Тюркский племенной союз (*тюрк кара камаг бодун*), состоявший из племен (*бод*) и родов (*огуш*), был политически организован в эль — имперскую структуру. Родоплеменная организация — бодун, и военно-административная организация — эль, взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей. Хан «держал эль и возглавлял бодун». Он осуществлял функции главы «гражданского» управления внутри собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии родов и племен и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Вместе с тем, возглавляя политическую организацию, созданную его племенным союзом, он выполнял функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и вынуждавшего их к уплате даней и податей. Поддержание на должном уровне боевой мощи армии, ориентация походов и набегов, удержание в подчинении и послушании покоренных, использование их экономических и военных ресурсов — таковы функции древнетюркского эля, который возглавлялся каганом. Он в свою очередь опирался на племенную аристократию, из которой комплектовалось «служивое сословие», т.е. военно-административное руководство и личное окружение кагана.

Обращаясь с надписями-манифестами к своим «слушателям» («Слушайте хорошенько мою речь!» — требует в своей надписи Бильге-каган), тюркские каганы и их приближенные выделяют среди «внимающих им» два сословия — знать и народ. В Бугутской надписи эти два сословия именуется *куркапыны*, т.е. «обладающие саном», и «народ» («тюркские беги и народ»). Беги и «простой народ» фигурируют в памятниках енисейских кыргызов. Наиболее резкое противопоставление знати и народа содержится в терминологии обоих древнеуйгурских рунических памятников середины VIII в.: *атлыг* «именитые» и *игиль кара бодун* «простой народ».

В памятниках отчетливо проявляется двухступенчатый характер социальных оппозиций внутри регистрируемой текстами структуры «каган — беги — народ».

Описываемые в надписи ситуации выявляют различия поведения и интересов бегов и народа. Так, в Онгинской

надписи рассказывается о битве, в ходе которой «простой народ» сражается и гибнет, а беги спасаются, покинув поле боя. Уйгурский каган Элеңиш Бильге, противопоставляя интересы изменивших ему «именитых» интересам «своего простого народа», призывает отколовшиеся племена вновь ему подчиниться. В иной ситуации тюркский Бильге-каган требует от народа, чтобы тот «не отделялся» от своих бегов. Здесь проявляется та же тенденция, что и в «аристократическом фольклоре», сохраненном Махмудом Кашгарским, замечательным тюркским филологом XI в.:

Опора земли — гора,
Опора народа — бег.

Самая суть отношений знати к народу ясно выражена в эпитафии-завете одного из кыргызских бегов: «Простой народ, будь усерден (трудолюбив)! Не нарушай установленных эля!»

Другая оппозиция, напротив, объединяет бегов и народ, противопоставляя племенные интересы единству эля, олицетворяемому каганом. Попрекая бегов и народ за былые измены, за стремление откочевывать и выйти из-под руки кагана, Бильге обвиняет их в прежних несчастьях тюркского эля, требует раскаяния в прошлых поступках и постоянной верности кагану. В некоторых вариантах политических сентенций упомянут только «тюркский народ», «провинившийся» перед каганом, но контекст явно указывает, что беги не отделяются здесь от народа. Призыв к покорности кагану бегов и народа, призыв к совместному противостоянию враждебному окружению выражен орхонскими надписями предельно эмоционально.

Обе оппозиции, столь отчетливые в древнетюркских памятниках, оставаясь сословными, не стали зрелыми классовыми противоречиями. Фиксируя положение традиционных сословий, составлявших общину, они скорее отражают борьбу этих сословий за свою долю материальных благ, получаемых общиной, нежели попытки изменения структуры. Показателен в этом отношении рассказ осведомленного китайского историографа о возвышении и гибели тюркского кагана Сулука: «В начале [своего правления — С.К.] Сулук хорошо управлял людьми: был внимателен и бережлив. После каждого сражения добычу всю отдавал подчиненным, почему роды были довольны и служили ему всеми силами ... В последние годы он почувствовал скудность, почему награбленные добычи начал мало-помалу удержи-

вать без раздела. Тогда и подчиненные начали отдаляться от него ... Мохэ Дагань и Думочжы неожиданно в ночи напали на Сулука и убили его» [Бичурин, I, с.298-299].

Высшим сословием древнетюркской общины были беги, аристократия по крови, по праву происхождения из рода, особый статус которого в руководстве делами племени считался неоспоримым, освященным традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле каганский род Ашина, в государстве уйгуров — род Яглакар. Вместе с несколькими другими знатными родами, иерархия которых была общеизвестна и общепризнана, они составляли вершущу своих общин, особое, наиболее привилегированное сословие.

Положение знатных родов зиждилось как на праве руководства племенем и общиной, так и на обязанности заботиться о благосостоянии соплеменников. Каждую племенную группу — тюркскую, уйгурскую, кыргызскую — связывали идеология генеалогической общности, реальной материальной базой которой было право собственности на коренные и завоеванные земли, право на долю в доходах от военной добычи, эксплуатации побежденных и покоренных племен. Во всех надписях тюркских каганов и их сподвижников настойчиво повторяется, что только каган с помощью своих родичей и свойственников способны «вскормить народ». В уцелевших фрагментах текста Бугутской надписи эта формула повторена трижды: про Муган-кагана (553-572 гг.) сказано, что он «хорошо вскормил народ». Бильге-каган постоянно напоминает «слушателям», что он «одел нагой народ», накормил «голодный народ», сделал богатым «бедный народ»; благодаря ему «тюркский народ много приобрел», «ради тюркского народа» он и его младший брат Кюль-тегин «не сидели без дела днем и не спали ночью». Тоньюкук напоминает о неустанных «приобретениях» ради тюркского народа, осуществлявшихся Эльтериш-каганом и им самим, сопровождая свои слова сентенцией: «Если бы у народа, имеющего кагана, (тот) оказался бы бездельником, что за горе бы у него (народа) было!».

Единство, которого требуют каганы, единство внутри общины, основанное не на равенстве соплеменников, а на многоступенчатой системе подчинения, означало отказ от сословных разногласий и принятия такой политической структуры и таких правовых норм, при которых власть, а следовательно и богатство, добываемое путем внеэкономического принуждения, войной и угрозой войны, принадлежало бы аристократам по крови, выделявших остальной

общине установленную традицией долю добычи и лани. Свое социальное и правовое проявление единство находило в применении ко всем ее членам единого наименования эр «муж-воин».

«Мужем-воином» становился по праву рождения любой юноша, достигший определенного возраста и получивший эр аты — «мужское (геройское, воинское) имя», будь он одним из сотен рядовых воинов или принцем крови. Так в сочетании «начальник над пятью тысячами мужами-воинами» термином эр обозначен каждый воин пятитысячного отряда. Но «мужем-воином» стал, по исполнению десяти лет, и сын Эльтериш-кагана, Кюль-тегин.

Получение «мужского имени» было связано с обрядом инициации (посвящения), которому предшествовало совершение юношей охотничьего или воинского подвига. Скорее всего, с таким обрядом связаны упоминаемые в надписи из Ихе Хушоту охотничьи подвиги героя: «в семь лет Куличор убил горную козу, а в десять лет — дикого кабана». Не исключено, что в знатных семьях обряд посвящения происходил несколько раньше, чем в остальных, после первых же охотничьих успехов испытуемого. О более распространенном варианте инициации упоминает сравнительно поздний рунический текст на бумаге (X в.) «Birg битиг» («Книга гаданий»): «Рассказывают: сын героя-воина пошел в поход. На поле боя Эрклинг (подземный бог) сделал его своим посланцем. И говорят: когда он возвращается домой, то он сам приходит знаменитым и радостным, со славой (мужа), достойного зрелости. Так знайте — это очень хорошо!». Лишь приняв участие в бою и проявив воинскую доблесть, юноша «достигает зрелости».

Подобная же ситуация, рисующая сам обряд инициации, описана в орузском эпосе «Книга моего деда Коркута»: сыну хана Бай-Бури исполнилось пятнадцать лет, он стал джигитом, «но в тот век юноше не давали имени, пока он не отрубил головы, не пролил крови». Речь идет не об отсутствии имени вообще — мальчика звали Басам, а об отсутствии «мужского имени». Басам убивает разбойников, напавших на купеческий караван. И тогда Бай-Бури созывает на пир беков огузов; вместе с беками «пришел мой дед Коркут; дал юноше имя: ... ты зовешь своего сына Басамом, (теперь) пусть имя его будет Байси-Бейрек, владелец серого жеребца!» [Книга моего деда Коркута, с.34].

Получив «мужское имя», воин мог присоединить к нему титулы, указывающие на его знатность или место в военно-административной иерархии каганата, однако, во всех

случаях, он оставался прежде всего «мужем-воином», т.е. полноправным членом тюркской общины.

Вместе с тем, Тюркский эль, как и любое другое из племен входивших в него, был детально ранжированным сообществом, где положение каждого эра определялось, прежде всего, степенью привилегированности его рода и племени. Строгая иерархия родов и племен была в кочевнических государствах Центральной Азии основополагающим принципом общественного и государственного устройства.

Место эра в обществе определял его титул, сан, являющийся частью его «мужского имени» и неотделимый, а иногда и неотличимый от имени. Титул был зачастую наследственным по праву майората при престолонаследии и минората при наследовании хозяйства и дома. Именно, титул указывал место эра в системе управления и подчинения. Большинство эпитафий, найденных в Центральной Азии, на Енисее и на Таласе в первых же строках сообщают имя и титул покойного, иногда указывают его родственные связи, но чаще просто воспроизводят его родословную *тамгу* (тавро, герб) с добавочными (диакретическими) знаками, фиксирующими место героя надписи в счете поколений. Вот пример снисейской надписи со сравнительно полными указаниями на положение умершего:

(1) С вами, мой эль, мои жены, мои сыновья, мой народ — о, жаль мне! — я расстался в свои шестьдесят лет.

(2) Мое имя Эль-Тоган-тутук. Я был правителем моего божественного эля. Я был бегом моему шестисоставному народу.

Для положения и престижа эра немалое значение имело его богатство, благосостояние его семьи. Понятие собственности в отношении движимого имущества, включая юрты и постройки, но прежде всего, собственности на скот, проявляется в орхоно-енисейских надписях со всей определенностью. Имущественная дифференциация внутри тюркских племен, как и у других кочевников Центральной Азии, была весьма значительной. Богатство становилось предметом гордости и похвалы тюркской аристократии. Особенно яркие имущественные характеристики содержат кыргызские надписи. «Я был богат. У меня было десять загон

*

Майорат — преимущественное право старшего сына в наследовании; минорат — преимущественное право младшего сына.

для скота. Табунов у меня было бесчисленное (множество)!» — этими словами из эпитафии определяет свой социальный вес в мире, который он покинул, Кутлуг-бага-гаркан, знатный кыргызский бег, живший в Северной Монголии во второй половине IX в. Другой кыргызский бег упоминает шесть тысяч своих коней, т.е. по обычному соотношению между лошадьми и другим скотом, он владел более чем двадцатью тысячами голов. В других надписях упоминаются также верблюды и разный скот в «бесчисленном количестве». Счастье, которое просит человек у божества, оно дарует ему обычным благопожеланием — «Да будет у тебя скот в твоих загонах!».

Богатым (бай, байбар, йылсыг) противопоставлены в надписях бедняки, неимущие (чыгай). Для автора рунических надписей бедный люд, «не имеющий пищи внутри, не имеющий платья снаружи» — «жалкий, ничтожный народ» (ябыз яблак бодун). Бедность не вызывала сочувствия, более того, была презираема. Настоящий «муж-воин» оружием добывает свое богатство: «В мои пятнадцать лет я пошел (походом) на китайского хана. Благодаря своему мужеству ... я добыл (себе) в (китайском) государстве золото, серебро, одногорбых верблюдов, людей (вариант: жен)!»

Как бы переключаясь с древними текстами, впечатляющий образ добычливого «мужа-воина» рисует Юсуф Баласагунский:

У хваткого мужа казна не скудеет,
У птиц изобилие зерна не скудеет,
Пока муж с оружием, он смел и силен,
Бояться ль ему бездобычных времен!
(Перевод С.Н. Иванова)

Яркие примеры социальной и имущественной дифференциации древнетюркского общества дают результаты археологических исследований. По сравнению с великолепными погребальными сооружениями высшей знати, которые строили сотни людей и для украшения которых приглашались иноземные мастера, казались невзрачными курганы простых воинов, где рядом с хозяином в полном вооружении лежал его боевой конь под седлом. Но в могилах же беднейших общинников не было ни дорогого оружия, ни коня.

На границе Тувы и Монголии, в высокогорной долине р. Каргы в Монгун-Тайге, где раскопано несколько из множества тюркских курганов VI-IX вв., два захоронения привлекают к себе особое внимание. Одно из них — погреб-

ние богатого и знатного эра из далекого пограничного племени Тюркского каганата. Он похоронен по полному обряду, с конем, в одежде из дорогих китайских шелков. Такие шелка обозначались в древнетюркском языке словом *агы* — «драгоценность, сокровище». Рядом лежало китайское металлическое зеркало с иероглифической надписью и высокохудожественным орнаментом, из тех, что чрезвычайно ценились древними кочевниками Центральной Азии и иногда упоминались в эпитафии. Десять золотых бляшек, украшающих конский убор, изготовлены из высокопробного золота. В соседнем кургане был похоронен 30-35-летний мужчина, главным имуществом которого был берестяной колчан. Вместо боевого коня рядом был положен взнузданный и подпруженный баран.

Малоимущие эры неизбежно попадали в личную зависимость от бегов. Именно о них пишет Махмуд Кашгарский: «эр стал на колени перед бегом». Только у знатных и богатых бегов они могли получить в пользование скот за отработку и службу, или стать пастухами громадных табунов и стад своих богатых сородичей. Из обедневших эров формировалась постоянная дружина бега и его челядь, ходившая с ним в набег и поход, защищавшая его стада и имущество, прислуживающая бегу в повседневном быту. Махмуд Кашгарский называет каждого из них *кулсыг эр* — «эр подобный рабу».

Содержать большое количество зависимых сородичей могли только богатые беги. В свою очередь, от числа дружинников и челяди зависела способность бега приобрести и умножить богатство, престиж и положение. Махмуд Кашгарский сохранил поговорку-двустипшие, бытовавшее в древнетюркской среде:

У кого приумножается имущество,
тому и подобает быть бегом.
Оставшись без богатства,
бег страдает из-за отсутствия эров.

Бег не может сохранить свой престиж без зависимых от него эров. Лишившийся скота и обедневший эр не может прожить без материальной помощи и защиты бега. Но даже самый бедный из эров, не брезгающий подаением, сохранял известную независимость и свободу по отношению к бегу-сородичу. И какими бы противоречиями не характеризовались отношения между бедными и богатыми, между бегами и «простым людом», бодун в целом противостоял другой

группе населения, входившей в древнетюркский эль — полностью зависимым от эров невольникам, которые даже влившись в семьи своих хозяев, не стали членами древнетюркской общины. Именно невольники были бесправной социальной периферией древнетюркского общества.

Семантический спектр терминов, которыми обозначены в древнетюркских рунических памятниках Центральной Азии несвободный мужчина (*кул*) и несвободная женщина (*кюи*), выявляются при анализе описанных текстами типических ситуаций, когда эти понятия употреблены. Наиболее обычной из подобных ситуаций был захват людей во время набега, в ходе межплеменных войн. Сообщения о захвате полона обычны для рунических надписей. Рабы и рабыни в древнетюркской общине были людьми, насильственно увезенными с мест их обитания, вырванными из их племенной среды, лишенными своего статуса, отданными во власть своих хозяев. Рабство становилось их пожизненным состоянием. Более того, даже соплеменники, попавшие в рабство, а затем вернувшиеся в родное племя, не возвращали себе прежнего статуса, о чем свидетельствует рассказ арабского автора конца IX — начала X вв. Ибн ал-Факиха об обычаях тюрков, которые тот хорошо знал: «Время от времени какая-либо группа (тюрков) покидает свое племя и переходит в другое племя. А вместе с ними в другое племя переходят и те женщины, которые раньше вышли из этого племени (и стали рабынями), а также дети тех женщин, которые также были сделаны рабами. И племя, принявшее пришельцев, не наказывает их за своих сородичей, обращенных в рабство, а считает последних такими же рабами, как и своих рабов, согласно их обычаю и тому, о чем у них есть согласие». Согласно Ибн ал-Факиху, даже кровное родство не могло разорвать новых социальных связей, возникших в результате захвата в плен и превращения в рабыню ранее свободной женщины.

Характеристика экономической роли рабства в древнетюркском обществе неизбежно весьма неполна из-за отсутствия указаний на формы использования невольников. За пределами внимания исследователей еще остается тот немаловажный факт, что тексты фиксируют прежде всего, а зачастую исключительно, увод в неволю женщин и девушек, иногда мальчиков и юношей, но никогда — взрослых мужчин. Женщин и девушек упоминают как главную военную добычу, их требовали в качестве контрибуции, их отнимали у подвластных племен, если те поднимали мятеж или задерживали выплату дани. Стремление захватить в

неволю прежде всего женщин явно указывает на преобладание домашнего рабства.

Попав в неволю, женщина тем самым оказывалась в системе хозяйственной деятельности, осуществляемой семьей хозяина, участвуя как в семейном, так и общественном производстве. При этом не имело решающего значения, оказывалась ли она в положении одной из жен своего владельца или в положении рабыни-служанки. Этнографические наблюдения показывают, что у кочевников доля участия женщин в повседневной трудовой деятельности превышает трудовой вклад мужчин. Эту особенность воинственного кочевого общества тонко подметил и несколько утрированно обрисовал столь незаурядный наблюдатель жизни монголов в эпоху первых Чингизидов, каким был францисканский монах Плано Карпини: «Мужчины вовсе ничего не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах. Но они охотятся и упражняются в стрельбе ... Жены их все делают: полушубки, платье, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, выючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и споры» [Плано Карпини, с.36-37]. Сведения Плано Карпини подтверждают и дополняют Гильом Рубрук и Марко Поло, о том же свидетельствуют позднейшие этнографические материалы. Так, у монголов «дойкой скота, переработкой животноводческой продукции, пошивкой одежды, приготовлением пищи и другими домашними работами целиком заняты женщины» [Жагварал, с.146]. Вместе с тем, женщины активно участвуют в выпасе овец и коз.

В условиях патриархального натурального хозяйства, а любое кочевое и полукочевое хозяйство является таковым, благосостояние семьи зависело не только от количества скота, его сохранения и воспроизводства, но и, в меньшей степени, от способности своевременно и полностью переработать, подготовить к использованию или хранению всю многообразную продукцию животноводства, охоты, собирательства, подсобного земледелия. Во всем этом женский труд играл основную роль. Потому и в многоженстве кочевников древней Центральной Азии, и в стойком сохранении у них левирата (женитьба младшего брата на вдове старшего), и в захвате во время набегов преимущественно женщин очевидна экономическая обусловленность, стремление обеспечить дополнительную рабочей силой свое семейное хозяйство, основную производственную ячейку любого кочевого общества. И чем богаче скотом было это хозяйство, тем в большем количестве женских рук оно нуждалось.

Использование в кочевом хозяйстве подневольного женского труда вместо сколько-нибудь значительного числа рабов-мужчин действительно диктовалось также соображениями безопасности. Концентрация рабов, т.е. недавних воинов враждебных племен, в аулах, рассеянных по степи и горам, в ставках кочевой знати, передача на попечение рабов, скота, домов и семей во время длительных отлучек ушедших в очередной поход воинов господствующего племени — все это было невозможно ради простого самосохранения.

Уже в истории Геродота приведен полулегендарный рассказ о войне скифов со своими рабами, захватившими ставки своих хозяев, когда скифы ушли в поход. Подобные же события знает и недавняя история казахов. Они описаны по русским архивным материалам Г.И. Семенюком: «Когда в 1755-1756 гг. в Казахстане на территории Младшего жуза скопилось несколько тысяч захваченных в плен и обращенных в рабство людей, они убивали своих хозяев, угоняли их скот, убегали в сопки и в камышовые заросли, создавали там шайки и своими набегами терроризировали население целого ханства (жуза), заставив аулы скучиваться для защиты, что приводило к бескормице, заболеланиям и массовому падежу скота. Хозяйство и безопасность самих кочевников жуза были поставлены ... под угрозу» [Семенюк, с.35].

Концентрация невольниц, часть из которых становилась женами и наложницами своих хозяев, не представляла для тех опасности, надзор за ними осуществлялся в рамках семейного быта. Вместе с тем, интенсивное использование труда невольниц на всех работах, включая выпас скота, высвобождало для войны значительную часть мужчин. Ведь, согласно «Ясе» Чингиз-хана, во время походов женщины «исполняли труды и обязанности мужчин».

Были у кочевников и рабы-мужчины. Если судить по примерам, относящимся к гуннской и монгольским эпохам, многие из них становились пастухами коров и овец (чабанами), но не табунщиками — коней рабам не доверяли. Лишь у енисейских кыргызов, практиковавших ирригационное земледелие и строивших укрепленные «городки», труд рабов-мужчин применялся сравнительно часто. Часть захваченных пленников тюрки освобождали за выкуп или продавали в Китай.

Таким образом, хотя личное рабство в тюркских государствах Центральной Азии не выходило, в основном, за пределы домашнего рабства, вся жизнедеятельность древнетюркской общины, а, в какой-то мере, и ее боевая сила,

были связаны с эксплуатацией невольников или, в еще большей степени — невольниц. Захват полона был одной из главных целей войн, которые вели тюрки.

11. Религии и верования у древних тюрков

Основой религии древних тюрков было поклонение Небу (Тенгри) и Земле (Земле-Воде, Йер-Суб). В этой паре божественных сил основным было Небо. Именно по воле Неба правили каганы, которые именовались «Небоподобными и на Небе рожденными»: «Небо, которое, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа, возвысило моего отца-кагана и мою мать-катун, Небо, дарующее (каганам) государства, посадило меня самого, надо думать, каганом, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа», — так пишет Бильге-каган о своем восшествии на престол. По воле Неба тюрки одерживали победы или терпели поражения. Небо и Земля-вода спасали тюркский народ в лихую годину. Тюркские ханы в своих надписях постоянно призывают Небо быть благосклонным к ним.

Следующее по значению было женское божество Умай — покровительница домашнего очага и детей. Культ Умай еще сохранялся у некоторых тюркоязычных народностей Алтая в конце XIX в. Вместе с тем, Умай входила в триаду высших божеств тюрков и покровительствовала всем их делам; это видно, например, из памятника в честь Тоньюкука, где при описании одного из удачных походов говорится: «Небо, (богиня) Умай, священная Земля-Вода, вот они, надо думать, даровали нам победу!»

Важное значение в верованиях всех тюркоязычных племен раннего средневековья был культ священных гор (ыдук баш), сохранявшийся на Алтае еще в прошлом веке. Древние тюрки особо почитали «священную Отюкенскую чернь» (Хангайские горы), которая считалась духом-покровителем каганского рода. Там находилась «пещера предков» (по тюркским сказаниям, волчица родила предков тюрков в пещере), где раз в год каган приносил жертвы. Землю и воду, леса и горы населяли, по предствлениям тюрков, множество духов, которых, время от времени, было необходимо умилостивить жертвами. Подземным царством, куда переселялись, по поверьям, души людей после кончины,

управлял бог смерти и владыка подземного мира Эркилг; его имя упоминается в одной из енисейских рунических надписей.

Все эти верования были общими для древнетюркских племен, в том числе и для огузов, карлуков, кимаков, кипчаков. Об этом, в частности, свидетельствуют те краткие и отрывочные характеристики верований тюрков, которые встречаются в средневековых арабских и персидских сочинениях. Вот как пишет о религии тюрков Средней Азии арабский географ ал-Макдиси (X в.): «Тюрки говорят бир тенгри, подразумевая под этим «един господь». Некоторые из них говорят, что тенгри — это название небесной голубицны, а некоторые из них говорят, что тенгри — это небо». О почитании огня и очищении огнем сообщают и византийский посол Земарх (VI в.), и китайская летопись, и анонимная персидская география Худуд ал-алам (X в.). Многие арабские авторы пишут о тюркских колдунах, которые будто бы способны вызвать дождь магической силой камня «яда».

Наряду с собственными древними верованиями, в VI–IX вв. среди тюркоязычного населения Центральной Азии, и, вслед затем, Средней Азии и Казахстана, получили распространение религиозные системы, созданные иными цивилизациями: буддизм, манихейство, христианство, иудаизм, последний был принят только ограниченной группой хазарской аристократии во главе с каганом. В конце IX–X вв. началась исламизация части тюркоязычного населения Средней Азии и Восточного Туркестана, но этот процесс получил развитие в более позднюю эпоху, он связан с возникновением Караханидского и Сельджукского государств.

Буддизм наиболее рано из всех «великих религий» стал пользоваться популярностью в аристократической среде первого Тюркского каганата. Как сообщает Бугутская надпись (VI в.), уже Таспар-каган попытался внедрить буддизм в качестве государственной религии. Он призвал в страну индийского проповедника Чинагупту, построил храм и учредил буддийскую общину. При его дворе жили и согдийцы-буддисты. Сама Бугутская надпись написана на согдийском языке письмом, характерным для буддийских сутр. В буддизме, приемлемом как для среднеазиатской, так и для дальневосточной сферы их влияния, правители каганата видели ту универсальную форму религии, которая могла помочь созданию некоей идеологической общности в очень разнородной по своему составу державе. Однако со-

циально-политический кризис каганата, начавшийся в 581 г., и последовавший затем распад державы приостановили этот процесс. На востоке и западе каганата буддизм долгое время сохранялся; некоторое распространение он получил у енисейских кыргызов и кимаков. Один из принцев княжеского дома кыргызов даже стал буддийским монахом, поселился в одном из буддийских монастырей Восточного Туркестана и переводил на тюркский язык с тибетского священные тексты. Бронзовое зеркало с рунической надписью, найденное в погребении знатной кимакской женщины в Восточном Казахстане, украшено буддийской сентенцией на тюркском языке. Однако лишь уйгуры Восточного Туркестана приняли буддизм в качестве государственной религии и создали богатейшее собрание переводов на тюркский язык буддийских текстов, написанных в Индии, Тибете, Восточном Туркестане.

Другой религией, получившей распространение в тюркской среде было манихейство, основанное в Иране «учителем Света» Мари (216-277 гг.). Это эклектическое учение о мировой борьбе Света и Тьмы, о пути спасения в ином мире, об освобождении частиц света в людских душах через религиозные ритуалы и молитвы. Манихейство почти все свои принципы заимствовало из зороастризма, буддизма, христианства и некоторых философских учений, но сумело объединить их в логически непротиворечивую систему. Иерархически организованная манихейская церковь вела активную миссионерскую работу и получила широкое распространение в мире, особенно на востоке — Средней и Центральной Азии, в Китае.

Манихейские и христианские (несторианские и яковитские) общины существовали в VI-IX вв. в Таразе. Если от христианской общины VII в. сохранилась лишь краткая надпись на сирийском языке, то манихейская община, несомненно, более мощная, имела в Таразе свои монастыри. В манихейском сочинении «Священная книга двух основ» (VIII в.), написанном «чтобы пробудить веру в стране десяти стрел», т.е. в Западнотюркском каганате, упомянут «золотой город Аргу-Талас» (т.е. Тараз) и еще четыре семиреченских города, где имелись манихейские обители. Часть согдийского населения Тараза сохраняла зороастрийскую религию, о чем свидетельствует зороастрийское кладбище в Таразе, исследованное казахстанскими археологами. Религиозный синкретизм, т.е. многообразие, был характерной чертой раннесредневековых городов Семиречья.

12. Памятники письменности Казахстана и Центральной Азии в раннем средневековье

В VI-VII вв. тюркоязычные племена Центральной Азии, входившие в состав Тюркского каганата, а также западнотюркские племена Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа, создавшие Хазарское государство, уже пользовались собственным письмом. Необходимость в письменности возникала, очевидно, из нужд административной и дипломатической практики и фиксации государственных актов; определенную роль могли играть и религиозные мотивы.

Иноземные источники сообщают о деревянных дощечках, на которые у тюрков наносились резы (знаки?) при исчислении «количества требуемых людей, лошадей, податей и скота». Вместе с тем, тюркские послы снабжались грамотами. Так, прибывший в 568 г. в Константинополь ко двору Юстина тюркский посол, согдиец Маниах, привез послание от кагана, написанное, как рассказывает византийский историк Менаандр, «скифскими письменами».

О том, что это были за «письмена», можно судить по древнейшему сохранившемуся памятнику Тюркского каганата — Бугутской надписи. Стела была водружена на кургане одного из первых тюркских каганов, Таспара (572-581), примерно через 15 лет после посольства Маниаха. Надпись сделана на согдийском языке; с одной из сторон стелы находится почти полностью уничтоженный эрозией текст на санскрите письмом брахми. Согдийский вариант, к сожалению, сохранившийся не полностью, рассказывает о событиях первых тридцати лет существования Тюркского каганата, особенно подробно описывая заслуги Таспар-кагана. Из обращения к читателям видно, что согдийское письмо было понятно в каганате достаточно широкому кругу образованных людей из верхов тюркского общества. Как мы уже отмечали, большое число согдийцев жило при дворах тюркских каганов: они были дипломатами и чиновниками, придворными и наставниками в грамоте, о чем прямо сообщают иноземные источники; они строили оседлые поселения и водили торговые караваны в Китай, Иран и Византию с товарами, принадлежащими тюркской знати. Их культурное влияние на тюрков было очень значительно;

главным образом через согдийцев тюрки познакомились с достижениями древних цивилизаций Средней и Передней Азии.

В те же годы, когда была воздвигнута Бугутская стела, на тюркский язык было впервые переведено и зафиксировано письменно буддийское сочинение (Нирвана-сутра) с целью пропаганды буддизма среди тюрков. Оно не могло быть записано на бумаге иным алфавитом, кроме хорошо известного тюркам согдийского.

Есть все основания полагать, что наряду с использованием в письменности согдийского языка, тюрки употребляли согдийский алфавит и для фиксации собственной речи. Позднее этот алфавит получил название «уйгурского»; уйгуры пользовались им особенно широко в IX-XV вв. Но для письма на камне (так называемого «монументального письма») курсивный согдийский алфавит применялся редко.

Памятники рунического письма. В начальный период истории Тюркского каганата, не позднее второй половины VII в., на основе согдийской письменности, дополненной несколькими знаками, в тюркской среде возникло новое письмо. Оно состояло первоначально из 37 или 38 не соединявшихся между собой знаков геометризованных очертаний и, в отличие от согдийского, было хорошо приспособлено для фиксации на дереве и камне (процарапыванием и резьбой). Новая письменность достаточно точно передавала фонетические особенности тюркского языка; так, большая часть согласных знаков имела два варианта написания, в зависимости от того, с каким гласным этот согласный употреблялся (переднего или заднего ряда).

Древнетюркское письмо было впервые открыто в долине Енисея в 20-х гг. XVII в. немецким ученым Д.Мессершмидтом, состоявшим на службе у Петра I, и сопровождающим его пленным шведским офицером И. Страленбергом. Они назвали письмо «руническим» — по его сходству со скандинавскими руническими текстами. Это название оказалось удобным и закрепилось в науке. В 1889 г. русский ученый Н.М. Ядринцев открыл в Северной Монголии, в долине р. Орхон, огромные каменные стелы с руническими надписями. Дешифровали и прочли тексты датский ученый В. Томсен, который первым нашел ключ к алфавиту, и русский тюрколог В.В. Радлов, впервые давший их связное чтение. По месту находки основных памятников это письмо стали называть «орхоно-енисейским».

Самыми крупными образцами рунического письма являются памятники Северной Монголии, сосредоточенные

главным образом в бассейнах рек Орхона, Толы и Селенги. Они были воздвигнуты в эпоху второго Тюркского каганата (689-744 гг.) и Уйгурского каганата в Монголии (745-840 гг.). Наиболее известны из них так называемые Кошоцамдайские памятники — стелы в честь Бильге-кагана и его брата, полководца Кюль-тегина, воздвигнутые в 732-735 гг., а также стела советника первых каганов второго Тюркского каганата, Тоньюкука, созданная вскоре после 716 г., еще при жизни Тоньюкука (памятник написан от его имени). Все крупные тексты орхонской группы довольно однообразны по структуре. Они содержат рассказ о жизни и подвигах их героев, излагаемый на фоне общей истории Тюркского государства и сопровождаемый различного рода политическими декларациями. В надписях приводится очень богатый материал для изучения истории, идеологии и культуры древнетюркских племен и народностей, их языка и литературных приемов.

Более ста пятидесяти памятников рунических надписей обнаружено в долине Енисея, на территории Тувы и Хакасии. Большую их часть составляют стелы при погребениях древнекыргызской знати, воздвигнутые в VIII-XII вв. Енисейские тексты значительно короче орхонских и носят характер эпитафий, оплакивающих и восхваляющих погребенных кыргызских бегов; однако, в отличие от орхонских, здесь крайне мало историко-политических сведений и описаний. Написаны они тем же древнетюркским литературным языком.

Мелкие и плохо читаемые тексты найдены на скалах Прибайкалья и верхнего течения р. Лена, где жило древнетюркское племя курыкан. Несколько мелких наскальных надписей и надписей на сосудах обнаружено на Алтае. Достаточно крупные тексты на бумаге относятся к Восточному Туркестану, где рунический алфавит до X в. использовался в Уйгурском государстве (IX-XIII вв.), созданном бежавшими из Монголии после военного поражения от кыргызов (840 г.) токуз-огузскими племенами (главным из них были уйгуры).

На территории Средней Азии и Казахстана следует выделить две группы рунических памятников — ферганскую (мелкие надписи на керамике, VIII в.) и семиреченскую (на территории Кыргызстана и Казахстана). Сюда относятся одиннадцать надписей на могильных камнях-валунах (VIII в.) и наскальные тексты в ущелье Терек-сай (на р. Талас), надписи на керамике, обнаруженные около г. Джамбул, мелкие надписи или отдельные знаки на монетах и бытовых предметах, надпись на деревянной палочке (вы-

явлена при горных работах в долине р. Талас), а также надписи на двух бронзовых зеркалах из Восточного Казахстана и краткая надпись на глиняном пряслице с Талгарского городища (близ г. Алма-Ата).

Эти памятники созданы в Западнотюркском каганате и Карлукском государстве; надписи на бронзовых зеркалах принадлежат кимакам. Наиболее загадочен текст на деревянной палочке. Тип письма на ней сильно отличается от орхоно-енисейского, но совпадает с письмом мелких надписей, обнаруженных на территории Хазарского государства — в Поволжье, Подонье и на Северном Кавказе, а также с письмом на золотых сосудах, открытых при раскопках в долине Дуная (надписи Надь-Сент-Миклоша). Этот западный вариант рунического письма, несмотря на многочисленные попытки, все еще остается нерасшифрованным из-за отсутствия сколько-нибудь крупных текстов. Таласская палочка, быть может, указывает на древние связи между хазарами и Западнотюркским каганатом.

Вряд ли древнетюркское руническое письмо употреблялось где-либо после XI-XII вв. В Центральной Азии его потеснили сначала уйгурское, а затем арабское письмо, распространившееся среди тех тюркских народов, которые приняли ислам.

Большие рунические тексты Монголии и Енисея являются не только важными историческими документами, но и выдающимися литературными произведениями. Особенно показательны в этом отношении два самых крупных рунических текста — надписи в честь Бильге-кагана и Кюльтегина. Они написаны от имени самого Бильге-кагана, хотя, как указано в конце текстов, их автором было другое лицо. Во всей средневековой тюркоязычной литературе нет более блестящих образцов политической прозы, сохранившейся традиционные формы ораторского искусства и обработанного веками устного повествования о деяниях богатыря.

Композиции обеих надписей совершенно аналогичны; более того, значительные части надписей текстуально совпадают. Вводные строки памятников посвящены давним временам: «Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу — Бурая Земля, между ними обоими возникли сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки! ... Четыре угла света были им врагами. Выступая в поход с войском, народы четырех углов света они все покорили ... Они правили ..., устанавливая порядок среди небесных тюрков, не имевших до того господина. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы, и их при-

казные были, надо думать, мудрыми, были, надо думать, мужественными, и их бег и народ были единодушны. Поэтому-то, надо думать, они и правили столь долго государством ... После них стали каганами их младшие братья, а потом стали каганами их сыновья. Так как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели на царство, надо думать, неразумные каганы, надо думать, трусливые каганы, и их приказы были также неразумными, были трусливы. Вследствие неверности бегов и народа, вследствие обмана и подстрекательства обманщиков из Китая и их козней, из-за того, что они ссорили младших братьев со старшими, а народ с бегами, тюркский народ привел в расстройство свое до того времени существовавшее государство и навлек гибель на царствовавшего кагана».

Так повествует Бильге-каган о создании и подъеме, и последовавшем затем упадке и крушении первого Тюркского каганата, время возникновения которого (середина VI в.) казалось в 731 г., когда писался текст надписи, легендарно далеким. Традицию, сохранившую через два столетия память о минувших событиях, можно было бы назвать скорее эпической, нежели исторической, если бы за лаконичным текстом памятника не чувствовался отзвук больших общественных потрясений, а в размеренном ритме повествования не проступала столь отчетливо патетика политической декларации, прославляющей то новое социальное устройство, которое дали тюркам далекие предки царствующего кагана. В той же ритмике изложены далее события; связанные с созданием второго Тюркского каганата, рассказано о деяниях Бильге-кагана и Кюль-тегина.

Божественная воля, проявлением которой является власть кагана, верность кагану бегов и народа, подчинение народа бегам, — таков лейтмотив идей, пронизывающих обе надписи. Как бы резюмируя преподанный своим слушателям и читателям урок истории, Бильге-каган подводит итог сказанному: «Если ты, тюркский народ, не отделяешься от своего кагана, от своих бегов, от своей родины, ... ты сам будешь жить счастливо, будешь находиться в своих домах, будешь жить беспечно!».

В этих строках ясно выражена сущность политической идеологии аристократической верхушки Тюркского каганата: в надписи настойчиво звучит требование абсолютной покорности народа кагану и бегам и вместе с тем весь текст памятников должен служить, по мысли автора, обоснованием и подтверждением этой идеи. Благополучие

тюркского народа есть результат подчинения кагану, который, вместе с бегами, из своей ставки посылает войско в победоносные походы, награждая народ добычей и данью покоренных племен: «Их золото и блестящее серебро, их хорошо тканые шелка, их напитки, изготовленные из зерна, их верховых лошадей и жеребцов, их черных соболей и голубых белок я добыл для моего тюркского народа!»

В документах подчеркивается, что все написанное — «сердечная речь» Бильге-кагана, его подлинные слова, высеченные по его приказу. Для того, чтобы тюркский народ помнил, как он, Бильге-каган, «неимущий народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным», чтобы тюркский народ знал, чего ему следует опасаться, а чему следовать, «речь» кагана запечатлена на «вечном камне»: «О тюркские беги и народ, слушайте это! Я вырезал здесь, как вы, беги и народ ... созидали свое государство, как вы, погрешая, делились, я все здесь вырезал на вечном камне. Смотря на него, знайте вы, теперешние беги и народ!»

Политическая декларация с немалой долей социальной демагогии, хвала и упрек прежним и нынешним поколениям, постоянные обращения и призывы к «слушателям», разнообразная палитра художественных приемов, речения и афоризмы эмоционально окрашивают и преобразуют стиль официального повествования, говорят о незаурядном литературном даровании автора текста, историографа и панегириста царствующей династии. Автором же, «начертавшем на вечном камне» «слово и речь» своего сюзерена, был Йоллыг-тегин, родич Бильге-кагана, первый названный по имени автор в истории тюркоязычных литератур.

Язык рунических надписей был в VIII-X вв. единообразным литературным языком, которым пользовались различные тюркские племена, говорившие на своих языках и диалектах — огузы, уйгуры, кыргызы, кимаки, кипчаки. Общий письменный литературный язык рунических надписей обладал стилистическим единообразием и устойчивостью образных средств, наиболее богато представленных в орхонских текстах. Общность языка и литературного канона всех рунических надписей указывает на тесные культурные связи древнетюркских племен и делает беспочвенными попытки рассмотрения памятников как языкового и литературного наследия какого-либо одного народа.

Древнеуйгурская письменность развивалась, начиная, очевидно, с VIII в., в городах Восточного Туркестана.

Сами авторы называли язык, на котором они писали «тюркским». И действительно, языковые особенности уйгурских текстов обнаруживают большое сходство с особенностями руники и лишь незначительно отличаются от них некоторыми деталями грамматической структуры. Будучи широко использован в религиозных сочинениях (главным образом переводных), в юридической документации, отражающей новые формы быта тюркского населения Восточного Туркестана, этот язык получил дальнейшее развитие и представлен большим богатством лексики, грамматических и стилистических форм. На территории Средней Азии и Казахстана древнеуйгурская письменность имела меньшее распространение, чем в Восточном Туркестане. Во всяком случае, ее ранние памятники здесь не сохранились, но известно об ее употреблении и на этой территории по упоминаниям в документах, происходящих из Турфанского оазиса. Так, в одном из них рассказывается о манихейских общинах в Таразе, где писались и переводились на тюркский язык сочинения духовного содержания. Скриптории манихейских монастырей в Таразе существовали в VIII-IX вв. Сохранились два ярлыка уйгурских (или карлукских) князей на древнеуйгурском языке, относящихся к X в., и содержащих сведения о событиях в долине р. Или; там упомянуто тюркское племя басмылов и пленники-согдийцы. Важно заметить, что в ярлыке, написанном от имени «правителя государства Бильге-бека», упоминается полученное им послание на согдийском, которое он «соизволил понять». Это свидетельствует о стойкости использования согдийского языка и письма в тюркской среде.

Распространение согдийского письма в тюркской (манихейской или христианской) среде подтверждается двумя согдийскими надписями IX-X вв. на керамике, хранящимися в Джамбульском музее; в одной из них упомянут «архидерей Шифарн» (согдийское имя), а в другой — «пресвитер Ильтаг». Еще большее значение для истории тюрко-согдийских контактов в Семиречье имеют наскальные надписи в ущельях Терек-сай и Куран-сай, близ р. Талас. Они относятся к X-XI вв., написаны на согдийском языке и содержат длинные перечни тюркской знати, посетившей ущелья. Надписи свидетельствуют, что тюркская знать, даже в эпоху начавшейся ее исламизации в государстве Караханидов, продолжала сохранять согдийскую образованность и древнетюркские «языческие» имена.

Таким образом, в раннем средневековье в древнетюркских государствах бытовало два вида письменности — ру-

ническая и уйгурская. Сохранялась и согдийская письменность, появившаяся здесь ранее. Письмом пользовалась прежде всего верхушка тюркского общества. Однако же, существование надписей, начертанных небрежно и без достаточного знания орфографии (например, надписях на бронзовом зеркале из кимацкого женского погребения в Прииртыше и на пряслице с Талгарского городища), могут свидетельствовать о довольно широком распространении рунического письма в разных социальных слоях древнетюркского общества.

Юсуф Баласагунский и Махмуд Кашгарский. Девять столетий минуло со времени создания крупнейших памятников тюркских языков и литератур — «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») (1069-1070 гг.) Юсуфа Баласагунского и «Дивану лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий») Махмуда Кашгарского (1072-1083 гг.). Обоим документам посвящена огромная исследовательская литература. Ни то, ни другое произведения не являются историческими трудами и не содержат каких-либо сведений о политической истории своего времени. И, вместе с тем, их по праву считают значительнейшими источниками для познания новой исторической эпохи, в которую вступила Средняя Азия на рубеже X-XI вв. Эпохи, которая началась возникновением двух империй, созданных тюркскими племенами — Караханидского каганата и Сельджукского государства.

Жизнь и творчество Юсуфа Баласагунского и Махмуда Кашгарского относятся к начальному периоду караханидской эпохи.

Юсуф родился в Баласагуне, который он называет Куз-Орду, в 1015 или 1016 гг. О его жизни до написания поэмы ничего неизвестно. Мы знаем лишь, что он происходил из знатной тюркской семьи и получил хорошее, по тем временам, образование. Юсуф был начитан в персидско-таджикской литературе, и это нашло полное отражение в его книге, которая была написана в Кашгаре, когда сам автор был уже в почтенном возрасте. Вероятно, Юсуф имел определенный административный опыт, полученный на государственной службе. После передачи поэмы владельцу Кашгара и всей восточной части империи Табгач Богра-Кара-хакану Юсуф получает высокий административный пост «улуг хасс-хаджиб», т.е. стал «министром двора». О его дальнейшей судьбе ничего неизвестно.

«Кутадгу билиг» состоит из 6520 бейтов (85 глав) и имеет приложение из 124 бейтов. В предисловии поэмы

сказано, что она написана «на бограхановском языке, тюркскими словами», и что «(если) на арабском и таджикском языках (таких) книг много, то на нашем языке это (впервые собранная) воедино мудрость». Сохранились три рукописи поэмы — венская (гератская), уйгурским письмом, а также каирская и наманганская — арабским письмом.

«Благодатное знание» является не просто этико-моралистическим трактатом, но глубоким философско-дидактическим произведением, рисующим нормы идеального, по мнению автора, общества, правила поведения людей различных сословий в этом обществе и правила взаимоотношений между правящими и управляемыми. Основным принцип, на котором, по мысли Юсуфа, должен основываться «счастливый» и «праведный» (в мусульманском смысле) государь — это соблюдение твердого закона, в союзе с разумом, счастьем («кут», точнее «благодать»), праведной жизнью. Далее в поэме описываются качества, необходимые везиру, полководцу, хаджибу, секретарю, послу, писцу, казначею, повару, виночерпию, ученому, лекарю, толкователю снов, магу, звездочету, купцу, ремесленнику, землепашцу, кочевнику-скотоводу и многим другим. Конечно, эти описания нельзя воспринимать слишком прямолинейно, как реалистические характеристики. Крупнейший петербургский востоковед, академик А.Н. Кононов так писал об этом: «Автор «Кутадгу билиг», изображая идеальные условия жизни человека, что является его основной целью, касается, в известной мере, и того круга людей, среди которых он жил и, таким образом, приближается к реальной жизни. При этом следует иметь в виду, что Юсуф Баласагунский был прежде всего поэтом, а потому не следует искать в его поэме точного отображения повседневной жизни современного ему общества. И тем не менее сквозь поэтическую оболочку, через вуаль иносказаний проглядывает повседневная жизнь людей того времени. В своих поучительных иносказаниях Юсуф мысленно проецирует идеальные образы людей на фон, состоящий из людей невыдуманных, живых» [Кононов, 1983, с.507-508].

Хотя несомненно, что поэма «возникла в Кашгаре под чрезвычайно мощным влиянием литературной школы, сложившейся в IX-X вв. в саманидской Бухаре» [Бер-

★

Ниже все цитаты приводятся по изданию: Юсуф Баласагунский, 1983.

тельс, 1947, с.75], тем не менее ее появление было вызвано глубокими внутренними причинами, связанными с социальными идеологическими изменениями в самой тюркской среде и сопровождающими их политическими кризисами. Как отмечает А.Н. Кононов, в роли побудительного фактора для создания книги «могли быть политические смуты, сотрясавшие в ту пору Караханидскую державу. Возможно, что Юсуф Баласагунский ощущал настоятельную необходимость в создании новой морально-этической основы для разрушаемого неурядицами общества» [Там же, с.509].

О жизни Махмуда Кашгарского известно еще меньше, чем об обстоятельствах Юсуфа Баласагунского. Отец Махмуда, Хусейн ибн Мухаммед, внук караханидского завоевателя Мавераннахра Богра-хана, был эмиром Барсхана, города в Прииссыкулье. Ко времени рождения Махмуда он, вероятно, переселился в Кашгар. Принадлежность Махмуда к высшим кругам караханидской знати позволила ему получить отличное образование в Кашгаре и продолжить его в Бухаре и Нишапуре. В течение длительного времени Махмуд, проявивший незаурядный интерес к языкам, фольклору и этнографии тюркских племен, путешествовал по землям, населенным тюрками, старательно записывая слова их языков, их загадки, легенды, обычаи. Все свои наблюдения Махмуд обобщил в главном труде своей жизни «Дивану лугат ат-тюрк».

«Хотя я происхожу из тюрков, которые говорят на самом чистом языке, — пишет Махмуд, — ... которые по происхождению и роду своему занимают самое первое место, ... я пядь за пядью исходил все или, селения, степи тюрков. Я полностью запечатлел в уме своем живую и рифмованную речь тюрков, туркмен, огузов, чигилей, ягма, кыргызов ... И вот, эту книгу, — после столь долгого изучения и поисков, — я написал самым изящным образом, самым ясным языком ... Этому сочинению я дал название «Дивану лугат ат-тюрк» [Кононов, 1972, с.5].

Значение труда Махмуда для изучения тюркских языков и фольклора освещено в многочисленных исследованиях. Гораздо меньше «Диван» использовался как историко-этнографический источник. Между тем, «Словарь тюркских языков» является подлинной энциклопедией тюркской народной жизни раннего средневековья. «В целом Словарь в настоящее время является единственным источником информации о жизни тюрков в XII в.: о предметах их материальной культуры, реалиях быта (одежда, обувь, головные уборы, жилище, домашняя утварь, инс-

трументы, хозяйственные постройки, ткани, украшения, оружие, доспехи, конская сбруя, сельскохозяйственные орудия, музыкальные инструменты и т.п.), об этнонимах и топонимах [т.е. о происхождении названий племен и местностей — С.К.], родоплеменном делении, о терминах родства и свойства, о титулах и названиях различных должностных лиц, названиях пищи-питья, о домашних и диких животных и птицах, терминах животноводства, о растениях и злаках, об астрономических терминах, о народном календаре, названиях месяцев и дней недели, о географической терминологии и номенклатуре, о городах, о названиях болот и лекарств, анатомической терминологии, о металлах и минералах, о военной, спортивной и административной терминологии, об именах различных исторических и мифологических героев, о религиозной и этической терминологии, о детских играх и забавах и т.д.] [Там же, с.12].

Особое значение имеет Словарь для изучения этнической истории тюркоязычных народов и исторической географии их земель. «Я указал, — пишет Махмуд, — начиная с востока, все места, где обитает каждое племя. К Руму ближе других живет племя беченек (печенеги), затем следуют: кифчак, огуз, йемек, башгырт, басмил, кай, йабаку, татар, кыргыз (они живут ближе Чина); все вышеуказанные племена обитают в направлении от Рума на восток; затем идут: читиль, тухси, ягма, ыграк (ограк), чарук, чомыл, уйгур, тангут, хытай — это название Чина; затем — Тавгач — так называют Мачин. Эти племена обитают между югом и севером. Всех их, в отдельности, я показал на круглой карте» [Там же, с.13].

Вот некоторые примеры важности сведений Махмуда. «Жители городов Кашгарии, — пишет он, — говорят на хаканийско-тюркском языке». Вряд ли требуется более веское подтверждение тому, что в середине XI в. основными носителями оседлой и даже городской культуры на востоке тогдашнего тюркского мира были сами тюрки, вчерашние кочевники, а противопоставление Ирана и Турана, как олицетворения оседлости и кочевничества, утратило свою силу в царстве «дома Афрасиаба». Богатая средневековая городская культура Семиречья и Восточного Туркестана открыта археологами. «Диван» Махмуда открыл нам, кто же были горожане его времени.

А вот другие следствия изменения этнического состава городов — тюркский язык жителей городов или тех тюрков, кто с ними постоянно общается, Махмуд называет «порченным». Тут же следует объяснение — хотя тюрки и

возобладали среди населения городов Кашгарии и Семиречья, вместе с ними там жили согдаки и кенчжеки, аргу и хотанцы, тибетцы и тангуты. Груз культурных и исторических традиций был в городах слишком велик, и Махмуд не без грусти свидетельствует, что лишь те из тюрков, кто ведет прежний кочевой образ жизни, не общается постоянно с горожанами, сохраняют самый чистый и правильный язык.

Особое место в Караханидском государстве Махмуд отводит согдийцам, первым носителям среднеазиатской городской культуры в некогда исконных областях кочевого быта. В городах Семиречья, прежде всего в крупнейших из них — Баласагуне и Таразе — согдийский язык, по свидетельству Махмуда, столь же распространен, как и тюркский. Археологи давно установили, что согдийское заселение Семиречья началось за 700-800 лет до времени Махмуда. Однако только его «Словарь» фиксирует сохранение согдийского языка и культуры в Семиречье XI в., в то время как у себя на родине, в Самарканде и Бухаре, согдийцы утратили свой язык под натиском дари (фарси), а их культура оказалась ассимилированной общемусульманской образованностью халифата. Теперь получены новые документальные подтверждения точности и надежности информации Махмуда, расширяющие наши сведения о культурном воздействии согдийцев на тюрков и уйгуров караханидской эпохи. На территории Кыргызстана, недалеко от Таласа, в ущелье Терексей, еще в начале века были обнаружены наскальные курсивные надписи. Ныне установлено, что надписи эти — посетительская эпиграфия караханидских князей X в. (одного из них звали Кюль-Тегин Алп-Тархан), написаны они по-согдийски, а датированы эрой Йездигерда. Другой документ конца X — начала XI вв. — ярлык (ханское послание, грамота) уйгурским письмом из Восточного Туркестана. В нем упомянуты два пленника-согдийца и при этом добавлено, что переписка между тюркскими князьями о судьбе пленников велась первоначально на согдийском языке.

Долгое время споры о том, какой же из племенных языков Караханидского государства был родным языком

---

*

Эра Йездигерда ведет хронологический отсчет с 651 г. — даты гибели последнего царя иранской династии Сасанидов Йездигерда III. Широко использовалась в согдийской письменности.

Махмуда. Обычно эти споры сводятся к попыткам этнической атрибуции Караханидов. В.В. Бартольд, как бы предвосхищая критику столь узкой постановки вопроса, еще в 1926 г. писал: «Караханиды называли себя только турками и домом Афрасиаба; ни одна из существовавших турецких народностей не имела в их государстве преобладания и ни один источник не говорил, из какой народности вышла сама династия» [Бартольд, V, с.93]. Означает ли сказанное В.В. Бартольдом полную дистрибализацию (т.е. утрату племенной структуры) караханидского общества и усвоения им не племенной, а какой-то иной государственно-правовой традиции? «Диван» Махмуда свидетельствует, что племена не исчезли, племенное деление сохраняло вполне реальное значение, хотя территориально разбросанные и раздробленные на группировки племена уже не представляли собой некоего политического единства или культурно-идеологической общности, если говорить о каждом из них в отдельности. В самом деле, что общего, кроме происхождения, было у двух групп чигилей, одна из которых названа в «Диване» «племенем кочевников», а о другой говорится как о жителях города близ Тараза, поселившихся там в столь незапамятные времена, что Махмуд приписывает постройку их города Искандеру Зу-л-Карнайну (т.с. Александру Македонскому). Вместе с тем, Махмуд отмечает и другую тенденцию: он противопоставляет государственный язык, который называет «хаканийским», другим племенным языкам, противопоставляет «речь тюрок» речи туркмен, огузов, чигилей, ягма, кыргызов.

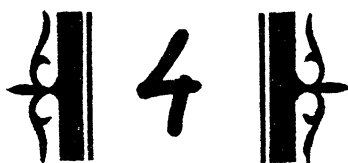
Словарю Махмуда свойственна одна любопытная и пока еще не отмеченная особенность. В то время, как лингвистический и фольклорный материал, содержащийся там, относится в основном к территории государства Караханидов, сколько-нибудь существенная информация, имевшая тогда политическое значение, касается только огузов. Махмуд сам объясняет эту особенность. Тюрки, по его словам, живут от Мачина (т.е. Китая) до Рума (т.е. Византии); их двадцать племен, а что касается более мелких подразделений, то число их, как замечает Махмуд, «знает лишь Аллах». «Я описал, — продолжает Махмуд, — только племена, а родовые деления оставил без внимания. Однако, я записал даже мелкие родовые деления огузов, а также тамги, которые они ставят на свой скот, потому что в знании всего этого есть нужда у людей».

Какая же «людская нужда» заставила Махмуда сделать для огузов исключение и подробно описать их в

«Диване»? За тридцать лет до начала работы над «Словарем» огузские племена, покинувшие приаральские степи, под предводительством вождей из рода кынык и семьи Сельджука, вторглись в Хорасан и разгромили армию газневидского султана Мас'уда под Денданаканом. Так было положено начало Сельджукской империи. В 1055 г., в то время, как Махмуд только начинал свои скитания, огузская армия Тогрул-бека вступила в Багдад. Багдадские халифы, пожаловавшие Сельджукидам титул «султанов ислама», попали под их политический контроль. За год до начала Махмудом той редакции «Дивана», которую он посвятил халифу Муктади, в 1071 г. султан Алп-Арслан нанес поражение византийской армии Романа Диогена и открыл дорогу тюркскому завоеванию Анатолии. И только через двадцать лет после этого, султан Меликшах обращается на восток, доходит до Ферганы и в Узгенде принимает выражение покорности караханидского владетеля Кашгара. Нет оснований полагать, что Махмуд дожил до этого последнего события и, уж во всяком случае, оно не могло отразиться на содержании «Дивана».

А это означает, что его подробная информация об огузах и его совет овладеть их языком были обращены не к жителям Ферганы или Мавераннахра, не к хорасанцам, где огузов и без того хорошо знали, а к тем, читавшим по-арабски людям, для которых тюрки-сельджуки были еще мало знакомы и которым предстояло приспособиться к жизни под их властью, в постоянном контакте с сельджукским войском, состоявшим из ополчения огузских племен. Этими людьми было прежде всего население Ирака и Сирии, и писать с учетом их нужды Махмуд мог, только поселившись там вскоре после сельджукского завоевания. Именно тогда родо-племенной партикуляризм еще остро чувствовался при разделе и осуществлении власти над вновь завоеванными землями, и информация Махмуда о родовом делении огузов была особенно ценной.

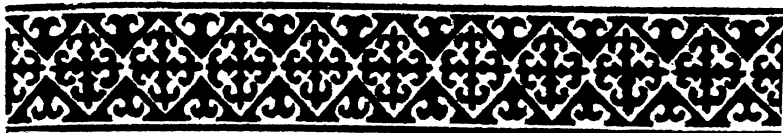

Нашествие
Чингиз-хана и улусы
Чингизидов

Чингиз-хан слушает игру на лютне.
С китайского рисунка, XIII в.

ГЛАВА 4

НАШЕСТВИЕ ЧИНГИЗ-ХАНА И УЛУСЫ ЧИНГИЗИДОВ

Чингиз-хан, Джучи, Урус-хан, Тау-ке... Временные отрезки нарезаются в историческом прошлом Казахстана по именам династий, правителей. И это не прихоть автора настоящих строк. Так у мусульманских ученых, чьи сочинения служат нам основным источником по истории Казахстана периода средневековья. Поскольку данная книга адресована разным по уровню знаний читателям, представляется целесообразным начать эту главу с экскурса и попытаться изложить вкратце особенности средневекового восприятия истории.

Внешне, утверждается в трудах мусульманских авторов, история состоит из записи и расположения в определенном порядке сообщений о различных событиях и происшествиях. Однако сами по себе последние занимают подчиненное положение. В центре внимания историка находятся, как правило, люди, и исторические события излагаются как часть биографии исторических деятелей. Считалось, что все слои общества участвуют в истории, но роли распределены по-разному. Мусульманские историки делят своих персонажей на несколько категорий. Приводим эти категории, сохраняя ту последовательность перечисления персонажей исторических сочинений, которая дана в сочинении автора XV в. Захир ад-Дина Мараши.

Первую группу составляют пророки и святые; вторую — султаны, халифы и шахи; третью — подвижники и отшельники; четвертую — военачальники и государственные сановники; пятую группу — землевладельцы и родовитые люди, жители провинций и «люди базара», купцы, отступники, смутьяны и распутники.

Как само деление персонажей исторических сочинений на ряд категорий, так и последовательность их перечисления по группам основаны, видимо, на представлении о том, что человек — член социальной группы, которая в значительной мере обуславливает его сознание, поступки и поведение, определяет его место в общественной иерархии. Так, в частности, утверждается, что пророки и святые — суть «посредники между богом и людьми», и знание их жизненных обстоятельств — благое дело. Подвижники, имамы и отшельники — это те, образу жизни и деяниям которых правоверные мусульмане должны подражать. Военачальники и государственные сановники — «привилегированный род». Необходимость знания причин их благополучия, их образа действия определяется тем положением, которое они занимают в обществе. Персонажи составляющие пятую группу — это подданные такого-то могущественного султана, такого-то славного халифа или такого-то знаменитого шаха. Знание их судеб поучительно во многих отношениях. В равной мере это относится и к судьбе отступников, смутьянов и мятежников, которые представляют собой «заблудшую» часть общества. Государь вершат судьбы людей и государств; они и есть главные действующие лица истории.

Как видно, из всех участников истории основной фигурой признавалась фигура государя. Соответственно, история понималась как арена деятельности исключительно государей, их военачальников и сановников. Потому повествование концентрируется вокруг политических деяний и речей исторических лиц. Историк интересуется прежде всего внешней стороной их действий, которые он «пережевывает в мельчайших деталях». Внутренние побуждения поступков почти не затрагиваются. Историк как бы перебегает от факта к факту, от одного царствования к другому, делая кратковременные остановки там, где описываются походы и сражения, победы и триумфы, свадьбы и пиры, добродетели и благие дела, обстоятельства восшествия на престол и кончина каждого поочередно государя той или иной династии. Потому основное место действия в исторических сочинениях мусульманских авторов средневековья — столичный город, дворцы, войсковой стан и поле сражения. Этнические и социальные процессы, по своему характеру далекие от конкретности событий политической и военной жизни, отмечаются историками средневековья лишь вскользь, мимоходом. Поэтому для выявления и описания этого ценного материала необходимы тщательная исследо-

вательская работа и использование всех возможных дополнительных источников. В ряде сочинений, авторы которых в силу личных склонностей или согласно воле заказчика книги интересовались биографическими сведениями о литературных деятелях каждого царствования, содержится материал также по истории культуры. Есть историки, которые уделяли внимание этнографическим, демографическим аспектам истории. Однако же в целом средневековая историография доставляет наибольший материал прежде всего по военной и политической истории. Будничная жизнь народа и страны, конечно, освещалась, но уступала описания исключительно через судьбу ханов, султанов, шахов.

Словом, средневековая мусульманская историография — историография падишахов. Разумеется, воцарение не каждого монарха, официально считавшегося главой династии, обозначало собой перемену в жизни страны. Но был в истории средневековья человек, приход к власти которого имел огромное влияние на судьбы многих народов, в том числе народов Средней Азии и Казахстана. Его имя Темучин.

Жизненный путь Темучина был долгим и сложным. Пройдемся по нему и мы, и для понимания логики событий обозначим основные вехи в его биографии.

1. Вторжение татаро-монгольских орд.

Темучин — будущий Чингиз-хан — родился по одним сведениям в 1162 г., а по другим — в 1155 г. в семье богатого нойона Есугей-бахадур. Согласно монгольскому преданию, Темучин происходил из рода кият. Мать его была из племени конграт. Он рано осиротел. Сподвижники Есугей-бахадур после его смерти дружно покинули его малолетних детей, и в молодости Темучин пережил немало унижений и нужды, с тяжелой колодкой на шее скрываясь от своих врагов в зарослях заводи Онона и питаясь кореньями и сырой рыбой. Но причудливы зигзаги судьбы. Возмужав, Темучин, выделявшийся среди своих сверстников хитростью и умом, сумел сплотить вокруг себя преданную ему дружину нукеров, вернуть угнанные стада и рядом удачных набегов снискать себе славу отважного бахадура и к концу XII в. стать одним из предводителей в монгольских степях.

Известность его возросла в войнах хана керейтов с найманами, меркитами и татарами, в которых будущий Чингиз-хан, выступая в качестве вассала керейтского хана, принял столь деятельное участие, что был пожалован почетным титулом. Но вассальные отношения продолжались недолго; могущество Темучина все более возрастало, в 1203 г. он разгромил керейтов, а в следующем году его сорокапятитысячное войско выступило в поход на найманов и меркитов. Часть меркитов и найманов подчинилась Темучину, а другие, переправившись через Иртыш, бежали на запад, в просторы современного Казахстана. Покорив в результате военной кампании 1204-1205 гг. главных своих противников, Темучин завершил объединение под своей властью всех главных племен Монголии. Весной 1206 г. у истоков Онона состоялся курултай монгольской знати — сторонников Темучина, на котором он торжественно, под реяние белого священного знамени с девятью хвостами, был провозглашен повелителем монголов. Одновременно курултай утвердил за Темучином титул Чингиз-хана, совершенно вытеснивший его личное имя. Значение титула Чингиз (Чингис, Хингис) -хан до сих пор точно не установлено. По мнению ряда востоковедов, титул *чингиз* происходит от тюркского слова *тенгиз* — море, океан; и композит Чингиз-хан, соответственно, означает «Океан-хан», т.е. «Владыка океана», «Всемирный хан».

Когда Темучин — Чингиз-хан, уверенный в том, что, покончив с царьками меркитскими, керейтскими и найманскими, стал уже «единодержавцем народов», заявил, «я ... направил на путь истины всеязычное государство и ввел народы под единые бразды свои» [Сокровенное сказание, с.168], он не знал еще, на какую высоту он будет вознесен походами в дальние западные страны по пятам бежавших остатков группы меркитов и найманов, вторично разбитых Чингиз-ханом в 1208 г. на берегу Иртыша.

Вытесненные из окрестностей Байкала, а затем и берегов Иртыша группы меркитов и найманов, действовавшие сообща, были разбиты в 1209 г. уйгурским идикутом при попытке пройти через его владения. В результате они разделились: меркиты подались к кипчакам в теперешние казахские степи, а найманы во главе с Кучлуком направились в Семиречье во владения кара-китаев.

Последствием этих событий стало то, что в 1211 г. в Семиречье впервые появилось монгольское войско под предводительством Хубилай-нойона, одного из полководцев Чингиз-хана. Глава карлуков Арслан-хан велел убить ка-

ра-китайского наместника в Каялыке и добровольно подчинился монголам. Правитель Алмалыка (в долине р. Или) мусульманин Бузар также признал себя вассалом Чингиз-хана; за него была выдана дочь Джучи, старшего сына Чингиз-хана. Однако, корпус Хубилая в этом же году отбыл на восток, поскольку Чингиз-хан начал войну с Китаем и все свои наличные вооруженные силы направил туда. Лишь в 1216 г., после завершения военной кампании на юге, Чингиз-хан поручил Джучи добить бежавших на запад меркитов. Давние противники сошлись в ближнем бою около Иргиза, в степных просторах Тургайского края Казахстана. Меркиты потерпели полное поражение и рассеялись в разные стороны; Джучи со своими подчиненными торжествовал над поверженным врагом. Но тут произошло непредвиденное. На рассвете следующего после победы дня перед монголами вдруг объявилось 60-тысячное войско хорезмшаха Мухаммад-султана, который из Дженда, с нижнего течения Сыр-Дарьи, в свою очередь выступил в поход против кипчаков. Монгольские военачальники решили не вступать в бой с хорезмшахом и объявили, что они посланы Чингиз-ханом только против меркитов и что у них нет разрешения на войну с хорезмшахом. Но султан не внимал их словам и своими действиями принудил таки Джучи вывести своих воинов на поле боя. Монголы сражались отчаянно смело. Даже был момент, когда хорезмшах чуть было не угодил в плен, и лишь смелый бросок его сына Джалал ад-Дина, отразившего нападение, спас султана из губительного положения. За световой день ни одна из противоборствующих сторон не добилась решительного успеха. Быстро стусились сумерки и на ковыльную степь опустилась чернота южной ночи. Оба войска отошли на свои стоянки, чтобы вновь начать войну на завтрашнее утро. Монголы зажгли сторожевые костры, но, оставив их горящими, сами скрытно покинули лагерь и быстрым маршем двинулись на спинах своих коротконогих лошадей на восток. Утром, когда военная хитрость монголов обнаружилась, их уже невозможно было догнать. Султан вернулся в Самарканд.

Так, на территории нынешнего Казахстана произошла первая встреча двух войск — монгольского и мусульманского. То было совершенно случайное столкновение, оно не выявило победителя. Однако это краткое вооруженное соприкосновение имело весьма тяжелое нравственное последствие. По словам ан-Насави, личного секретаря Джалал ад-Дина, сына хорезмшаха, храбрость монголов произвела на султана сильное впечатление и, когда упоми-

нали о них, он говорил: «Не видано подобных тем мужам по отваге и стойкости в страданиях битвы и по опытности в правилах нанесения «колющих и рубящих ударов». По мнению В.В. Бартольда, именно тягостное впечатление хорезмшаха от первого боя с монголами было одной из причин, почему он впоследствии не решился встретить их в открытом поле.

В дальнейшем отношения между хорезмшахом Мухаммадом и предводителем монголов складывались таким образом, что скоро привели к так называемой «Отрарской катастрофе», послужившей Чингиз-хану формальным поводом для объявления войны султану. Вкратце развитие конфликта и начало военных действий протекали следующим образом.

Весть о победах, одержанных Чингиз-ханом в Китае, породила массу толков в Средней Азии. Хорезмшах, желая проверить слухи и получить достоверные сведения об этом завоевателе, отправил в Монголию посольство. Чингиз-хан со своей стороны также направил на запад посольство. По рассказу ан-Насави, во главе посольства стояли три мусульманина: Махмуд из Хорезма, Али-Ходжа из Бухары и Юсуф Канка из Отрара. Весной 1218 г. хорезмшах принял это посольство, вероятно, в Бухаре. Послы передали ему ценные подарки, состоящие из дорогих и редкостных вещей, и письмо Чингиз-хана, в котором тот извещал хорезмшаха о завоевании монголами Северного Китая и «стран тюрков» и предлагал заключить мирный договор с гарантиями безопасности торговых сношений между обоими государствами. Султан Мухаммад выразил свое согласие на мирный договор с владыкой Монголии.

После возвращения послов Чингиз-хан отправил в Среднюю Азию торговый караван во главе с Омар-Ходжой Отрари, Джамалом Мараги, Фахр ад-Дином Дизаки Бухари, Амин ад-Дином Харави. Всего в караване, состоявшем из 500 верблюдов, нагруженных золотом, серебром, шелком, мехами и другими предметами, было 450 человек, включая и монголов-лазутчиков, по приказу Чингиз-хана присоединенных к среднеазиатским купцам. Многолюдный караван в своем необычном составе прибыл в середине 1218 г. в Отрар. Правитель Отрара, наместник султана Мухаммада, Гайр-хан Йиналчук, очевидно, обеспокоенный странным для торговцев поведением людей этого каравана, объявил, по словам ан-Насави, что прибывшие в Отрар, хотя и прибыли в обличье купцов, но не купцы. То ли с ведома хорезмшаха, то ли самовольно он задержал купцов, а затем

истребил их. Караван был ограблен, все богатство убитых перешло к Йиналчуку. Удалось бежать только одному человеку из состава каравана, который и доставил весть об отрарской резне Чингиз-хану. Повелитель монголов отправил к хорезмшаху посольство во главе с Ибн Кафрадж Богра, в сопровождении двух татар, с требованием выдачи Гайр-хана Йиналчука и с общанием в этом случае сохранить мир. Хорезмшах не только не исполнил этого требования, но велел убить неповинных послов, вероятно, считая войну с Чингиз-ханом неизбежной.

Война между Чингиз-ханом и султаном Мухаммадом действительно была неизбежной и причиной тому был не поступок хорезмшаха или его отрарского вассала Йиналчука. Для крупных скотоводческих хозяйств необходимы обширные пастбища, и стремление кочевой знати приобрести новые пастбища неизбежно порождало завоевательные войны. Война, приносящая наряду с завоеванием новых земель и богатства в виде военной добычи, являлась как бы частью производственной деятельности. Кроме того она служила для знати средством хотя бы временно ослабить социальные противоречия в монгольском обществе, посулив зависимым кочевникам некоторую долю военной добычи. Чингиз-хан понимал, что только завоевательная политика может обеспечить ему верность монгольской знати, удержать ее от измен, заговоров, междоусобий, а созданную империю — от быстрого распада.

В этой политике, которую монгольские феодалы осуществляли на протяжении десятилетий, поход на земли Казахстана и Средней Азии был лишь одним звеном в общей цепи запланированных обширных завоеваний. Как показывают данные источников, Чингиз-хан и не думал ограничиваться захватом империи хорезмшаха; в его планы входило завоевание всей Западной Азии и Восточной Европы, и он заранее отдал в удел своему старшему сыну Джучи еще не покоренные страны к западу от Иртыша и Аральского моря.

Чингиз-хан придавал походу в мусульманские страны большое значение и готовился к нему с особой тщательностью. Началу военных действий предшествовал подробный сбор, посредством мусульманских купцов и перебежчиков, находившихся на службе у монголов, сведений о внутреннем состоянии и военных силах государства хорезмшаха. Изучив добытые сведения и составив на их основе глубоководный план действий, Чингиз-хан и люди его окружения сумели так подготовить войну, что имели возмож-

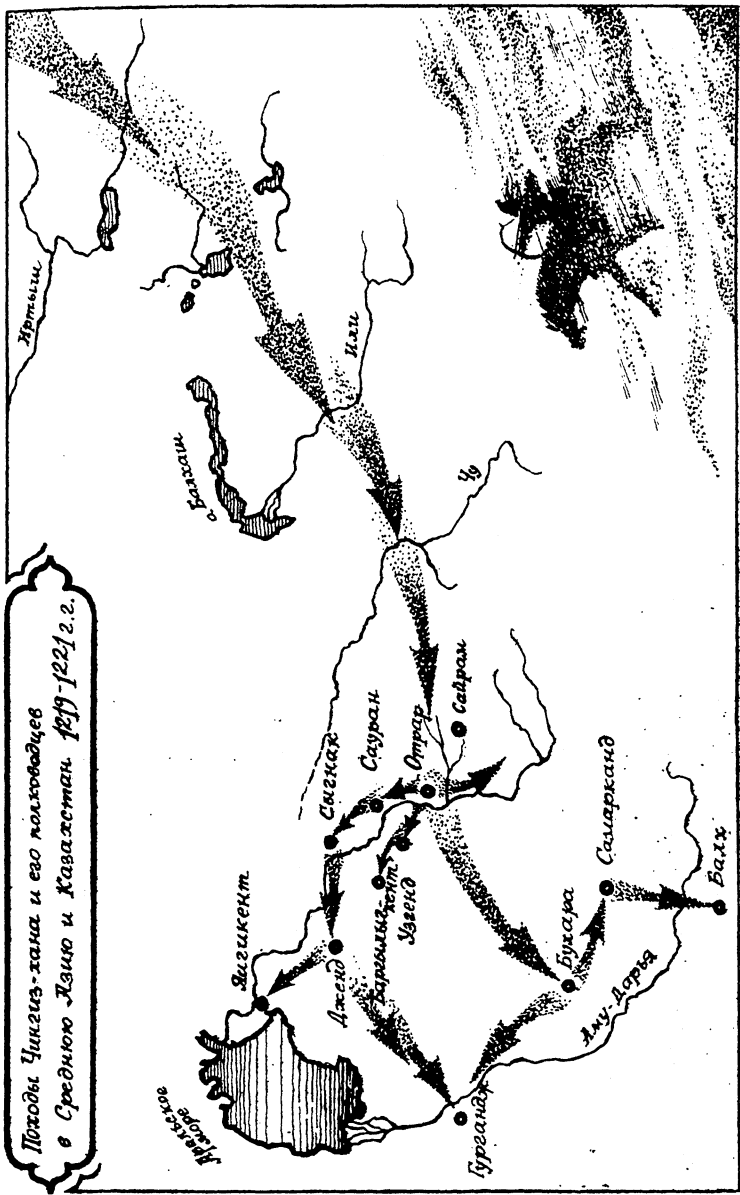
ность даже в глазах мусульман-современников возложить вину на хорезмшаха.

К началу войны Чингиз-хан собрал большое войско. Точная численность его неизвестна; наиболее вероятной считается число 120-150 тысяч человек вместе с ополчением семиреченских (Арслан-хан карлукский, Сукнак-тегин) и восточнотуркестанского (уйгурский идикут Барчук) вассальных владетелей. Поход начался в сентябре 1219 г. с берегов Иртыша, где Чингиз-хан провел лето. Судя по данным источников, он вел свои орды от Иртыша до Сыр-Дарьи тем же путем, что и прежние завоеватели, а именно: не через безотрадные степи к северу от Балхаша, а через Семиречье. При подходе к Отрару предводитель монголов разделил свои силы: несколько туменей во главе с сыновьями Чагатаем и Угедеем он оставил для осады Отрара; другую часть во главе с Джучи отправил вниз по Сыр-Дарье на Дженд и Янгикент; третий отряд был назначен для покорения городов по верхнему течению Сыр-Дарьи; сам Чингиз-хан и его младший сын Тулуй с главными силами пошли на Бухару.

Источники не дают нам точного определения времени, когда монгольские войска появились перед стенами Отрара. Правитель Отрара Гайр-хан, знавший, что ему нечего ждать пощады от монголов, защищался отчаянно, до последней возможности. Под его началом, согласно ан-Насави, было 20 тысяч воинов. По Джувайни, хорезмшах дал ему 50 тысяч «внешнего войска». На исходе пятого месяца героической обороны Отрара Караджа-хаджиб, незадолго перед осадой посланный хорезмшахом на помощь Гайр-хану с десятитысячным отрядом, пал духом и, покинув город через ворота «Суфи хане», сдался со своим войском монголам; по приговору царевичей Чагатая и Угедая он был предан вместе с приближенными казни за измену. Но монголы успели ворваться в город и, выгнав из города его жителей «словно стадо баранов», начали повальный грабеж. Однако Отрар еще упорно защищался; Гайр-хан с 20-тью тысячами «подобных львам» смельчаков укрепился в цитадели, для взятия которой монголам понадобился еще месяц. Когда цитадель была взята и все ее защитники полегли, Гайр-хан с двумя оставшимися в живых боевыми товарищами продолжал оказывать сопротивление на кровле здания. Когда пали и эти двое, и уже не оставалось стрел, он бросал в своих врагов кирпичи, которые рабыни подавали ему «со стены дворца»; когда не осталось и кирпичей, монголы, имевшие приказ взять правителя в плен живым, ок-

Погоды Чингиз-хана и его полководцев
в Среднюю Азию и Казахстан 1219-1221 г.г.

ружили его и связали. Разрушив крепость и сравнив стены с землей, Чагатай и Угедей с толпами пленных жителей Отрара и окрестных сел в феврале 1220 г. присоединились к Чингиз-хану, когда тот находился на пути между Бухарой и Самаркандом, и доставили ему живого Гайр-хана Йиналчука. Чингиз-хан приказал расплавить серебро и влить ему в уши и глаза, и тот был умерщвлен в наказание за его «безобразное деяние и мерзкий поступок».

Старший сын Чингиз-хана, Джучи, выделенный для покорения городов по нижнему течению Сыр-Дарьи, прежде всего подошел к Сыгнаку, с жителями которого начал переговоры. В качестве своего представителя он отправил в город мусульманского купца Хасан-хадджи, еще до войны поступившего на службу к монголам, с тем чтобы он уговорил жителей сдаться без боя, но «злодеи, чернь и бродяги» возмутились и, умертвив предателя, приготовились к «великой, священной войне». Монголы семь дней и ночей непрерывно осаждали город, наконец, взяли его приступом и, «закрыв врата пощады и милосердия», перебили все население. Управляющим той местности был назначен сын убитого Хасан-хадджи.

На дальнейшем пути монголы взяли Узгенд и Барчылыкент, население которых не оказало сильного сопротивления, и потому всеобщей резни не было. Затем монгольский отряд подошел к Ашнасу; город, «большинство воинства которого составляли бродяги и чернь», оказал упорное сопротивление, но пал в неравной борьбе, и множество жителей было перебито. После этого монголы подступили к Дженду, который к тому времени был покинут войсками хорезмшаха во главе с Кутлук-ханом, бежавшим в Хорезм. Узнав об этом, Джучи отправил в город для переговоров Чин-Тимура. Посланник монголов, однако, был дурно принят жителями и получил возможность вернуться живым только потому, что напомнил джендцам о печальной судьбе, постигшей Сыгнак из-за убийства Хасан-хадджи, и обещал им удалить монголов от города. Выпустив Чин-Тимура, жители заперли ворота, но не оказали никакого сопротивления. Монголы, подготовив предварительно осадные орудия, приставили лестницы, спокойно взошли на стены и без кровопролития заняли город; затем всех жителей выгнали в поле, где они оставались в течение девяти дней, пока продолжалось разграбление города. Убиты были только несколько лиц, которые своими речами оскорбили Чин-Тимура. Управляющим городом был назначен бухарец Али-Ходжа, который уже много лет назад перешел на

службу к монголам. Тогда же корпус в один тумен, посланный Джучи, занял Шехркент (Янгикент), и монголы посадили там своего шихнэ — «блюстителя порядка». Все это произошло в течение зимы 1219-1220 гг. и весны 1220 г.

Столь же успешно действовал и главный корпус монгольской армии во главе с Чингиз-ханом; к маю 1220 г. весь Мавераннахр был в руках завоевателей. Летом и осенью 1220 г. монголы взяли Мерв, Тус и другие города Хорасана. В результате зимней кампании 1220-1221 гг. был завоеван Хорезм, и завершились военные действия монголов в Средней Азии. Весной 1221 г. Чингиз-хан переправил свое войско через Аму-Дарью и война сместилась на территорию Хорасана, Афганистана и Северной Индии. 30-ти тысячный корпус под командованием полководцев Джэбэ-нойона и Субэдэй-нойона, выступив из Северного Ирана, в 1220 г. вторгся в кавказские страны и, разгромив аланов, кипчаков и русских на реке Калка, проник в степи нынешнего Казахстана с северо-запада.

Но вернемся в Южное Приаралье. Джучи оставался весь 1220 г. в Дженде; оттуда, с берегов Сыра, в следующем году он повел свой корпус на Хорезм. Чингиз-хан отправил ему на подмогу из Бухары Чагатая и Угедея со значительными силами. Передовые отряды монгольского войска подступили к Гургенджу (город у Аму-Дарьи в северной части Хорезма), военной хитростью заманили хорезмийцев в западню, перебили до тысячи человек и следом за беглецами ворвались в город, но под напором горожан вынуждены были отступить. Тем временем подоспели основные войска монголов, численностью до 50-ти тысяч воинов. Город был обложен со всех сторон, и осада началась. Жители города не только защищались с большим упорством, но при случае сами переходили в атаку. Действуя таким образом, хорезмийцы перебили множество вражеского войска. «Говорят, — писал Рашид ад-Дин в начале XIV в., — что холмы, которые собрали тогда из костей убитых, еще теперь стоят в окрестностях старого города Хорезма».

Главной причиной неудачи монголов были, по словам мусульманских авторов, раздоры между братьями Джучи и Чагатаем. Первый старался спасти от разрушения цветущий город, а второй желал быстрой победы любой ценой. Когда эта весть дошла до Чингиз-хана, он рассердился на старших своих сыновей и назначил начальником всего войска Угедея, который являлся их младшим братом. После этого монгольские воины «дружно направились» на штурм и в течение семи дней захватили весь город целиком. Жи-

телей вывели в степь, отделили от них ремесленников, малолетних детей и молодых женщин, чтобы угнать в плен, а остальные люди были перебиты. Покинув поле, усеянное изрубленными телами, войско завоевателей занялось разграблением и разрушением домов и кварталов. Завершив операцию на берегах нижнего течения Аму-Дарьи, Чагатай и Угедей вернулись к своему отцу, а Джучи со вверенным ему корпусом, со всеми чадами и домочадцами остался в Приаралье.

Зиму 1222-1223 г. Чингиз-хан провел в Самарканде. В начале 1223 г. он выступил оттуда с намерением устроить весеннюю охоту в степях Присырдарьи. Джучи получил приказ пригнать диких куланов из Кипчака. Во исполнение приказа отца, он пригнал табуны онагров и кроме того в виде подарка еще 20000 белых коней. Встреча Джучи с отцом и братьями произошла на равнине Кулан-Баши, в нескольких переездах от Сайрама. Устроили курултай, состоялась грандиозная облавная охота с участием всех царевичей, и все лето 1223 г. они провели вместе в тех пределах. Затем выступили из степи Кулан-Баши, шли медленно от стоянки к стоянке, пока не достигли Иртыша. Там они провели лето 1224 г.; там же состоялась встреча Чингиз-хана с его любимыми полководцами Джэбэ-нойоном и Субэдэй-нойоном, которые из Северного Ирана отправились в рейд по кавказским странам. Воздавая долг их верности, мужеству и отваге, хан устроил курултай с пирами. Осенью того же 1224 г. повелитель монголов снялся со стоянки и последовал с войском, слугами и челядью на восток.

Чингиз-хан возвращался из западного похода в свою Монголию триумфатором, будучи в то же время повергнут в глубокую скорбь. Дело в том, что сравнительно недавно ему стало ведомо, что он, повелитель мира, властелин вселенной, перед смертью — обыкновенный, рядовой человек. А поведал ему об этом китайский философ-отшельник Чанчунь. Но все по-порядку.

Мы все, живые, явились в этот мир, чтобы уйти в небытие навсегда. Эта грустная истина, и она стара как мир. Однако в каждую эпоху находились люди, которые верили в вечную жизнь и желали себе бессмертия. Чингиз-хан был из их числа. Небо — вечно, Земля — вечна, Время — вечно, а люди смертны. Чингиз-хан не желал принимать мир таким, какой он есть. Он уверовал в свою исключительность и ожидал, что однажды, что вот-вот Тэнгри ниспослет ему вечность с высоты своих Небес. И вот случилось так, что как-то раз (очевидно, во время пребывания Чин-

гиз-хана в Китае) ему доложили об основах даосизма — одном из направлений древнекитайской философии, суть учения которого — поиски вечного счастья, достигаемого десятью добродетелями. Чингиз-хан буквально понял даосское учение о вечном счастье и еще летом 1219 г., находясь в долине Иртыша, вызвал к себе представителя школы даосизма Чан-чуня, надеясь получить от философа, который пользовался большой славой в Китае, «лекарство для вечной жизни». Но в начале осени Чингиз-хан отправился со своими ордами покорять западные страны, так что Чан-чуню пришлось совершить долгое путешествие от Китая (через Монголию, Уйгурию, Кульджинский край, Семиречье и Мавераннахр) до Гиндукуша. Встреча монгольского хана и китайского отшельника, намеченная на осень 1219 г. на берегу Иртыша, состоялась таким образом лишь весной 1222 г. в долине Аму-Дарьи. Описание удивительного путешествия Чан-чуня, сделанное одним из его спутников-учеников дошло до нас. Русскоязычному читателю оно доступно в переводе Кафарова (Архимандрита Палладия). Нижеследующий диалог взят из этого перевода.

16 мая 1222 г. Чан-чунь со своими спутниками-учениками наконец-то прибыл в ханскую ставку, находившуюся в то время в четырех днях пути от места переправы через Аму-Дарью; устроился, затем отправился на аудиенцию. Чингиз-хан пригласил его сесть и приказал слугам подать ему кушанье; потом, через переводчика, спросил его: «Святой муж! ты пришел издалека; какое у тебя есть лекарство для вечной жизни, чтобы снабдить меня им?» На вопрос хана Чан-чунь ответил: «Есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия». Чингиз-хан ничем не проявил своего разочарования и только похвалил учителя за чистосердечие и прямоту. Он приказал приготовить две юрты для его помещения, на востоке от ханской. Затем три раза 20, 24 и 28 сентября 1222 г. Чингиз-хан слушал наставления Чан-чуня и приказал записать его речи. Во время всех бесед Чан-чуня с Чингиз-ханом переводчиком служил Ахай, который происходил из кара-китаев и был в то время наместником Самарканда.

Течет река времени; вот наступает осень 1224 г. Чингиз-хан возвращается в Монголию, примирившись с открывшейся ему печальной истиной, что нет средств достичь бессмертия и что единственная форма долгой жизни — старость. Ему 69 — четвертый возраст, осень жизни. Он покидает Кипчак и едет на восток, чтобы там, в глубине Азии, найти свой конец. Сыновья его возвращаются вместе

со своим отцом, кроме Джучи, своенравного первенца, который остается в полюбившихся ему Кипчакских степях, чтобы заняться заботами правления.

Осень 1219 г., долина Иртыша — Чингиз-хан со всеми своими сыновьями и со своими главными силами отправляется в поход на запад. Осень 1224 г., опять долина Иртыша — Чингиз-хан возвращается домой на восток. Между этими датами сложнейший период истории народов Средней Азии и Казахстана.

Орды Чингиз-хана всеокрушающей лавиной пронесли по степям, городам и весям. Война — всегда крайность, и как безумно жестоки бывают люди в войну. Унесены в небытие десятки тысяч жизней, покалечена судьба сотен тысяч человек, развеяны в прах плоды созидательного труда многих поколений людей, попраны святыни, поруганы святые. Сыны Кипчака и Хорезма, Мавераннахра и Хорасана потрясены; кажется, настал предел Божьему милосердию и нет больше земной будущности. Вот отзыв о тех событиях мусульманского историка Ибн ал-Асира, современника Чингиз-хана. «Если бы кто сказал, — писал он в своей знаменитой хронике «ал-Камил фи ат-тарих», — что с тех пор, как Аллах всемогущий и всевышний создал человека, по настоящее время, мир не испытывал ничего подобного, то он был бы прав: действительно, летописи не содержат ничего сколько-нибудь сходного и подходящего. Из событий, которые они описывают, самое ужасное то, что сделал Навуходоносор с израильтянами по части избиения их и разрушения Иерусалима. Но что такое Иерусалим в сравнении с теми странами, которые опустошили эти проклятые, где каждый город вдвое больше Иерусалима! И что такое израильтяне в сравнении с теми, которых они перебили! Ведь в одном отдельно взятом городе, жителей которых они избили, было больше, чем всех израильтян. Может быть род людской не увидит ничего подобного этому событию до преставления света и исчезновения мира, за исключением разве Гога и Магога. Что касается Антихриста, то он ведь сжалится над теми, которые последовали за ним, и погубит лишь тех, которые станут сопротивляться ему; эти же (монголы) ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародыши» [Тизенгаузен, т.1, с.2].

Поистине татаро-монгольское нашествие явилось величайшим военно-политическим и моральным потрясением средневековья в целом. Но настал час и отступило зло перед добром; на огромном пространстве пожар большой войны был потушен, но угли тлели долго.

2. Улус Джучи.

Монгольские завоевания полностью изменили политическую карту региона, внесли определенные коррективы также и в этническую карту расселения племен на территории современного Казахстана. В начале XIII в. на степных просторах Северного Казахстана от Иртыша дальше на запад располагались кочевья кипчаков. Империя гурхана каракитаев охватывала земли от области уйгуров в Восточном Туркестане до Аральского моря. В 10-е годы XIII в. часть этой территории захватил Кучлук, предводитель найманов, а северная часть Семиречья была подчинена Арсланхану — предводителю карлуков. Страну между Таласом, Чу и озером Иссык-Куль занимали канглы. Бассейн Сыр-Дарьи с его городами-крепостями и прилегающие районы, а также Мавераннахр с примыкающими к нему округами принадлежали хорезмшаху Мухаммаду. После нашествия монголов мы видим иную картину, новые политические структуры.

Чингиз-хан, по словам Джувайни, еще при жизни выделял «особые земли, называемые йуртом», каждому из своих сыновей. В исследовательской литературе розданные Чингиз-ханом земли принято именовать уделами или улусами. Степень отдаленности уделов соответствовала при этом возрасту сыновей; оттого младший сын Тулуй получил коренной йурт Чингиз-хана — собственно Монголию, а также 101 тысячу из 129 тысяч человек монгольской регулярной армии. Обширные территории, завоеванные к западу от Монголии, были поделены между старшими сыновьями, причем каждому из них было пожаловано только по 4 тысячи человек из регулярной армии. Йурт третьего сына Чингиз-хана, Угедея, находился в пределах Эмиля и Кобака. Владения Чагатая, второго сына Чингиз-хана, простирались от Южного Алтая до Аму-Дарьи и «от области уйгуров до Самарканда и Бухары», т.е. включали Восточный Туркестан, большую часть Семиречья и Мавераннахр. По Джамалю Карши, область, составлявшая основную часть владений Чагатая, называлась Иль-Аларгу; главным городом ее был Алмалык. Летней резиденцией Чагатая была местность Куяш в долине реки Или, вблизи высоких гор Кок. Около Куяша он устроил селение Кутлук («Сча-

стливое»). Зиму Чагатай обычно проводил также в долине р. Или, в местности Мераузик-Ила. В состав владений Чагатай и его преемников входили также области Балх и Хорасан. Удел старшего сына Чингиз-хана, Джучи, по словам Джувайни, занимал обширные земли к западу от Иртыша и от границ Каялыка (в Семиречье) и Хорезма до мест Саксин и Булгар, вплоть до тех пределов, куда доходили копыта татарских коней.

Таким образом, территория Казахстана вошла в состав трех монгольских улусов: большая часть — степные просторы севера страны и вся местность от верховьев Иртыша к оз. Ала-Куль и дальше на запад к Или и Сыр-Дарье входила в состав улуса Джучи, Южный и Юго-Восточный Казахстан — в улус Чагатай, а северо-восточные земли — в улус Угедея. Для нашей темы наибольший интерес представляет улус Джучи, поскольку именно на этой территории складывалась и развивалась собственно казахская государственность.

Все три царевича, в качестве наместников отца, осуществляли свою власть в местности, составлявшей их удел, строя дороги, возводя мосты и подавляя то и дело вспыхивающие мятежи. Уделы должны были служить для них только источником дохода и оставаться подчиненными главе империи. Но положение постепенно менялось. Обширность монгольской державы, удаленность от общеимперского центра на Орхоне вели к тому, что действительной властью была только власть на местах. Династийное начало удельной системы возбуждало у улусных Чингизидов, в распоряжении которых находилась значительная военная сила, стремление сделать свою династию полностью самостоятельной, а улус — независимым владением.

С притязанием на государство, независимое от центра империи, первым открыто выступил Джучи, что явилось причиной столкновения между отцом и сыном. Джузджани в своем «Табакат-и Насири», написанном в 1260 г., передает следующее. Джучи настолько полюбил Кипчак, что решил избавить эту страну от разорения. Мой отец, Чингиз-хан, потерял рассудок, сказал он своим приближенным, так как он губит столько земель и изводит столько народу; потому он, Джучи, хочет убить Чингиз-хана во время охоты. Чагатай, узнав об этом коварном плане, рассказал отцу, который велел тайно отравить Джучи. Иная версия столкновения между сыном и отцом приводится в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина (начало XIV в.). Чингиз-хан, пишет он, поручил Джучи покорить «северные страны,

как-то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дешт-и Кипчак и другие области тех краев». Сын не исполнил поручения отца. Чингиз-хан крайне рассердился и вызвал сына в свою орду (ставку). Тот ответил, что его постигла кручина болезни и он не может отправиться в Монголию. Между тем, один монгол из племени мангыт, прибывший из западных границ империи, рассказал, что-де видел Джучи на охоте у «одной горы». «По этой причине воспламенился огонь ярости Чингиз-хана, и, вообразив, что Джучи, очевидно, взбунтовался, что он не обращает внимания на слова отца», он послал против него Чагатая и Удегея с войском, намереваясь идти вслед за ними; в это время пришло роковое известие о кончине Джучи.

Дата смерти Джучи у Рашид ад-Дина не указывается; согласно источнику XV в. «Шаджарат ал-атрак», он умер за 6 месяцев до смерти отца, т.е. в феврале 1227 г. В этом же сочинении содержится поэтический рассказ о том, как Улуг-Джирчи, который был приближенным и одним из великих эмиров двора, сообщил Чингиз-хану известие о смерти его старшего сына. Чингиз-хан в ответ Улуг-Джирчи будто бы произнес тюркский джир:

Кулун алган куландай кулунумдан айрылдым
Айрылышкан анкудай эр улумдан айрылдым.

То есть:

«Подобно кулану, лишившемуся своего детеныша,
я разлучен со своим детенышем,
Подобно разлетевшейся в разные стороны стае уток,
я разлучен со своим героем сыном»

Когда от Чингиз-хана изошли такие слова, все эмиры и нойоны, находившиеся в ставке, встали, выполнили обычай соболезнования и стали причитать. Через 6 месяцев после смерти Джучи-хана, пишет автор «Шаджарат ал-атрак», Чингиз-хан также распростился с миром.

По ранним источникам, Джучи был похоронен на Верхнем Иртыше; по преданию, приведенному автором XVI в. Хафиз-и Танышем, гробница Джучи находилась в Центральном Казахстане, в бассейне Сары-Су, близ речки Сарайлы, несколько севернее речки Терс-Кендерлик.

Джучи имел много жен и наложниц. Как об этом передают достойные доверия повествования, читаем в источнике, у него было около 40 сыновей и от них «народилось

несметное количество внуков». В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина приводятся имена 14 сыновей Джучи в следующем порядке: первый сын — Орда, второй — Бату, третий — Берке, четвертый — Беркечар, пятый — Шибан, шестой — Тангут, седьмой — Бувал, восьмой — Чилаукун, девятый — Шингкур, десятый — Чимпай, одиннадцатый — Мухаммад, двенадцатый — Удур, тринадцатый — Тукай-Тимур, четырнадцатый сын — Шингкум. В «Муизз ал-ансаб» приводятся имена 18 сыновей Джучи. Вот начало этого списка: Орда, Бату, Берке, Эсен, Буре. При этом говорится, что Берке, Буре и Беркечар (десятый сын), все трое, родились от одной матери по имени Султан-хатун, а матерью Орды и Эсена была женщина из рода конграт (имя ее не приводится).

После смерти Джучи из всех его сыновей второй, Бату (Батый), был признан войсками на западе наследником отца, и этот выбор был утвержден Чингиз-ханом. Нарративные источники XIII-XIV вв. упоминают об этом лишь вскользь; некоторые подробности вопроса содержат более поздние источники. Так, у Абу-л-Гази приводятся два рассказа. Согласно первому, Чингиз-хан, услышав о смерти Джучи, крайне опечалился. По окончании траурных дней, он сказал своему младшему брату Отчигину: «Отправляйся в Дешт-и Кипчак и второго сына Джучи-хана, Бату, по прозвищу (лакаб) Саин-хан, возведи на отцовский престол». Когда Бату узнал о том, что к его орде (ставке) приближается Отчигин, выслал для встречи его своих сыновей и младших братьев, а вслед за ними и сам выехал для встречи высокого гостя. Встретились. По прошествии трех дней Отчигин, соблюдая все обычаи, посадил Бату на отцовский престол. По случаю коронации устроили большой пир (той). В это время из ставки Чингиз-хана прибыл нарочный с известием, что хан умер. Второй рассказ короткий. Когда Джучи заболел и умер, говорится в нем, Чингиз-хан был еще жив; он вызвал к себе в орду своего внука Бату, по прозвищу Саин-хан, и сказал ему: «Прими на себя власть отца и отправляйся в земли, которые хотел идти он»; когда Саин-хан собирал войско для похода, умер и Чингиз-хан.

Подробный рассказ о передаче верховной власти в Дешт-и Кипчаке Бату приводится в «Чингиз-наме», написанном в XVI в. в Хорезме Утемишем-хаджи. Этот рассказ интересен для нашей темы во многих отношениях; приведем его с сохранением терминов и отдельных выражений автора «Чингиз-наме». Когда умер Джучи, пишет

он, между двумя старшими братьями — Орда-Эдженем и Бату — произошел спор, кому из них быть главой улуса; каждый хотел уступить престол другому. Для разрешения спора о власти два сына Джучи, родившиеся от одной матери, и 17 сыновей, родившиеся от других матерей, все вместе отправились к Чингиз-хану. «Великий» дед, принимая царевичей, велел поставить три юрты (ургэ): белую юрту с золотым порогом (алтун босагалы *ак ургэ*) для Саин-хана (т.е. Бату), синюю юрту с серебряным порогом (кумуш босагалы *кок орда*) для Эджена (т.е. Орда-Эджена), серую юрту со стальным порогом (болат босагалы *боз орда*) для Шибана; для Тукай-Тимура он не поставил и крытой повозки (телеген).

Таким вот образом Чингиз-хан отличил Бату от остальных своих внуков, и вопрос о наследнике Джучи был решен окончательно. Его братья подчинились ему, весь народ изъявил покорность ему.

О первых десяти годах правления Бату-хана в источниках мало сведений. В 1228 г. или 1229 г. он присутствовал на всемонгольском курултае, на котором Угедей был провозглашен великим ханом. На всемонгольском курултае 1235 г., на котором было принято решение о новом походе в западные страны, он был назначен начальником объединенного монгольского войска. Разгромив в ходе кампании 1236-1242 гг. Волжскую Булгарию, русские княжества, опустошив Польшу, Венгрию, Чехию, Валахию и другие европейские области, Бату вернулся в низовья Волги, где основал новое монгольское государство, которому суждена была долгая жизнь. Для обозначения этого государства мусульманские авторы средневековья употребляли различные слова и словосочетания; вот неполный их перечень: *Улус Джучи, Дешт-и Кипчак, Кипчак, Страна Берке, Дом Берке, Северное царство, Токмак, Токмакский улус, Улус Узбека, Узбекова государство, Узбекский улус*. В исследовательской литературе оно известно под именем *Золотой Орды*. Столицей государства стал город Сарай на Нижней Волге.

В области государственного права в созданной монголами империи господствовал принцип, согласно которому империя считалась собственностью всего ханского рода, совместно владеющего ею как своей вотчиной. Эта особенность государственного управления была подмечена еще Джувайни (ум. в 1283 г.). «Хотя по видимости правление и страна вверены одному лицу, наделенному ханским достоинством, — писал он, — в действительности все потомки и дядья по

отцу сообща владеют землей и общественным богатством». [Джувайни, т.1, с.30-31]. В соответствии с таким представлением о собственности, каждый взрослый представитель царского дома получал определенное количество родов и племен, а также территориальный удел — землю для пастбищ. Наряду с этим каждый монгольский царевич претендовал на получение определенного количества ремесленников и определенного земледельческого района из общей территории империи, доходы с которых служили для удовлетворения его двора и войска.

Обстоятельства выделения уделов Джучидам в золотоордынском государстве в ранних источниках не получили достаточно полного отражения. Сведения о выделении уделов Джучидам мы находим у Махмуда б. Вали и Абу-л-Гази, писавших в XVII в. и, по-видимому, пользовавшихся каким-то не дошедшим до нас или пока еще не обнаруженным источником.

По словам Абу-л-Гази, Бату после возвращения из похода в Восточную Европу сказал своему брату Орде, по прозвищу Эджен: «В этом походе ты содействовал окончанию нашего дела, поэтому тебе отдается народ, состоящий из десяти тысяч семейств и земли в том месте, где жил отец твой» [Абу-л-Гази, т.1, с.181; Родословное древо, с.159]. По Рашид ад-Дину, Орда-Эджен с войском и четырьмя братьями — Удуром, Тукай-Тимуром, Шингкумом, Сингкумом — составили левое крыло армии Джучидов, и «их до сих пор называют царевичами левого крыла». Земли между владениями самого Бату и уделом Орды-Эджена были пожалованы Шибану (Сыбану, как его называет Плано Карпини) с тем, чтобы он проводил лето к востоку от Яика, на берегах Иргиза, Ори, Илека до горы Урала, зиму — в Аракуме, Каракуме, на берегах Сыр-Дарьи и при устьях Чу-Су и Сары-Су. Под власть Шибана Бату отдал народ, состоящий из 15 тысяч семейств (эв), выделив ему из «древних родов» (байри элинден) четыре главных племени (урук): кошчи (кушчи?), найман, карлык (так), буйрак. Войско Шибана и его потомков вошло в состав правого крыла армии Улуса Джучи. По Махмуду б.Вали, Бату, особо отметив заслуги Тукай-Тимура во время «так называемого семилетнего похода», выделил «из каучинов» [т.е. из привилегированной части войска — Т.С.] минг, тархан, ушун, ойрат и передал их в подчинение брату. В качестве удела он пожаловал ему область асов (вилайет-и ас) и Мангышлак; в другом месте «Бахр ал-асрар» сообщается о том, что потомки Тукай-Тимура, «согласно воле Бату»,

осуществляли власть также над Хаджи-Тарханом (г. Астрахань). Войско Тукай-Тимура и его потомков вошло в состав левого крыла армии Джучидов.

Подчиняясь требованию обычая, Бату, как глава государства, пожаловал уделы и другим взрослым Джучидам. Так, путем дробления целого на части образовывались все новые и новые политические структуры. Формировались они, как мы могли видеть, по образцу целого: 1) Чингизид со своими чадами и почти державными правами; 2) определенное количество феодально зависимых людей; 3) территория.

С историей сложения улусной системы в золотоордынском государстве связано разделение его на орды, в частности на *Кок-Орду* (Синяя Орда) и *Ак-Орду* (Белая Орда). История обеих этих Орд имеет непосредственное отношение к истории Казахстана XIII-XIV вв.

3. Кок-Орда и Ак-Орда.

Вопрос о времени, обстоятельствах возникновения и географическом местонахождении Кок-Орды и Ак-Орды дискутировался на страницах научной печати многократно. Однако, до сих пор нет на этот вопрос однозначного ответа, обоснованного материалом источников. Исследователи истории Золотой Орды придерживаются единого мнения только в одном, а именно: термины Кок-Орда и Ак-Орда означали различные части Улуса Джучи. Что касается вопроса о том, какие части Улуса Джучи назывались Кок-Ордой и Ак-Ордой и когда образовались эти орды, в научной литературе существует полный разнобой. Не вступая в литературную полемику, изложим здесь сведения о Кок-Орде и Ак-Орде, содержащиеся в мусульманских источниках. Эти источники известны востоковедам, но еще недостаточно исследованы в источниковедческом аспекте и в связи с этим не полностью использованы в историографии Улуса Джучи.

Согласно Рашид ад-Дину, йурт Джучи «был в пределах Иртыша, и там была столица его государства». Абу-л-Гази утверждает, что «резиденция (тахттах) Джучи-хана располагалась в Дешт-и Кипчаке, в местности под названием Кок-Орда» и что именно эта часть обширных владений Джучи перешла к его сыну Орде. Абу-л-Гази

не называет своих источников, но его известия подтверждаются словами современника Орды, Бату и Шибана — Плано Карпини, который в 1246 г. проехал через всю территорию Улуса Джучи. По его рассказу, он со своими спутниками ехал довольно много дней по берегу «некоего моря» (речь идет здесь об озере Ала-Куль в Верховьях Иртыша). «В этой земле живет Орду, старший над Бату; мало того, он древнее всех князей татарских; там имеется также орда, или двор, его отца, в котором живет управляющая им одна из его жен» [Плано Карпини, с.3, 218, прим.194]. А вот что сообщает анонимный историк XV в., автор генеалогического сочинения «Муизз ал-ансаб». «Орда был старшим сыном Джучи-хана. При жизни отца и после его смерти он был почитаем и пользовался авторитетом. Однако тем не менее после Джучи царствование досталось Бату. Орда был согласен на воцарение Бату-хана. Искренняя дружба старших братьев облегчила Бату стать заместителем отца. В ярлыках, которые издавал Менгу-каан, имя Орды ставилось впереди имени Бату. Орду называют также Эдженом. Он и Эсен, оба они, родились от одной матери. У Орды было три старшие жены, все три из племени конграт; сыновей и уруг его называют Кок-Ордой» [«Муизз ал-ансаб», л.186].

По одним источникам, Орда был первым сыном Джучи от его старшей жены из племени конграт. Если это так, то переход коренного йурта Джучи к Орде — против обычая, «так как издревле у монголов и тюрков был такой обычай, что еще при жизни выделяют своих старших сыновей и дают им добро, скот и стадо овец, а то, что остается принадлежит младшему сыну, и его называют «одчигин», то есть сын, который имеет отношение к огню и домашнему очагу, указывая этим, что он является основой дома, семьи» [Рашид ад-Дин, т.2, с.107]. В некоторых источниках (например, Бахр ал-асрар) имена первых четырех сыновей Джучи приводятся в таком порядке: Бату, Орда, Берке, Тукай-Тимур. Возможно, Орда был не первым, и не вторым сыном Джучи, а четырнадцатым. Мы не знаем достоверно, как не знали этого и мусульманские историки средневековья, ибо, когда в начале XIV в. начали составлять историю монгольской империи вообще и четырех ее улусов в частности, то, по выражению источника, не нашлось ни одного знающего человека, и потому все потомки Джучи «не выявлены и не установлены в точности». М.Г. Сафаргалиев, автор известной книги «Распад Золотой Орды», предположил, что Орда-Эджен, воз-

можно, был самым младшим сыном Джучи, и потому йурт отца наследовал именно он. Такое допущение, конечно, возможно, но оно вызывает много возражений. Петербургский тюрколог А.П. Григорьев на основе анализа источников приходит к важному выводу, что эдженем назывался у монголов не самый младший сын в семье, а именно четвертый сын, который только и наследовал отцовский йурт.

Так или иначе, Орда-Эджен получил в удел резиденцию своего отца, Кок-Орду, располагавшуюся в верховьях Иртыша, около озера Ала-Куль. В связи с этим хочется напомнить слова из легендарного рассказа Утемиш-хаджи о том, что Чингиз-хан при решении вопроса о наследнике Джучи приказал поставить Орда-Эджену юрту синего цвета; «*кок орда*», по выражению источника.

Обратимся теперь к термину Ак-Орда. После смерти Берке-хана (ум. в 1266-67 г.), пишет Абу-л-Гази, ханом сделался Менгу-Тимур-хан и занялся приведением в порядок эля и улуса. «Со старшими и младшими своими братьями он поступил таким же образом, как это сделал Бату-хан. Область (мамлакат) под названием Ак-Орда он пожаловал Бахадур-хану, сыну Шибан-хана, вилайеты Кафа и Крым передал Уран-Тимуру, который был сыном Тукай-Тимура, а сам отправился в поход на страну Булгар. По прошествии двух лет он вернулся оттуда победителем» [Абу-л-Гази, т.1, с.173].

Эти же известия и почти в тех же выражениях, но на персидском языке, излагаются в «Бахр ал-асрар». Очевидно, оба автора пользовались одним и тем же источником информации. После смерти Берке, сообщает Махмуд б. Вали, ханом стал Менгу-Тимур-хан и занялся делами правления. Во всем следуя Бату, Менгу-Тимур-хан стал распределять уделы; в частности, «он вручил область (мамлакат) Ак-Орда Бахадур-хану, сыну Шибана, вилайеты Кафа и Крым вверил Узан-Тимуру, сыну Тукай-Тимур-хана, а сам отправился покорять страну Булгар. Та кампания длилась два года» [Махмуд б. Вали, т.6, ч.3, л.108аб]. В другом месте «Бахр ал-асрар» об Ак-Орде сообщается следующее. Шибан-хан, сын Джучи-хана, сына Чингиз-хана, в семилетнем походе при завоевании стран руссов, черкесов и булгар проявил старание и получил от брата Бату-хана в качестве вознаграждения четыре омака (племени): кошчи (кушчи?), найман, буйрак, карлук. «Когда скончался Шибан-хан, вместо отца

за дело управления элем и улусом взялся Бахадур-хан. Повелев собраться родственникам, племенам и четырем кочинам, он избрал для зимовки и летовки Ак-Орду, которая также известна как Йуз-Орда, считал своим обязательным и непререкаемым долгом подчинение и повиновение потомкам Тукай-Тимур-хача, которые были известны под именем «Хан оглы» (бук. «ханский сын»), и в течение всей жизни не убирал нсгу из того круга повиновения» [Махмуд б. Вали, т.6,ч.3,л.123б; т.6,ч.4, л.8а]. Небезынтересно отметить, что в рукописи Джурабека, фотокопией которой мы пользовались, весь текст после слов «известна как Йуз-Орда» зачеркнут (переписчиком?, владельцем?).

Самым ранним по времени написания источником, где встречается термин Ак-Орда, является, по-видимому, «Хосрау и Ширин» Кутба. Это поэтическое произведение было завершено автором в пределах Золотой Орды в промежутке 1340-1342 гг., посвящено и преподнесено им Тыныбеку, сыну золотоордынского хана Узбека (1312-1342 гг.). Во вводных главах «Хосрау и Ширин» о Тыныбеке говорится в следующих выражениях:

Улус эль ерклиги султаны ханы.
Ханымыз Тыныбек шах-и жуан бахт
Ким ош андын кууанур тадж у тахт

То есть:

Он полновластен, султан и хан эля-улуса.
Наш хан Тыныбек — подающий большие надежды шах,
Он тот, кем корона и трон радуются

В последующих бейтах поэт обращается к Аллаху, чтобы он дал Тыныбеку счастье и чтобы людям не был послан другой хан. Затем называется жена Тыныбека, в связи с именем которой и упоминается термин Ак-Орда. Вот эти строки:

Джамила Хан Мелек ол бахт орки
Ак Орда давлати ол тахт корки

То есть:

Красавица Хан-Мелек — источник того счастья,
Ак-Орда — ее царство, она — украшение трона

Из содержания приведенных бейтов ясно, что речь идет здесь о том периоде истории Улуса Джучи, когда царевич Тыныбек сделался ханом. Он правил короткое время менее одного года. Вот известия мусульманских авторов XIV в. о Тыныбеке и его обстоятельствах. Тыныбек — старший сын Узбек-хана от царицы Тайтоглы, говорится в источнике. Он «наружностью был одним из красивейших созданий Аллаха. Отец назначил его преемником царства и он пользовался у него влиянием и почетом. Но Аллах не захотел этого. По смерти отца своего, он правил короткое время, но потом был убит за постыдные дела, которые с ним приключились, и воцарился брат его Джанибек, который был лучше и превосходнее его». Так пишет Ибн Баттута, который во время своего посещения лагеря Узбек-хана в 1332 г. видел обоих братьев и даже останавливался в ставке упомянутого Джанибека [Тизенгаузен, т.1, с.296]. Приведем теперь сообщение ал-Ахари, автора «Тарих-и Шайх-Увайс». «В 743 г.х./ (= 6.VI.1342 — 25.V.1343) Узбек-хан умер. Преемником его сделался Динибек, у которого было два брата: Джанибек и Хызрбек. Джанибек начал восстание против своего брата Динибек, между ними произошло сражение, в котором Динибек был разбит и взят в плен. Джанибек казнил его и сел на отцовский престол, он погубил также и Хызрбека и завладел престолом царским в 743 г.» [Тизенгаузен, т.2, с.101]. В некоторых источниках в качестве даты смерти Узбек-хана указывается месяц шаввал 742 года хиджры /23 марта — 20 апреля 1342 г. и сообщается, что Тыныбек был убит эмирами двора по наущению своей матери. Однако эти обстоятельства не столь уж существенны для нашей темы.

В некоторых источниках вопрос о Кок-Орде и Ак-Орде излагается по-другому. В первую очередь к ним относится «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» Муин ад-Дина Натанзи. Это персидское сочинение по всеобщей истории, написанное в Ширазе в 1413-14 г., дошло до нас в двух редакциях с посвящением в одной сыну Омар-Шейха Искандару, в другой — Шахруху. Источники «Мунтахаб ат-таварих» нам неизвестны. На основании большого количества тюркских и монгольских слов, содержащихся в тексте, было высказано предположение, что источники его были написаны на тюркском языке. Между тем, по мнению издателя сочинения Муин ад-Дина Натанзи Ж. Обена, автор «Мунтахаб ат-таварих» при изложении бо-

лее поздних сообщений пользовался не книгами, а черпал свои сведения из рассказов могольских эмиров, состоявших на службе при дворе Омар-Шейха и его сына Искандара. Интересный и ценный своими сведениями по истории восточной части Улуса Джучи «Мунтахаб ат-таварих», впрочем, не всегда точен в хронологии и содержит ряд противоречивых сообщений. В числе последних находятся известия Натанзи о времени и обстоятельствах образования Ак-Орды и Кок-Орды.

Автор «Мунтахаб ат-таварих» называет царевичей левого крыла, т.е. потомков Орда-Эджена и четырех его братьев, султанами Ак-Орды, а потомков царевичей правого крыла, Шибанидов — султанами Кок-Орды и образование этих двух орд относит ко времени правления хана Токтая (1290-1312 гг.) и Ногая (убит в 1300 г.). После смерти Ногая, пишет он, Улус Джучи разделился на две части. «Одна часть, именуя себя Арм-Кан [так в тексте, но следует читать «онгкар», т.е. «правая рука, правое крыло армии» — Т.С.] и Кок-Орда, утвердила за собой страну Урус, Черкес, Ас, Мхши, Булар, Маджар, Авкек, Башгырд, Либкай, Хаджи-Тархан и Ак-Сарай, а другая — область Дженда, Барченда, Сыгнака и величала себя Сол-Кол и Ак-Орда» [Натанзи, изд., с.68-69]. В другом месте он пишет, что после смерти Ногая «Улус Джучи разделился на две части. Те, которые относятся к левому крылу, то есть пределы Улуг-Тага, Сегиз-Ягача и Каратала до пределов Тулеса, окрестностей Дженда и Барченда, утвердились за потомками Ногая, и они стали называться султанами Ак-Орды; правое же крыло, к которому относится Ибир-Сибир, Рус, Либка, Укек, Маджар, Булгар, Башгырд и Сарай-Берке, назначили потомкам Токтая и их назвали султанами Кок-Орды» [Натанзи, изд., с.81-82]. После этого в «Мунтахаб ат-таварих» следуют рассказы о «ветви султанов Кок-Орды» и о «ветви султанов Ак-Орды».

Известия об Ак-Орде, Кок-Орде и правителях этих двух орд содержатся также в сочинениях таких авторов, как ал-Гаффари, ал-Лари, Хайдар Рази, ал-Хаки, Мунаджжим-баши и др. Эти известия требуют тщательного сопоставительно-историкоэтнографического анализа. Здесь только отметим, что рассказы названных авторов во многом сходны с рассказами Муин ад-Дина Натанзи или даже дословно повторяют их.

Подведем итоги.

Кок-Орда: а) термин Кок-Орда в качестве официального названия применялся еще при жизни Джучи

(ум. в 1227 г.) для обозначения его ставки (тахтгах), располагавшейся в верховьях Иртыша, около озера Ала-Куль; б) позже термин Кок-Орда прилагался к потомкам Орда-Эджена, сына Джучи, и их владениям, которые простирались от верховьев Иртыша дальше на запад к Или и Сыр-Дарье; в) *Джучидов Кок-Орды* называли «царевичами левого крыла».

Ак-Орда: а) словосочетание Ак-Орда впервые упоминается при описании событий 1266-67 г., но употребляется оно в таком контексте, который предполагает существование этого термина до начала правления золотоордынского хана Менгу-Тимура, то есть до 1266 гг.; б) термин Ак-Орда прилагался к области, составлявшей основную часть владений потомков Шибана, сына Джучи, которые географически располагались между личным доменом первых ханов Золотой Орды в бассейне Нижней Волги и владениями Орда-Эджена. Последние первоначально находились на самом востоке Улуса Джучи; в) *войско царевичей Ак-Орды входило в состав правого крыла армии Джучидов.*

Термины Кок-Орда и Ак-Орда во второй половине XIV в. уступили место композиту Улус-и Узбек (Узбекский улус), а затем и вовсе перестали бытовать на территории Улуса Джучи.

Рассказ автора «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» («Аноним Искандера») Муин ад-Дина Натанзи о времени и обстоятельствах образования Ак-Орды и Кок-Орды «совершенно не соответствует действительности и показывает, как неверно представляли себе уже в XV в. в Персии (где писал аноним) историю потомков Джучи» [Бартольд, т.V, с.139].

4. Восточный Дешт-и Кипчак в XIV — начале XV вв.

Правитель Кок-Орды Орда-Эджен вместе с братьями — Бату, Шибан, Тангут, Тукай-Тимур — принимал участие в походе монгольского войска на запад в 1236-1242 гг. В 1245 г. он в качестве представителя ставки Улуса Джучи — вместе с Шибаном, Берке, Беркечаром, Тангутом и Тукай-Тимуром — участвовал в работе всемонгольского курултая, на котором Гуюк был возведен на ханский престол в Каракоруме,

в Монголии. Дата смерти Орда-Эджена в известных нам нарративных источниках не приводится. В 1246 г. Орда еще был жив; но уже в 1251 г. улусом правил его четвертый сын Кункиран. Преемником Кункирана был Куинджи (Кониичи), сын Сартактая, сына Орды. Его имя впервые упоминается при описании событий 1280 г. По Рашид ад-Дину и анониму XV в., Куинджи правил долгое время. Он был весьма тучен и дороден; ни одна лошадь не могла под ним бежать, и он вынужденно передвигался на повозке. Смерть нашла его случайно; однажды жир у него пошел горлом, и его не стало; вместо Куинджи утвердился его старший сын с поэтическим именем Баян.

Границы между уделами Джучидов были определены только в самых общих чертах; в каждый данный исторический период, в зависимости от политической ситуации, они то сужались, то, наоборот, расширялись. Уже во второй половине XIII в. местопребывание преемников Орда-Эджена зафиксировано в пределах Дженда и Узгенда на Средней Сыр-Дарье, куда переместился политический центр улуса. Город Сыгнак (в низовьях Сыр-Дарьи) стал резиденцией потомков Орда-Эджена и местом их захоронения. Судя по рассказу Натанзи и Махмуда б. Вали, в XIV в. в состав владений потомков Орды входили, кроме Сыгнака, города Сарайчук, Сауран, Дженд, Баркенд, Отрар, где султаны этой династии Чингизидов возводили постройки и «благотворительные учреждения». Владения Шибанидов, напротив, расширялись в восточном направлении и уже в XIV в. охватывали районы Среднего Прииртышья. Так, по сведениям автора «Бахр ал-асрар», Джучид Булад (так), сын Тимур-Кутлука, из потомков Абай-хана сына Уз-Тимура, сделавшись ханом в Сарасе около 810/1407 г., распространил свою власть и на Ак-Орду. Он вознамерился наказать кыргызские племена, которые совершали набеги на пограничные районы Ак-Орды и отправился с войском в ту сторону. Потомки Орда-Эджена присоединились в этом походе к хану. Однако Шибаниды (Шибаниан) по той причине, что во время военных действий в годы правления Тимура (1370-1405) кыргызы предоставили им на своей территории убежище, отказались принять участие в этой карательной акции золотоордынского хана. Булад вторгся на земли кыргызов и нанес им поражение. Поручив охрану Прииртышья эмирам племени бахрин (так, а не байрин), Булад-хан вернулся в свою ставку.

Правители Кок-Орды фактически были независимыми и не ездили на курултай к золотоордынским ханам, хотя номинально признавали себя их подданными. «С самого начала не бывало случая, — пишет Рашид ад-Дин, — чтобы кто-либо из рода Орды, занимавший его место, поехал к ханам рода Бату, так как они отдалены друг от друга, а также являются независимыми государями своего улуса. Но у них было такое обыкновение, чтобы своим государем и правителем считать того, кто является заместителем Бату, и имена их они пишут вверху своих ярлыков» [Рашид ад-Дин, т.2, с.66].

В XIV в. потомки Орда-Эджена свели к минимуму формальный вассалитет от потомков Бату и стали чеканить монеты от своего имени, и первым из султанов левого крыла, провозгласивший свою независимость от ханов Золотой Орды, был Мубарак-Ходжа, позволивший себе чеканку монеты в 728/1327-28 гг., 729/1328-29 гг. в Сыгнаке с титулом: «Султан правосудный Мубарак Хо [джа] да продлит Бог царство его».

Чеканка монеты, являвшейся в мусульманском Востоке прерогативой суверенного правителя, не могла не встретить протеста со стороны хана Золотой Орды, считавшегося главой всего Улуса Джучи. Стремление золотоордынского хана Узбека (1312-1342) вернуть потомков Орда-Эджена к прежней вассальной зависимости и желание последних к политической самостоятельности вызвали смуту (булгак), которая, по словам Муин ад-Дина Натанзи, «до сих пор известна в Дешт-и Кипчаке». В этой борьбе Мубарак-Ходжа потерпел поражение, бежал и несколько лет» бездомно скитался в краях и странах кыргызов и Алтая, пока не погиб там».

В Золотой Орде после хана Джанибека (1342-1357) начинается полоса смут и дворцовых переворотов; в 60-е годы в столице государства Сарае сменялось до четырех ханов в год. В этой борьбе за верховную власть в золотоордынском государстве самое активное участие приняли султаны левого крыла, и, начиная с Хызр-хана, на сарайский престол один за другим восходят потомки Орда-Эджена, постепенно захватывая Сарай на все больший и больший срок. В ходе этих политических неурядиц на территории некогда единой державы начал образовываться ряд независимых владений, во главе которых стояли правители, властвовавшие одновременно с ханом, сидевшим в Сарае.

От Золотой Орды отделились и султаны Восточного Дешт-и Кипчака. Сепаратистское движение, начатое Муба-

рак-Ходжой, и крайнее ослабление центральной власти в середине XIV в. превратили ранее формально зависимые владения Орда-Эджена при правлении Урус-хана в самостоятельные. Поскольку родословный список предков казахских ханов обеих ветвей непосредственно связан с именем Урус-хана, остановимся на его деятельности несколько подробнее.

«Он был родом из Хорезма, — пишет арабский автор ал-Калкашанди, — может быть, Мухаммад имя его, а Урус прозвище его»; в письме секретаря египетского султана от 776/1374-75 гг. он назван Мухаммадом. Ираноязычные и тюркоязычные авторы называют его «Урус-хан узбеки», или просто Урус-хан. Слово *урус* — это фонетический вариант этнонима *русский*. Такая форма легко объяснима. Тюркским языкам чуждо инициальное *р*-, и слово *русский* приобрело огласовку и форму *урус*, *орус*, *орыс*; в источниках встречаются также формы *арус*, *арс* [алиф с маддой — Т.С.]; последняя произносилась, видимо как *арыс*. Тот факт, что основателя династии казахских ханов звали Урус не должен ни удивлять нас, ни наводить на «глубокие» мысли. Имя или прозвание Урус было довольно широко распространено, по крайней мере, с XII в., среди тюркских беков и Чингизидов. Согласно толкованию исследователей наших дней, именем Урус обычно нарекали «светловолосого ребенка».

Данные источников о родословной Урус-хана крайне противоречивы. Некоторые источники называют его потомком Орда-Эджена, сына Джучи, а некоторые источники — потомком Тукай-Тимура, другого сына Джучи. В любом случае он был из потомков «царевичей левого крыла» Улуса Джучи. По словам Муин ад-Дина Натанзи, Урус-хан был «очень сильный и могущественный» правитель и отличался сварливым, но решительным и твердым характером. Он по примеру своего деда Эрзена, построившего «большую часть медресе, ханаке, мечетей и прочих благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Саурани, Дженде и Барченде», воздвигал постройки в своей столице, городе Сыгнаке [Натанзи, рук., л.239-240; изд., с.88,92; Хафиз-и Аbru, л.432б]. По Махмуду б. Вали, другим политическим центром государства Урус-хана был город Сарайчук, в низовьях реки Урала.

В известных справочниках С. Лэн-Пуля и К.Э. Босворта «Мусульманские династии» говорится, что Урус-хан правил с 1361 по 1375 гг.; как полагает А.Ю. Якубовский, Урус-хан «правил с 763 по 782 г.х., т.е. с 1361 по 1380 гг.».

Однако эти высказывания, не подтвержденные никаким фактом, выглядят абсолютно невероятными. Обратимся к источникам. Исторические хроники XIV-XV вв. не сохранили конкретных сведений об обстоятельствах и времени вступления Урус-хана на престол, однако достоверно известно, что он умер весной 778/весна 1377 г., пробыв у власти девять лет. Следовательно, вступление Урус-хана на сыгнакский престол следует отнести к 769/1368 г. Небезынтересно отметить, что именно эти даты указывает и османский историк XVII в. Мунаджжид-баша: Урус-хан, пишет он, воцарился в 769 г.х. и умер в 778 г.х. Указанная дата вступления Урус-хана на сыгнакский престол подтверждается также и данными нумизматики. Мы имеем монеты с именем Урус-хана, чеканенные в Сыгнаке в 770/1368-69 гг.

Сделавшись главой султанов левого крыла, Урус-хан, прежде неоднократно побуждавший своего отца на захват золотоордынского престола, ставит задачу объединить обе части Улуса Джучи в единую державу. На курултае знати он объявил «столпам державы и вельможам двора» о своих намерениях и, получив их одобрение, выступил в поход. Дата похода у Натанзи не приводится. Согласно автору «Бахр ал-асрар», Урус-хан отправился в поход через 4 года после своего воцарения. По сообщению арабских авторов (ал-Мухибби, Ибн Халдун, ал-Калкашанди), Урус-хан овладел Сараем в 776/1374-75 гг. и пребывание его в столице Золотой Орды было непродолжительным.

В источниках не сообщается, почему Урус-хан оставил золотоордынское Поволжье. По всей вероятности, он оказался не в силах устранить временщика Мамая и его ставленников. Так или иначе, в 777/1375-76 гг. Урус-хан возвратился на берега Сыр-Дарьи и до своей кончины не покидал территорию Восточного Дешт-и Кипчака, о чем свидетельствуют историографы Тимура и Тимуридов. Вот хроника событий тех лет.

По словам Шараф ад-Дина Али Йазди, весной 1376 г. эмиры Сары-Бука и Адилшах Бахрам из племени джалаир, восставшие против Тимура, но не сумевшие противостоять ему, бежали в Дешт-и Кипчак, «укрылись у Урус-хана и стали мулазимами того двора». Но спустя несколько месяцев, когда Урус-хан находился на летовье, они предательски убили уполномоченного хана, Уджибия, бежали в Моголистан, к Камар ад-Дину и стали подстрекать его к смуте против Тимура. Тимур, разгне-

ванный постоянной непокорностью эмиров племени джалаир, применил к ним меру, соответствующую нашему понятию о расформировании воинской части: улус джалаиров перестал существовать, и его остатки были распределены по отрядам других эмиров.

В конце 777/март-апрель 1376 г. при дворе Тимура впервые появился Токтамыш-оглан. Бегство Токтамыша к правителю Мавераннахра, воинская слава которого начала распространяться, было связано, как показывают события, с походом Урус-хана на Сарай и его возвращением на берега Сыр-Дарьи. Дело в том, что когда Урус-хан, приведя дела правления в порядок, собрался выступить в поход на Хаджи-Тархан (Астрахань) и Сарай, то правитель Мангышлака Туй-Ходжа-оглан, отец Токтамыша, оказал неповиновение и не явился в поход, за что был казнен ханом. Молодой Токтамыш, имея все основания бояться за свою жизнь, несколько раз убегал из орды и снова возвращался туда. Так как он еще не достиг совершеннолетия, то ему прощали. После того как Урус-хан завоевал трон Узбека и овладел всем тем государством, пишет Натанзи, Токтамыш бежал и укрылся у Тимура. Вместе с Токтамышем бежал и некий Урук-Тимур; тем временем Урус-хан отдал его эль и область в сургал Тайге.

Тимур вручил Токтамыш-оглану богатые дары, в знак крайнего своего уважения и расположения назвал его сыном, дал ему много золота и драгоценных украшений, барабанов и знамен, дружины и войска для захвата владений Урус-хана. Юный Токтамыш, получив желаемое, спешно выступил из Самарканда в сторону Туркестана. Урус-хан, узнав о прибытии Токтамыша в Сауран, послал против него своего сына Кутлук-Бука-оглана. «Сын падишаха Урус-хана узбекского (узбеки), повел войско и много сражался с Токтамыш-огланом». В одной из стычек Кутлук-Бука был убит, но Токтамыш-оглан потерпел поражение и бежал к Тимуру. Тимур снова оказал ему помощь: дал ему новое войско и послал обратно в Сауран. Токтамыша, однако, теперь разбил другой сын Урус-хана, Токтакия. Во время преследования Токтамыш был ранен стрелой Каранчи-бахадур и с трудом спасся благодаря помощи Идигу-барласа, одного из сподвижников Тимура.

Вскоре после того, как Идигу-барлас доставил раненного Токтамыша к Тимуру прибыли послы Урус-хана во главе с Кепек мангытом и Тулуджаном, со 100 всадниками, и

предъявили послание следующего содержания: «Токтамыш убил моего сына и, убежав, пришёл в ваши владения; выдайте мне моего врага, если же нет, то, назначив место битвы, тотчас явитесь в бой». Тимур не только не выдал своего подзащитного, но и отвечал, что сам пойдёт на Урус-хана войной. Войско его действительно выступило в поход и расположилось у Отрара. Войско Урус-хана разместилось у Сыгнака (по Натанзи, у Саурана). Наступал сезон зимы. Вскоре пошел дождь, затем обильный снегопад, за которыми последовали жестокие морозы, отсрочившие основные военные действия противников на три месяца. После нескольких мелких стычек Тимур возвратился в Кеш. Весной 1377 г., когда он вновь выступил в поход, «сделав Токтамыш-оглана проводником», было получено известие о том, что Урус-хан умер.

Об обстоятельствах смерти хана ничего не сообщается. Согласно Муин ад-Дину Натанзи, он умер естественной смертью. По данным более позднего автора, Мухаммада Букая, смерть Урус-хана наступила в результате болезни. Турецкий историк Мустафа Кафалы, ссылаясь на сочинение XVI в., рассказывает так об обстоятельствах смерти хана. Когда Тимур выступил против Урус-хана, последний, не приняв боя, отступил. Затем, воспользовавшись возвращением Тимура в свою резиденцию, Урус-хан выступил в поход. В разыгравшемся между противниками в районе Устюрта сражении Урус-хан потерпел поражение и вскоре умер от полученной раны. По словам автора «Умдат ат-таварих», ближайшее окружение Урус-хана намеренно скрыло весть о его смерти в течение какого-то времени.

Согласно генеалогии Джучидов, которую приводит автор «Нусрат-наме», у Урус-хана было семь сыновей и пять дочерей. Имена его сыновей — Токтакия, Кутлук-Бука, Туглук-Булад, Куйручук, Токта-Булад, Сайид-Ахмад, Сайид-Али. Имена его дочерей — Менгли-бек, Шакар-бек, Суди-бек, Иран-бек, Менгли-Туркан.

Урус-хану наследовал его старший сын Токтакия, правивший только три месяца. По характеристике автора «Шаджарат ат-атрак», он был «царевичем мягким и справедливым». После его смерти ханом стал Тимур-Малик-оглан, который по одним источникам был сыном Урус-хана, по другим — Мухаммад-хана. Согласно Низам ад-Дину Шами, Тимур-Малик-оглан принимал участие в боевых действиях Урус-хана против Тимура в 778/1376-77 гг. и в одной из стычек был ранен в ногу стрелой. По

характеристике Муин ад-Дина Натанзи, «он был большим любителем наслаждений и в постоянном пьянстве проявлял такое старание, что большую часть времени был пьяным в бессознательном состоянии. Вследствие этого общие дела царства оставались в пренебрежении и без присмотра». Тимур не отказался от мысли посадить на сыгнакский престол Токтамыш-оглана, поэтому, оказав ему поддержку и содействие, вновь послал юного царевича на берега Сыр-Дарьи. На этот раз Тимур подарил ему коня по имени Хынк-оглан, сказав при этом: «На этом коне в случае удачи догонишь врага, а в случае бегства никто тебя не догонит». Случилось так, что Тимур-Малик с большим войском выступил против Токтамыша и разбил его; мангышлакский царевич ударился в бегство и верхом на той лошади, которую подарил ему Тимур, один прибыл к своему царственному покровителю; так эта славная лошадь по имени Хынк-оглан «сделалась причиною спасения» Токтамыш-оглана. Терпение и на этот раз не покинуло Тимура, и он (уже в который раз) дал Токтамышу войско и отправил его добывать сыгнакский престол. На этот раз судьба благоприятствовала царевичу. Тимур-Малик по-прежнему предавался пьянству и разгулу, «спал до полудня», что укрепило расположение людей к его сопернику, и «большая часть улуса, отряд за отрядом, перешла к Токтамышу». Когда Тимур-Малик проводил зиму на Каратале, на него напал Токтамыш и нанес ему решающее поражение. Эмиры Тимура, сопровождавшие Токтамыша, возвели его на ханский престол в Сыгнаке и, соблюдая обычай, «устроили в честь него нисар». Но энергичная натура молодого Токтамыша недолго удовлетворялась сыгнакским престолом. Собрав многочисленное войско, он вскоре вновь стал на путь завоеваний и при поддержке Тимура завладел столицей Золотой Орды — городом Сараем.

Дальнейшее возвышение мангышлакского царевича и его взаимоотношения с грозным среднеазиатским эмиром, закончившееся в 1395 г. полным поражением и низвержением Токтамыша с золотоордынского престола, — все эти события неоднократно освещались в исторической литературе (Г. Ховорс, Б. Спулер, М.Г. Сафаргалиев, Ю.А. Якубовский, Г.А. Федоров-Давыдов). Токтамыш больше никогда уже не возвращался на престол всего Улуса Джучи и, по словам Муин ад-Дина Натанзи, «был убит рукою Едигея в 807 г. (1404-05 гг.)». По русским источникам, он был убит в 1406 г. около Тюме-

ни, в Западной Сибири, во время сражения с войсками хана Шадибека.

На место Токтамышша Тимур посадил в 1395 г. Куйручук-оглана, сына Урус-хана. Шараф ад-Дин али Йазди, автор официальной истории Тимура в окончательной редакции, рассказывает так об этом эпизоде. В апреле 1395 г. на Тереке произошло решающее сражение между Тимуром и Токтамышем. Токтамыш потерпел поражение и бежал. Тимур двинулся в погоню за своим противником и «чрезвычайно быстро днем и ночью шел по следам его. Прибыв к месту переправы через Итиль (Волгу), называемому Туратурской переправой, он дал находившемуся при нем сыну Урус-хана, Койричак-оглану, отряд узбекских храбрецов, находившихся в числе слуг высочайшего двора, приготовил принадлежности падишахского достоинства, удостоил его шитого золотом халата и золотого пояса, велел ему переправиться через Итиль и передал ему ханство над Улусом Джучи. Царевич Джучиева рода, согласно приказанию, перешел на ту сторону реки и занялся собиранием рассеянной армии и устройством улуса, а войска подобные судьбе, поспешив по пятам неприятелей, дошли до Укека и многих из них убили».

О том, когда и как Куйручук-оглан оказался в орде Тимура и об обстоятельствах его правления Улусом Джучи, в тимуридских источниках известий нет. По Махмуду б. Вали, царствование Куйручук-оглана было непродолжительным: вскоре после ухода Тимура с территории золотоордынского Поволжья его ставленник был умерщвлен. Это отчасти объясняется, видимо, ненавистью, которую вызвало опустошение Улуса Джучи, произведенное Тимуром. Как известно, Тимур разрушил и сжег большинство городов завоеванной им страны. Здесь кстати отметить, что в огне пожара сгорело, видимо, и немало ценных и редких рукописей. На это указывает сообщение Шамс ад-Дина Ахмада Афлаки (ум. в 1360 г.) . Отец его каким-то образом попал в Золотую Орду и пользовался большим весом во дворце; в Сарае он и умер, оставив после себя целую библиотеку. А до историка Джузджани, находившегося в далекой Индии, доходили рассказы о том, что у Берке (1256-1266) была богатая библиотека. То, что осталось после грабежа и пожара, было надолго погребено под развалинами и обнаружено при археологических раскопках спустя много столетий.

Разрушение основных производительных сил, огромные людские потери и всеобщее ограбление страны потрясли

могущество Золотой Орды, низведя ее на положение второстепенного государства. Вместе с этим вновь началась борьба за верховную власть, большую роль в которой играл эмир Едигей, являвшийся фактическим правителем Золотой Орды. Полновластно распоряжаясь престолом, он в то же время не лишал своих избранников на царский престол ханских почестей и чеканил монеты не от своего имени, но от имени своих ставленников. Мы имеем монеты многих золотоордынских ханов того периода, из числа которых наиболее характерны чеканы с именами Тимур-Кутлука, Шадибека и Пулад (Булад)-хана, чеканенные на территории большей части Золотой Орды и позволяющие говорить о распространении власти этих ханов, следовательно и Едигея, на довольно обширную территорию.

Однако начавшиеся вскоре смуты, междоусобицы и трения между мангытским эмиром и его новыми ханами привели к гибели в 1419 г. хана Кадурберди и самого Едигея. После их смерти в пределах Золотой Орды одновременно появилось несколько самостоятельных владений, правители которых упорно боролись друг с другом за верховную власть. В числе претендентов на золотоордынский престол в это время упоминается и имя внука Урус-хана, Барак-оглана — отца одного из основателей Казахского ханства.

В написании этого имени нет единой транскрипции. В.В. Бартольд писал «Бурак». В.Д. Смирнов, С.К. Ибрагимов, Б.А. Ахмедов, Д.Ю. Юсупова и другие авторы — «Борак». Между тем, как это теперь доказано, оба варианта представляют собой арабизированную форму тюркского имени Барак.

Барак был сыном Куйручук-оглана, четвертого сына Урус-хана; согласно генеалогии Джучидов, у него было две сестры — Рукийя-султан и Пайанда-султан. Впервые его имя в источниках упоминается под 1419 г. По словам Абд ар-Раззака Самарканди (ум. в 1482 г.), автора исторического сочинения под поэтическим названием «Восход двух счастливых звезд и слияние двух морей», в 1419 г. «Барак-оглан, бежавший из улуса Узбекского, пришел искать убежища при дворе мирзы Улугбек-гургана и, удостоившись чести целования руки, почтен был милостью и включен в число придворных царевичей» [Самарканди, л.213]. Улугбеку, фактическому правителю Мавераннахра, Среднеазиатского Междуречья, для безопасности северных границ своих владений было вы-

годно иметь во главе беспокойных соседей если не подчиненного, то хотя бы дружественно настроенного к нему хана, и поэтому внук Тимура «приказал снарядить Барака по-царски».

К сожалению, Абд ар-Раззак Самарканди не сообщает, в чем выразилась царская милость самаркандского правителя, как, впрочем, не указывает и на время, когда Барак-оглан «получил позволение уйти обратно». По данным А.Н. Курата, Бараку был передан Сыгнак и его окрестности. По-видимому, это было не первым посещением степным царевичем двора благожелательно расположенного к нему Улугбека. Сведения, содержащиеся в некоторых источниках, дают основания полагать, что Барак-оглан в своей борьбе за трон и до этого пользовался покровительством Улугбека.

После возвращения в родные степи Барак-оглан повел более энергичную борьбу за захват верховной власти и, как показывают дальнейшие события, добился значительных успехов. Вероятно, с успехами Барак-оглана в Узбекском улусе была связана отмена задуманного Улугбеком большого военного похода в Дешт-и Кипчак, в «Токмак», по выражению источников.

В конце августа 1419 г. Улугбек выступил из Самарканда и, переправившись через Сыр-Дарью, подошел к окрестностям Ташкента и остановился близ местности Бурлак. В это время некий перебежчик из Узбекского улуса, по имени Балху, доложил, что узбекское войско рассеялось. После того как сообщение перебежчика было подтверждено словами возвратившихся из Дешта купцов, Улугбек отменил поход и вернулся в свою столицу, вероятно, полагая, что после отступления врагов Барак достигнет своей цели без участия военных сил Мавераннахра.

Одержав победу над своими противниками в Восточном Дешт-и Кипчаке и закрепив за собой эту территорию, Барак-оглан двинулся в сторону Волги, ближе к столице Золотой Орды Сараю. В начале сентября 1422 г. мы видим его на территории золотоордынского Поволжья, где он, по данным русских летописей, нанес решительное поражение хану Худайдаду.

Перед Барак-огланом теперь встала, казалось бы, самая трудная задача на пути к желанному престолу — устранить Улуг-Мухаммада, который, как это видно из дипломатической переписки и обмена письмами, признавался иностранными государями официальным правителем Золо-

той Орды. Однако он довольно быстро разгромил войско Улуг-Мухаммада и, захватив его орду, объявил себя ханом. Хафиз-и Абру относительно его победы над ханом пишет, что весной 1423 г. из Хорезма прибыл нукер эмира Шахмалика и доложил следующее: «Барак-оглан захватил орду Мухаммад-хана и утвердил в тех краях свою власть; большая часть улуса Узбекского подчинилась и покорилась ему». Пребывание Барак-оглана в тех краях и его набег на Одоев зафиксированы и русскими летописцами под 6931/1423 г.: «Того же лета царь Барак приходил ко Одоеву ратью и много зла учинил, а града не взял, и со многими полоном поиде в поле; и князь Юрьи Романович Одоевский да Григорей Протасиевич, воевода Мченский, постигоша его в поле и много полона отняша» [Воскресенская летопись, с.91-92; Патриаршая летопись с.238]. По известию Софийской первой летописи [с.262], это событие произошло в 6930/1422 г. Однако расхождение в датах, возможно, объясняется неодинаковостью летосчисления, которого придерживались древние летописцы (год мартовский и год сентябрьский).

Окончательная победа Барак-оглана над Улуг-Мухаммадом относится, по-видимому, к 1424 г., что явствует из сообщения, содержащегося в «Раузат ас-сафа». Мирхонд пишет, что зимой 828 г.х. (конец 1424 — начало 1425 гг.) к мирзе Улугбеку, находившемуся в то время на берегу Сыр-Дарьи около Шахрухии, от Барак-оглана, который незадолго перед этим воссел в Дешт-и Кипчаке на ханский трон, прибыл Ямавук. Он преподнес несколько кречетов, породистых скакунов и, выразив пожелания счастья, сообщил о восшествии Барак-хана на престол своих отцов и дедов. Это сообщение вызвало большую радость. Посол Барака пробыл при августейшем дворе несколько дней и попросил позволения вернуться. Его величество оказал ему большие почести, пожаловал почетную одежду, одарил его и разрешил удалиться. Вместе с ним Улугбек послал в Дешт-и Кипчак Турсун-оглана, который был одним из влиятельных огланов, и Тюрк-барласа, одного из высокопоставленных эмиров, с тем чтобы они поздравили Барак-хана с восшествием на престол. Он приказал также отправить вместе с посланниками расшитые золотом одежды, корону, пояс, колчаны, сабли с золотыми перевязями, коней, мулов, шатры, динары и дирхемы, литавры, знамя, домашнюю утварь и другие предметы, приличествующие званию падишаха и правителя, а также послал искусных ремеслен-

ников, виночерпиев, поваров и литавристов. Ямавук, Турсун-оглан и Тюрк-барлас согласно приказу отбыли в Дешт-и Кипчак.

Однако у власти Барак-хан удержался недолго; Улуг-Мухаммаду вскоре удалось собрать значительные силы и вновь завладеть Сараем.

Для понимания событий, связанных с борьбой за золотоордынский престол в те годы, большое значение имеет письмо Улуг-Мухаммада к турецкому султану Мураду II (1421-1451 гг.), датированное мартом 1428 г. Этот важный исторический документ, написанный на берегу Днепра и хранящийся в архиве музея Топканы в Стамбуле под № 10202, был опубликован турецким ученым Акдес Нимет Куратом. Полный русский перевод письма с примечаниями опубликован автором настоящих строк [Султанов, 1975, с.53-61].

В начале своего письма Улуг-Мухаммад говорит о хороших взаимоотношениях и обмене посланиями, которые существовали у их предков. «Затем, — сообщается далее в письме, — когда всевышний милостью своей вверил высокое место наших прежних братьев-ханов нам, между нами, торе, вспыхнула вражда, и в последнее время события развивались так, что престол достался Бараку. В позапрошлом году с божьей милостью войско двинулось в поход, и мы обратили в бегство Барака и Мансура. Трон и царство всевышний вручил нам, они же бежали прочь, собрав наемные свои отряды. Вот уже в течение одного-двух (последних) лет для зимовки мы прикочевываем к Озю».

Как видно из письма Улуг-Мухаммада, падение власти Барака в золотоордынском Поволжье произошло около 1426 г. Эта дата вполне совпадает с показаниями других источников. По словам ал-Айни, лицо, доставившее письмо от Давлат-Бердия к египетскому султану, сообщило, что в землях дештских царит большая неурядица, что три хана оспаривают друг у друга власть. «Один из них, по имени Давлатберди, овладел Крымом и прилегающим к нему краем; другой, Мухамед-хан, завладел Сараем и прилежащими к нему землями, а третий, по имени Борак, занял земли, граничащие с землями Тимурленка» [Тизенгаузен, т.1, с.534]. Известно, что посланник захватившего Крым Давлат-Бердия прибыл в Египет в марте 1427 г.; следовательно, естественно предположить, что рассказанные им события произошли в 1426 г. В то же время сообщение о прибытии Барак-хана к владениям,

граничащим с землями Тимуридов, находит свое подтверждение в известии, содержащемся в труде Хафиз-и Абру. По его данным, Барак-хан, покинув берега Волги в 829/1425-26 гг., пришел в область Сыгнакскую и к пределам владений мирзы Улугбска. По показаниям Шараф ад-Дина Али Йазди, в 831/1427-28 гг. в Золотой Орде правил Мухаммад-хан.

Потерпев поражение от Улуг-Мухаммада, Барак-хан, стремившийся, по-видимому, компенсировать потери на западе за счет завоеваний на востоке, вступил в войну со своим недавним союзником — Мансуром. Мангытский эмир не смог оказать ему сопротивление и, по словам Кадрали-бека, пал в борьбе с ним.

Упрочив таким образом свое положение на востоке, Барак-хан выступил с территориальными претензиями к Улугбеку, потребовав, чтобы тот вернул ему земли, принадлежавшие его предкам и завоеванные Тимуром. При этом автор источника вкладывает в уста внука Урус-хана такие слова: «Пастбище Сыгнака по закону и обычному праву принадлежит мне, так как дед мой Урус-хан проживал в Сыгнаке и воздвиг там постройку» [Хафиз-и Абру, л.432б; Самарканди, л.233б].

Не получив удовлетворительного ответа на свои требования, Барак-хан стал подвергать опустошению область Сыгнака и соседние с ним земли, причем хан и его нукеры «считали себя неограниченными правителями и нагло притязали на верховную власть» в тех краях. Обеспокоенный жалобами своего наместника эмира Арслан-Ходжа-тархана, Улугбек в феврале 1427 г. выступил в поход в сторону Сыгнака. Однако, несмотря на численный перевес в силах, Улугбек и его брат Мухаммад-Джуки потерпели жестокое поражение и поспешно отступили в Самарканд, позволив войскам противника свободно грабить страну. Опустошив часть Мавераннахра и Туркестана, Барак-хан вскоре вернулся в глубь степи.

Как показывают письменные источники, Барак-хан еще не раз пытался расширить свои владения за счет Тимуридов. Мы имеем сведения о нескольких походах Улугбека, направленных против Барак-хана, которые были, видимо, также неудачными. Возможно, этим объясняется то обстоятельство, что Шахрух сам вынужден был поспешить с главными силами на помощь Улугбеку, ожидавшему его прибытия под Ташкентом и не решавшемуся выступить против Барак-хана, который завоевал к тому времени Отрар и его окрестности. К сожалению,

микрофильм оксфордской рукописи «Зубдат ат-таварих», которым мы пользовались на этом обрываетеся. По мнению В.В. Бартольда, Барак-хан, «по-видимому», ограничился опустошением страны и не расширил своих владений за счет государства Тимуридов.

Погиб Барак-хан в одной из междоусобных войн. Это случилось, по всей вероятности, в 1428 г. Во всяком случае, до начала 1428 г. он был жив, иначе Улуг-Мухаммад непременно бы сообщил об этом в своем письме к Мураду II. Эту дату как будто подтверждают и сообщения других авторов. Так, по словам Самарканди, посланник Улугбека, прибывший в 1429 г. к Шахруху, находившемуся в то время в Западном Иране, доложил, что «между Султан Махмуд-огланом и Барак-огланом в Моголистане произошло большое сражение и что Султан Махмуд убил Барака». По словам И. Шильтбергера, современника Барак-хана, этот внук Урус-хана погиб в Дешт-и Кипчаке в борьбе с Улуг-Мухаммадом. «Чекре принужден был бежать в страну, называемую Дешт-и Кипчак, — пишет баварский оруженосец, описывая события 20-х годов XV в. в Золотой Орде, участником которых он был сам, — и Могаммед сел на престол. Низверженный Борраком, Могаммед, собравшись с силами, в свою очередь, его изгнал, но затем был изгнан Девлет-Бирдоку, который после трехдневного царствования, принужден был уступить престол Борраку, который затем погиб в борьбе с моим господином Могаммедом, снова овладевшим престолом» [Шильтбергер, с.37]. Дата смерти хана не приводится. По данным ал-Гаффари, Барак-хан был убит в 831/1427-28 гг. Ту же дату приводит автор XVII в. Хайдар Рази и добавляет, что Барак-хан был убит «руками врагов». По сведениям Тахир Мухаммада, Барак-хан был убит в результате заговора эмиров вскоре после возвращения в степь. В сочинении Кадырали-бека говорится, что мангытский бий «Кази Навруз сразился с Бараком, Барак-хан погиб в этом сражении». Это утверждение Кадырали-бека согласуется с рассказом автора «Умдат ат-таварих» ал-Хаджж Абд ал-Гаффара Кирими [с.84-90]. Ниже приводим краткое содержание этого, несомненно, легендарного, но любопытного во многих отношениях рассказа в нашем переводе.

На престол Саин-хана, на Идиль-реке воссел Гийас ад-Дин — сын Шадибека. Однако все дела ногой-татаров вязал и разрешал Мансур-мирза. Через два с половиной года Гийас ад-Дин умер. Мансур провозгласил ханом малолетнего сына Тимур-хана, Кучук-Мухаммада (так). Прошло

какое-то время. Мансур-мирза, не одобряя ханствование Кучук-Мухаммада, стал сближаться с Барак-огланом, который приходился ему дядей со стороны матери. Среди приближенных Мансура находился некий мудрый старец по имени Джан-Тимур. Мансур стал держать совет с ним, говоря, мол, у этого Мухаммада нет никаких достоинств, чтобы ханствовать; возведу-ка я на престол своего родича Барака. На что мудрый старец сказал: «Мухаммад-хан еще мал, ныне он даже не взберется самостоятельно на арбу; но так у тебя спокойная жизнь; Барак-оглан — могучий бура [4-летний племенной верблюд-самец — Т.С.], он утащит арбу прочь и при удобном случае скинет тебя и растопчет». Но Мансур не внял совету мудреца. Со всем своим народом он отправился к Барак-оглану и, провозгласив его ханом, поступил к нему на службу. В то время местопребыванием Барака являлась местность под названием «Казак йайлагы». Рассказывают, пишет Кирими, что Барак-оглан был мужем отчаянной смелости и весьма энергичным человеком. Все случилось так, как предсказал мудрый старец Джан-Тимур. Барак-хан задумал устранить Мансура и править страной самодержавно. Целых семь месяцев он притворно изъяснял дружбу, но в конце концов во время одной вечеринки убил Мансура. Братья Мансура — Гази-мирза, Навруз-мирза — и другие его родственники бежали к Кучук-Мухаммад-хану. Барак-хан решил подчинить своему влиянию весь народ, который привел с собой Мансур, и, желая знать, как лучше сделать это, стал держать совет с беком племени алчин Кудудом. Тот, по обыкновению, рассказал хану притчу, суть которой сводилась к следующему. Если желаешь, чтобы народ поклонился тебе, лиши его состояния и сделай нищим. Тогда Барак-хан, найдя какой-то незначительный предлог, среди зимы переселил весь народ, доставшийся ему от Мансура, с берегов «Хорезмийского озера» в сторону горы «Кыйан аркасы». У тех племен пал весь скот и их постиг страшный голод, так что и теперь, если случается сильный голод, говорят: «Кыйан хахты» («Голод Кыйана»).

Поскольку Барак-хан стал притеснять те племена, то они, группа за группой, тайно бежали к Мухаммад-хану, Гази-мирзе и Навруз-мирзе. Переправившись через Джайик-Су (р. Урал), они прикочевали и остановились на берегу реки «Кайнар-Саказы». Об этом стало известно Барак-хану. Он собрал большое войско и двинулся туда в поход. Младшего своего брата по имени Булек-Булад-султан он отрядил в разведку. И Мухаммад-хан отрядил авангард во

главе с Сайид-Алием из племени кытай. Айиас-бек кипчак, Магриб-бек курлаут, что были из людей Мансура, не смогли вовремя присоединиться к своим и вынуждены были оставаться в лагере Барак-хана. Беки заключили между собой уговор, что, когда обе рати сойдутся на поле битвы, они со своими людьми (числом около 30 человек) нападут на самого Барака и отомстят за кровь своего господина Мансур-бека. Однако Барак упредил их действия. Ополчения, оставшиеся от Мансура, он расформировал, а воинов распределил по отдельным отрядам, так что один не знал, где находится другой. Но когда передовые отряды противоборствующих сторон встретились лицом к лицу, Сайид-Али кытай, набросив на доспехи красную накидку, выступил из рядов и выкрикнул свой уран [боевой клич — Т.С.]. С противоположной стороны, в ответ на его призыв, тоже закричали и таким вот образом узнали кто из мансурова племени, где примерно находится. Обе рати сошлись, смешались и запылали огнем сражения. Те 30 человек из бывшего мансурова ополчения сумели все же собраться в группу и во исполнение уговора двинулись в сторону ставки Барака. Напали на хана; стрела, пущенная меткой рукой Магриб-бека из племени курлаут, поразила Барака; повернувшись обратно, но пути отхода преградил Булек-Булад-султан. Вновь рати сошлись, закружилась пыль и взвился прах; пал обессиленный аргамак Булад-султана, но приближенные султана не покинули его, и он продолжал хладнокровно сражаться в пешем строю. Но в конце концов Шайх Мухаммад-бек все же покончил с ним. Осмелев от успеха, они решили вновь атаковать хана. Раненный Барак бежал и, скрываясь от преследователей, взобрался на какую-то гору. Первым обнаружил Барака Айиас-бек; он прикончил хана и доставил его голову Кучук-Мухаммаду и Гази-беку. За это они пожаловали ему должность даруги города Сарайчук и благодетельствовали ежегодным денежным вознаграждением в размере 30 тысяч золотых. Помнят также и Магриб-бека из племени курлаут, ранившего в бою Барак-хана. Во время пирушек поют такую припевку:

Баракини атган бармагым,
Бал тилайдир тамагым.

То есть:

Вот пальцы мои, стрелявшие в Барака,
Горло мое жаждет медового винца.

Согласно генеалогии Джучидов, у Барак-оглана было три сына и одна дочь по имени Саадат-бек; имена сыновей — Мир Сайид, Мир-Касим, Абу (Бу)-Саид, «которого называют также и Джанибек». Судьбе было угодно, чтобы младший сын Барак-оглана по имени Абу-Саид и по прозвищу Джанибек стал одним из основателей собственно Казахского ханства. Но чтобы это событие случилось, надобно было сначала образоваться в Восточном Дешт-и Кипчаке государству «кочевых узбеков» во главе с Шибанидом Абу-л-Хайр-ханом, потом отколоться части племен под предводительством Джанибека и других султанов от основного населения ханства и, наконец, вести долгий и ожесточенный спор за верховенство в степи. Вопросы истории образования Казахского ханства и будут в центре следующей главы книги.

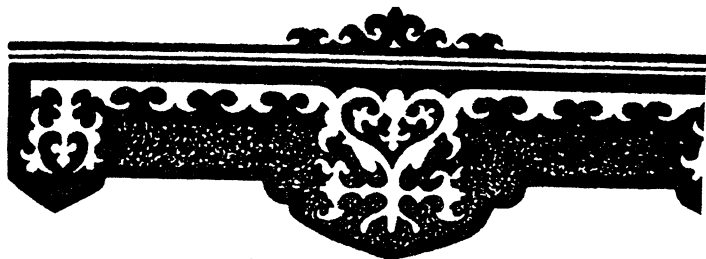

Начало
казахской
государственности

Тюркский воин.
С персидской средневековой миниатюры.

ГЛАВА 5

НАЧАЛО КАЗАХСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Наблюдательный читатель, наверное, обратил внимание на следующие обстоятельства: в тексте настоящей книги основатель династии казахских ханов, Урус-хан, называется «государем узбекским»; Тимур передает ханство над Улусом Джучи сыну Урус-хана, Куйручук-оглану, и дает ему отряд «узбекских храбрецов»; внук Урус-хана, Барак-оглан, борется за власть в «стране узбеков» (дийар-и узбек, вилайет-и узбек); эмиры Тимура из племени джалаир, убив уполномоченного Урус-хана, бегут в восточную часть Чагатайского улуса под названием Моголистан. Здесь нет ошибки; здесь все соответствует действительности, но той действительности, которая уже в прошлом. Дело в том, что одна часть территории современного Казахстана была известна тогда как Узбекский улус, а другая — как Моголистан. Термины узбек, Узбекский улус уже упоминались в настоящей работе, и мы еще не раз вернемся к ним. Что касается Моголистана, то появление на политической карте Казахстана этой политической структуры относится к середине XIV в. Вот краткое описание его обстоятельств.

Образование Моголистана связано с распадом Чагатайского государства (*Мулк-и Чагатай*, по выражению ираноязычных авторов XIV в.); так, по имени Чагатая, второго сына Чингиз-хана, называлось государство, образованное монголами в Средней Азии. Как самостоятельная политическая единица, независимая от великого хана, государство среднеазиатских Чингизидов получило свое оформление при правлении Хайду (ум. в 1301 г.). По словам Джамала Карши, лично знавшего хана, Хайду был ханом справедливым, щедрым, непорочным, мягкого нрава, понимающим

интересы страны, знающим, благосклонным к мусульманам, милосердным. После смерти Хайду первым лицом в государстве сделался даровитый и энергичный Тува (Дува), сын Чагатайда Барак-хана. Его, по словам В.В. Бартольда, следует рассматривать как подлинного основателя чагатайской державы.

Однако Чагатайское государство просуществовало относительно недолго. Падение авторитета ханской власти, ослабленной междоусобиями, привело к возвышению военно-кочевой знати, и в 40-50-х годах XIV в. страна распалась на полтора десятка владений. В те же годы Чагатайское государство распалось, кроме того, на две части — западную и восточную. В западных владениях — Мавераннахре — род Чагатая потерял свое господство, и фактическая власть находилась в руках тюрко-монгольских эмиров, среди которых выделился эмир Тимур (1370-1405) из отуреченного монгольского племени барлас. В восточной части возводились ханы из рода Чагатая, мнимые или действительные. Кочевники этой, восточной, части Чагатайского государства называли себя *моголами*, так, без буквы *н*, произносилось и писалось народное название монголов в Средней Азии. Тогда же от этого термина было образовано персидское географическое название *Моголистан*.

Границы Моголистана, согласно «Тарих-и Рашиди» Мирза Хайдара, были следующими: «... та территория, которая теперь называется Моголистаном, в ширину и длину составляет путь протяженностью в 7-8 месяцев. Восточная окраина Моголистана примыкает к землям калмаков и включает в себя Барс-Куль, Эмиль и Иртыш. На севере он граничит с Кокча-Тенгизом (оз. Балхаш), Бумом и Кара-Талом, на западе — с Туркестаном и Ташкентом, на юге — Ферганским вилайетом, Кашгаром, Аксу, Чалышем и Турфаном»; то есть вся территория современного Южного и Юго-Восточного Казахстана входила в состав тогдашнего Моголистана. Далее Мирза Хайдар продолжает: « В Моголистане имеется много крупных рек, по величине подобных Джейхуну (Аму-Дарье), среди них Или, Эмиль, Иртыш, Чуйлик и Нарын. Эти реки ничуть не меньше Сыр-Дарьи. Большая часть этих рек вливается в озеро Кокча-Тенгиз (Балхаш), которое расположено между Моголистаном и Узбекистаном и разделяет их» [МИКХ, с.219].

В XV в. границы Узбекского улуса (Узбекистана) с востока на запад простирались от Иртыша до Волги, захватывая на юго-западе правобережные степи среднего и ниж-

него течения Сыр-Дарьи. Юго-восточная линия границы проходила по Тарбагатаю и оз. Балхаш. Таким образом, Узбекский улус включал в свой состав большую часть современной территории Казахстана. Для обозначения кочевого населения Узбекского улуса как собирательное название употреблялось слово *узбек*, происхождение которого пока остается неизвестным. Некоторые исследователи считают слово *узбек* самоназванием; некоторые ученые связывают его с именем правителя Золотой Орды Узбек-хана (1312-1342); по мнению других, наоборот, — личное имя Узбек, которое встречается и для периода ранее XIV в., «образовано из этнонима».

1. Политическая обстановка в Узбекском улусе в 30-50-х годах XV в.

История собственно Казахского ханства начинается со второй половины XV в. История его образования связана с откочевкой между 1458 и 1462 гг. части населения Узбекского улуса во главе с непокорными султанами — потомками Урус-хана — в пределы Моголистана и распадом так называемого государства «кочевых узбеков» после смерти Абу-л-Хайр-хана в 1468 г. Обратимся к источникам и изложим, что было в Узбекском улусе (Восточном Дешт-и Кипчаке) до образования Казахского ханства и как сошлись в истории события и действующие лица той поры. «До» длилось долгих сорок лет — сакраментальное число. Вот несколько стрихов к портрету той эпохи.

В конце 20-х годов XV в. на территории Узбекского улуса существовало несколько независимых владений: к северу от Аральского моря, между реками Сары-Су и Эмба, находился улус Шибанида Джумадук-хана; западнее — Мангытский улус, которым тогда владел, уже упоминавшийся выше, Гази-бий; Шибанид Мустафа-хан правил на Атбасаре, Кепек-бий и Адаб-бек буркут — в области Туры; на Тоболе располагались владения Махмуд-Ходжа-хана. В такой политической обстановке выдвинулся юный Абул-л-Хайр-султан, фигура важная в истории Восточного Дешт-и Кипчака.

Историческое значение ханствования Абул-л-Хайра (1428-1468), по словам В.В. Бартольда, определяется тем, что он был «основателем могущества» кочевых узбеков

Дешт-и Кипчака и именно при его царствовании среди населения Узбекского улуса произошел тот раскол, в результате которого собственно обитатели степей, с тех пор названные казаками, отделились от остальной части народа.

Его родословная: Абу-л-Хайр — сын Давлат-Шайха, сына Ибрахима, сына Пулада, сына Минг-Тимура, сына Бадакула, сына Джучи-Бука, сына Банийал-Бахадура, сына Шибана, сына Джучи, сына Чингиз-хана. Здесь же отметим, что наиболее подробное освещение событий, происходивших в Узбекском улусе в 30-60-х годах XV в., мы находим у авторов XVI-XVII вв. — Масуда б. Усмана Кухистани, Мирзы Хайдара, Махмуда б. Вали, — тогда как мусульманские источники, написанные в близкое к этой эпохе время или при внуке Абу-л-Хайра Шейбани-хане (ум. в 1510 г.), не обнаруживают столь хорошего знакомства с рядом деталей из жизни народов, кочевавших на просторах нынешних казахских степей.

Согласно Кухистани, автору исторического сочинения под названием «История Абу-л-Хайр-хана», Абу-л-Хайр родился в год Дракона, 1412 г. (в качестве года хиджры приводится 816/1413-14 г.). Он рано осиротел; ему пришлось служить у другого потомка Шибана, Джумадук-хана, и участвовать в его борьбе за верховную власть в степи. Вот Джумадук повел войско против мангытских беков, но мангыты «разметали войско Джумадук-хана, а воинов его обратили в бегство и рассеяли. В этой битве и этом сражении по воле всемогущего господина Джумадук-хан погиб». Шестнадцатилетний Абу-л-Хайр-оглан был захвачен в плен, но по решению мангытских биев отпущен на свободу. После гибели Джумадука он довольно быстро сумел найти поддержку у господствующей верхушки многих племен Узбекского улуса. В 1428 г. (год Обезьяны; в качестве года хиджры приводится 833/1428-29 г.) в области Тура (Западная Сибирь) в возрасте 17 лет Абу-л-Хайр был провозглашен ханом. В числе участвовавших в избрании Абу-л-Хайра ханом, согласно источникам, были не только султаны, предводители племен и родов, бахадуры, но и представители мусульманского духовенства. Среди приверженцев Абу-л-Хайра упомянуты представители следующих племен: кыйатов, мангытов, чинбай, йиджан, каанбайлы, табгут, дурман, кошчи (кушчи?), утарчи, найманов, украш-найманов, тубай, таймасов, чат, хытаев (кытаев), барак, уйгуров, карлуков, кенегесов, уйсунув (уйшунов), конгратов, курлаутов, ички, мингов, туман-мингов, туманов и других.

Абу-л-Хайр-хан опирался не только на определенные круги Шибанидов, но и на мангытских эмиров, которые благодаря многочисленности своих улусных людей, играли заметную роль в политической жизни Узбекского улуса XV — нач. XVI вв. Если сын мангытского эмира Едигея Мансур принимал деятельное и, по-видимому, постоянное участие в мероприятиях Барак-хана, то внук того же Едигея, Ваккас-бий, сыграл важную роль в возвышении Абу-л-Хайра. Молодой хан на первых порах был «в большой дружбе с сыном Нур ад-Дина, Ваккас-бием». «Рассказывают, — уверяет нас Кадырали-бек, — что они из одной чашки пили, один с одного края, второй с другого». Однако впоследствии Ваккас-бий покинул предводителя кочевых узбеков и даже сражался против Абу-л-Хайра, примкнув к его противнику по имени Мустафа-хан.

Обязанный своим избранием и ханским тронном влиятельным кругам кочевого общества, Абу-л-Хайр должен был проводить политику, отвечающую их интересам, совершать военные походы на соседние земледельческие страны, покорять новые земли. «Менее всего затронутые городской культурой, — писал В.В. Бартольд о кочевых узбеках Восточного Дешт-и Кипчака, — потомки Шибана остались более всего верны воинственным традициям кочевников и потому могли выступать в роли завоевателей в такое время, когда могущество династии Чингиз-хана почти везде находилось в полном упадке». [Бартольд, V, с.135]

В соседнем с Узбекским улусом Моголистане, в частности, господствовали внутренние усобицы, раздробленность. После смерти Вайс-хана (1428 г.), пишет Мирза Хайдар Дуглат, улус моголов пришел в совершенное расстройство. Началась борьба между приверженцами двух несовершеннолетних сыновей Вайс-хана, Юнуса и Эсен-Буки, в которой одержала победу партия младшего сына хана, изгнав из Моголистана Юнуса и его сторонников. Последние бежали в Самарканд, где по приказу Улугбека начальники моголов были коварно перебиты, а малолетний царевич отослан к Шахруху. В Герате Юнус был отечески обласкан, и воспитание его было поручено известному историку Шахраф ад-Дину Али Йазди, автору «Зафар-наме» официальной истории Тимура.

Удаление Юнуса не привело, однако, к прочному утверждению власти его брата в Моголистане, слишком было сильно стремление могольских эмиров к независимости. Чувствуя политическую слабость ханской власти, они покидали Эсен-Буку и, обосновавшись на новых ме-

стах, отказывались признавать его власть. Так, при начавшихся смутах Мир Мухаммад-шах ушел на Ат-Баши, Мир Керим-Берди дуглат построил себе крепость в местности Ала-Буга, а Мир Хакк-Берди бекчик обосновался на Исык-Куле. Эмиры же племени чурас и барин ушли к калмакам, калуджи и еще несколько других племен подались в «Узбекистан к Абу-л-Хайр-хану», а эмиры племени кончи и прочих аймаков скитались в степях Моголистана.

Подобную же картину наблюдаем и в золотоордынском Поволжье.

Хотя Мавераннахр, и не переживал в то время такого упадка, самаркандский правитель, однако, после разгрома войск Улутбека в районе Сыгнака в 1427 г. Барак-ханом вел скорее оборонительную, чем наступательную политику. Во всяком случае в течение последующих 20-ти лет он лично не предпринимал никаких походов в степь даже тогда, когда кочевые узбеки и моголы совершали набеги на границы его владений.

Учитывая эту политическую обстановку, кочевые племена Восточного Дешт-и Кипчака еще более усилили свою активность при Абу-л-Хайр-хане и при всяком удобном случае совершали нападения на пограничные с их улусами владения. Характерно, что ко времени правления Абу-л-Хайра основным направлением внешней политики предводителей кочевых племен Восточного Дешт-и Кипчака была не борьба за сарайский трон, а борьба с Тимуридами за присырдарьинские города и Хорезм. Последнее обстоятельство может служить показателем того, что улус Шибанидов вступил отныне в более тесные взаимоотношения со Средней Азией, которые закончились на рубеже XV-XVI вв. окончательным завоеванием государства Тимуридов внуком Абу-л-Хайр-хана Мухаммадом Шейбани. Связи же с центрами распадавшейся Золотой Орды постепенно ослабевали, хотя, по словам автора «Тарих-и касира», власть Абу-л-Хайра в годы его могущества распространялась вплоть «до пределов Булгара».

Внутриполитическое положение государства, несмотря на сорокалетнее правление Абу-л-Хайр-хана, было непрочным. Ему пришлось вести упорную и ожесточенную борьбу с многочисленными Джучидами, претендовавшими на верховную власть в Узбекском улусе. Уже в 1430 г., вскоре после того как он был провозглашен ханом, Абу-л-Хайр вынужден был выступить в поход для «приведения в повиновение» Шибанида Махмуд-Ходжа-хана. Противники встретились на берегу реки Тобола. После жаркого боя

Махмуд-Ходжа-хан был разбит и обратился в бегство в надежде, что быстроногий скакун унесет его с поля брани. Однако перехитрить судьбу невозможно: он был схвачен и казнен по приказу Абу-л-Хайра. А жену Махмуд-Ходжа-хана, по имени Аганак-бике, которая по красоте своей «спорила с луной, Абу-л-Хайр-хан по мусульманскому обычаю взял в жены». Богатство и военная добыча, которые достались от противника, были поделены между войнами. «Всех высокопоставленных султанов и славных эмиров он отличил и одарил дорогими вещами, поясом и высокими должностями». Так на берегу Тобола было покончено с притязаниями Махмуд-Ходжа-хана, но явились другие претенденты, наиболее влиятельные из числа которых были Махмуд-хан и Ахмад-хан.

Следующим шагом Абу-л-Хайр-хана на пути укрепления своей власти в Узбекском улусе явился тщательно подготовленный поход против упомянутых ханов. Автор «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани», сообщающий наиболее подробные сведения о непрерывной борьбе за власть в Узбекском улусе, называет Махмуд-хана и Ахмад-хана просто потомками Джучи. Более подробную генеалогию этих улусных ханов приводит Махмуд б. Вали. Махмуд-хан и Ахмад-хан, пишет автор «Бахр ал-асрар», были сыновьями Мухаммад-хана б. Тимур-хана б. Тимур-Кутлук-хана из потомков Тукай-Тимура сына Джучи.

Поход против Махмуд-хана и Ахмад-хана был предпринят вскоре после возвращения предводителя кочевых узбеков из низовьев Аму-Дарьи, где он в 834/1430-31 гг. завоевал Хорезм с главным городом Ургенчем, разграбил его, однако в том же году его оставил. Молодому Шибаниду и на этот раз сопутствовал успех: в сражении, разыгравшемся в местности Икри-Туна, Махмуд-хан и Ахмад-хан были разбиты и отступили. Победа доставила Абу-л-Хайр-хану возможность овладеть Орду-Базаром, «который был столицей Дешт-и Кипчака», где была прочитана хутба (проповедь, читавшаяся в мечети по пятницам, в которой произносилось моление за правящего государя) на его имя и выбиты монеты с его именем. Затем на короткое время Абу-л-Хайр-хан завладел «троном Саин-хана» (Бату). Однако вскоре Махмуд-хану и Ахмад-хану удалось вернуть свои владения. «Вместе с тем, — пишет по этому поводу Махмуд б. Вали, — во времена правления Абу-л-Хайр-хана после смерти Мухаммад-хана сыновья последнего — Махмуд-хан, Ахмад-хан, Джувак-султан и Башыак-султан, — стакнувшись, вступили в войну с Абу-л-Хайр-ханом.

Потерпев поражение, они кочевали в тех краях, пока, некоторое время спустя, не взошли вновь на унаследованный престол» [Махмуд б. Вали, т.6,ч.3,л.1226-123а]. Это сообщение Махмуда б. Вали подтверждается нумизматическими данными. Монеты с именем Махмуд-хана б. Мухаммада б. Тимур-хана чеканены в Хаджи-Тархане, Бек-Базаре, Уккее, Орду-Базаре.

Молодой и честолюбивый Абу-л-Хайр в начале своей политической карьеры едва ли мечтал о том, что ему удастся одержать верх над большинством своих соперников, объединить Восточный Дешт-и Кипчак в единое «кочевое государство» и в течение сорока лет править этим государством самодержавно. Однако поддержка со стороны наиболее влиятельных кругов кочевого общества и большинства племен Узбекского улуса, первые победы над Джучидами значительно упрочили власть и расширили сферу влияния Абу-л-Хайр-хана в степи. Однако степь не обрела покоя. Многие Джучиды, среди них Ибак-хан, Буреке-султан, потомки Урус-хана — Джанибек-султан и Гирей — и другие, не хотели повиноваться Абу-л-Хайру. В 1446 г. против него выступил Мустафа-хан. Он был одним из степных владетелей; его улус находился на реках Ишиме и Атбасаре; когда-то он состоял в союзе с Абу-л-Хайром, но потом бежал от него. Теперь он усилился настолько, что сам выступил в поход против Абу-л-Хайра и стремился дать ему сражение. Однако ополчение Мустафа-хана было разбито, все имущество, скот, сокровища сделались достоянием воинов Абу-л-Хайра и как военная добыча были поделены между «султанами, эмирами и воинами в зависимости от их положения». Сам Мустафа с остатками воинов бежал, «переправившись на противоположный берег кровавой реки». Но это поражение не помешало ему несколько позже отнять у Тимуридов Хорезм и править там до 60-х годов XV в.

В 1446 г. Абу-л-Хайр-хан захватил ряд городов на р. Сыр-Дарье и в предгорьях Каратау — Сыгнак, Аркук, Сузак, Ак-Курган, Узгенд. Сыгнак стал столицей ханства (до этого столицей был г. Тура или Чимги-Тура, затем Орду-Базар). По мнению В.В. Бартольда, утверждение Абу-л-Хайра на Сыр-Дарье — наиболее важное для дальнейшей истории узбеков событие его царствования. Однако ни победа над Мустафа-ханом, ни значительное расширение владений завоеваниями присырдарьинских городов-крепостей не предотвратили жестокого поражения Абу-л-Хайра в войне с калмаками.

Калмаки — тюркское название одной из монгольских народностей, самоназвание которой — ойраты. В то время они занимали территорию, ограниченную западными склонами Хангайских гор на востоке, гобийскими песками на юге, Моголистаном на западе, верховьями Иртыша и Енисея на севере. Ойратское объединение начало давление на восточные рубежи Моголистана еще в конце XIV в., но тогда калмаки успеха не имели. В 20-30-х годах XV в. калмаки в своих набегах доходили до Или и даже до Иссык-Куля. В 50-х годах калмаки появились уже и на Сыр-Дарье.

Битва войск Абу-л-Хайра и калмаков во главе с Уз-Тимур-тайши произошла около Кок-Кашане, в окрестностях Сыгнака, в 1457 г. По словам Кухистани, предводитель калмаков предпринял поход на Сыр-Дарьинскую область с целью грабежа. Когда Уз-Тимур-тайши услышал, что Абу-л-Хайр-хан собрал большое богатство, пишет он, то «запылал огонь зависти в груди» у него, и он приказал, чтобы воины привели в порядок свое оружие и явились к его двору. Ратники собрались и отправились с женами и домоладцами в поход. Когда орда достигла берегов реки Или, воины оставили здесь жен, домоладцев, обозы и отправились далее налегке и вскоре достигли окрестностей Сыгнака, — столицы Шибанидов. Выступило и войско Абу-л-Хайра. Предводитель калмаков послал одного из своих известных воинов, чтобы он, выйдя на середину поля битвы, сообщил предводителю дештских племен послание согласия: «Пусть пот не выступит из рубашек, пусть кровь не выступит из тела героев». Однако Джучиды презрительно отвергли предложение и тем зажгли огонь нападения и битвы. Обе рати сошлись, смешались; взвилась на воздухе пыль от копыт и полилась по степи кровь от мечей, секир и стрел. Длился этот бой и погром много часов; но вот «ветер победы подул» со стороны калмаков; Абу-л-Хайр-хан был вынужден отступить и укрыться за стенами Сыгнака. Не встречая сопротивления, победители вступили оттуда в окрестности Туркестана, Ташкента и Шахрухии, произвели повсюду гибель и насилие, грабеж и полон, увезли с собой все захваченное. Перед уходом Уз-Тимур-тайши заключил мир с Абу-л-Хайром. Историк хана не сообщает ничего об условиях мира, однако, судя по данным других источников, они были унижительными для Шибанидов.

После этого поражения часть кочевого населения ханства Абу-л-Хайра отделилась и во главе с султанами Гиреем и Джанибеком, потомками Урус-хана, откочевала в Моголистан, обосновавшись в долинах рек Чу и Козы-Баши.

2. Образование Казахского ханства

Здесь мы подходим к одному из узловых вопросов в истории Казахстана. Однако прежде чем перейти к обзору политической истории Улуса Джучи в период образования собственно Казахского ханства, необходимо сказать об общем характере источников по средневековой истории казахов и подробнее остановиться на тех из них, которые использованы для разработки избранной нами темы наиболее полно.

Специфику работы исследователя средневековой истории казахского народа во многом определяет в прошлом слабое распространение среди казахов письменности и книжного образования. Единственный известный пока исторический труд, созданный представителем казахского племени, — сочинение Кадырали-бека, сына Хопум-бека из племени джалаир, написанное в начале XVII в. и условно названное издателем И.Н. Березиным «Сборник летописей». Сведения Кадырали-бека о Казахском ханстве XV-XVI вв. основаны на надежных местных источниках и могут указывать на существование в казахском обществе если не собственной письменной традиции, то живого интереса к генеалогиям и вопросам политической истории.

Сведения по ранней истории Казахского ханства мы имеем почти исключительно из сочинений мусульманских авторов. Однако все или почти все эти источники представляют собой сочинения, посвященные тем или иным правителям или религиозным деятелям соседних с казахами областей (иногда даже, хотя и связанных с ними, но территориально весьма отдаленных), и потому заключенные в них сведения о Казахском ханстве имеют случайный или фрагментарный характер. В частности, ни среднеазиатские авторы, которых в первую очередь интересовали события, происходившие в самой Средней Азии, ни иранские историки, проявлявшие интерес главным образом к событиям, связанным с Хорасаном и Мавераннахром, не оставили сведений, касающихся территориально всего Казахского ханства или охватывающих события правления одного или нескольких казахских ханов. Исключение в этом плане составляет лишь сочинение восточнотуркестанского историка Мирзы (Мухаммада) Хайдара Дуглата (1500-1551): сообщения о казахских владетелях, содержащиеся в его «Тарих-и

Рашиди», — в совокупности единственное в средневековой мусульманской историографии связное изложение ранней истории Казахского ханства.

Мухаммад Хайдар или, как он сам называет себя, Мирза Хайдар происходил из весьма знатного и влиятельного племени дуглат; его предки некогда были могущественными эмирами, по своему желанию возводившими на трон и низлагавшими принцев царствующей династии в восточных областях Чагатайского улуса. Мирза Хайдар родился в 1500 г. в Ташкенте, который тогда принадлежал моголам и где его отец в то время был правителем. По матери он приходился внуком могольскому хану Юнусу. Одаренный острым умом и многосторонними способностями, он отличался в то же время незаурядной личной храбростью и военными талантами. При участии в судьбе будущего автора «Тарих-и Рашиди» могольского хана Султан Саида он получил хорошее мусульманское образование и усвоил литературную и культурную традицию своего времени в разнообразных областях науки, искусства и ремесел. Ему не была чужда и поэзия: он одинаково свободно писал на тюрки и по-персидски и носил поэтический псевдоним «Айаз».

Знатное происхождение и личные способности определили служебную карьеру Мирза Хайдара Дуглата: он стоял близко ко двору хана и занимал при Султан Саиде (1514-1533) видное положение в Могольском государстве. После смерти Саид-хана в июле 1533 г. на престол в Яркенде вступил его сын Абд-ар-Рашид, крайне враждебно настроенный против дуглатов. Пребывание Мирзы Хайдара Дуглата в своей стране стало небезопасно для его жизни, и он решил перебраться в Индию, к преемникам Бабура. Некоторое время он провел в скитаниях по Малому Тибету, а затем прибыл в Лахор. В 1541 г. Мирза Хайдару удалось военной хитростью овладеть Кашмиром и основать там для себя фактически независимое княжество. Вот там, в Кашмире, в 1543-1546 гг. и был написан его знаменитый труд «Тарих-и Рашиди» на персидском языке.

Основное содержание «Тарих-и Рашиди» составляет история восточной ветви Чагатайдов, внутренняя борьба в улусе, подготовившая возвышение племени дуглат и правление его владетелей в Восточном Туркестане. Являясь основным источником по истории моголов и Моголистана второй половины XIV — первой половины XVI в., «Тарих-и Рашиди» содержит такой же богатый фактами и нередко

уникальный по характеру материал по истории ряда тюркских народов Средней Азии, равно как тибетцев и кафириров XVI в. Известия о казахах в «Тарих-и Рашиди» обнимают период с 50-х годов XV в. по 30-е годы XVI столетия. Наиболее подробные сведения Мирза Хайдар сообщает о ханах Бурундуке, Касиме, Тахире и о казахо-могольских и казахо-узбекских отношениях указанного периода.

Впервые «Тарих-и Рашиди» стали интересоваться английские ориенталисты еще в первой половине XIX в. в связи с историей Индии мусульманского периода. Изучение сочинения Мирзы Хайдара отечественными востоковедами блестяще открывает широко известная работа В.В. Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах [1864, ч.2]. Переводы отдельных отрывков из «Тарих-и Рашиди» на русский язык публиковались неоднократно; имеется старый (1895 г.), но не потерявший своего значения, неполный английский перевод «Тарих-и Рашиди», выполненный Денисоном Россом.

Для изучения политической истории Казахского ханства важное значение имеют исторические сочинения периода Мухаммада Шейбани-хана (ум. в 1510 г.) (Нусрат-наме, Фатх-наме, Шейбани-наме, Бинаи; Шейбани-наме. Мухаммада Салиха; Шейбани-наме. Анонимного автора; Михманнаме-йи Бухара и др.). Эти источники отражают своеобразный феодальный быт южноказахстанских степей и Среднеазиатского Междуречья второй половины XV и начала XVI столетий с характерными для этого периода войнами между Мухаммадом Шейбани и казахскими владетелями, описывают невзгоды суровой жизни внука Абу-л-Хайра в годы его «казачества», его службу в качестве кондотьера у Тимуридов, о превратностях судьбы, отдавших в руки узбекского царевича-изгоя присырдарьинские крепости, о его дальнейшей экспансии вглубь земледельческих оазисов Средней Азии и победном шествии Шибанидов по политически раздробленному Мавераннахру — владению Тимуридов.

Заклучая в себе, таким образом, богатейший фактический материал, указанные труды отличаются в то же время последовательной тенденциозностью при трактовке событий. Более того, эти, так называемые сочинения шейбанидского круга (то есть различные по форме и языку исторические произведения, написанные в начале XVI в. по поручению, одобрению или при прямом участии основателя государства Шибанидов в Средней Азии Мухаммада Шей-

бани-хана), представляют собой яркую апологию новой династии, пришедшей на смену Тимуридам (1370-1500): все они носят характер политически продуманных произведений с цельными задачами и определенными целями. Характеристика Шибанидов составлена из высокопарных выражений и перечня добродетелей, а «великие и удивления достойные деяния» основателя нового государства откровенно преувеличены. В частности, авторы этих сочинений готовы видеть и видят в Шейбани-хане величайшего полководца, не знающего поражений и побеждающего даже с горсткой людей, слабым отрядом многочисленных войска противника, крупнейшего стратега, штурмом берущего крепости, которые «до тех пор не удавалось взять оружием ни одному падишаху». Эти придворные «люди пера» ловко превращают «худые дела» своего патрона в похвальные поступки, нередко приписывают Шейбани-хану мнимые победы. Но при этом едва ли приходится сомневаться в том, что Мухаммад Шейбани обладал большими военными и организаторскими способностями, исключительной энергией и волей, был человек отчаянной смелости и бесстрашный рубака. Однако на протяжении всей бранной, полной тревог и опасностей жизни, вплоть до завоевания Мавераннахра, он оставался простым искателем добычи и приключений, в лучшем случае удачливым предводителем и счастливым политическим авантюристом, что и можно усмотреть в тех же сочинениях шейбанидского круга, если оставить без внимания безмерную гиперболизацию.

Из числа источников этого круга, ценных для нас не только материалами политической истории, но и содержащих важные сведения историко-этнографического характера, особо отметим «Михман-наме-йи Бухара» перса Ибн Рузбихана. Полное имя автора Абу-л-Хайр Фазлаллах ибн Рузбихан ибн Фазлаллах (ибн Мухаммад) ал-Хунджи ал-Исфахани, по прозвищу Амин, известный как Ходжа Мулла. Он, будучи одним из приближенных Шейбани, сопровождал хана в его изнурительном походе против казахов, состоявшегося в 1509 г. Личное участие в походе, естественно, дало наблюдательному, разносторонне образованному и любознательному Ибн Рузбихану богатый материал по быту, хозяйству, верованиям, административному устройству казахов, которые он изложил в своих мемуарах. Эти весьма оригинальные сведения о казахах, основанные на личных наблюдениях и расспро-

сах очевидцев, не содержатся в каких-либо других известных ныне источниках.

Некоторые детали мы находим в широко известном своде летописей Хондамира, мемуарах Бабура и Васифи, в заключительной части «Зубдат ал-асар» Абдаллаха ибн Мухаммада.

Важный источник по истории казахского народа второй половины XVI в. — сочинение Хафиз-и Таныша «Шараф-наме-йи шахи», известное и под названием «Абдаллах-наме». Основные сведения, сообщаемые Хафиз-и Танышем, освещают вопросы взаимоотношений казахов и узбеков Средней Азии. Неблагоприятная международная обстановка, в которой оказались казахи во второй половине XVI в., с одной стороны, и политические действия Абдаллах-хана, стремившегося щедрыми пожалованиями уделов и подарками склонить на свою сторону казахских султанов, с другой стороны, обеспечили бухарскому хану немалое влияние в юго-западных владениях казахов. Однако вассальная зависимость везде и всегда непрочно и при благоприятных условиях легко порывается, нередко даже бывшие вассалы вступают со своим сюзереном в открытую борьбу. Примером может служить деятельность казахского хана Таваккуля, который, по словам Хафиз-и Таныша, порвал вассальные отношения с бухарским правителем и выступил против него. Последовавшие затем длительные войны между казахскими и узбекскими феодалами, не прекратившиеся и после перехода Ташкента и Туркестана в руки казахов, достаточно подробно описаны в «Тарих-и аламарай-и Аббаси» Искандара Мунши и ряде других сочинений.

Важным источником для истории Казахстана является исторический труд на персидском языке среднеазиатского автора Махмуда ибн Вали «Бахр ал-асрар». Книга была начата в Балхе в сентябре 1634 г. по поручению тогдашнего правителя города Надир Мухаммада, брата и впоследствии преемника бухарского хана Имамкули, и окончена после 1050/1640–41 гг. Крупнейший представитель аштарханидской придворной историографии Махмуд б. Вали был образованнейшим человеком своего времени. Он написал ряд сборников газелей, касыд, а его семитомный «Бахр ал-асрар» является не только важным историческим источником и литературным памятником, но также содержит обильный материал по исторической географии и топографии Средней Азии и других стран. Для нас особенно важен шестой том, посвященный истории Чингиз-хана и его по-

томков до 40-х годов XVII в. Наибольший интерес представляет четвертая часть труда Махмуда б. Вали, где содержатся ценные и подробные сведения о правлении Аштарханидов, начиная от воцарения Дин-Мухаммада, и казахско-среднеазиатские отношения конца XVI — первой половины XVII вв., тогда как первые три части носят компилятивный характер. Однако следует отметить, что Махмуд б. Вали с большим умением обработал имевшийся в его распоряжении материал и в значительной мере дополнил труд своих предшественников рядом существенных деталей и отсутствующими в других известных нам источниках рассказами, о чем уже упоминалось выше, в соответствующих разделах. Знакомство с «Бахр ал-асрар» затрудняется не только тем, что оно до сих пор не издано, но и тем, что в различных рукописных собраниях находятся отдельные тома и части этого ценного труда. Так, например, четвертая часть шестого тома хранится в библиотеке India Office в Лондоне. До недавнего времени из отечественных востоковедов академик В.В. Бартольд был единственным, кто был знаком с текстом лондонской рукописи «Бахр ал-асрар». Ныне микрофильмы заключительной части 6-го тома «Бахр ал-асрар» имеются в Санкт-Петербурге и Ташкенте.

Помимо указанных исторических сочинений восточных авторов для нашей темы имеют значения и агиографические сочинения — жития суфийских святых. В этих сочинениях наряду с легендарными рассказами о «чудесах» мусульманских шейхов зачастую содержится значительный материал, характеризующий быт народностей Средней Азии и Казахстана, их родоплеменную структуру, а отчасти и политическую историю. К этому роду источников, использованных нами при написании настоящей книги, относятся «Зийа ал-кулуб» Мухаммада Аваза, «Джалис ал-муштакин» Мавлана Пайрави и др.

Теперь несколько слов о памятниках народно-поэтического творчества казахов. Особенность этого круга источников заключается в том, что они прежде не записывались, но каждая легенда передавалась из уст в уста, от поколения к поколению. Любопытно при этом отметить, что большинство казахских богатырских сказаний не знает еще этнического имени *казак*: главные действующие лица выступают в них как представители отдельных родов, племен или как выходцы из «ногайлы», или «узбеки». Из родоплеменных названий чаще всего упоминаются такие, как уйсун, конграт, кипчак, канглы, дулат, албан, тама, кыйат,

керей, найман, алчин, аргун и др., причем наименования «ногай» и «узбек» употребляются, как правило, не в качестве родоплеменного названия, но как собирательное имя. Лишь в отдельных, очевидно, восходящих к эпохе не ранее XV в., произведениях казахского народно-поэтического творчества вводится название *казак* и содержится попытка объяснения происхождения этого слова, равно как и происхождения казахского народа.

Памятники устного народного творчества привлекались нами лишь в той мере, в какой можно было использовать их поздние записи, не прибегая к специальным текстологическим, жанровым и фольклористическим исследованиям.

Таково краткое описание некоторых источников по истории Казахского ханства. Дополнительные характеристики к этим и другим, использованным в данной работе, источникам приводятся в соответствующих местах текста книги.

Вернемся теперь к политической истории Восточного Дешт-и Кипчака и узнаем, какие события имели место там после 1457 г.

После поражения Абу-л-Хайр-хана от Уз-Тимур-тайши в Узбекском улусе произошел раскол, который привел к отделению и откочевке части его населения в соседние степи. Сообщение об этом содержится в «Тарих-и Рашиди», откуда оно перешло во многие другие сочинения, иногда с некоторыми дополнениями. Вот слова самого автора «Тарих-и Рашиди» Мирзы Хайдара Дуглата: «В то время, — пишет он, — в Дешт-и Кипчаке владычествовал Абу-л-Хайр-хан. Он причинял много беспокойства султанам джучидского происхождения. Джанибек-хан и Кирай-хан бежали от него в Моголистан. Исан-Буга-хан охотно принял их и предоставил им округ Чу и Козы-Баши, который составляет западную окраину Моголистана» [МИКХ, с.195].

Джанибека (=Абу Саида) мы уже знаем: он, если читатель помнит, был младшим сыном Барак-хана. Гирей (Кирай) приходился Джанибеку дальним родственником, имея с ним лишь общего предка — Урус-хана. Его родословная: Гирей — сын Булад-султана, сына Токтакия, сына Урус-хана.

После выхода в свет в 1864 г. второй части книги «Исследование о касимовских царях и царевичах» В.В. Вельяминова-Зернова, где впервые приводятся эти сведения Мирзы Хайдара Дуглата, в исторической литературе утвердилось мнение считать откочевку Гирея и Джанибе-

ка с частью племен Узбекского улуса в западные пределы Моголистана началом возникновения казахской государственности.

В 50-х годах А.А. Семенов высказал мнение, что уход Гирея и Джанибека в долины рек Чу и Козы-Баши был лишь одним эпизодом в истории узбеков-казахов и что перекочевка эта не охватывала весь народ, а лишь его небольшую часть. Эту точку зрения разделял и казахский ученый С.К. Ибрагимов (1929-1960). На основании того, что ни придворные историки Шейбани-хана, ни автор «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» ни слова не говорят об откочевке, С.К. Ибрагимов высказал предположение, что уход Гирея и Джанибека не сыграл существенной роли в политической жизни племен, населявших Узбекский улус. Современная исследовательница средневековой истории Казахстана К.А. Пищулина, отметив, что «истоки Казахского ханства, причины его образования — не откочевка Джанибека и Гирея, а ход хозяйственного, социального, политического развития населения средневекового Казахстана, в том числе этнической истории казахов», пишет, что откочевка группы племен из Восточного Дешт-и Кипчака в Западное Семиречье, во-первых, «сыграла большую роль для истории Юго-Восточного Казахстана и Моголистана, а, во-вторых, как форма классовый борьбы она была все же важным звеном в цепи политических событий на пути образования Казахского ханства» [Пищулина, 1977, с.250-251]. Учитывая важность вопроса, попытаемся рассмотреть его подробно.

Государство кочевых узбеков Дешт-и Кипчака располагалось в непосредственной территориальной близости от Мавераннахра, и казалось бы, что среднеазиатские авторы могли иметь более подробные и точные сведения о состоянии Узбекского улуса в то время. К сожалению, эти ожидания не оправдываются: ни один из ныне известных источников, кроме «Тарих-и Рашиди» и зависящих от него сочинений более поздних авторов, не упоминает о расколе в Узбекском улусе при жизни Абу-л-Хайр-хана и выделении нового политического образования. Сообщение, содержащееся в «Тарих-и Рашиди», по-видимому, объясняется тем, что Мирза Хайдар, будучи историографом правителей Моголистана, не мог не упомянуть на страницах своего труда о событии, отразившем некоторые стороны внешней политики могольского хана Есен-Буки (1429-1462); причем этой откочевкой было положено начало традиционному союзу между потомками Урус-хана и правителями Моголи-

стана, продолжавшемуся более семидесяти лет и нарушенному в правление Абд ар-Рашид-хана (1533-1560).

Само по себе отложение Гирея и Джанибека от основной массы кочевых узбеков было лишь одной из распространенных в степи форм протеста наиболее самостоятельных султанов в период наибольшего ослабления власти Абу-л-Хайра и обострения противоречий: внутри Узбекского улуса. В то же время оно явилось важным звеном в цепи событий, предшествовавших сложению казахской государственности, и сыграло существенную роль в определении названия нового политического образования.

В связи с этим большой интерес приобретает вопрос о положении ханской власти и ее взаимоотношениях с феодальной знатью и подданными в государствах кочевников. Это весьма сложная тема не может быть решена сразу. Одним из частных вопросов, относящихся к ней, является исследование форм протеста феодалов и улусных людей, пострадавших от хана.

В источниках мы находим немало примеров, указывающих на то, что прочность ханской власти зависела от того, насколько политика хана отвечала интересам представителей крупных родов. В тех случаях, когда она шла вразрез с устремлениями степной аристократии или ущемляла ее права, вассальные феодалы уходили от своего предводителя и даже вступали с ним в открытую борьбу. Покидать пределы своего государства их побуждали самые различные причины: династийные и междоусобные распри, отрицательные личные качества предводителя, опасения мести государя и т.п. Так, в степях, подвластных Урус-хану, укрылись со своими людьми несколько эмиров из племени джалаир, восставших против Тимура, но «понявшие, что не являются людьми, могущими противостоять ему». А Токтамыш-оглан, опасаясь преследования Урус-хана, нашел убежище при самаркандском дворе. Мирза Хайдар рассказывает о годах «казачества» и лишениях изгнанного своим дядей Вайс-хана.

В подобных людях, вынужденных скитаться на чужбине, степи никогда, по-видимому, не имели недостатка. Многие складывали головы на чужбине и только некоторые из них вновь возвращались в родные края уже в качестве верховных правителей (например, Токтамыш, Вайс-хан) и, в свою очередь, изгоняли бывших своих врагов. Пределы своего государства покидали не только отдельные лица с час-

тью приближенных, но, как показывают источники, нередки случаи откочевки племенных групп и объединений.

Целую сводку примеров, когда ногайские улусы раскодились от «князя» к разным мирзам и даже за пределы Орды, дают русские источники. Переходы от одного сюзерена к другому широко практиковались и в Крымском ханстве.

Прежде чем попытаться выяснить причины раскола в Узбекском улусе необходимо установить время отложения Гирея и Джанибека. О дате откочевки этих царевичей сведения в литературе противоречивы. У Г. Ховорса приводится 1451 г., А. Чулошников, Б. Ахмедов относят это событие к 860/1455-56 гг. По мнению других авторов, раскол в Узбекском улусе и откочевка Гирея и Джанибека имели место в 854/1450 г. или даже в 870/1465 г.

Между тем сопоставление данных источников позволяет уточнить *terminus post quem* non и *terminus ante quem* поп откочевки. Гирей и Джанибек с улусными людьми прибыли в Моголистан при жизни могольского хана Есен-Буки, который радушно принял беглецов и назначил им для обитания долины Чу и Козы-Баши. Известно, что Есен-Бука-хан умер в 866/1462 г. Значит, откочевка совершилась до этого времени. Согласно «Тарих-и Рашиди» и «Бахр ал-асрар», прикочевка Гирея и Джанибека в Моголистан совпала со временем вызова Тимуридом Абу Саидом из Шираза Юнус-хана и отправкой его с войском в Моголистан с целью использовать это войско против брата, Есен-Буки. Известно, что Абу Саид принял Юнус-хана в Герате вскоре после того, как завоевал Хорасан в 863/1458-1459 гг., а междоусобная борьба Юнус-хана и Есен-Бука-хана длилась не меньше полутора-двух лет. Следовательно, время откочевки, а точнее, прикочевки Гирея и Джанибека с улусными людьми во владения могольского хана Есен-Буки нужно датировать 864/1459-60 гг.

Чем был вызван раскол в Узбекском улусе?

Время откочевки Гирея и Джанибека совпало с годами, когда главе кочевых узбеков Абу-л-Хайр-хану пришлось приводить в порядок сильно пострадавшие от погрома калмаков владения. Порядок, который он, надо полагать, насаждал жестокими и суровыми мерами, не только затронул тех, кто, пользуясь временным ослаблением его власти, выступил против, но и тяжелым бременем отразился на положении основной массы кочевников. Благополучие узбекской степной аристократии во главе с ханом основыва-

лось на эксплуатации простых кочевников и жителей завоеванных соседних областей, которые должны были платить налоги и нести десятки повинностей. Естественно предположить, что чем сильнее приходило государство в упадок и расстройство, тем больше возрастали налоги и повинности и тем жаднее и бесстыднее грабили и вымогали ханские чиновники.

Все это вызывало резкое недовольство основной массы подданных и имело конечным результатом сокращение населения государства за счет откочевки многих скотоводческих общин в соседние земли. С другой стороны, и побежденные султаны и ханы этих улусов из того же потомства Джучи весьма легко пользовались в своих честолюбивых замыслах настроением притесняемых племен и родов и увлекали их на борьбу с более счастливым своим соперником. А побежденных и потому вынужденных признавать власть хана улусных султанов было немало.

По словам Абу-л-Гази, «Абу-л-Хайр-хан был человек бойкий: доставлял радость друзьям, заставлял плакать врагов»; и среди его родственников не было ни одного человека, которого миновала бы ханская рука. При таких условиях легко себе представить положение тех султанов, которые относились к другой ветви Чингизидов и в силу этого выражали династические интересы разных группировок. Вероятно, именно к ним относятся слова Махмуда б. Вали, автора «Бахр ал-асрар»: «Когда Абу-л-Хайр-хан перебил ряд принцев из потомков Джучи в стране Дешт-и Кипчак и рассеял то общество в разных краях, это рассеяние и расстройство стало причиной их объединения и сплочения».

Во главе такого «рассеянного общества», состоящего из недовольных политикой хана племен и родов Узбекского улуса, и стали потомки Урус-хана — Гирей и Джанибек. Не имея возможности успешно бороться с ханом, они предпочли покинуть родные просторы и, «встав на путь изгнания, с группой племен, которые их признавали, направились в Моголистан». Как показал дальнейший ход событий, уход Гирей-султана и Джанибек-султана в пределы Моголистана был своего рода стратегическим отступлением, рассчитанным на последующий захват власти в Узбекском улусе в удобный для этого момент, наступление которого не заставило себя слишком долго ждать.

Дружественное расположение хана моголов к беглецам из Узбекского улуса объяснялось тем, что, во-первых, Есен-Бука не имел в ту пору возможности отразить силой

оружия набеги северных кочевников, во-вторых, в лице Гирея и Джанибека и их воинов он видел оплот для защиты западных границ своих владений от притязаний своего брата Юнуса, поддерживаемого Тимуридом Абу Саидом. «В это время, — пишет автор «Бахр ал-асрар», резюмируя сообщение Мирзы Хайдара Дуглата о начале междоусобиц в Моголистане в 50-х годах XV в., — Есен-Бука-хан б. Вайс-хан из потомков Чагатай-хана б. Чингиз-хана полностью господствовал в Моголистане. Поэтому Абу Саид-мирза б. Мухаммад-мирза б. Мираншах б. Эмир Тимургурган вызвал из Ирака Юнус-хана, брата упомянутого хана, оказал ему помощь и поддержку и послал его против брата. По этой причине в здании султаната Есен-Бука-хана появились трещины и упомянутый хан счел благом прибытие Джанибек-хана и Гирей-хана. После того, как сначала августейших царевичей благосклонно и с почестями принял, он предоставил им западную часть Моголистана, которая находилась между владениями Есен-Бука-хана и иктой Юнус-хана. Эта местность известна как Джув и Козы-Баши» [Махмуд б. Вали, т.6,ч.3,л.151б; МИКХ, с.352-353].

Другой причиной, заставившей Есен-Буку предпринять такой шаг, могло явиться то обстоятельство, что значение хана как внутри, так и во внешних сношениях определялось преимущественно числом и силой поддерживающей его феодальной знати и улусных людей. Поэтому было естественно его стремление привлечь на свою сторону врагов своих сильных соседей и использовать их, если понадобится, против их же соплеменников. Подобный метод переманивания Чингизидов и влиятельных феодалов с их племенами наряду с войной и связанным с нею насильственным уводом жителей являлся одним из распространенных средств заполучить лишнюю тысячу зависимых людей.

О положении поселившихся в долине Чу и Козы-Баши племенах и родах Узбекского улуса во главе с Гиреем и Джанибеком мы имеем сведения исключительно из «Тарихи Рашиди» и «Бахр ал-асрар». По словам Махмуда б. Вали, «пока Исан-Бука-хан был жив, то благодаря помощи ему и поддержке, оказываемой вышеупомянутыми ханами, Юнус-хан ногу дерзости не ставил в стремя надменности». В 1462 г. умер Есен-Бука и вместо него утвердился его брат Юнус-хан. Он «пошел по пути согласия и единодушия, укрепил основы любви и дружбы родством, приобретенным браком, и своячеством; он отдал свою дочь, покры-

тую одеянием целомудрия, Михр-Нигар-ханым, после смерти Умар-Шайх-мирзы, сына Абу Саид-мирзы, замуж за Адик-султана, сына Джанибек-хана. И таким способом обе стороны соединила и скрепила нить дружбы и союза.

По словам Мирзы Хайдара Дуглата, в те же годы за приверженцами Гирея и Джанибека «утвердилось название узбеки-казахи (узбек-казак)». В «Бахр ал-асрар» этот важный для нашей темы факт изложен более обстоятельно. «Так как, — пишет Махмуд б. Вали, — в самом начале после прибытия в Моголистан они проводили время в набегах на калмаков и киргизов и грабежах их и на окраинах областей занимались разбоем, к этому народу (тайифа) пристало имя казак» [МИКХ, с.353]. В этой связи небезынтересно отметить, что чагатаи Мавераннахра (возможно, и узбеки Улуса Джучи) называли моголов словом джете, употреблявшимся тогда, как и термин казак, в смысле разбойничья вольница, а страну моголов — Улусом Джете.

С каким количеством людей откочевали потомки Урус-хана в Моголистан мы не знаем; зато известно, что в их лагерь народ все прибывал и прибывал из Узбекского улуса. «Когда Джанибек-хан и Гирей-хан, — пишет автор «Бахр ал-асрар», — сделали длительную остановку на той территории [т.е. в Моголистане], всякий из числа знатных и простых подданных, кто начинал питать отвращение к Абу-л-Хайр-хану, находил у них убежище» [Махмуд б. Вали, т.6,ч.3,л.151б].

Обосновавшиеся в соседнем Моголистане и стоявшие во главе многотысячных «узбеков-казаков» султаны, естественно внушали опасения Абу-л-Хайр-хану. Тем более, что Гирей и Джанибек, каждый из которых был потенциальным кандидатом на ханский престол в Узбекском улусе, могли легко соединиться с тем, у кого они нашли убежище, и таким образом превратиться в грозную силу. Поэтому глава кочевых узбеков предпринял в Моголистан тщательно подготовленный поход, рассказ о котором мы находим в сочинении Махмуда б. Вали. Он сообщает, что Абу-л-Хайр выступил в поход на Моголистан с берегов реки Атил. Было собрано столь огромное войско, что пространство степи казалось тесным для такого количества всадников. Эта армия «токмаковцев» по высочайшему приказу в назначенный срок пришла в движение и направилась в страну «караунасов». Пройдя окрестности Ала-Тага, войско Абу-л-Хайр-хана через несколько переходов достигло местности Йети-Кудук («Семь колодцев») и там расположилось лагерем.

Вскоре начал дуть сильный ветер, пошел проливной дождь, затем обильный снегопад, за которыми последовали жестокие морозы, сковавшие действия узбеков Дешта. Когда мороз несколько спал, Абу-л-Хайр отдал приказ, чтобы царевич Кучкунджи вместе с эмиром Юлдуз-тарханом, Хасанбек ойратом, Джалал-огланом, Сатылмыш найманом, Саид-бек конгратом, Тимур маджаром, Ташибек кипчаком и прочими эмирами и баскаками выступил вперед, а сам избрал штаб-квартирой Ак-Кишлак. Однако грянувшие сильные морозы вновь отсрочили начало военных действий. В это время заболел Абу-л-Хайр: у него началась сильная лихорадка. Состояние его здоровья стало ухудшаться с каждым днем и часом, и через несколько дней он скончался в возрасте 57 лет.

Махмуд б. Вали в качестве даты похода и смерти хана приводит год Мыши (1468 г.), однако приравнивает его к 874 г.х., которому соответствует июль 1469 — июнь 1470 гг. В подобных случаях хронологической неувязки, если речь идет об исторических трудах, написанных в Туркестане, по словам В.В. Бартольда, приходится предполагать ошибку в мусульманской дате, так как с эрой по циклу население гораздо лучше знакомо. Однако опыт изучения материала мусульманских источников в этом плане показывает, что здесь нет «ошибки»: просто в Туркестане и прилегающих регионах двенадцатилетний циклический календарь (календарь «двенадцати животных») не был един. Так, например, в Кашгарии со времени правления Саид-хана (1514-1533) счет лет по хиджре на четыре года опережал счет лет по двенадцатилетнему циклическому календарю; в Туркестане эта разница, судя по всему, составляла один календарный год. Учитывая то обстоятельство, что любой год двенадцатилетнего циклического календаря (равно как и мусульманского календаря) разными своими частями приходится на два года европейского календаря, дату смерти предводителя кочевых узбеков сформулируем так: Абу-л-Хайр-хан умер в один из зимних месяцев года Мыши, то есть в конце 1468 — начале 1469 гг.; поскольку в источнике речь идет о начале зимы, предпочтительным оказывается 1468 гг.

Одним из спорных является вопрос о начале Казахского ханства, дате его образования. Некоторые исследователи откочевку Гирея и Джанибека рассматривают как начало возникновения Казахского ханства; некоторые ученые считают, что Казахское ханство образовалось на рубеже XV-

XVI вв.; другие авторы относят оформление самостоятельного Казахского государства к еще более позднему времени — к 30-40-м годам XVI в. Некоторые историки утверждают, что собственно Казахское ханство было основано именно в 870/1465-1466 гг.

Автор настоящих счел исходит из представления, что образование Казахского ханства не было единовременным актом, а было сложным по характеру и продолжительным по времени многоаспектным процессом; в частности, процессы политические развивались одновременно с этническими процессами, переплетались с ними. Ход этого процесса видится в такой вот цепочке:

1. Событие (около 1459 г.) — отложение Гирея и Джанибека с частью племен и родов от главы кочевых узбеков Абу-л-Хайр-хана и их перекочевка в западные пределы Моголистана.

Важнейшие последствия — закрепление за приверженцами Гирея и Джанибека имени «узбеки-казаки» или просто *казаки*; начало традиционному союзу между потомками Урус-хана и Чагатаидами Моголистана.

2. Событие (после 1468 г.) — возвращение Гирея, Джанибека и их приверженцев в Узбекский улус и захват там верховной власти.

Важнейшие последствия: сложение новой политической структуры, управляемой другой ветвью Джучидов; перенесение затем на новое государственное образование названия *казак*, которое бывшие подданные Абу-л-Хайра принесли в Узбекский улус.

Вопросы первого круга мы уже рассмотрели; перейдем к обзору вопросов второго круга. (Проблемы этнической истории, связанные с описываемыми здесь военно-политическими событиями, будут рассмотрены в другом разделе данной главы.)

После смерти Абу-л-Хайр-хана политический кризис в Узбекском улусе особенно обострился: начались обычные при таких условиях распри претендентов на ханское достоинство и Кипчакские степи окончательно потеряли покой. По данным «Фатх-наме» Шади, «когда Хан-и Бузург» (Абу-л-Хайр-хан) унес свои пожитки из сего мира, пришел Йадгар и воссел на ханство. Йадгар, которого «улус одобрил на ханство», был сыном Тимур-Шайха б. Хадджи-Тули и одним из приближенных Абу-л-Хайра. Похоже, он был узурпатором власти в Узбекском улусе. Согласно Махмуду б. Вали, умирающий Абу-л-Хайр-хан завещал своим могущественным детям и счастливым потомкам дружбу и

согласие; много и наставительно говорил им об опасности последствий вероломства и разногласия и о результате противоречия и вражды. О наследнике престола ничего не говорится. Источники шейбанидского круга, кроме упомянутого «Фатх-наме» Шади, единодушно в утверждении, что власть Абу-л-Хайра унаследовал его сын от жены из племени конграт — Шайх-Хайдар-хан.

Однако Шайх-Хайдар-хан оказался не в состоянии установить в стране сколько-нибудь прочный порядок. По словам Бинаи, при нем «управление государством и устав султанства» пошли не так, как это было раньше и не было соблюдения обычаев старины. Вскоре Шайх-Хайдар-хан увидел, что эмиры и бахадурь, ранее служившие его отцу и теперь «ставшие его мулазимами», не повинуются ему и «рассеиваются по одиночке в разные стороны», но остановить их было не в его власти, так как он сам первым нарушил заветы отцов и дедов в управлении государством.

Судьба этого наследника Абу-л-Хайра может служить примером бессилия ханской власти перед феодальной знатью. Хану удавалось держать их в повиновении только до тех пор, пока последние видели в нем какую-нибудь для себя пользу. Если же верховный сюзерен проявлял стремление не считаться с ними или же не вел активную внешнюю политику и победоносные войны, обогащавшие их, то он терял реальную власть над своими вассалами, которые тут же покидали его. Покинув прежнего предводителя, феодалы становились под знамя другого сюзерена и с готовностью служили ему. В подобных случаях происходили значительные передвижения, вызывавшие разные миграции кочевников, уход их из родных кочевий. Так было и в данном случае. После смерти Абу-л-Хайр-хана, читаем мы у Мирзы Хайдара, Узбекский улус пришел в расстройство; в нем начались большие неурядицы; всякий, кто только мог, уходил, ища безопасности, к Гирей-хану и Джанибек-хану, так что число собравшихся около них людей «достигло двухсот тысяч человек».

Усилившись за счет новых беглецов, Гирей и Джанибек не преминули предъявить свои права на трон в Узбекском улусе, куда они возвратились при начавшихся после смерти Абу-л-Хайр-хана беспорядках. Во всяком случае, «в числе султанов, которые пришли, повязав на талию пояс старания с умыслом овладеть вилаетом Шайх-Хайдар-хана», упоминаются и их имена. Отмечу здесь, что это первое

упоминание Гирея и Джанибека в источниках шейбанидского круга.

С приходом султанов-изгнанников в Узбекский улус борьба претендентов за ханский трон разгорелась с новой силой. В начавшейся войне Шайх-Хайдар не был поддержан своими эмирами и бахадурами, так что хану пришлось «с малым числом людей учинять большое сражение». В жарком бою Шайх-Хайдар потерпел полное поражение и погиб; близкие к нему люди были перебиты или рассеялись в разные стороны.

Еще какое-то время прошло в битвах и столкновениях противоборствующих сторон; и власть в государстве кочевых узбеков из рук Шибанидов перешла в руки потомков Урус-хана. Анализ данных письменных источников показывает, что это событие имело место в 875/1470 г. С тех пор, если пользоваться выражением Мирзы Хайдара, «казахи всецело владычествовали в большей части Узбекистана». Слова автора «Тарих-и Рашиди» подтверждаются нарративными источниками эпохи последних Тимуридов и шейбанидского круга, где при описании событий после гибели Шайх-Хайдар-хана о Гирей-хане, Джанибек-хане и их преемниках говорится как об единственно реальных властителях Узбекского улуса. Дальнейшая история Восточного Дешт-и Кипчака, как мы увидим, сложилась так, что новая династия, пришедшая на смену Шибанидам, правила страной более 350 лет.

Таким образом, в начале 70-х годов XV столетия на части огромной территории Узбекского улуса в результате захвата власти в государстве кочевых узбеков появилось политическое образование, управляемое ханами из потомков Урус-хана — Гиреем и Джанибеком, приверженцы которых носили название «узбеки-казаки» или просто «казаки». Падение государства Абу-л-Хайр-хана и образование нового ханства произошли по обычной для рассматриваемой эпохи формуле, согласно которой в средние века государства возникали и падали вместе с той или другой династией.

3. Первые казахские владетели и Мухаммад Шейбани-хан.

Образование казахского ханства подтверждает высказанное в свое время В.В. Бартольдом мнение о том, что политическое объединение кочевников обычно достигается после долгой и кровавой борьбы. Яркую картину такой ожесточенной борьбы рисуют нам исторические хроники, повествующие о событиях того периода.

Из данных этих источников видно, что основным противником первых казахских ханов был выступивший с самого начала как талантливый организатор и энергичный предводитель Мухаммад Шейбани, который стремился восстановить господство семьи своего деда Абу-л-Хайр-хана над Восточным Дешт-и Кипчаком и объединить кочевые племена степей под своей властью. Причем при столкновении со своими соперниками Шейбани имел дело уже с сыновьями основателей Казахского ханства, среди которых старший сын Гирея Бурундук именуется верховным ханом казахов. Когда, где и при каких обстоятельствах скончались Гирей и Джанибек источники умалчивают.

Их имена упоминаются в рассказе о набеге некоего Бурудж-оглана на орду могольского хана Юнуса, стоявшего зимой 877/1472-1473 гг. на берегу Сыр-Дарьи. Другое упоминание имени Гирея связано с обстоятельствами удаления Шейбани из Узбекского улуса в Мавераннахр. По словам Бинаи и анонимного автора «Нусрат-наме», зимой 878/1473-74 гг. Гирей-хан (однако в «Фатх-наме» Шади вместо Гирей-хана назван в данном случае его сын Бурундук) подошел с сильным войском к Ясы (г. Туркестан), и хаким города Мухаммад-Мазид тархан предпочел заблаговременно избавиться от Мухаммада Шейбани, отправив его со спутниками в Самарканд, чтобы устранить тем самым военное столкновение с казахским ханом. По всей вероятности, Гирей-хан и умер в те же годы. У Гирей-хана было много сыновей, пишет Мирза Хайдар, однако он не приводит их имена. Согласно генеалогии Джучидов, у Гирей-хана было три сына: Бурундук, Ходжа-Мухаммад и Султан-Али.

Наши сведения о Джанибек-хане также очень скудны. В источниках его имя всегда или почти всегда упоминается рядом с именем Гирей-хана. Вот что сообщает о нем

Абу-л-Гази [т.1, с.178-179]: «Чингиз-хан, его сын Джучи-хан, его сын Тукай-Тимур, его сын Уз-Тимур, его сын Ходжа, его сын Бадакул-оглан, его сын Урус-хан, его сын Куйручак-хан, его сын Барак-хан, его сын Джанибек-хан по прозванию Абу Саид. У него было девять сыновей, а именно: первый Иренджи (в сочинении Бинаи «старшим сыном» Джанибек-хана назван Махмуд-султан), Махмуд, Касим, который восстал с Мухаммадом Шейбани-ханом и был виновником его гибели, затем Айтик, Джаниш, Канбар, Тиниш, Усяк, Джаук». Автор «Нусрат-наме» дает следующее написание имен сыновей Джанибек-хана: Иренджи, Махмуд, Касим, Атик, Джаныш, Канбар, Тыныш, Уснак, Джадик.

Как установил В.В. Вельяминов-Зернов, имя *Джаук* следует читать как *Джадик*; Джадик же и *Иадик* других источников — одно и то же лицо.

Для суждения о времени смерти Джанибек-хана и о том, был ли он, один из основателей Казахского ханства, самостоятельным правителем, могут быть привлечены из-за отсутствия прямых указаний в источниках лишь косвенные данные. В «Тарих-и Рашиди», например, встречается такое сообщение: «Вышеупомянутый Касим-хан был сыном Джанибек-хана. Он по примеру отца во всем повиновался и был покорен Бурундук-хану». Из него можно сделать вывод, что Джанибек пережил Гирей-хана, отца Бурундука, и что самостоятельным правителем он не был, хотя и носил титул хана.

Об обстоятельствах и точном времени перехода ханской власти в руки Бурундука ничего не известно. Ибн Рузбихан, говоря о событиях начала 70-х годов XV в., замечает, что после смерти Абу-л-Хайр-хана во владениях «узбекских ханов» возникла смута и очередь ханствования в улусе Шибана досталась Шайх-Хайдар-хану. «И в улусе казахов султаны претендовали на ханскую власть. После того как этот сан некоторое время принадлежал нескольким лицам, очередь ханствовать досталась Бурундук-хану» [Ибн Рузбихан, с.96] Под «несколькими лицами», ханствовавшими в улусе казахов до Бурундука, здесь можно подразумевать прежде всего только Гирей и Джанибека. Значит ли это, что между двумя основателями ханства была борьба за верховную власть и что после Гирей некоторое время правил Джанибек, сказать трудно. Согласно «Тарих-и Рашиди», Бурундук-хан был непосредственным преемником отца; в источниках шейбанидского круга Бурундук именуется ханом казакков уже при описании событий середины 70-х

годов XV в., то есть времени, близкого ко времени смерти его отца.

Подробности многочисленных столкновений, сражений и боев Мухаммада Шейбани с потомками Урус-хана прежде всего за обладание присырдарьинскими городами получили достаточное освещение в трудах наших ученых, особенно проф. А.А. Семенова и неутомимой исследовательницы средневековой истории Казахстана К.А. Пищулиной, и потому не будем останавливаться на них. Мы рассмотрим здесь вопрос о том, какую политическую и военную силу представляла в степи группировка потомков Абу-л-Хайра, пытавшаяся во главе с Мухаммадом Шейбани вернуть свои утраченные привилегии.

Имя этого даровитого царевича будет часто встречаться в последующих страницах; скажем о нем несколько слов для любознательного читателя.

Он был внуком Абу-л-Хайр-хана и старшим сыном Шах-Будак-султана (ум. в 864/1459-60 гг.). Родился в 1451 г. По Бинаи и Хондамиру, родительницу его звали Аккозы-бегим, она была «из рода Алтан-хана». Собственное имя Шейбани — Мухаммад. Но, как известно, знатное происхождение создавало на мусульманском Востоке сложную систему имен, и полное имя взрослого человека может включать в себя 3-5 и более компонентов. По Бинаи и Юсуфу Мунши, еще при рождении Мухаммада, его дедом Абу-л-Хайр-ханом ему было дано почетное прозвание (лакаб) Шахбахт; другие его прозвания, которые он получил позже, — Абу-л-Фатх, Шахибек-хан, Шайбек-хан, Шидак-хан. Бабур, политический и династийный противник Шахибек-хана, называет его «не выдавшим света деревенщиной» и безграмотным писакой, «сочинившим несколько бездарных стихов». Однако тут — явное пристрастие. Мы знаем, что знаменитый внук Абу-л-Хайр-хана был одним из образованнейших людей своего времени и известным в литературных кругах поэтом, в творческом наследии которого значатся объемистое поэтическое произведение под названием «Бахр ал-Худа» и многочисленные стихи; как поэт он пользовался литературным псевдонимом (тахаллус) Шейбани. Вот что пишет о нем Абу-л-Гази [т.1, с.183]: «Имя старшего сына Абу-л-Хайр-хана — Шах-Будак-султан; у него было два сына: имя (ат) старшего сына было Мухаммад, прозвание (лакаб) — Шахбахт, да будет на нем милость божия! Он был поэт, и так как он происходил из потомков Шибан-хана, то принял тахаллус Шейбани, да помилует его бог!» По мнению В.В. Бартольда, «очень ве-

роятно», что причиной переделки имени Шибан в Шейбан и появление имени Шейбани было популярное в мусульманском мире прозвище, совпадающее с названием арабского племени, знаменитого факиха ханифитского толка, ученика Абу Ханифы и Абу Юсуфа. В источниках шейбанидского круга полное имя этого внука Абу-л-Хайр-хана обычно пишется в форме — Абу-л-Фатх Мухаммад Шейбани-хан. Он был основателем государства Шибанидов в Средней Азии (1500-1598). У него было три сына — Мухаммад-Тимур, Хуррамшах-султан и Абу-л-Хайр-султан. Прямые наследники самого Шейбани-хана никогда и нигде не правили, так что династии под названием Шейбаниды (Шайбаниды), как это часто пишется в исторической литературе, не существовало. Шейбани-хан, его дети, его дед Абу-л-Хайр-хан — все они — были Шибанидами (Сыбанидами), то есть потомками Шибана (Сыбана), сына Джучи, сына Чингиз-хана.

Какую политическую и военную силу представляла в степи группировка потомков Шибана после смерти Абу-л-Хайр-хана?

По этому вопросу в созданных до сих пор исторических трудах нет единого мнения. Одни считают, что реальной политической и военной силой потомки Абу-л-Хайра стали только после 1500 г., когда они завоевали государство Тимуридов. Согласно мнению других, Мухаммад Шейбани с самого начала своей деятельности выступил как руководитель значительного по своему размаху движения кочевников, и даже говорят о якобы существовавшем в казахских степях «Узбекском ханстве» во главе с Мухаммадом Шейбани, хотя допускают, что процедура поднятия на белом войлоке, что являлось у тюркских племен обрядом избрания султана в ханы, с Шейбани-ханом, вероятно, не была произведена.

Между тем в исторических анналах периода самого Шейбани-хана нет по этим вопросам ясности. Согласно показаниям этих источников, реальную политическую и военную силу в Узбекском улусе с начала 70-х годов XV столетия представляли казахские владетели в лице Гирея, затем его старшего сына Бурундука и многочисленных сыновей Джанибек-хана, которые сделались теперь грозной силой, противостоящей небольшой кучке Шибанидов, обреченных судьбою на жизнь скитальцев, живущих за счет мелкого грабежа и разбоя. Так, после поражения Шайх-Хайдар-хана Шейбани и другие потомки Абу-л-Хайра вынуждены были оставить родные степи и просить

покровительства у астраханского правителя, а затем спасти свою жизнь поспешным бегством из осажденного Хаджи-Тархана. С небольшим числом приверженцев из племени кушчи (кошчи?) они долгое время скитались в окрестностях Сыгнака и Саурана, занимаясь грабежом и разбоем, пока не объединились с Бурудж-огланом.

Положение потомков Абу-л-Хайр-хана, потерявших все, покинутых людьми, «предавшими забвению обязательства соблюдать верность», прекрасно характеризуется несколькими строками, которые автор стихотворной хроники «Фатх-наме» вкладывает в уста самого Шейбани. Будущий завоеватель государства Тимуридов, обращаясь к сорока своим приближенным, горько сетует:

Не осталось у нас ни йурта, ни пристанища,
Они полностью попали к врагу,
Нет у нас войска, чтобы отправиться воевать,
Чтобы повести в бой знать и ра'иййатов.
Нигде никто не окажет нам покровительства,
Даже презренный человек не приютит нас.
Как небесный свод бродим мы вокруг мира.
Доколе можно нам бродить так рассеянными!
Отныне мы пустим в дело меч и руку.

И пускают. Но судьба не благоприятствовала Мухаммаду Шейбани, и он, гонимый казахскими владетелями, вынужден удалиться в Мавераннахр. На пути в Самарканд малочисленный отряд Шейбани был наголову разбит около Сабрана тамошним владетелем Иренджи-султаном, сыном Джанибек-хана. Оставшиеся в живых спутники царевича почти все рассеялись. Он сам с братом Махмудом едва спасся бегством и вместо Самарканда поспешно направился в Бухару. Эмиры и бахадуры — все, кто был свидетелем того события, говорится в источнике об этом поражении Шейбани-хана, «разбежались в разные стороны, так что у них не было возможности соединиться друг с другом». А Мухаммад Шейбани-хан «в силу необходимости» с немногочисленными приближенными направил поведья решимости в сторону Бухары.

Из чужой страны он решается выступить в родные края спустя два года, лишь после того, как ему удастся, по всей вероятности, не без помощи ордена «накшбендия», с которым в какой-то степени, по-видимому, был связан его брат Махмуд-султан, собрать необходимые военные снаряжения. Отмечая двухлетнее пребывание Шейбани в Бухаре, Шади

пишет: «Там у него появилось обильное снаряжение для войны, тогда же сердце у него стало томиться мыслью о шахском достоинстве». С этой мыслью, никогда не покидавшей властолюбивого принца, Шейбани решается опять попытать счастья на поприще авантюры и захвата и направляется в Туркестан.

Однако слишком незначительны были его силы (согласно Шади, во время выступления Шейбани-хана в Дешт-и Кипчак у него было 300 человек; ту же цифру приводит и автор «Нусрат-наме»), чтобы можно было предпринять с ними что-либо серьезное и добиться успеха в борьбе с казахскими владетелями, каждый из которых воевал «многочисленным войско», а хан Бурундук располагал 50-тысячным войском. Тем не менее, ему в начале удается завладеть несколькими присырдарьинскими городами, но этот захват крепостей столь же непродолжителен, насколько скоро оказались они в его власти. Не превосходство военной силы открывало тяжелые крепостные ворота перед слабым отрядом Шибанида и отдавало крепости в его руки, а небескорыстное гостеприимство их владетелей, которые сами вручали ему ключи от крепостей, принимая Шейбани и его немногочисленных приверженцев весьма гостеприимно и с притворным уважением и преклонением. Немаловажной причиной кратковременных успехов Шейбани, несомненно, была и поддержка, которую он нашел в мангытах, в значительной степени добровольно подчинившихся ему и даже выдвигавших его кандидатуру в ханы.

Стремясь упрочить свои взаимоотношения с мангытскими мирзами, он женит своего дядю Суйундж—Ходжа-султана на дочери Муса-мирзы, на одной из сестер которой был женат сам. Но мангытские мирзы не только не выполнили своего обещания поднять его ханом, но вскоре перешли в лагерь его противников. Покинутый вчерашним союзником и неотступно преследуемый казахским ханом и султанами, он терпит поражение в жарком бою у перевала Согунлук, между Сузаком и Сыгнаком, в горах Кара-Тау, от объединенных сил Бурундук-хана и владетеля Сузака Махмуд-султана, сына Джанибек-хана и спешно удаляется на полуостров Мангышлак.

Затем мы видим его на службе у Тимурида Ахмад-мирзы. Но велевой авантюрист, удалой молодец, каким был Мухаммад Шейбани, вовсе не думал всегда оставаться вассалом тимуридского султана. Скоро он покинул Ахмад-мирзу и перешел на сторону моголов, заключив мир с его величеством Султан-Махмуд-ханом. Однако все эти союзы

шибанидского царевича, заверенные лишь устными клятвенными обещаниями, неискренны и столь же непрочны, как непрочно положение самого Шейбани. Как тонкий политик он прекрасно понимает, что и его терпят лишь постольку, поскольку его служба может принести пользу в чьих-либо честолюбивых замыслах, что сразу же после того, как сегодняшним соратникам удастся достичь своих целей, этот союз тут же потеряет смысл для обеих сторон, что завтра они могут быть только соперниками. И поэтому после захвата Сабрана он, по словам Шади, предупреждая своих спутников остерегаться козней и интриг старейшины города, говорит:

Ведь по необходимости отдали они нам город,
Но не закрыли они дверь козням и интригам.
Чуть явится им покровительство с другой стороны,
Поведут они тебе рассказ стрелой и секирой.

Опасения Шейбани оказались не напрасными. Старейшины Сабрана, добровольно вручившие ключи от города брату Шейбани Махмуд-султану, с такой же легкостью открыли ворота перед казахским ханом Бурундуком, выдав ему Махмуд-султана вместе с семейством. А когда Бурундук-хан «с сыновьями Джанибек-хана и с войском мангытов» осадил Сыгнак, то городские сановники, не желая подвергаться ужасам расправы кочевников, склонили жителей выразить покорность казахскому хану. По этому поводу вот что пишет Бинаи. Группа предводителей, созвав людей Сыгнака, сказала: «Прежде этот вилайет принадлежал Бурундук-хану. Целесообразно передать нам этот вилайет Бурундук-хану, чтобы тем самым устранить неприязни».

Выбитый из присырдарьинских крепостей, часть которых перешла во владения казахского хана, Шейбани с отрядом в 400 человек устремился в низовья Аму-Дарьи, в вилайет Хорезм в надежде захватить владения Тимуридов. Этот набег в значительной мере можно объяснять географической изолированностью и относительной удаленностью Хорезма от политического центра, что делало эти владения Хусайн-мирзы наиболее доступными для завоевания. Но и здесь его успехи оказались не блестящими, и он поспешил обратно в степи; тем более, что его звал туда Султан-Махмуд. Могольский хан, опасаясь, что «Султан-Ахмад-мирза поведет наступление на вилайет Ташкент», уступил Шейбани только что взятую им у Тимуридов пограничную кре-

пость Отрар. В ходе следовавших затем непрерывных войн с казахскими владетелями в руки узбекского царевича, не без помощи того же могольского хана, перешли ряд крепостей, в том числе и Ясы (г. Туркестан). Последнее обстоятельство послужило причиной открытого выступления казахских султанов против Махмуд-хана, следствием чего явились несколько сражений между традиционными союзниками — моголами и подданными Бурундука. По словам Мирзы Хайдара, крупных сражений было два, и в обоих победа осталась на стороне казахских султанов.

Переход некоторых пограничных крепостей в руки Мухаммада Шейбани скорее всего объясняется его умением выгодно использовать враждебные интересы своих соперников, коалиции которых были, как правило, непрочны и быстро распадались. Ярким примером его тактики ведения войны может служить поведение самого Шейбани в осажденной крепости. Когда казахский хан Бурундук в союзе с Мухаммад-Мазид-тарханом подошел к Отрару, то Шейбани посоветовал запереться в крепости и не вступать в открытое сражение с преобладающей силой противника. «Поскольку их два-три соперничающих войска, — говорил он своим приближенным, — то они могут воспылать подозрением друг к другу. Когда же все заподозрит друг друга, тогда дело пойдет к расстройству». И действительно, случилось то, пишет далее Шади, восхищаясь мудростью своего патрона, что соизволил предсказать государь.

Двойная игра молодого Шибанида, исключительная его энергия и решимость в достижении своих целей и явные уже захватнические планы не могли быть не замечены могольским ханом, и Султан Махмуд, опасаясь за судьбу своих владений, вновь возрождает прерванный союз с казахскими владетелями, поставив целью вытеснить Шейбани из занятых им присырдарьинских пространств. Шейбани, отряд которого источники определяют в 100-300 человек, не смог оказать сопротивление объединенным силам и, потеряв ряд крепостей, заключил мир с казахами, который был скреплен брачными узами дочерей Бурундук-хана с братом Шейбани, Махмуд-султаном и сыном его Мухаммад-Тимур-султаном.

По всей вероятности, именно «во время этих военных действий на окраинах его родных степей зародилась наиболее верная для того момента мысль, что добиваться власти ему, изгою, над своими беспокойными, вечно движущимися племенами и родами, с их свободолобием и неорганизованностью, с их вольнолюбивыми и влиятельными родовыми

ханами и султанами — предприятие, по меньшей мере, ненадежное и мало выгодное. Здесь же, во владениях тимуридов, откуда он начинал свою экспансию в Дешт-и Кипчак, налицо были прочно сложившиеся устои правильно организованной государственности: при раздробленности империи тимуридов на ряд владений, при соперничестве и внутренней слабости удельных правителей, — все могло способствовать переходу власти к тому честолюбцу, который нападет на это богатое государство и, оставив народу те же порядки в его внутренней и общественной жизни, захватит верховную власть в свои руки». «Расчеты честолюбца оказались правильными, — замечает далее А.А. Семенов, автор одной из лучших работ, посвященных истории завоевания государства Тимуридов кочевыми узбеками Дешт-и Кипчака, — а его энергия, неустрашимость и всегдашнее присутствие духа помогли ему осуществить свои мечты» [Семенов, с.45].

В итоге изложенного можно сказать, что все эти рассказы авторов, хорошо знавших подробности «годов казачества» Шейбани-хана, несомненно заслуживают внимания и не позволяя принять утверждение о существовании узбекского княжества Мухаммада Шейбани, согласиться с мнением о том, что внук Абу-л-Хайра до завоевания Мавераннахра выступал как руководитель массового по своему размаху движения. Как справедливо отметил В.П. Юдин, потомки Абу-л-Хайр-хана получают возможность ставить перед собой и решать самостоятельные задачи лишь после завоевания ими государства Тимуридов. Что касается самого завоевания государства Тимуридов, то оно было осуществлено не превосходством военных сил Шейбани-хана над Тимуридами, а тем, что почва для этого завоевания земледельческих оазисов Средней Азии кочевыми узбеками Кипчака подготавливалась по мере ослабления политической мощи потомков Тимура.

Завоевание государства Тимуридов Шейбани-ханом в начале XVI в. привело к окончательному уходу потомков Абу-л-Хайра с частью племен и родов Узбекского улуса с территории Дешт-и Кипчака и к перенесению термина *узбек* в покоренные ими области Средней Азии. С этого времени оба термина — *казак* и *узбек* — приобрели такое значение, что служили не только для обозначения приверженцев старой знати Шибанидов или Гирея, Джанибека и их потомков, но и для разделения сородичей по месту их жительства, ограниченного теперь рамками определенных политических границ.

4. Казак: слово и этноним.

Казак — тюркское слово. Его исходная форма именно такая — два увулярных *қ* — начальный и конечный — казак. Со времени выхода известной книги А. Левшина о казахах (1832 г.) в трудах некоторых ученых распространено утверждение о том, что в «Шах-наме» Фирдауси (рубеж X-XI вв.), в разделе о Рустаме, якобы говорится о народе казахах и ханах казахских. Однако это основано на каком-то недоразумении. Содержание бессмертного творения гениального Фирдауси достаточно хорошо известно ориенталистам, и там нет ни слова о слове казак. Одно из ранних упоминаний слова казак в мусульманских письменных памятниках встречаем в анонимном тюрко-арабском словаре, составленном, вероятно, в Египте, известном по рукописи 1245 г. и изданном в Лейдене в 1894 г., со значением «бездомный», «бесприютный», «скиталец», «изгнанник».

В исторической литературе существуют самые разнообразные толкования происхождения слова казак. Одни выводили его из тюркских глаголов *каз* «рыть», *кез* «скитаться», *кач* «бежать, спасаться»; другие создали невероятную этимологию этого слова от *каз* «гусь» и *ак* «белый»; есть исследователи, которые считают возможным выводить слово казак из монгольского термина *касақ-тэргэн*, обозначающий род повозки.

Но каково бы ни было происхождение слова казак, несомненно то, что первоначально оно имело нарицательное значение в смысле свободный, бездомный, скиталец, изгнанник.

Не имея, таким образом, ни политического значения, ни этнического содержания, слово казак обозначало всякого вольного человека, отколовшегося от своего народа и племени или своего сеньора и принужденного вести жизнь искателя приключений. Кстати, отсюда слово казак и в русском языке. Казаками на Руси звали людей без определенных занятий и постоянного местожительства, вольных, гулящих людей, а также вольнонаемных батраков и т.д. Хотя слово казак зарегистрировано на севере Руси с конца XIV в., но все же первоначальной родиной русского казачества историки признают южные окраины Руси, смежные с Кипчакской степью, усло-

вия которых придавали этой вольнице характер военного общества.

Иными словами, исходное значение термина казак — социальное: это состояние, положение, статус некоего лица, известного коллектива в каждый данный момент по отношению к правителю, обществу, государству. Так, изгой, который бродит по разным местам, прокармливая себя мечом своим, — казак; человек, который пускается в дальний и опасный путь один, без сопровождения — казак; молодец, по выражению Бабура, «неутомимо, с отвагой угоняющий табуны врага» — тоже казак. Людей, ведших какое-то время образ жизни казака, по необходимости или по доброй воле, всегда было немало. Этому способствовали как тогдашние будничные условия жизни, так, в частности, то обстоятельство, что по понятиям того времени, как передает автор «Тарих-и Рашиди», считалось даже похвальным, чтобы мужчины в своей молодости провели некоторое время в уединении, в пустынях, горах или лесах, на расстоянии одного или двух месяцев пути от обитаемых мест, питаясь мясом дичи и одеваясь в шкуры убитых зверей.

Казакom мог стать любой человек, будь он тюрк или перс, рядовой кочевник-скотовод или принц крови в десятом поколении. Некоторое время казаками были, например, старший сын Токтамыш-хана Джалал ад-Дин, основатель государства «кочевых узбеков» Шибанид Абу-л-Хайр, его внук Мухаммад Шейбани, Чагатаиды Вайс и Саид; Султан Хусайн, владевший саблей как никто другой из Тимуридов, провел в «казачестве» не один месяц; Бабур вспоминает в своих знаменитых «Записках», как он «во время казачества» решил направиться из горной страны Масча к Султан Махмуд-хану. Здесь важно отметить, что лицо, сделавшееся казакom, могло перестать быть таковым и вернуться в прежнее состояние, в свое общество, как это и сделали все перечисленные выше казаки из тогдашнего высшего света. Султан Хусайн и Султан Саид позднее стали государями каждый в своей стране; Мухаммад Шейбани и Захир ад-Дин Бабур — каждый из них основали новое государство.

Таким образом, в те далекие времена казакom становились, делались. Для обозначения образа жизни казака в мусульманских источниках образовано существительное *казаклык* «казакoвание», «казачество». Понятие «во времена казачества» обычно передается, соответственно: *казаклыкда*, *казаклыкларда* (в тюркоязычных источниках) и *дар аййам-и казак(и)*, *муддат-и казак* (в ираноязычных источниках).

Понятно, что образ жизни казака скромный. Отсюда и слово *казакане*, то есть «по-казацки», «скромно», образованное от тюркского *казак* с присоединением персидского окончания *-ане*. Вот пример употребления этого редкого слова в тексте средневекового источника. Чагатаид Султан Ахмад был настоящий сын степи, вел суровый образ жизни. Бабур описывает «жилище» Султан Ахмада во время похода против эмира Танбала в 1502 г. так. Когда наш автор прибыл к Султану, тот взял его за руку и ввел в свой «маленький шатер». «Так как Султан Ахмад вырос на окраинных землях, — замечает Бабур, — то палатка и обстановка, в которой он жил, были скромными, казацкими (*казакане*). Дыни, виноград, принадлежности конской сбруи — все лежало тут же в палатке, где он жил» [Бабур-намэ, изд., с.133; Бабар-нама, факсимиле, л.108б].

Казак не всегда проводил свое «казакование» в полном одиночестве. Человек, пожелавший разделить с вольным казаком его непредсказуемую судьбу, становился ему казакдашем. Слово *казакдаш* (образовано по известному образцу: *юлдаш* — «спутник», *аркадаш* — «товарищ», *аулдаш* — «земляк», *ватандаш* — «соотечественник») встретилось мне впервые и только однажды в сочинении ал-Хаджа Абд ал-Гаффара Кирими «Умдат ат-таварих». *Казакдаш*. Любопытно слово! Но я не знаю, как толково перевести его на русский язык.

Существовали даже «общества из казаков», *джамат-и казак*, по выражению средневековых мусульманских авторов. Подобные коллективы возникали в разное время, в разных местах и по разной причине. Временами, пишет историк XV в. Абд ар-Раззак Самарканди, «некоторые из войска узбекского, сделавшись казаками», приходили в Мазандеран (в 1440-1444 гг.) и, устроив везде грабеж, опять уходили назад. Иногда «общество казаков» состояло из спасшегося бегством претендента на престол и его преданных сторонников, которые вдали от городов и сел вели жизнь искателей приключений. Слово казак служило также для обозначения группы, части кочевников, отделившихся от того государства, к которому они принадлежали, и находившихся с ним в состоянии войны.

Вот таким-то коллективом и были кочевники государства Абу-л-Хайр-хана, восставшие против него и в 1459 г., ушедшие из-под его власти, чтобы во главе с потомками Урус-хана Гиреем и Джанибеком искать счастья в другом месте. Не будем останавливаться здесь на вопросе о причинах откочевки части подданных Абу-л-Хайр-хана из Уз-

бекского улуса — во всей той истории гораздо важнее происшедшее потом, после 1459 г.

Выше, при изложении политической истории Казахского ханства второй половины XV в., уже говорилось, что эта группа людей из Узбекского улуса какое-то время скиталась в степях Семиречья и получила название «узбеки-казаки».

Парное название не должно нас ни удивлять, ни смущать. В рассматриваемую нами эпоху случаев, когда слово казак с нарицательным значением прилагалось к названию отдельных народностей, этнических, политических и т.п. групп и даже к собственному имени отдельных лиц, было неизмеримо больше, чем нам известно. В частности, были могольские казаки, ногайские казаки, дештские казаки, чутур-казаки (на Кавказе), а также «казаки эмира Танбала», «наши казаки» (слова Бабура), «шибан-казаки» и т.п. Надо полагать, что употребление автором «Тарих-и Рашиди» парного термина «узбеки-казаки» связано именно с этим обстоятельством, то есть ему было хорошо известно значение слова казак, которое служило и для обозначения казаков (казахов), как уже вполне обособившейся к его времени (начало 30-х годов XVI в. — время его удаления в Кашмир) этнической общности, и для обозначения разного рода вольниц, к какой бы народности они не принадлежали. Так что, употребляя парный термин, Мухаммад Хайдар как бы подчеркивал, напоминал своим читателям, что казаки Гирея и Джанибека и их потомков являются выходцами именно из Узбекского улуса.

Итак, узбекское происхождение казаков Гирея и Джанибека несомненно: они формировались из беглецов из Узбекского улуса, что и получило отражение в их первоначальном названии «узбеки-казаки». Ясно и появление «узбеков-казаков» в западных пределах соседнего Моголистана: оно связано с бегством из своей страны, поиском вольности на ее окраинах. Но естественно возникает вопрос: какова роль откочевки Гирея и Джанибека в этногенезе казахского народа? Что представляло собой общество казаков Гирея и Джанибека в политическом, этническом отношениях?

Отчасти ответ на них уже содержится в предыдущих разделах данной главы. К сказанному там здесь добавим следующее.

Откочевка Гирея и Джанибека из Узбекского улуса в Семиречье сыграла решающую роль в этногенезе казахского народа. Но не в образовании самого народа, а в определении

его современного названия, то есть откочевка 1459 г. не определила возникновение казахской народности, а лишь ускорила уже шедший процесс ее сложения. Переходный характер этого процесса хорошо подтверждается термином «узбек-казак». В связи с этим можно сказать, что завершающий этап формирования казахской народности — это процесс выделения, обособления определенной группы племен под влиянием целого комплекса факторов, в особенности политических, из конгломерата родов, племен и формирующихся народностей, находившихся на различных стадиях своего развития, каким было население Восточного Дешт-и Кипчака к началу второй половины XV в.: государство Абу-л-Хайр-хана, Ногайской орды и других политических образований. Это уже не были просто разрозненные племена или союзы племен. Среди этого разноплеменного населения, известного соседям под общим собирательным названием узбеки, уже шел процесс консолидации нескольких народностей, в том числе и той, которая получила чуть позднее название казахской. Иными словами, из Узбекского улуса выделилась и прикочевала в Семиречье не просто группа разрозненных племен, недовольных политической Абу-л-Хайра, а объединение родов и племен, составлявших там, в Дешт-и Кипчаке, население (эль) улуса потомков Урус-хана. Более того, это объединение племен представляло собой не просто политическую группировку, связанную общим вассалитетом по отношению к одной ветви Чингизидов, а субэтническую общность конгломератного типа, обособившуюся еще до откочевки 1459 г. в результате осуществления политики сепаратизма возглавлявших ее потомков Урус-хана.

Словом, такое событие, как откочевка 1459 г., не было ни началом, ни венцом формирования казахской народности. Но оно было одним из главных моментов этого разноаспектного процесса: в 1459 г. в степных просторах Семиречья произошла историческая встреча формирующейся народности с будущим своим именем. И отныне слились в нерасторжимое единство история людей, приверженцев потомков Урус-хана и история слова казак. Так что откочевка Гирея и Джанибека — это судьбоносное событие и в истории самого слова казак.

И в самом деле. Вспомним события тех лихих десятилетий XV в. Вот потомки Урус-хана со своими улусными людьми откочевали из государства Шибанида Абу-л-Хайр-хана и обосновались в Западном Семиречье. Собственно говоря, с тех событий и началась новая страница истории

Казахстана. Образование по соседству с владениями Абу-л-Хайр-хана довольно крупной группировки, состоявшей из враждебно настроенных бывших его подданных, вызвало военный поход предводителя «кочевых узбеков», прерванный скоростижной смертью этого хана в 1468 г. С кончиной Абу-л-Хайра путь в родные края для Гирея, Джанибека и их приверженцев был открыт, и они, вернувшись в Узбекский улус, вскоре захватили там верховную власть, частью истребив, частью прогнав своих соперников. Этими событиями было положено начало собственно казахской государственности.

Замена правящей династии в Узбекском улусе другой ветвью Чингизидов не привела к сколько-нибудь существенным переменам в экономической и социальной структуре государства кочевых узбеков. Однако это событие в конечном счете привело к изменению названия государства, страны и к приобретению словом казак этнического содержания. В лице потомков Урус-хана, возглавивших «узбеков-казаков» (казахов), а затем ставших и во главе большинства узбеков Узбекского улуса, возникла победоносная конкуренция прежней знати потомков Шибана, которые были рассеяны теперь в разные стороны и оказались непригодными к роли объединителей. Отныне безраздельному господству термина узбек в Восточном Дешт-и Кипчаке был таким образом положен конец. Если прежде племена, обитавшие в Узбекском улусе, характеризовались общим собирательным названием узбеки, то теперь их стали разделять на собственно узбеков (шибанитов), казаков (казахов) и мангытов (ногаев). Вот как характеризует этнополитическую ситуацию на территории Восточного Дешт-и Кипчака того времени Ибн Рузбихан, один из самых осведомленных придворных историков Шейбани-хана. «Три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингиз-хана. Ныне одно из них — шибаниты, и его ханское величество после ряда предков был и есть их повелитель. Второе племя — казаки, которые славны во всем мире силою и неустрасимостью, и третье племя — мангыты, а из них цари астраханские. Один край владений узбеков граничит с океаном [т.е. с Каспийским морем — Т.С.]; другой — с Туркестаном; третий — с Дербендом; четвертый — с Хорезмом и пятый — с Астрабадом. И все эти земли целиком являются местами летних и зимних кочевий узбеков. Ханы этих трех племен находятся постоянно в распри друг с другом и каждый из них посягает на другого» [Ибн Рузбихан, пер., с. 62].

Словом, процессы политического и этнического разграничения населения бывшего Узбекского улуса приняли в 70-90-е годы XV в. поистине глубинный, необратимый характер. Тем не менее, однако, сами процессы шли медленно, так сказать, пешим шагом; и неизвестно, как бы долго все это продолжалось и чем бы оно закончилось. Но тут история приняла вдруг несжиданный оборот.

С начала нового, XVI столетия развернулись такие события, которые привели к большим политическим и иным переменам в истории Средней Азии и Казахстана. Предводитель Шибанидов Мухаммад Шейбани, пользуясь политической раздробленностью страны, выступил из Дешт-и Кипчака и в 1500 г. захватил Бухару, а в мае следующего года Самарканд, изгнав оттуда потомка Тимура Бабура. Военные успехи Шибанидов привели к тому, что вскоре Бабур вынужден был искать убежище у своего дяди, могольского хана Махмуда, а после его поражения от Шейбани-хана в сражении под Акси в 1503 г. удалиться в Кабул. Тем временем победное шествие Шибанидов по раздробленным на мелкие уделы владениям Тимуридов продолжалось. В мае 1507 г. Шейбани-хан со своими военными силами вступил в пределы Хорасана и захватил Герат, Астрабад, Гурган и другие города. Тимурид Бади аз-Заман, последняя надежда в борьбе с кочевыми узбеками, бежал в Азербайджан, оттуда в Турцию и кончил жизнь свою в Стамбуле. Власть Тимуридов в Средней Азии пала, и на большей части ее территории воцарилась новая династия, возводившая свой род к внуку Чингиз-хана Шибану.

Завоевание государства Тимуридов кочевыми племенами Дешт-и Кипчака, известными под общим названием узбеки, явилось выдающимся событием в этнополитической истории современного узбекского и казахского народов. Отметим здесь два момента. Во-первых, последствием ухода Шибанидов из степи было определенное передвижение кочевых племен Дешт-и Кипчака в покоренные области Средней Азии. Анализ данных источников по этому вопросу показывает, что общее число ушедших из степи в Среднюю Азию кочевников Дешт-и Кипчака достигало 240-360 тысяч человек. Во-вторых, окончательный уход Шибанидов с достаточно большой массой людей с территории современных казахских степей в конечном счете привело к различиям в быту, нравах и обычаях, в культуре и т.д. между узбеками Средней Азии и узбеками-казаками (казахами) Дешт-и Кипчака.

Вот это-то событие — территориально-этническое, социально-экономическое и культурно-бытовое разграничение населения бывшего Узбекского улуса, вызванное передвижением значительной части племен улуса в Среднюю Азию во главе с Мухаммадом Шейбани-ханом, и сыграло решающую роль в окончательном сложении новой этнической общности — казахской народности. Просторы Восточного Дешт-и Кипчака перестали быть местом исторического перепутья терминов узбек и казак. Слово *узбек* стало обозначением группы племен, передвинувшихся вместе с Шибанидами на территорию Средней Азии. За оставшимися кочевать в степях Восточного Дешт-и Кипчака и Семиречья тюркоязычными племенами, объединенными под властью членов другой ветви Чингизидов, окончательно закрепилось название *казаки*, за страной название *Казакстан*.

С тех пор и до ныне коренные жители этой огромной страны себя иначе не называют, как казаками (қазак). Между тем в русскоязычной литературе долгое время (начиная с XVIII в. и до 30-х годов нашего столетия) для обозначения коренного населения Казакстана употреблялись слова *кайсаки*, *киргизы*, *киргиз-кайсаки*, *казак-киргизы*, *казак-буруты*, *киргиз-казаки*. Каждый случай перенесения ошибочного названия на *казаков* (*казахов*) имеет свое объяснение и потому требует специального рассмотрения. Слово же *казак* — современное официальное название многомиллионного народа, занимающего по пространству своих земель первое место среди современных тюрков, представляет собой русский вариант тюркского *казак*. Как установила Г.Ф. Благова, одна из первых фиксаций слова *казак* в русских источниках относится к 1822 г., в словарях это слово появляется в 1865 г. Официальное утверждение русского варианта тюркского слова *казак* связано с административно-хозяйственным переустройством Казакстана, происшедшим в 1936 г.

В заключение выскажем следующие положения. XVI столетие — важная веха в истории государства мусульманского мира. Уже В.В. Бартольд (1869-1930) проводил ясное и четкое разделение между эпохой, начавшейся в XVI в., и предыдущей эпохой. Начало XVI в. стало для В.В. Бартольда гранью между средневековой и новой историей мусульманского Востока. «В новой истории мусульманства, — писал он, — мы видим характерные отличия от истории ислама в средние века. В противоположность очень быстрой смене династий в средние века и вообще политической неустойчивости власти, неболь-

шим размерам государства и потому отсутствием какого бы то ни было патриотизма, теперь мы встречаем единство государств, которые там образуются. Мы видим мусульманскую державу «Великих Моголов» в Индии, затем Турцию и Персию. ... Различие между новой историей и историей ислама в средние века заключается именно в образовании этих трех больших мусульманских держав» [Бартольд, II, ч.1, с.750].

Приблизительно в то же время в Средней Азии возникли Бухарское ханство, Хивинское ханство, Яркендское ханство. Практически именно с конца XV и начала XVI в. вместе со сложением и упрочением Казахского ханства в бывшем Узбекском улусе (70-е годы XV в.), государства Шибанидов в Средней Азии (начало XVI в.) и Могольского государства с центром в Яркенде (1514 г.) на исторической арене Средней Азии появились новые народности: узбеки, казахи, кыргызы, каракалпаки. Именно с этого времени мы можем и должны говорить не о племенах и племенных союзах (или не только о племенах и племенных союзах), но о новом этническом (этнополитическом) качестве. Оно явилось следствием многовековых, глубинных и разноаспектных процессов, которые приобрели определяющее значение с конца XV столетия; это новое качество стало отличительной чертой тюркоязычных народов Средней Азии с начала XVI века.

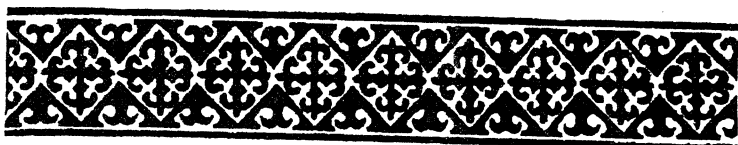

Казахское ханство
и его соседи
в XVI — XVII вв.

Батальная сцена.
С персидской средневековой миниатюры.

ГЛАВА 6

КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО И ЕГО СОСЕДИ В XVI-XVII вв.

Основная канва военной и политической истории Казахского ханства XVI-XVII вв. в целом достаточно хорошо известна. Однако при изучении источников, относящихся к этому периоду, раскрываются многие немаловажные подробности исторических событий и иногда существенно дополняются имеющимися в науке сведениями об этом периоде, в частности, о взаимосвязях казахов со своими тогдашними соседями.

1. Взаимоотношения казахских владетелей с Шибанидами и Чагатаидами в начале XVI в.

Основной линией внешней политики казахских владетелей в начале XVI в. была по-прежнему борьба за обладание присырдарьинскими городами, чем определялись и их отношения с соседями на западных и юго-восточных окраинах Казахского ханства. Правящая верхушка Казахского ханства, все больше втягиваясь в орбиту политических событий в соседних областях Средней Азии, продолжает борьбу с Шибанидами, теперь уже правителями Мавераннахра. Мухаммаду Шейбани и его преемникам приходится защищать завоеванное ими государство Тимуридов от своих северных сородичей, оставшихся кочевать в степях и управляемых своими ханами и султанами, но теперь представляющих столь же реальную опасность для государства Шибанидов в Средней Азии, как незадолго перед тем сам Шейбани со своими кочевыми узбеками для Тимуридов. Если прежние стычки двух ветвей Джучидов и их приверженцев представляли собою усобицы в Узбекском

улусе, то отныне это была война между разделившимися на части сородичами, каждая из которых проживала на определенной территории и входила в состав определенного государства. Таким образом, с начала XVI в. во взаимоотношениях между потомками Урус-хана и Абу-л-Хайр-хана наступает новый период: к династийным мотивам борьбы за первенствующее положение в степи присоединяются политико-экономические, которые придают отныне этой борьбе более ожесточенный и непримиримый характер.

Захватившие власть в Мавераннахре Шибаниды стремятся не допустить усиления Казахского ханства и с этой целью препятствуют утверждению власти казахских правителей в Присырдарье. Любопытны объяснения, данные в книге Ибн Рузбихана мотивам политики Шейбани-хана по отношению к его северным соседям. Он пишет, что Мухаммад Шейбани долго рассуждал над этим вопросом, и «у его ханского величества, прибежища халифата, возникло намерение не допускать казахов ступить в его владения, где они воочию увидели бы и рассмотрели красу, благоденствие, орудия завоевания мира и преимущества узбеков. Не дай бог, лицемерие всей этой благодати толкнет казахов на путь войны и распри, и они, казахи, в стремлении завоевать эти владения и заполучить эти украшения и вкусные яства, вытащат мечи из ножен битвы и вражды. Отразить их будет очень трудно» [Ибн Рузбихан, пер., с.102].

С этой целью для начала он попытался прекратить торговые сношения казахов с земледельческими районами Средней Азии. «Несколько раз, — пишет Ибн Рузбихан, — был издан августейший указ, чтобы население [области] Туркестана никаких торговых сделок с казахскими купцами не совершало; и чтобы между ними и жителями этих земель не было взаимных посещений и поездок купцов. Так что несколько раз в некоторых районах Туркестана и городах Хорезма было приказано ограбить казахских купцов» [Ибн Рузбихан, пер., с.101].

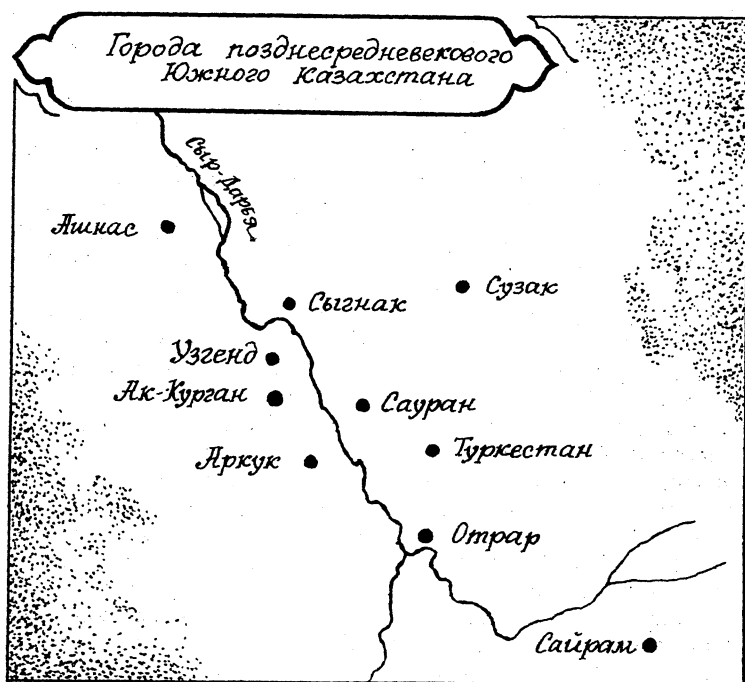
Однако политика экономической блокады — запрет на торговлю — желаемого успеха не имела. Более того, когда «августейший указ» Шейбани-хана стал известен казахским владетелям, то «они так заявили, что вследствие крайней нужды в платье и одежде, главную часть которой составляет кербас, — ведь одежда и саван для людей необходимы — они вторгнутся в пределы владений ханского величества».

Набеги отрядов казахских владетелей в новые владения Шибанидов, естественно, вызвали подобные ответные действия со стороны Шейбани-хана. Описания этих походов, вы-

званных тревогой Мухаммада Шейбани за судьбу своего государства, примечательны тем, что позволяют определить основные центры зимних стойбищ (йурт-и кишлак) казахских ханов, султанов и установить приблизительные границы между владениями отделившихся друг от друга сородичей.

Чаще всего нападениям казахских султанов подвергались города и поселения Туркестана. Так в 909/1503-04 гг., когда Шейбани-хан вел успешные войны с Тимуридами в Хорасане, от султанов, оставленных в Мавераннахре, пришло известие о набеге отряда казахов на Туркестан. Получив эту весть, хан снялся с боевого лагеря под Балхом и быстрым маршем направился в Мавераннахр, и, пройдя через Туркестан в его северном направлении, он вступил в земли казахов.

Отметим, что под Туркестаном здесь имеется в виду не крепость Ясы (крупнейший политический и хозяйственный центр всего Туркестана город Ясы лишь в конце XVI столетия принял название Туркестан), а географический район, в состав которого тогда входили Аркук, Узгенд, Сыгнак, Сауран, Сузак, Ясы, Отрар, Ак-Курган и другие города и крепости бассейна Сыр-Дарьи. Со сто-

роны Мавераннахра, пишет Ибн Рузбихан, «началом Туркестана является» крепость Аркук, и расположена она на западной стороне, в одном фарсах (около 7 км) от Сыр-Дарьи. Через нее проходит дорога в «восточные крепости Туркестана». Город Сыгнак являлся окраинным городом Туркестана на севере, «пограничным пунктом Туркестана», как пишет Ибн Рузбихан. «Как передают,— сообщает он в своих мемуарах, — здесь, у этих высоких барханов (за Сыгнаком) кончается Туркестан и начинается Узбекистан». Владения казахов довольно близко подступали к Сыгнаку.

Через год казахи опять совершили набег на некоторые области, подвластные Шибанидам. Шейбани-хан с многочисленным войском направился в Туркестан, чтобы их отразить. «Когда он достиг пределов казахских земель, — пишет автор «Михман-наме-йи Бухара», описывая второй поход Шейбани-хана против казахов, — то, миновав Сыгнак, приблизился к Каракум-Абдалу, который является основным местом их зимовки». Там Шейбани-хан произвел нападение на улус казахского хана Бурундука.

Этот поход, по словам автора «Записки бухарского гостя», был предпринят с твердым решением покончить с набегами казахов, чтобы никто из их султанов впредь «не посмел ступить ногой разбоя», тем более с целью территориального притязания на подвластные Шейбани-хану земли; особенно тогда, когда его основные силы будут в далеком Хорасане. Однако Шейбани-хан так и не сумел нанести казахским султанам сколько-нибудь значительный урон и окончательно обезопасить свои владения от нападения северных кочевников, и его опасения за судьбу Туркестана и Мавераннахра оказались правильными.

Осенью 1508 г. казахский султан Ахмад с войском, превышающим 50 тысяч воинов, полагая, что Шейбани-хан, занятый войной по изгнанию из Хорасана «чагатаидов», не имеет возможности в скором времени вернуться в Мавераннахр, а гарнизоны войск, оставленные в Туркестане и Мавераннахре не располагают достаточной силой ему противостать, выступил в поход с целью осады Самарканда и Бухары, захват которых способствовал бы быстрейшему переходу в его руки большей части оседлых районов Средней Азии. Шибаниды, оставленные в Мавераннахре, в частности Убайдулла-султан, встревоженные надвигающейся военной опасностью, поспешили известить хана, что «сын Джаниш-султана по имени Ахмад-султан с благородной знатью, казахскими богатырями и именитыми их султана-

ми направился для нападения на область Самарканда и Бухары. Если августейшие знамена не выступят против них, то султанам этих областей из-за набегов и притеснений (казахских султанов) не будет ни минуты покоя» [Ибн Рузбихан, изд., с.185; пер., с.110].

Получив эту весть, Шейбани-хан тотчас же направил поводыря быстрого коня на Мавераннахр. Завоеватель государства Тимуридов, уже давно зорко следивший за действиями своих степных сородичей, решил нанести казахским султанам чувствительное поражение и обеспечить таким образом тыл своей армии перед предстоящими столкновениями с шахом Ирана Исмаилом. Нынешний поход против казахов, говорил, по свидетельству историка, племянник Шейбани-хана Убайдулла-султан, один из активных участников зимнего похода 1509 г., содействует отражению и уничтожению этих безбожников, так как они могут совершить набег и нападение на области Туркестана и Мавераннахра в то время, когда мы выступим против кызыл-бурков. «Это не путь благоразумия и мудрости — оставить в тылу у себя сильного врага и обратить лицо намерения на врагов в противоположенной стороне».

Казахский султан, осведомленный о подходе главных сил Шибанидов, повернул обратно, предварительно подвергнув грабежу вилайет Куфин, крепость Дабуси, окрестности Бухары, Самарканда и захватив с собой более тысячи пленных мусульман. Пройдя через Бухарскую степь, воины Ахмад-султана переправились через Сыр-Дарью напротив крепости Узгенд и «прибыли в йурт Джаниш-султана, который находился по соседству с йуртом казахов в области Туркестан». «Говорят, — пишет далее Ибн Рузбихан, — что они так торопились, что захваченным и обращенным в рабство мусульманам, которых взяли в виде добычи, они проткнули уши, продели сквозь них бечеву, привязали ее к лукам седел и вереницу за вереницей тянули на веревке, погоняя рабов божьих, покуда поспешно не довели их до своего йурта и становища. Число рабов-мусульман, которых угнали во время набега, превысило несколько тысяч» [Ибн Рузбихан, изд., с.186-187; пер., с.110-111].

Увод в плен мусульман и обращение их в рабов послужили поводом объявления казахам «священной войны», и Шейбани-хан на основании фетвы о газавате, составленной учеными-теологами Мавераннахра и Хорасана, объявившими казахов неверным народом, допускающим продажу мусульман в рабство, выступил на них походом.

Подробное описание этой кампании оставил нам в своих мемуарах Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани, сопровождавший Шейбани в этом изнурительном зимнем походе. Подробности эти не привлекались еще исследователями истории Казахстана; между тем они далеко небезынтересны.

Шейбани-хан выступил в поход на казахов 27 января 1509 г. Двигаясь к берегам Сыр-Дарьи, главные силы Шибанидов, предводительствуемые ханом, подошли к крепости Аркук. Пробыв в Аркуке несколько дней и собрав в городе и окрестных селениях необходимые для войска продовольствие и фураж, Шейбани со своими главными силами, к которым присоединились Мухаммад-Тимур-султан с 30-ю тысячным отрядом и Хамза-султан «с огромным войском и большой свитой», направился в Узгенд. 19-21 февраля армия Шейбани-хана с большим трудом и значительными потерями переправилась через Сыр-Дарью и двинулась в сторону Сыгнака. Хан двигался в сторону зимних стойбищ казахов во главе своего войска, а к нему все прибывали и прибывали новые султаны во главе своих отрядов. Так, после переправы к основным силам Шибанидов присоединился вали (правитель) Туркестанских областей Кучум-султан с «войском, равным десяти тысячам боевых всадников и более двадцати тысячам пехотинцев». В это же время прибыл Суюнджи-Ходжа-султан; «в кортеже его было более десяти тысяч всадников, узбеков по происхождению». Эти 10 тысяч «чистых по происхождению узбеков», которых, согласно Ибн Рузбихану, нельзя смешивать по их происхождению с моголами и чагатаями, составляли основное ядро султанского войска, хотя в нем было еще около 20 тысяч моголов и чагатайцев. Прибыли и другие султаны со своими отрядами.

Огромное скопище людей расположилось лагерем «у высоких бархан», что лежат к северу от Сыгнака. Снявшись с лагеря в суровую зимнюю пору, войско Шейбани-хана, в авангарде которого находился Убайдулла-султан, вступило в земли казахов и через десять дней изнурительного перехода достигло местности Кара-Абдал, расположенной вблизи центра зимних стойбищ казахов. «А это место, — пишет далее Ибн Рузбихан, — является йуртом крупного племени, подвластного одному из казахских султанов. В настоящее время их верховный повелитель называется Джаниш-султан. У него есть брат по имени Таниш-султан, и он близок к этому султану. В улусе каждого из них более пятидесяти тысяч именитых казахов, из которых каждый

является славным воином и достойным батыром» [Ибн Рузбихан, изд., с.205; пер., с.119].

Шейбани-хан избрал своей ставкой Кара-Абдал; и когда расположились на какой-то стоянке, то «разбили среди снега палатки и большие шатры, быстрые на руки слуги с огромным трудом и старанием расчистили от снега место для палатки его ханского величества, постелили кошмы и много ковров»; затем на своих стоянках, на льду и снегу, разбили шатры войска. После дня отдыха и раздумий Шейбани-хан отдал приказ, чтобы Убайдулла-султан, Суюнджи-Ходжа-султан, Кучум-султан, Хамза-султан и прочие султаны и военачальники выступили вперед. Получив приказ, султаны форсированным маршем двинулись в направлении йурт-и кишлака Джаниш-султана, основное местопребывания улуса которого располагалось в десяти днях пути от Кара-Абдала, в сторону Сыр-Дарьи.

Джаниш-султан, получив весть о подходе Шибанидов, стал собирать воинов и готовиться к защите своего йурта. Обычай казахского улуса таков, пишет Ибн Рузбихан, описывая способ отражения казахами нападения неприятеля, что в случае совершения на них набега все племена, составляющие один улус, собираются с оружием и снаряжением в одном месте для защиты своих семей и имущества и со всей пылкостью и отвагой пускают в ход острые сабли, вступая в бой во всеоружии. Каждый клан, состоящий из какого-то числа семей-кибиток, становится впереди своих семей и имущества. «Если же казахское войско объединится и соберется в одном месте для отражения неприятеля, поднявши знамя сопротивления, то опрокинуть его является делом весьма трудным».

И вот, следуя своим обычаям, кочевники улуса Джаниш-султана собрались в одном месте. «Было их более тридцати тысяч человек, — пишет Ибн Рузбихан, со слов участников этого набега, — причем у каждого из них было много слуг и подчиненных, так что общее их число достигало до ста тысяч». Последовавшее затем кровопролитие между «узбеками-шибани» и «узбеками казахского происхождения» отличалось с обеих сторон необыкновенным ожесточением. В конце концов, казахи потерпели жестокое поражение, и все их имущество и члены семьи были отданы на поток разорения и пленения.

Это событие, имевшее место в начале марта 1509 г., полностью расстроило жизнь кочевников, внесло необычайное смятение и панику. Весь улус Джаниш-султана был охвачен военными действиями, сопровождавшимися разоре-

нием йурт-и кишлаков, передвижениями колонн восно-
пленных. Оставшиеся в живых и на свободе кочевники
бросились бежать прочь от этих опасных районов, разнося
страх и панику. Раненный сын Джаниш-султана Ахмад
попал в плен к Шибанидам и был представлен перед Хамза-
султаном, который, мстя за кровь своего брата, убитого
годом раньше Джаниш-султаном, повелел обезглавить
знатного пленника и отправить его голову «к подножию
высокого престола» в Кара-Абдал. По приказу Шейбани-ха-
на голова Ахмад-султана вместе с победной реляцией была
переправлена в Мавераннахр и Хорасан, чтобы для устра-
шения врагов выставляли ее в каждом городе на не-
сколько дней. А Джаниш-султан, кстати тоже раненный, с
остатками разбитого войска подался в сторону места зимо-
вки Бурундук-хана.

Зимнее стойбище верховного хана казахов Бурун-
дука и Касим-султана располагалось на расстоянии пример-
но 15-ти дней пути от Кара-Абдала. Судя по другим местам
этого же труда Ибн Рузбихана, Бурундук-хан проводил эту
зиму в йурт-и кишлаке «Аб-и Сыр», располагавшемся где-
то на правобережье Сыр-Дарьи.

Между тем в основном лагере Шибанидов происходило
вот что. У одного влиятельного казаха из улуса Таниш-
султана был индийский гулям в возрасте около четырнад-
цати лет. Этот гулям, страдая от жестоких побоев и при-
теснений своего хозяина, бежал к узбекам Шейбани-хана
и сообщил им, что в их улусе распространился слух о том,
что Суунджи-Ходжа-султан совершил налет на йурт-и
кишлак Джаниш-султана и, захватив добычу и пленных,
возвратился к себе в область Туркестана, и что они вообще
не знают о прибытии самого Шейбани-хана с войском.
Разъясняя причину подобной неосведомленности казахов
улуса Таниш-султана как о близости неприятеля, так и об
истинном положении дел в улусе Джаниш-султана, Ибн
Рузбихан пишет, что казахи располагаются в камышовых
зарослях берега Сыр-Дарьи вразброс, что между их стоян-
ками и местами зимовок иногда расстояние довольно зна-
чительное; «вследствие снегопада, льда и сильной стужи
они совершенно не имеют никаких сведений и известий о
положении друг друга».

Поэтому неугомонный и жестокий хан, «страхнувший с
подола сердца пыль взаимной любви» к своим сородичам,
не стал дожидаться, когда казахский султан узнает обо
всем случившемся и подготовиться ко встрече с ним, а
решил нанести ему внезапный удар. Появившиеся самым

неожиданным образом воины Шейбани-хана действительно вызвали в улусе Таниш-султана полную растерянность и необычайное волнение. Ничто не было готово к отпору Шибанидов. Попытка же отчаянного сопротивления, предпринятая Таниш-султаном, против превосходящих сил противника оказалась безуспешной; слабый и наскоро собранный отряд казахского султана не смог оказать долгого сопротивления: многие из улусных людей пали смертью храбрых, заплатив своей жизнью за зимнюю спячку и беспечность, а Таниш-султан, в конце концов, обратился в бегство, предоставив все богатство своего улуса на милость победителям. Последние, как это было и в улусе Джаниш-султана, занялись грабежом и разбоем.

Подвергнув таким образом ряд зимних стойбищ казахов разорению и гордый своими победами над их султанами, Шейбани-хан с войском направился обратно в сторону Сыгнака, обремененный богатой и разнообразной добычей, гоня многочисленные стада отбитого у казахов скота и массу пленных обоего пола. Причем все награбленное добро победители погрузили на повозки-дома, которых вместе с их обитателями — девушками, мальчиками, гулямами и служанками — было захвачено более десяти тысяч.

По пути в Сыгнак, после совершения двух-трех переговоров, разведчики доложили, что в близлежащих зарослях камыша и кустарников проводят зиму часть казахов, которые не ведают о подходе войск хана. Сейчас же после этого Шейбани-хан послал отряды в набег; они совершили неожиданный налет на йурт-и кишлак, где проводили зиму около десяти тысяч семей-кибиток казахов, все предали грабежу и убийствам, и, отягченные награбленным добром, возвратились обратно в ставку, гоня новые стада скота и пленных обоего пола.

В результате полуторамесячного похода Шейбани-хана на места зимних стоянок казахов было захвачено столько добра и угнано столько скота, что, по словам очевидца, спустя еще несколько месяцев после похода жители Туркестанских областей, куда все награбленное было свезено и пригнано, переправляли в Мавераннахр дома-повозки и скот, отнятые у казахов.

Так закончился третий победный поход, принесший узбекскому хану славу и значительные богатства, но впереди предстояло еще четвертый и последний поход с участием самого хана, явившийся естественным звеном общей завоевательной политики Мухаммада Шейбани-хана, а неудача, которой он завершился в кипчакских степях, была как бы предвестником

будущего разгрома главы Шибанидов от основателя новоперсидского государства шаха Исмаила под Мервом.

Сведения о четвертом походе, предпринятом Шибанидами во главе с ханом в суровую зимнюю пору, мы находим в нескольких источниках. Анонимный автор «Шейбани-наме» посвящает этому походу всего несколько строк; так же коротко излагают это событие и Хондамир в своем «Хабиб ас-сийар» и ал-Гаффари в «Тарих-и джахан-ара». Наиболее подробное описание похода и поражения Мухаммад-Тимур-султана и Убайдулла-султана от казахов содержится в «Зубдат ал-асар», «Тарих-и Рашиди» и «Бахр ал-асрар».

По этим источникам поход Шибанидов во владения казахов и их поражение представляется в следующем виде.

Поход был предпринят на исходе 915 г.х., то есть в начале 1510 г. Цель его заключалась в том, чтобы избавиться от угрозы владения Шейбани со стороны казахских султанов. Во главе войска находился сам Мухаммад Шейбани, но нападение на улус Касим-султана, располагавшийся в предгорьях Улуг-Тага, совершили Тимур-султан и Убайдулла-султан. По словам Махмуда б. Вали, время нападения Шибанидов на стойбище Касим-султана совпало с отправкой части людей улуса в набег в некую область [название местности написано в рукописи без диакритических знаков и мне не удалось его расшифровать — Т.С.]; места зимовки соседних казахских улусов располагались в отдаленных районах, поэтому Касим-султан, не располагая возможностью отразить нападение противника, отступил к отрогам Улуг-Тага, где и укрепился. Шибаниды захватили покинутую ставку Касим-султана и в течение нескольких дней праздновали победу, оставаясь в полном неведении о действиях противника. Тем временем Касим проведаль об их беспечности и направил на разведку некоего человека по имени Мойунсиз-Хасан с отрядом, и тот близко подошел к лагерю шибанидских войск. Неожиданное появление противника и внезапное нападение вызвало в лагере султанов панику и в общей суматохе погибло множество узбекских воинов и военачальников; в числе убитых был и Канбар-мирза, который был старшим бекем Шейбани-хана и которому тот отдал в суюргал Балх с относящимися к нему местностями. Вооружение всего войска Шибанидов попало в руки казахов. С разбитыми отрядами в жалком состоянии султаны присоединились к Шейбани-хану. Хан, располагавшийся со своей ставкой в местности Кок-Кашане (в окрестностях Сыгнака), тотчас же

снялся с места и спешно отступил. Следом прибыло войско Касим-султана и погубило еще много именитых людей.

Словом, говорится в источнике, Шейбани-хан «потерпел крупную неудачу»; и когда он прибыл в столицу, то, будучи в полном душевном расстройстве, предпринял ряд негодных дел. Одно из них заключалось в том, что еще прежде он отобрал у Кучум-султана область Туркестан и передал ее Сайид Ашику, а после того, как хан возвратился из похода на казахов в бедственном положении, он отобрал Бухару у Убайдулла-султана и передал тому же Сайид Ашику, а владения Хисара отнял у Хамза-султана и Махди-султана и назначил там хакимом Убайдулла-султана. По этой причине султаны были в обиде.

У этого «неудачного» похода Шейбани-хана было еще более трагическое последствие, закончившееся спустя несколько месяцев гибелью основателя государства Шибанидов в Средней Азии. Одной из причин этой трагедии явились раздоры в семье потомков Абу-л-Хайр-хана, связанные с перераспределением уделов после поражения войска хана от Касим-султана. Очевидно, поэтому Абу-л-Гази пишет, что сын Джанибек-хана Касим воевал с Мухаммадом Шейбани-ханом и «был виновником его гибели».

«Раз уже речь зашла о Касим-хане, то если не дать о нем хотя бы кратко описания, дальнейшее повествование будет неясным» [Мирза Хайдар, В 648, л.153б].

Сын одного из основателей Казахского ханства Джанибек-хана Касим родился около 1445 г.: — осенью 1513 г., когда на берегу р. Чу произошло свидание между ним и Чагатаидом Саид-ханом, по словам их современника Мирзы Хайдара Дуглата, «возраст Касим-хана превышал шестьдесят лет и был близок к семидесяти». Родительница его по имени Джаган-бегим приходилась родной сестрой матери Махмуд-султана, брата Шейбани-хана. Как истинный сын степей, свято чтущий освященную временем традицию подчинения старшему, Касим-султан, по примеру отца, был сначала во всем послушен и покорен Бурундук-хану, пишет Мирза Хайдар. Действительно, впервые имя Касим-султана упоминается в источниках в связи с описанием войн Шейбани-хана с казахскими владетелями еще в 80-х годах XV в., где о нем говорится как об одном «из известных султанов и славных бахадуров» Кипчака и предводителе конницы войска Бурундук-хана. Давно замечено: когда людская молва наделяет человека властью, власть сама зачастую приходит вслед. К началу XVI в. личная власть Касим-султана сильно увеличилась. Мирза Хайдар,

связывающий время усиления Касим-султана со смертью его брата Адик (Атик)-султана, последовавшей вскоре после захвата Шейбани-ханом Ташкента в 1503 г., ничего не говорит о причинах, укрепивших положение сына Джанибек-хана. Эти данные мы находим в «Бахр ал-асрар» Махмуда б. Вали, который, описывая поход Шейбани-хана на Андижан в начале весны 1504 г., сообщает: «В это время Касим-хан с помощью и при поддержке мангытов завоевал господство над всей Кипчакской степью и имел возможность совершать набеги и нападения на границы Ташкента и Туркестана» [Махмуд б. Вали, т.6,ч.3,л.178б].

Хотя Касим-султан видел, что фактически власть в ханстве и инициатива находятся в его руках, но как дальновидный политик он был осторожен, умел терпеливо выжидать там, где, казалось бы, положение позволяет ускорить решение вопроса. В 1510 г., когда Шибаниды совершили набег на улус Касима, он, по словам Мирзы Хайдара, «еще и не принимал титул хана, хотя власть его уже была настолько велика, что никто и не думал о Бурундук-хане. Но он (Касим) не хотел находиться поблизости от Бурундук-хана, потому что, если быть вблизи и не соблюдать должного уважения, означало бы возражать хану, а повиноваться же ему душа не лежала, поэтому он и старался держаться подальше от Бурундук-хана».

Соперничество двух влиятельнейших людей ханства закончилось в конце концов победой всесильного и энергичного султана и изгнанием потерявшего свой авторитет хана. Не ранее осени 1511 г. Бурундук-хан с кучкой приближенных удалился в Мавераннахр. Верховная власть в ханстве перешла к потомкам Джанибека, первым из которых воцарился наиболее даровитый из сыновей его — Касим-султан.

У Бурундук-хана было четыре сына — Шайхим, Санджар-Джахан, Джахан-Бахти, Кимсин — и несколько дочерей. Одна из его дочерей, по имени Дадим-ханым, была замужем за будущим казахским ханом Шигай-султаном, внуком Джанибек-хана. Три другие в 90-х годах XV в. были выданы замуж за Шибанидов: одна — за Мухаммада Шейбани-хана, другая — за Султан Махмуда, брата Шейбани-хана, третья — за Тимур-султана, сына Шейбани-хана. Последняя, по имени Михр Султан-ханым, жила в Самарканде и, как видно из сохранившегося вакфного документа, являлась крупной собственницей. Вот к ней то и подался Бурундук-хан, покинутый своими поданными. О дальнейшей его судьбе нам ничего не известно; вероятно, он и умер на чужбине.

Однако вернемся к событиям политической жизни Туркестана и Мавераннахра.

Жестокое поражение, понесенное Шибанидами, и, главное, опасения ответного вторжения казахских владетелей вынудили Шейбани-хана держать для охраны пограничных с кочевьями казахов владений боевые отряды, не покидавшие вверенные им районы даже в минуты смертельной опасности для государства. Так, Шейбани-хан, находясь в Хорасане, получил известие о выступлении основателя новоперсидского государства шаха Исмаила и тотчас же отправил гонцов в Туркестан, Ташкент, Андижан и другие области, требуя, чтобы правители областей и султаны со своими отрядами незамедлительно прибыли в Мерв для подкрепления. «Согласно приказу каждый выступил из своего икта, — пишет автор «Бахр ал-асрар», — кроме Кучум-хана, который по причине опасности нападения Касим-хана казаха задержался в Туркестане».

Подробности гибели Мухаммада Шейбани-хана под Мервом (ноябрь 1510 г.), заманенного военной хитростью в ловушку шахом Ирана Исмаилом, и последовавший затем полный разгром войска узбекского хана кызыл-башами, переход власти в Бухаре, Самарканде и ряде туркестанских городов на некоторое время в руки Тимурида Бабура, удаление потомков Абу-л-Хайр-хана в Ясы хорошо известны.

Касим-хан не преминул воспользоваться этими обстоятельствами для укрепления своей власти в Южном Казахстане. Вскоре под власть казахского хана перешел самый южный из городов Присырдарьи Сайрам, и он предпринял попытку овладеть Ташкентом. Это произошло при следующих обстоятельствах. В 1512 г. племянник Шейбани-хана Убайдулла-султан в битве при Куль-Мелике одержал верх над Бабуром; Бабур вернулся в Кабул, оттуда затем двинулся с войском в Индию, где им было основано государство «Великих Моголов». Наместник бсжавшего Бабура в Сайраме, Катта-бек, оказал сопротивление шибанидскому войску, однако, бессильный удержать город, решил передать его казахскому хану. Ранней весной 1513 г., когда Касим-хан находился на Кара-Тале (в Семиречье), к нему прибыла группа знатнейших горожан Сайрама и призвала его от имени Катта-бека вступить в город. Предложение было принято. Касим-хан, снявшись со своей стоянки «у границ Моголистана», спешно выступил в Туркестан через Таласскую долину, а вперед послал одного из своих приближенных, которому Катта-бек и сдал Сайрам. Катта-

бек убедил Касим-хана выступить против правителя Ташкента Шибанида Суюнджи-Ходжи. «Касим-хан, — пишет далее Мирза Хайдар в своем «Тарих-и Рашиди», — с бесчисленным войском направился к Ташкенту. Суйунчик-хан укрепился в крепости Ташкента. Касим-хан, подступив к крепости Ташкента, простоял перед ней одну ночь. Потом он ушел, разграбив окрестности Ташкента и захватив с собой все, что только мог найти. Затем, подойдя к окрестностям Сайрама, он занялся подсчетом имущества и скота».

Иную версию столкновения Касим-хана и Суюнджи-Ходжа-хана приводит прошибанидский автор «Зубдат ал-асар». Касим-хан, пишет он, был властителем Дешт-и Кипчака. Он с войском казахов и мангытов совершил поход на Туркестан и Ташкент, захватил в плен несколько беззащитных людей. Когда Касим-хан подступил к Ташкенту, то Суюнджи-Ходжа-хан встретил его с войском. Произошла жестокая битва; Касим-хана свалили с коня, но в разгаре боя противники не узнали хана, и это обстоятельство спасло ему жизнь. Нукеры быстро подвели ему коня; Касим-хан повернул поводья в сторону Дешт-и Кипчака.

По рассказу Мухаммада Хайдара Дуглата, хан моголов Султан Саид, узнав о выступлении Касим-хана на Ташкент, поспешил к городу, чтобы действовать с ним вместе. Но получив у горного прохода Кендерлик, что «между вилайетом Фергана и Ташкент», весть о том, что Касим отступил, Саид-хан не решился идти один на Ташкент и повернул обратно. На исходе лета того же 1513 г. он отправился к Касим-хану на р. Чу, чтобы убедить хана казахов в необходимости нового похода на Шибанидов. Но Касим вежливо отказал.

В ходе событий, последовавших после мервской катастрофы, на месте обширного государства Шейбани-хана образовались два государства: одно в Мавераннахре, с главным городом Самаркандом, а затем Бухарой, и независимое от потомков Абу-л-Хайр-хана ханство потомков Арабшаха (тоже Шибанида) с центром вначале в Ургенче, а затем в Хиве. Верховным правителем Мавераннахра после гибели Шейбани-хана и кратковременного ханствования Суюнджи-Ходжа-султана был провозглашен престарелый Кучум-султан, сын Абу-л-Хайр-хана, не отличавшийся никакими талантами и бывший «ханом только по имени».

Весной 1514 г. Чагатаид Султан Саид-хан покинул Семиречье и с отрядом численностью примерно 5000 человек вторгся в Кашгарию. Там в борьбе с дуглатскими эмирами он одержал верх и основал в Восточном Туркестане новое

государство с центром в Яркенде, получившее в исторических хрониках местных авторов название *Могоулийе*, *Мамлакат-и могоулийе* — Могольского государства.

Изменившаяся таким образом политическая обстановка в Средней Азии отразилась, естественно, и на положении Казахского ханства. Во втором десятилетии XVI в. Касим-хан окончательно утвердил свое господство над обширными степными пространствами казахской территории. В это время границы ханства на юге выходили на правобережье Сыр-Дарьи и включали часть городов Туркестана, на юго-востоке они охватывали предгорья и долины значительной части Семиречья, на севере и северо-востоке проходили в районе гор Улу-Тау и оз. Балхаш, доходя до отрогов Каркаралинских гор, на северо-западе достигали бассейна р. Яик.

Казахское ханство постепенно втягивалось в международные отношения того времени. Одним из первых государств, вступивших в дипломатические связи с Казахским ханством, было Московское государство в правление Великого князя Василия III (1505-1533). История Казахского ханства периода правления Касим-хана примечательна еще и тем, что именно в те годы казахи как самостоятельная этническая общность стали известны в Западной Европе: о казахах оставил свои записи австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, посетивший несколько раз Москву (в 1517 и 1526 гг.).

Что касается взаимоотношений казахских правителей и Шибанидов в последние годы правления Касим-хана, то они продолжали оставаться напряженными и далеко не мирными. Судя по источникам, основная борьба происходила вокруг Ташкента; правителю этого вилайета Суюнджи-Ходжа-хану несколько раз приходилось сражаться с казахами. Впрочем, не только ему. По сообщению Васифи, против казахов был предпринят совместный поход шибанидских султанов во главе с Кучум-ханом, который состоялся, очевидно, зимой 1516-1517 гг.

Этот объединенный поход Шибанидов в Кипчакские степи, по-видимому, последнее по времени сообщение, относящееся к периоду правления Касим-хана.

По данным поздних авторов — ал-Гаффари, Хасан-бека Румлу, Мунаджжим-баши и других, Касим-хан умер в 930 году хиджры (1523-1524 гг.). Согласно сообщению Мухамада Хайдара, современника Касим-хана, этот правитель умер в 924 г.х. (1518 г.). По сведениям автора начала XVII в. Кадырали-бека, Касим-хан скончался в г. Сарай-чуке; «там и поныне находится его гробница». Последнее

утверждение требует, однако, комментария. Город в долине Яика (р. Урал) Сарайчук действительно имел значение для Джучидов как второй центр и являлся местом погребения ханов из рода Джучи: там, по словам Абу-л-Гази, взошли на престол ханы Золотой Орды Джанибек, Бердибек; там похоронены золотоордынские ханы Менгу-Тимур, Токтагу, Джанибек [не путать с Джанибек-ханом — одним из основателей Казахского ханства в XV в. — Т.С.]. Однако около 1580 г. город этот был захвачен и разрушен до основания русскими казаками, причем были извлечены даже мертвецы из могил. Так что, уже когда Кадырали-бек писал свою книгу (начало XVII в.), не было ни самого города, ни гробниц Джучидов. Кадырали-бек, живя в то время со своим патроном в России, не знал или не захотел поведать об этом акте вандализма.

Известны имена двух сыновей Касим-хана — Мамаш и Хакк-Назар; оба были ханами. Одна дочь, согласно фольклорным материалам, была замужем за знатным ногойским мурзой Шайх-Мамаем. Другая его дочь (имя ее тоже не приводится) была замужем за Шибанидом Убайдулла-султаном.

Касим-хан, по отзывам современников — Бинаи, Ибн Рузбихана, Бабура, Хондамира, Мирзы Хайдара, — любил хороших лошадей, был их большим знатоком, отличался военным талантом, личной отвагой и способностью вести за собой других; на основе их высказываний создается образ человека с высокими моральными качествами, достойными подражания. Пожалуй, никогда больше ханская власть не была так прочна, как при нем, и ни один из казахских ханов не объединял под свою власть такое число людей, как Касим-хан, среди поданных которого современники называли более миллиона человек. Народное предание казахов связывает с именем Касима создание узаконений, известных как «Касым ханнын каска жолы» («Чистая дорога хана Касыма»), которые, очевидно, никогда не были записаны и до нас не дошли.

Несмотря на значительное упрочение при хане Касиме, Казахское ханство не стало, однако, централизованным государством. Это обнаружилось сразу же после его смерти, когда остро проявился сепаратизм султанов и других феодалов и начались усобицы. Отрицательные последствия усобиц на положении ханства особенно резко сказались в условиях неблагоприятной внешнеполитической обстановки. Против казахских владетелей сложился союз могольских и узбекских ханов.

Согласно Мухаммаду Хайдару, после смерти Касим-хана на престоле утвердился его сын Мамаш. События правления этого хана нам неизвестны. Мамаш-хан стал жертвой войны — слепой, неразборчивой: он умер от удушья из-за тяжести боевого доспеха в одном из сражений. По сведениям Хайдара Рази, который называет его Камаш-ханом, это случилось в 928/1522 г.

После смерти Мамаш (Мумаш, Камаш) -хана в Казахском ханстве вновь началось «большое несогласие: султаны Дешт-и Кипчака, известные как казаки, много воевали друг с другом». В конце концов ханом был провозглашен Тахир-султан, сын Адик (Атик, Айтик)-султана, сына Джанибек-хана. Это событие имело место не позднее 930/1523-24 г., когда Тахир уже именуется ханом.

Тахир-хан совсем не пользовался тем влиянием, что его дядя Касим. Он отличался крайней жестокостью и не обладал ни дипломатическими, ни военными талантами, о чем свидетельствуют его неоднократные военные поражения и дипломатические неудачи. Принятый ханом внешне- и внутривосточный курс губительно отозвался на ханстве и судьбе самого Тахира. Вслед за возвышением Казахского ханства в начале XVI в. наступили годы бедствий и смуты.

И без того трудное внутреннее положение в ханстве усугублялось внешнеполитической обстановкой. Во внешней политике сравнительно непродолжительного ханствования Тахира основной линией была борьба, причем отметим, борьба неудачная, с правителями мангытов и узбеков Средней Азии, и именно интересами этой борьбы диктовались и определились отношения Тахир-хана к моголам и кыргызам, в лице которых можно было найти союзников.

После Касим-хана, который поддерживал мирные отношения с мангытами, которые даже составляли часть его войска, взаимоотношения казахских владетелей с племенами и родами Ногайского улуса резко ухудшились. И хан Тахир, не имея возможности отстоять в начавшейся войне соседние с мангытами территории, перекочевал с 200-ми тысяч своих поданных, пошедших за ним, в Моголистан. В середине зимы 930/1523-24 г. Тахир прибыл в Кочкар. Хан моголов Султан Саид, ставка которого в то время находилась там, оказал ему прием, который превзошел все ожидания; сестра Тахира была выдана замуж за Абд ар-Рашид-султана, сына Саид-хана; и таким образом между казахами и моголами как бы заключен формальный союз. Однако в том же 1524 году между ними произошел раз-

рыв, так как Тахиру удалось склонить на свою сторону часть кыргызов, которые тогда были подданными могольского хана. Казахский хан ушел «на противоположенный конец Моголистана».

Но это было лишь начало тех больших политических невзгод, которые выпали на долю Казахского ханства при первых преемниках Касим-хана. Как показывают источники, неудачными были не только войны Тахира с мангытами, но и с Шибанидами, причем и в этом случае последствием поражения явилась потеря части основных владений казахов. Так, Махмуд б. Вали, излагая события, имевшие место вскоре после смерти правителя Ташкента Шибанида Суюнджи-Ходжа-хана (ум. в июле 1525 г.), пишет следующее. «В это время Тахир-хан, сын Адик-хана, который после Касим-хана стал править над всей Кипчакской степью и некоторыми областями Моголистана, по причине грубости своего характера отвратил от себя сердца племен и воинов, был покинут начальниками войска и знатными людьми страны и обратился за помощью» к Келди-Мухаммад-султану. Сын и преемник Суюнджи-Ходжа-хана согласился оказать ему помощь, и они несколько раз обменялись послами, которые были приняты с обеих сторон со всеми почестями. «Когда известия о том, что (казахский) хан обратился за помощью к его величеству султану и о том, что тот обещал ему дружбу и заключил с ним союз, достигли ушей его недругов, их обуял великий страх», и они, выразив Тахир-хану покорность, снова собрались под его знаменем.

Когда Келди-Мухаммад узнал об упрочившемся положении и «новой удаче» хана, он послал с поздравлениями посольство в Дешт-и Кипчак. Но движимый неблагодарностью и непостоянством, пишет Махмуд б. Вали, как бы осуждая поступок казахского хана, Тахир арестовал послов Шибанида и, распахнув врата бедствия и несчастья, распустив знамя мятежа и бунта, выступил походом на владения султана. «Когда эта печальная весть распространилась в царственном лагере», то, несмотря на суровую зиму и сильные морозы, Келди-Мухаммад выступил против Тахир-хана. Через несколько дней караулы правого крыла войска султана захватили несколько воинов казахского хана, которые после пыток и истязаний сообщили: «Сегодня прошло четыре дня с тех пор, как мы покинули Тахир-хана и направляемся в свои обиталища (йуртгах), а Тахир-хан отправился в Туркестан через Карналык». Узнав направление движения хана, Келди-Мухаммад быстрым маршем

прошел через Тульки-Баши и р. Айша и возле (современного города) Туркестана настиг казахского хана. Увидав издали войско Тахира, султан построил свое войско. Командование правым крылом он поручил одному из своих приближенных, а левым крылом — сыну Кучум-хана Абдаллах (Абдулла)-султану, а сам занял место в центре. Тахир-хан тоже стал готовить к бою свое войско, «большая часть которого состояла из кыргызов». После кровопролитного сражения Тахир-хан был разбит и с «некоторыми из знатных и простых людей выбрался из водоворота несчастья и пучины смерти на берег спасения и, раненный, поспешил прочь»; некоторые районы его владений перешли в руки победителей. Поручив управление ими Абдаллах-султану, Келди-Мухаммад возвратился в Ташкент.

Дата похода у автора «Бахр ал-асрар» не указывается; судя по всему, сражение между Тахир-ханом и Келди-Мухаммадом имело место в начале зимы 1525-1526 гг.

Правда, и после этого поражения Тахиру удалось склонить на свою сторону часть кыргызов и казахов и даже подчинить своему влиянию Семиречье. Но все по-порядку, как это рассказывает современник и участник тех исторических событий Мухаммад Хайдар Дуглат.

Зимой 1525-26 гг. Тахир (очевидно, после своего поражения) прибыл в Моголистан и расположился лагерем недалеко от Кочкара; половина близлежащих кыргызов присоединилась к нему. Сын Саид-хана Рашид-султан, опасаясь Тахира, в середине зимы ушел с Кочкара на Ат-Баши. «Когда эта весть достигла высокого слуха» Султан Саид-хана, в конце зимы 1526 г. он сам отправился из Кашгара на Ат-Баши. Весной казахи во главе с Тахиром ушли в восточную часть Моголистана и расположились около Хасса и Кункаша. Тогда Саид-хан обратился к Мирза Хайдару, будущему автору «Тарих-и Рашиди», и сказал ему: «Иди и приведи в Моголистан мою высокопочтенную тетку Султан-Нигар-ханым [мачеху Тахир-хана — Т.С.], чтобы она была посредницей между мной и Тахир-ханом и уладила дело дружелюбно». Я поехал в Яркенд, — пишет Мирза Хайдар, — и вывез ханым с собой в Моголистан». Саид-хан находился в Аксае. О результатах этих переговоров известий нет. Саид-хан решил наказать кыргызов и отправился против них. Скоро достигли Ак-Куяша; хан отрядил войско во главе с Рашид-султаном и Мирза Хайдаром на Арышляр, где находились кыргызы. Прибыв к месту, моголы увидели «мертвых людей и множество

трупов коней» и выяснили, что несколько дней тому назад здесь произошло большое сражение и что кыргызы разбили отряд Бабачак-султана из Кусана. На дальнейшем пути моголы обнаружили около 100 000 баранов, принадлежащих кыргызам, и угнали их, вследствие чего поход у народа получил прозвание «поход за баранами» (кой-черики).

Вскоре после этих событий моголы разом покинули Юго-Восточный Казахстан и ушли в Кашгарию; Семиречье и Прииссыккулье остались в руках казахов и кыргызов.

Переход Семиречья* в руки казахов явился началом столкновений казахских владетелей с могольскими ханами и калмаками, которые спустя несколько лет выросли в упорную и кровопролитную борьбу за обладание этим краем. К этим взаимоотношениям и перейдем, но прежде изложим вкратце политическую обстановку в ханстве в 30-40-х годах XVI в.

Личная судьба хана Тахира складывалась драматично, подчас трагически: в 1526 г. брат Тахира, Абу-л-Касим-султан, был умерщвлен, а сам хан покинут большинством своего народа. Вместе с сыном (имя его не указывается) и некоторым числом казахов он опять удалился к кыргызам; в ряде случаев кыргызы оставались более верными его подданными, чем сами казахи. По Мирза Хайдару, Тахир-хан и умер среди кыргызов в бедственном положении. Это случилось не раньше 938/1531-32 гг., что явствует из сообщения, содержащегося в «Тарих-и Хайдари».

По словам автора «Тарих-и Рашиди», после смерти Тахир-хана во главе казахско-кыргызского объединения стал его брат Буйдаш (Буйлаш)-султан. Он издавна был связан с кыргызами и действовал на территории Семиречья; в его подчинении было «тысяч до тридцати человек». Из этого сообщения видно, что Буйдаш был не единственным тогда ханом казахов и что его власть распространялась лишь на

---

*

Слово «Семиречье» есть калька казахского Джети-су («Семь вод»); оно не встречается в средневековой мусульманской географии и историографии. «Семь рек», давшие название местности, различными исследователями определяются различно; обычно комбинация составляется из следующих десяти названий (для удобства названия рек приводим в алфавитном порядке): Аксу, Алгуз, Баскан, Биен, Или, Каратал, Коксу, Кызал-Агач, Лепса, Саркан. По мнению Г. Н. Потанина, казахи перенесли на эту местность представление о какой-то «блаженной стране», по которой текут семь рек.

часть ханства. Следует заметить, что история Казахстана 30-60-х годов XVI в. слабо отражена в источниках. Недостаток сведений об этом периоде ощущался уже на рубеже XVI-XVII вв. и, например, Кадырали-бек, автор начала XVII в., писал, что кроме Буйдаша «были в стране той и другие, мелкие ханы, которых даже имена с точностью неизвестны».

Из казахских султанов тех лет, носивших приблизительно в одно и то же время титул хана, укажем здесь на Ахмад-хана и Тугум-хана. Тугум-хан был сыном Джадик (Иадик, Джаук)-султана, а не Адик (Атик, Айтик)-султана, как это принято писать в исторической литературе. Джадик и Атик — имена соответственно четвертого и девятого сыновей Джанибек-хана, одного из основателей Казахского ханства.

Тугум-хан, видимо, погиб в 944/1537-38 гг. в местности Чагат; вместе с ним пали 37 казахских султанов — все потомство Тугум-хана (а их звали «Тогуз сары») и его племянник Башибек-султан. Поражение казахов было настолько серьезным, что оно породило разного рода толки. Мирза Хайдар, писавший свой «Тарих-и Рашиди» в начале 40-х годов XVI в., например, утверждал, что в 930/1523-24 гг. казахов было миллион человек, а после 944/1537-38 гг. «от этого сообщества племен на земле не осталось и следа». В сочинении Махмуда б. Вали «Бахр ал-асрар», где соответствующие сведения о казахах излагаются по «Тарих-и Рашиди», эта фраза опущена. Оно и понятно. Махмуд б. Вали писал в 40-х годах XVII в.; он знал и видел, что казахи не исчезли. Мирза Хайдар Дуглат заблуждался. У каждого заблуждения своя причина. Причина заблуждения автора «Тарих-и Рашиди» легко устанавливается. Судьба Мирзы Хайдара сложилась таким образом, что в 1533 г. он вынужденно покинул родину и переселился в Кашмир, где и написал свою знаменитую историю. Так что автор «Тарих-и Рашиди» наблюдал события в Средней Азии и Казахстане после 1533 г. издали, часто пользуясь информацией из вторых и третьих рук, а подчас и просто передавал непроверенные слухи. К такому роду слухов относится и его сообщение о якобы полном исчезновении казахов после 944/1537-38 гг. Вот и вся история одного ложного мнения Мухаммада Хайдара — в целом добросовестнейшего историка, к которому автор настоящих строк душевно привязан — давно и неизменно.

Ахмад-хана, по словам Кадырали-бека, «звали также не то Узбеком, не то Акматом». Правил он недолго и погиб на войне с Сейдяком, от руки Урак (Аврак)-мурзы. Автор «Тарих-и Кашгар» писал о событиях тех же лет, что «в то время у казахов было два хана: Хакк-Назархан и Науруз-Ахмад-хан». В грамоте, датированной маем 1535 года, ногайский князь Сейдяк сообщал русскому государю Ивану Васильевичу, что «казатцкой царь Хозя Махмет царь с пятнадцатью сынами у нас живет». Не есть ли упомянутые Науруз-Ахмад-хан, Хозя Махмет царь и Ахмат-хан автора «Сборника летописей» одно и то же лицо?

По сообщению Кадырали-бека, Буйдаш-хан и с ним все «Биш-огулы» (так звали род Адик-султана), числом 24 султана, пали от руки Шибанида Дервиш-хана, сына Науруз-Ахмад-хана. «Биш-огулам» царствовать больше не пришлось». В сочинении Убайдуллы Самарканди «Сирадж ас-саликин ва латаиф ал-арифин», посвященном биографии святого Лутфуллы Чусты, умершего в 979/1571-72 гг., отмечается, что Буйдаш-хан погиб во время нашествия на Мавераннахр в 967/1559-60 гг.

Автор этого агиографического сочинения, ссылаясь на рассказ зятя Лутфуллы Чусты, Низам ад-Дина Ахмада, так повествует об обстоятельствах смерти хана. В 967/1559-60 гг. казахские султаны, в числе двадцати человек или даже больше, с Буйдаш-ханом во главе, с многочисленным войском выступили с намерением овладеть Мавераннахром и дошли до Сайрама. Все население региона пришло в сильное смятение и впало в панику, так как не имело возможности оказать сопротивление врагам. Шейх Лутфулла был в то время болен, но, услышав об общей беде и народном волнении, он, несмотря на свой тяжкий недуг, стремился успокоить народ. «Дайте мне мои четки, — сказал шейх, — я хочу поставить преграду, чтобы насильники и враги были побеждены и не смогли бы придти в страну мусульман». И шейх в течение нескольких дней был занят молитвами. И тут пришла весть о том, что между казахскими и узбекскими султанами произошло кровопролитное сражение. Сначала перевес склонился на сторону казахов, и войско Шибанидов готово было обратиться в бегство, но поднявшийся вдруг сильнейший ветер с пылью подул на казахов «и столь сильно одел их тучами пыли, что они обратили тыл и доставили полную победу оседлому населению». В этой кровавой сече, гово-

рится в источнике, благодаря молитвам шейха, около 20 казахских султанов, в том числе и Буйдаш-хан, сложили головы.

Буйдаш был женат на второй дочери предводителя моголов Султан Ахмада — Махим-ханым. Другой его женой была сестра Абд ар-Рашида, хана моголов, Бади ал-Джамал-ханым. Впоследствии по желанию могольского хана этот брак был расторгнут. Известные нам источники называют имя только одного сына Буйдаш-хана — Бауш-султана.

2. Казахи, моголы и калмыки в 30-50-х годах XVI в.

Что касается казахско-могольских отношений до 30-х годов XVI в., то, по словам Мухаммада Хайдара Дуглата, начиная с Есен-Бука-хана (1429-1462) до времени Рашидхана (1533-1560) между моголами и казахами существовали дружественные отношения. Те небольшие стычки, которые имели место при Махмуд-хане (ум. в 1508 г.) и Ахмад-хане (ум. в 1504 г.) были, по-видимому, несущественными для их взаимоотношений; между ними продолжали существовать даже родственные связи, а это, по словам Мирзы (Мухаммада) Хайдара Дуглата, «было делом серьезным». Однако со вступлением на яркендский престол (июль 1533 г.) Абд ар-Рашид-хана, старшего сына Саид-хана, во взаимоотношениях моголов и казахов наступила резкая перемна.

Молодой могольский хан — он родился в 915/1509-1510 гг. — едва ли не с первых лет своего правления выработал своеобразную политику, основанную не на родственных чувствах и воспоминаниях былого, а на расчетливом соображении конкретных обстоятельств своего времени. Основное острие этой политики было направлено на удаление казахов с территории Семиречья, которую Рашид-хан рассматривал как свой наследственный йурт, и распространение на эту территорию своего преобладающего влияния. Держась такой политики, могольский хан, по словам Мирзы Хайдара, «заложил основы дружбы и мира с узбек-шибанами, что были исконными недругами (моголов), как об этом говорилось, и стал истреблять узбек-казахов, что были искони друзьями».

Такое резкое изменение политической ориентации правителем Яркендского ханства было связано, по-видимому, с одной стороны, с ослаблением Казахского ханства в результате целого ряда неурядиц, с другой стороны, — с усилением Шибанидов, которые в 30-е годы XVI в. представляли из себя сильный политический фактор в Средней Азии. Как умный правитель и искусный дипломат Рашид-хан не мог не видеть, что это подходящее время для того, чтобы удалить казахов с территории принадлежавшей могольским ханам, а лучшим партнером в данном предприятии, направленном против традиционных прежде союзников, могли быть только Шибаниды. К тому же это было выгодно и Шибанидам: они разрушали давние союзнические отношения между могольскими и казахскими правителями и совместными усилиями еще больше ослабляли казахских владетелей, представлявшим до этого грозную и опасную для них политическую силу.

Так, руководствуясь своей политикой, основанной на искусном использовании конкретной обстановки, Рашид-хан, пренебрегая установившимися традициями, объявил казахам беспощадную войну и, в союзе с узбекскими правителями, имел с ними несколько крупных сражений. Подробный их анализ, а также анализ взаимоотношений казахов с моголами при правлении Абд ар-Рашид-хана и его преемников приводится в весьма содержательной и основанной на данных первоисточниках статье крупнейшего ираниста О.Ф. Акимушкина. Ряд важных соображений о казахско-могольских взаимоотношениях в 30-50-х годах XVI в. высказал во вступительных статьях-справках и примечаниях к «Материалам по истории Казахских ханств XV-XVIII веков» один из руководителей группы составителей этого ценного сборника В.П. Юдин.

В свете имеющихся источников и исследований взаимоотношения казахов с моголами в 30-50-х гг. XVI столетия представляются в следующем виде.

Абд ар-Рашид-хан был гибким и сообразительным правителем. Как скоро изменились конкретные обстоятельства и он изменил прежние отношения к казахским владетелям и, заключив между 1533-1537 гг. союз с узбекским ханом Убайдуллою, выступил, по-видимому, в 944/1537-38 гг. походом на казахов, рассказ о котором находим в объемистом труде Зайн ад-Дина Васифи.

В первый день священного месяца мухаррама (год не указывается), пишет современник этих событий Васифи, Убайдулла-хан, готовясь к походу на казахов, сосредоточил

у подножия горы Казкурд (в верховьях р. Бадам в районе Сайрама) свои войска. В это время от могольского хана прибыл гонец с посланием, в котором Абд ар-Рашид предлагал узбекскому хану, на основании договора о совместных действиях, заключенному ранее у подножия горного прохода Ак-Богуз, выступить против казахов объединенными силами. Предложение было принято и Ус-йдулла-хан, снявшись с берега реки Сайрам, двинулся «в сторону Казакстана». 16 сафара, когда воины Убайдуллы находились на берегу реки Узункулук, пришло известие о подходе Рашид-хана, а 17 сафара в местности Сан-Таш, в районе Иссык-Куля, оба войска соединились. Под вечер того же дня узбеки и моголы настигли неприятеля у широкого и глубокого рва, который казахи превратили в свое убежище и пристанище. В разыгравшемся на утро следующего дня жестоком сражении казахи потерпели поражение «и все виды их имущества и утвари из коней, и скота, и челяди, и сидящего, и стоящего, и бессловесного, и свободно пасущегося перешли во владение победного войска».

Так, с заключением договора и соглашения между Абд ар-Рашид-ханом и Убайдулла-ханом о совместных действиях, политическому объединению казахов и кыргызов, сложившемуся в 20-х г. XVI в., был противопоставлен союз моголов и узбеков Мавераннахра, и хан моголов получил таким образом возможность выступать против «исконных друзей» не только свои мечом, но и мечом своих «исконных недругов» и бывших сородичей казахов. Этого внешнеполитического курса Абд ар-Рашид придерживался, по-видимому, все время своего правления. По крайней мере, мы располагаем сведениями о нескольких походах могольского хана совместно с Шибанидами против казахов.

Так, автор начала XVII в. Хайдар б. Али, описывая совместный поход моголов и узбеков в район Иссык-Куля, направленный против казахских владетелей, сообщает следующее. «Сначала, — пишет он, — (Барак-хан) по причине соседства и территориальной близости вступил в мирные переговоры с Абд ар-Рашид-ханом, правителем Кашгара, чтобы (в случае заключения союза) со спокойной душой заняться затем завоеванием других вилайетов, и благодаря стараниям Мир-Мухаммад барласа между ними был заключен мир».

Свидевшись на перевале Ак-Богуз, они уселись на одном ковре и заключили между собой договор и соглашение, скрепленные клятвой. При этом Барак-хан (в тексте Будаг-хан) взял в жены сестру Абд ар-Рашид-хана и возвратился назад. Барак-хан властвовал в Туркестане и Маве-

раннахре. В 951 году (1544-45 гг.) Барак-хан вместе с Абд ар-Рашид-ханом, правителем Кашгара, выступили в степь на войну с казахами. Встретившись на Иссык-Куле, они сошлись на том, что Абд ар-Рашид-хан, как более знакомый с теми местами, отправится вперед. И Абд ар-Рашид-хан во исполнение договоренности стремительно ринулся вперед, настиг казахов и после победоносного сражения бросился их преследовать. Будаг-хан (т.е. Барак-хан) подошел следом. Все имущество и скот казахов, брошенные во время битвы, попали в руки их воинов. После победы Абд ар-Рашид-хан повернул обратно, и каждый из них отправился восвояси» [Тарих-и Хайдари, л.417б; Акимушкин, 1970, с.237-238].

По мнению О.Ф. Акимушкина, хотя все сообщение Хайдара б. Али выглядит исключительно правдоподобно, тем не менее оно не представляется, особенно в свете «Реляции» Васифи, достоверным. Скорее всего речь идет здесь о сражении 944/1537-38 гг., во время которого пали, видимо, хан Тугум и 37 казахских султанов. Хайдар б. Али «либо не располагал проверенными данными, либо сознательно «подновил» Васифи, потому что только этим можно объяснить как более позднюю дату, которая приводится Хайдар б. Али, так и замену Убайдаллах-хана Барак-ханом, который отмечен как один из победителей».

Если даже и так, то и в таком случае сражений было несколько. Сведения о новом походе могольского хана на казахов содержатся в нескольких поздних источниках, авторы которых передают подробности сражения далеко не одинаково.

О.Ф. Акимушкин, ссылаясь на ряд конкретных исторических фактов, относит эту битву моголов с казахами и кыргызами к периоду между 959/1551-52 и 963/1555-56 гг. и устанавливает для всех сообщений источников следующие сходные элементы: 1) поход Абд ар-Рашид-хана был вызван известием о гибели сына; 2) сражение имело место где-то в Моголистане; 3) победа досталась моголам; 4) поражение потерпели объединенные силы казахов и кыргызов; 5) во главе этих сил стоял казахский хан (Хакк-Назар или Буйдаш).

Итак, новое столкновение и новое поражение от моголов. Впрочем, в Семиречье казахи столкнулись не только с моголами, но и с продвинувшимися к тому времени значительно на запад калмаками.

Что касается казахско-калмацких отношений вообще до перехода Семиречья в руки казахских владетелей, то о них нам мало что известно. Казахское ханство с первого пери-

ода своего образования было прикрыто от калмаков соседним Моголистаном и все внешние удары с юго-востока падали на моголов. Но такое положение продолжалось сравнительно недолго. Косвенные данные, по-видимому, о непосредственных столкновениях казахских владетелей с калмаками относятся к периоду 20-х годов XVI в. Мы имеем в виду постройку казахским ханом Тахиром «у подножия одной горы, крепости Джатан для отражения калмаков», о которой мимоходом сообщает в своих мемуарах Зайн ад-Дин Васифи. Более подробное описание военных действий калмаков и казахов встречаем в сочинении автора XVI в. Сейфи, но они относятся к 50-м годам XVI в. Эти сведения никем не приводились полностью, у В.В. Бартольда о них только упоминается. В связи с этим мы приводим раздел в переводе.

«По другую сторону Кашгарского края расположилось племя, носящее имя казак. Они кочевники, у них нет ни городов, ни селений. Число их составляет два раза по сто тысяч семейств (эв). У них есть хан по имени Таваккул. Казахи однажды произвели набег и разграбили часть владений калмаков и возвратились к себе. Об этом доложили предводителю калмаков. Он направил одного из своих везиров в погоню за казахами и повелел: «Возвращаясь непременно с головой Таваккуля или принеси свою голову». Тот отправился вслед за казахами и прибыл в местность, которая была йуртом Таваккуля. Таваккул, увидев огромное войско калмаков, счел всякое сопротивление бесполезным и бежал в сторону Ташкента. Калмаки, преследуя его, дошли до окрестностей Ташкента и, нагнав его, перебили половину его войска. Таваккул с некоторым числом оставшихся людей подался в Ташкент. Как говорят, Ташкент в древности был столицей Афрасиаба; это очень обширная область. В то время правителем Ташкента был Науруз Ахмад-хан, по прозванию Барак-хан; он из потомков Чингиза. Словом, Таваккул подался в Ташкент, калмаки разграбили его эль и вернулись в свою страну. Таваккул отправил человека к Барак-хану со словами: «Я пришел и отдал себя под твою защиту. Мы оба потомки Чингиза, связаны узами родства. Кроме того, оба мы мусульмане, единоверцы. Окажи мне поддержку, и мы отправимся вместе и отомстим этим кафирам». Барак-хан направил ему [такой] ответ: «Если даже десять ханов, таких как я и ты, объединятся вместе, то и они не смогут противостоять им, ибо они — племя йаджудж» [Сейфи, л.146-156]. «И в самом деле они походят на племя йаджудж своей многочисленностью», — пишет Сейфи и дальше описывает обычаи калмаков.

Учитывая упоминание в данном рассказе Алтан-хана и Барак-хана, это событие следует датировать периодом между 1552-1556 гг., то есть периодом от покорения калмаков туметским предводителем до кончины правителя Ташкента. Однако Таваккул (Тевеккел) еще в 1580 году, по словам сочинителя «Шараф-наме-йи шахи», состоял в числе служилых султанов узбекского хана Абдуллы. Ханом казахов он стал не раньше 1583 г. Разгрому калмаков в таком случае подвергся не улус Таваккул-хана, но молодого (скорее, даже юного) Таваккул-султана. Запомним это имя; оно еще возникнет в нашей книге при описании событий последних десятилетий XVI в.

Однако здесь возможно и другое допущение. Сочинение османского автора Сейфи Челеби было написано в 1590 г.; считается, что сам Сейфи не путешествовал по тем странам, о которых он пишет, и его сведения основаны исключительно на устных рассказах купцов и путешественников. Могло случиться и так: Сейфи связал события, имевшие место в 50-х годах XVI в., с именем современного ему хана казахов — Таваккуля (ср. его слова: «У них есть хан по имени Таваккул. Однажды казахи произвели набег ...»), а в действительности водил войска против калмаков и обращался за военной помощью к Бараку другой казахский хан (Буйдаш? Хакк-Назар?).

Таким образом, водворившись в Семиречье, казахские владетели положили начало политическому объединению казахских племен с кыргызами, о чем свидетельствуют как состав войска Тахир-хана, так и упоминания кыргызов, наряду с казахами, почти во всех описаниях походов Рашид-хана против казахских владетелей. Переход Семиречья в руки казахских ханов и их союз с кыргызами определили дальнейшие отношения между казахскими и могольскими правителями. Прежние традиционно мирные отношения сменились постоянными военными столкновениями; Абд ар-Рашид-хан в союзе с Шибанидами предпринял ряд походов для упрочения своей власти в Семиречье и Приссык-кулье, занятыми казахами и кыргызами. Однако союз могольского хана с Шибанидами и их совместные военные действия против казахов и кыргызов не привели к восстановлению власти моголов в Семиречье, в лучшем случае Рашид-хану удалось превратить в сферу своего влияния лишь районы, непосредственно прилегающие к территории современного Кыргызстана, которые, однако, впоследствии также были потеряны, и там окончательно укрепились кыргызские племена, продолжавшие выступать совместно с казахами.

Военные действия между казахами и калмаками еще не носили тогда характера организованных войн, как впоследствии, когда казахам пришлось вести упорную и кровопролитную борьбу с калмаками за обладание Семиреченским краем; на ранних этапах это были скорее лишь грабительские набеги. Однако уже в эти годы нападения джунгар заставляли иногда казахских владетелей искать сильного покровителя среди соседних правителей, каковыми наконец и явились Шибаниды. Видимо, именно незавидная перспектива оказаться в одиночестве против трех сильных противников — моголов, узбеков, калмаков — и угрозы вести длительную борьбу на три фронта вынудили казахских владетелей во второй половине XVI в. выступить на стороне узбекских правителей Мавераннахра.

3. Казахские владетели и Шибаниды в последней трети XVI в.

Для освещения взаимоотношений казахов с Шибанидами во второй половине XVI в. исключительный интерес представляет сочинение Хафиз-и Таныша «Шараф-наме-йи шахи». Этот замечательный памятник восточной литературы был написан на основании личных наблюдений и впечатлений автора, рассказов современников, участников событий и официальных государственных документов. Хотя сочинение придворного поэта и хрониста представляет из себя исключительно описание государственной деятельности и военных походов хана Абдаллаха, но в то же время «Шараф-наме-йи шахи» содержит разнообразный материал по истории казахского народа второй половины XVI в. В частности, в связи с описанием взаимоотношений Абдаллаха с другими Шибанидами, сообщается и о взаимоотношениях узбекского хана с казахами. К сожалению, некоторые аспекты взаимоотношений казахских владетелей с узбеками Средней Азии нередко излагаются слишком сжато, порою только намеками, в свое время, возможно, ясными читателю, но теперь малопонятными. К этому кругу малопонятных теперь аспектов казахско-узбекских отношений второй половины XVI в., сообщаемых Хафиз-и Танышем, относится вассальная служба казахского хана Таваккуля (Тевеккеля) и других султанов вместе с подвластными им казахами узбекскому хану.

Хафиз-и Таныш не поясняет причин, приведших казахских владетелей под бухарский протекторат, а только сообщает о существовании этих вассальных отношений. Когда Абдаллах находился на берегу реки Келес, пишет он, ко двору узбекского правителя пришел посланец от казахских султанов и сообщил следующее: «Все султаны вследствие сильной любви и безграничной дружбы посылают хану приветствие, поклон, молитвы и мольбу, с которой обращаются к благочестивым. Они выражают единодушие, искренность, высокую преданность и желают жить в союзе с ханом. Они вдели голову единодушия в ярмо повиновения и шею покорности обвили кольцом почтения и выражают дружбу и верность хану. Кроме того, они заявляют: «Мы и теперь верны тому договору и союзу, которые мы заключили с его величеством [МИКХ, с.246-247]. В другом месте автор «Книги шахской славы» замечает, что 24 мая 1579 г. к двору Абдаллах-хана снова прибыл гонец от казахов и выразил «единодушие, дружбу, преданность и верность союзу». К сожалению, мы не располагаем прямыми сообщениями источников о точной дате заключения этого договора и его условиях, кроме приведенных сообщений о том, что договор и союз был заключен до 1579 г. и, по-видимому, между Абдаллах-ханом и казахским ханом Хакк-Назаром.

Хакк-Назар — сын Касим-хана, сына Джанибек-хана; его матерью была Ханык Султан-ханым. Относительно даты его вступления на престол существуют разные точки зрения. В ряде источников преимущественно иранского происхождения отмечается, что Касим-хан умер в 930 г.х. (1523-24 гг.), и Хакк-Назар заступил на место отца. Указанный год принят некоторыми исследователями как время начала правления Хакк-Назара-хана. Между тем эта дата не может считаться достоверной, поскольку Хакк-Назар в действительности не наследовал ханский престол непосредственно после отца. Другие авторы без особой аргументации относят восшествие Хакк-Назара на престол к концу 50-х годов или к 1538 г. Наиболее приемлемым нам кажется последнее предположение, хотя фактов, могущих безусловно доказать точность такой датировки начала правления этого хана, у нас также нет. Можно лишь предположить, что Хакк-Назар стал ханом после 944/1537-38 гг., то есть после гибели Тугум-хана со всем его родом.

Кадырали-бек без указания даты отмечает, что Хакк-Назар-хан погиб во время междоусобных распрей; «потомство его более не царствует». В «Шараф-наме-йи-шахи» Хафиз-и Таныша при описании событий 1580 г.

говорится о том, что Шибанид Баба-султан «приказал Бузахуру отправиться в поход, чтобы настичь Хакк-Назар-хана и, если сможет, прикончить его смертоносным мечом». Бузахур-султан во исполнения приказа пустился преследовать казахского хана. Это сообщение обычно трактуется в том смысле, что Хакк-Назар-хан погиб в результате этого преследования, хотя у самого Хафиз-и Таныша нет точных указаний на это.

Подробная генеалогия Хакк-Назар-хана неизвестна. Два его сына, имена которых не приводятся, были убиты в апреле 1580 г. людьми Баба-султана. Двое других его сыновей, Мунгатай и Дин-Мухаммад, принимали активное участие в мятеже вспыхнувшем в 1588 г. в Ташкентском вилайете и направленном против Абдаллаха. По сообщению Мухаммад Яр ибн Араб Катагана, во время правления Аштарханида Баки-Мухаммад-хана (1600-1605) сын Хакк-Назара по имени Тиним-султан был валием Ташкента. Тиним-султан (Тиниш-султан) упоминается и в «Бахр ал-асрар» рядом с именем Таваккул-султана при описании события 1583 г.

В народных преданиях имя Хакк-Назар-хана окружено славою. Память о нем сохранилась не только у самих казахов, которые относят образование трех казахских жузов ко времени его правления, но даже у башкир и ногаев.

Таковы вкратце обстоятельства хана Хакк-Назара. Обратимся теперь к возможным причинам, приведшим казахских владетелей в «ярмо повиновения» повелителю Мавераннахра.

30-50-е годы XVI в., как уже неоднократно упоминалось, являются тяжелым периодом в истории казахов. К этому периоду относятся ряд серьезных поражений казахских владетелей от узбеков, моголов и калмаков, следствием чего явились гибель целых султанских фамилий, потеря казахами части своих кочевий. Под напором внешних врагов казахские владетели ставят себе новые задачи, какие не стояли перед ними 15-20 лет назад, и, вынужденные искать себе покровителя и союзника, останавливают свой выбор на Шибанидах.

Очевидно, выбор был не случайным. Заключив союз с Шибанидами, казахские владетели приобретали вместо опасного противника сильного союзника и ликвидировали таким образом угрозу нападения со стороны узбеков. С другой стороны, войдя под протекторат родственных им узбеков Мавераннахра, казахские владетели сохраняли в годы тяжелых испытаний свои силы, чтобы затем, сплотив близлежащие к ним владения казахов, пойти войной на своего же патрона и

даже отвоевать у него часть владений. К тому же этот союз был выгоден и Шибанидам. Дело в том, что Абдаллах-хан с самого начала своей политической деятельности вел упорную и жестокую войну с многочисленными удельными узбекскими ханами и султанами. Особой непокорностью отличались дети правителя Ташкента, а затем, с 1552 по 1556 гг., — носителя верховной власти в Мавераннахре, Барак-хана. Близость районов, где возникали мятежи со стороны непокорных султанов, надо думать, возбуждали в Абдаллахе стремление к сближению и даже союзу с казахскими владельцами. С привлечением их на свою сторону он, во-первых, до известной степени предотвращал опустошительные набеги казахов, которые были постоянными явлениями и составляли величайшее зло, а во-вторых, получал до поры для укрепления своей власти верного, в лице казахов, союзника для совместной борьбы с вышедшими из повиновения вассалами.

Вот, видимо, тот круг исторических фактов и обоюдových интересов, которые примирили враждовавших соседей, и привели казахских владельцев к участию на стороне Абдаллаха во всех перипетиях его ожесточенной борьбы с правителем Ташкента Баба-султаном, подробности которых известны до отдельных деталей.

После гибели Хакк-Назара ханом стал Шигай (Сыгай) — сын Джадик (Йадик)-султана, сына Джанибек-хана; его матерью была Абайкан-биким. По словам Хафиз-и Таныша, Шигай «вырос в степи и пустыне», был человек «опытный в делах и много переживший на своем веку». Шигай и его сыновья принимали активное участие в борьбе Шибанида Абдаллах-хана с сыновьями Науруз-Ахмад-хана. За существенную помощь, оказанную Шигай-ханом в этой борьбе, Абдаллах-хан в июне 1581 г. пожаловал ему в удел Ходжент. Последний раз имя Шигай-хана упоминается в источниках в 1582 г. Он умер в возрасте около 80 лет, похоронен в селении Кумушкент, близ Бухары.

У Шигай-хана было много жен, но известны имена трех: Баим-биким, Яхшим-биким, родом из Джагата, и Дадым-ханым, дочь Бурундук-хана. От первой из них у Шигая было трое детей: Саид Кул-султан, Ондан-султан, Алтун-ханым; от второй — Тукай (Таваккул)-хан, Ишим-хан, Султан Сабирбик-ханым; от — третьей Али-султан, Сулум-султан, Ибрахим-султан, Шахим-султан.

В «Бахр ал-асрар» отмечается, что у Ишим-хана, сына Шигая, был брат по имени Кучук-султан, дочь которого была замужем за могольским ханом Абд ар-Рахимом. В другой части этого же труда говорится о том, что у Кучук

(Кучунк) -султана был брат по имени Абулай-султан. Согласно Искандару Мунши, другого брата Ишим-хана звали [А]бу Саид. По сообщению посла хана Таваккула, сына Шигая, у хана был брат «по имени Шахмагмет» (очевидно, Шах-Мухаммад), которого он «посадил на калмаках». По преданию, приводимому автором XVIII в. Г.Ф. Миллером, одна из дочерей Шигай-хана (имя ее не приводится) была замужем за братом Кучум-хана, Ахмад-Гирсем.

У каждого времени, заметил В.О. Ключевский, свои герои, ему подходящие. Таким достойным вождем, способным вывести казахских владетелей из-под ига унижительного подчинения чужеземным властелинам, оказался Таваккул. Здесь кстати заметить, что имя его в переводе с арабского языка означает «упование, чаяние, надежда», и как бы выражает тем самым желание подвластных ему казахов вновь обрести независимость, возлагая на своего хана миссию возрождения былой силы Казахского ханства. Последующие события показали, что Таваккул сумел не только покончить с бухарским протекторатом, но и, правильно оценив конкретную обстановку, сложившуюся в Мавераннахре после смерти Абдаллах-хана, овладеть Ташкентом и Туркестаном.

Таваккул (Тевекель, Тсвкель, Тауке, Тукай, Букай) — сын Шигай-хана. Его матерью была Яшим-биким из Джата. Он выделялся своим «красивым станом» и славился в Дешт-и Кипчаке храбростью, смелостью и мужеством. Так пишет о нем Хафиз-и Таныш. В 1581-1582 гг. со своим личным отрядом состоял при свите узбекского Абдаллах-хана, от которого в августе 1582 г. получил в удел Афаринкентский вилайет. Но вскоре он заподозрил Абдаллах-хана в недоброжелательстве и в начале 1583 г. вернулся в Дешт-и Кипчак. Год начала его правления источниками точно не определяется. Посол Таваккул-хана, Кул-Мухаммад, прибывший в Москву в январе 1594 г., в своей беседе с царевичем Ураз-Мухаммадом, между прочим, говорил ему: «Ныне дядя твой Тевкель-царевич царь учинился на Казатцкой орде». По сообщению Искандара Мунши, Таваккул «присвоил себе титул хана». Подробности узурпации им ханской власти неизвестны.

Как Таваккул-хан правил страной? Ответ на этот вопрос следует искать в личностных чертах характера Таваккул-хана и в тех политических реалиях Казахского ханства, в которых характер предводителя казахов проявлялся.

Будучи весьма энергичным, честолюбивым и предприимчивым, Таваккул не мог питать надежды стать независимым правителем своего народа, оставаясь под покровительством Абдаллаха. С другой стороны, с завершением

победоносной войны с Баба-султаном уже не существовало более общей цели: близлежащие к кочевьям казахов районы окончательно признали власть Бухары, и вместе с этим отпала и необходимость в поддержке казахских владетелей, которых Абдаллах рассматривал лишь как полезных союзников; в свою очередь казахи, издавна стремившиеся к обладанию туркестанскими городами и Ташкентом, видели теперь в лице Абдаллаха не покровителя, а соперника.

Чувствуя себя, таким образом, при дворе узбекского хана бесправным, Таваккул ищет новых путей и в начале 1583 г. навсегда покидает своего бухарского сюзерена для того, чтобы собрав силы повести борьбу против Шибанидов.

С этого времени казахские владетели получают возможность ставить перед собой и решать самостоятельные задачи и не упускают отныне благоприятного случая, чтобы попытаться счастья на поприще войны, причем войны, направленной против прежнего повелителя. Так, в 1586 г., когда основная часть войска Абдаллах-хана была оттянута на юг, Таваккул вторгся во владения узбеков Средней Азии, угрожая овладеть г. Туркестаном, Ташкентом и даже Самаркандом. Наскоро собранное ташкентское ополчение было довольно легко смято и разбито кочевниками, и угроза военной опасности нависла над другими подвластными Шибанидам городами. Но положение было спасено тем, что вовремя успели подойти крупные силы из Самарканда; казахский хан, стоявший тогда около Сайрама, не решился принять бой и удалился в степи.

Неудача не обескуражила, однако, Таваккуля. Он, кажется, на время избрал другой путь. Во всяком случае, мы имеем прямые сообщения источников — «Шараф-наме-йи шахи» Хафиз-и Таныша и «Зафар-наме» Муками — о мятеже, вспыхнувшем в 1588 г. в Ташкентском вилайете и направленном против Абдаллаха и его наместника. Восставшие жители окрестностей Ташкента, Шахрухии и Ходжента, отказавшись от двоюродного брата Абдаллаха, провозгласили правителем этих областей одного из казахских ханов по имени Джан-Али. Причем казахские султаны, в их числе и два сына хана Хакк-Назара, принимали самое деятельное участие в мятеже, из чего можно заключить, что длившаяся несколько месяцев смута в Ташкентском вилайете является делом рук предводителя казахов Таваккуля. Однако восстание было подавлено, и мятежные жители Ташкентского вилайета вынуждены были признать власть Бухары, чтобы затем, спустя несколько лет, вновь оказать-ся поданными казахских султанов.

Это случилось в 1598 г. Впрочем, наступление на владения Шибанидов началось еще раньше. Уже давно зорко следивший за прежним своим повелителем — Абдаллахом, казахский хан не преминул воспользоваться раздорами, возникшими между царственным отцом и его честолюбивым сыном, и в начале 1598 г. двинул свои многочисленные отряды к Ташкенту. Однако несмотря на то, что посланное из Бухары войско было разбито наголову в кровопролитном сражении, происшедшем между Ташкентом и Самаркандом, Таваккул-хану не удалось сделать территориальных приобретений. Между тем умер Абдаллах-хан, а летом этого же 1598 г. погиб от руки мятежных эмиров сын и преемник его Абд ал-Мумун, и во владениях Шибанидов наступили смутные времена. Монархия Абдаллаха окончательно развалилась; на различных концах прежнего обширного государства — в Бухаре, Герате, Балхе, Хиве — явились разные самостоятельные государи. Этой же полосой острого политического кризиса и воспользовался для своего повторного вторжения во владения Шибанидов Таваккул-хан.

Описание этого похода Таваккул-хана находим в нескольких сочинениях, написанных в разные периоды. Автор «Тарих-и Кипчаки» сообщает об этом походе просто и кратко; также кратко, но с добавлением некоторых деталей излагается это событие в «Зийа ал-кулуб», «Мунтахаб ат-таварих» анонимного автора и «Мусаххир ал-билад». Наиболее подробное описание похода казахских султанов во главе с Таваккул-ханом и их сражения с узбеками содержится у Искандара Мунши и Махмуда б. Вали.

Не останавливаясь на деталях этого похода, отметим лишь основные моменты. Получив весть об убийстве Абд ал-Мумина и видя, что в Мавераннахре нет достаточно сильного государя, Таваккул-хан собрал многочисленное войско и вместе с Бахадур-султаном, Ишим-султаном и другими казахскими султанами вступил на путь покорения среднеазиатских городов. В короткий срок он овладел Сайрамом, Ташкентом, г. Туркестаном, Самаркандом и, назначив правителем последнего своего брата Ишим-султана (по «Бахр ал-асрар» — Ишим-джалаира), направился с войском в сторону Бухары. Однако стремительное движение кочевников в глубинные оазисы Средней Азии было приостановлено под стенами Бухары; незначительный по численности гарнизон этого города выдержал одиннадцатидневный натиск неприятеля, а на двенадцатый произвел удачную вылазку и нанес казахам поражение. Таваккул-хан, пользуясь покровом ночи, отступил. Но война продолжалась. В одном из очередных сражений

казахский хан был тяжело ранен, отошел к Ташкенту и там умер в том же 1598 г. Через некоторое время при посредстве шейхов ордена «накшбендия» был достигнут мир: казахи отказались от Самарканда, но сохранили за собой Ташкент, Сайрам, Туркестан.

Завершив обзор политической истории Казахского ханства XVI в., перейдем теперь к изложению некоторых аспектов взаимоотношений казахов с Бухарским ханством и калмаками в XVII столетии.

4. Казахские владетели и Аштарханиды

Казахстан в XVII в. был политически раздробленной страной. Различные феодальные группы соперничали между собой, борясь за власть. Верховным ханом был Ишим — сын Шигай-хана. Он стал ханом казахов после смерти Таваккул-хана, т.е. осенью 1598 г. Около 1022 г.х. (1613-14 гг.) ханская власть была узурпирована Турсун-султаном. После дойдем до обстоятельства этого султана, а сейчас о событиях до узурпации им власти.

После смерти Абдаллах-хана в 1598 г. и кратковременного правления его сына Абд ал-Мумина и Пир-Мухаммада II прекратилось и господство династии Шибанидов в Бухаре: к власти пришла новая династия, возводившая свое происхождение к астраханским ханам — потомкам Тукай-Тимура, сына Джучи, сына Чингиз-хана. В связи с падением династии Шибанидов и приходом Аштарханидов (или Джанидов) значительно сократились пределы Бухарского ханства. В XVII в. Ташкент, г. Туркестан, Сайрам, Андижан и ряд других культурных областей Средней Азии большей частью находились под властью казахских ханов и султанов. Власть первых Аштарханидов, не имевших в государстве прочной опоры на узбекские племена, была незначительна, к тому же она ослаблялась борьбой представителей этой династии между собой, отличавшейся большим ожесточением. Казахские ханы и султаны, пользуясь упадком политической мощи Бухары, не упускали случая извлечь для себя из этого выгоду. Они вторгались во владения Аштарханидов, опустошая своими набегами пограничные и центральные районы Средней Азии, а иногда принимали участие в борьбе партий, то выступая против «бунтовщиков», то примыкая к последним и идя против «законного правителя».

Предметом постоянного и длительного спора между казахскими владетелями и Аштарханидами стал Ташкент — важный торгово-экономический центр. Отметим, что борьбу с Аштарханидами казахские ханы и султаны вели при активной поддержке кыргызов. Так, по описанию Махмуда ибн Вали, осенью 1603 г. Аштарханид Баки-Мухаммад-хан выступил с войском из Самарканда и расположился в местности Айгыр-Яр. Правитель Ташкента, казахский султан Келди-Мухаммад, зорко следивший за своим противником, в свою очередь выступил из Ташкента «с войском из кыргызов, казахов и других племен, проживавших на территории подвластных ему областей», и тоже явился в Айгыр-Яр. На утро следующего дня обе рати сошлись. После долгой и кровавой сечи войско Баки-Мухаммад-хана «показало тыл и рассеялось». Воины Келди-Мухаммад-султана пустились преследовать отступающих и дошли до Самарканда. Осада древнего города результата не дала и, простояв там несколько дней, казахский султан возвратился в Ташкент.

Борьба между казахскими султанами и Аштарханидами за обладание городами, расположенными по правому берегу Сыр-Дарьи, и прилегающими к ним районами продолжалась и во время правления в Бухаре Вали-Мухаммад-хана (1606-1610) и шла с переменным успехом. В 1607 г. ставленник Аштарханида Мухаммад-Баки-бий калмак занял Ташкент, но спустя какое-то время объединенные силы казахских султанов во главе с Ишим-ханом вновь овладели городом; между казахскими владетелями и Бухарой было достигнуто соглашение, согласно которому «бразды правления Ташкентом» были вручены Шах-Саид-султану, сыну казахского Турсун-султана, а его аталыком (опекуном) был назначен бухарский эмир Ялангуш-бий из племени алчин.

В 1611 г. казахские султаны Абулай, Кичинек (Кучик), а также сын Ишим-хана Джанибек со своими людьми вмешались в междоусобные распри Аштарханидов, оказывая помощь новому бухарскому хану Имамкули (1611-1642) в его борьбе с изгнанным Вали-Мухаммадом, поддержанным, в свою очередь, иранским шахом Аббасом. В результате акции казахских султанов управление Ташкентом, Туркестаном, Сыгнаком, Сузаком и другими областями правобережья Сыр-Дарьи перешло к Ишим-хану, а его сын Джанибек-султан был назначен управителем области Сагардж. Но уже в 1612 г. Имамкули предпринял поход против казахов через Туркестан «до край-

них пределов Ашшары и Кара-Тау», разграбив по пути несколько городов и сел. Бухарскому хану удалось овладеть Ташкентом и посадить там наместником своего сына Искандара. Но едва хан покинул пределы Ташкента, как жители города восстали и убили царевича. Когда эта весть дошла до бухарского хана, он вновь выступил в поход. Взяв после месячной осады Ташкент, Имамкули-хан устроил в нем резню, подобно которой, как отмечали источники, «не помнило время».

Ташкент недолго оставался во власти бухарского хана. В 1613 г. казахи вновь овладели городом и оттуда вторглись в Самаркандскую область. Навстречу им выступил Имамкули-хан, но несмотря на помощь своего брата Надир-Мухаммад-султана, правителя Балха, был наголову разбит и в жалком состоянии возвратился к себе в столицу. Поскольку возвращение восточных областей государства оказалось делом сложным, Имамкули-хан решил способствовать приходу к власти в этих районах надежного ставленника из числа казахских султанов. Такая возможность представилась ему вскоре же.

По сообщению Махмуда б. Вали, автора «Бахр ал-асрар», Имамкули-хан на третьем году своего царствования, т.е. в 1022 г.х. (1613-14), выступил в поход на Ташкент и «другие восточные вилайеты». После переправы через Сыр-Дарью в «высочайший лагерь» с небольшой свитой приближенных прибыл Турсун-султан казах, который перед этим «забрал в свои руки бразды правления Ташкентом и прочими вилайетами тех пределов». После того как бухарский хан одобрил захват им власти, Турсун-султан возвратился к себе. Ишим-хан вместе со своими приверженцами подался к моголам и кыргызам; в течении нескольких лет он принимал активное участие в феодальных усобицах могольских правителей и некоторое время был ханом части кыргызов.

Подробности узурпации Турсун-султаном ханской власти не освещаются ни в одном из известных нам источников. До настоящего времени остается не вполне выясненным и родовое происхождение Турсуна. Его полное имя — Турсун-Мухаммад-султан. В русских источниках он назван братом Ишим-хана, сына Шигай-хана; так считали и многие исследователи. Между тем в четвертой части шестого тома «Бахр ал-асрар», которая стала доступной советским ориенталистам лишь недавно, Турсун-Мухаммад назван сыном Джалим-султана. Имя Джалим-султана упоминается как в русских, так и в мусульман-

ских источниках. По сообщению Хафиз-и Таныша, Джалим-султан, два его сына (имена их не приводятся) и двое из сыновей Хакк-Назар-хана были убиты в 1580 г. людьми Шибанида Баба-султана, который приходился ему зятем. Родословная Джалим-султана неизвестна. По предположению одних исследователей, он был сыном Касим-хана, сына Джанибек-хана; как полагают другие, возможно, он был сыном Шигай-хана, сына Джадик-султана, сына Джанибек-хана.

Главной ставкой Турсун-хана был Ташкент, где он, по сообщению автора «Имамкули-хан-наме», чеканил монеты от своего имени и собирал с населения «бадж и харадж» (пошлину и поземельный налог). Судя по данным других источников, при Турсун-хане власть казахов распространялась на Ташкент, Бискент, г. Туркестан, так и временами на Сауран, Андижан, Шахрухия и другие города, за которые происходили постоянные войны между бухарским ханом и казахскими султанами. Более того, казахские владетели пытались распространить свою экспансию на города Среднеазиатского Междуречья — Мавераннахр. Имамкули-хан, пишет Искандар Мунши, описывая события 1621 г., выступил с войском для наказания казахов, которые, владея Ташкентом и окрестными областями, совершали частые вторжения в Самаркандскую область. Во время переправы через реку Шахрхане войско хана подверглось нападению казахов. В происшедшем сражении погибло более 20-ти тысяч воинов Бухарского ханства, часть которых утонуло в реке во время поспешного бегства. Имамкули с остатками разбитого войска возвратился в Бухару. Оттуда он отправил нарочного в Балх к своему брату Надир-Мухаммаду, чтобы тот прибыл с войском на помощь для нового выступления против казахских султанов. Получив не совсем удовлетворительный ответ, хан сам выехал в Балх для встречи с братом. После советов и консультаций было решено, что во главе балхского войска выедет Яланкус (Ялангтуш)-бахадур. Движимый жаждой мести за понесенное жестокое поражение от казахов, Имамкули-хан поспешил во главе объединенных сил Бухарского ханства в сторону владений казахов. Во второй раз между ними учинилось сражение, пишет далее автор «Тарих-и аламарай-и Аббаси», и вновь поражение выпало на долю бухарского хана. Тогда, по настоянию сановников было решено помириться с противником. Между Имамкули-ханом и казахскими султанами во главе с Турсун-Мухаммад-ханом было за-

ключено перемирие, и ханы разъехались по своим резиденциям.

Одно из самых крупных сражений между войсками бухарского хана и объединенными силами казахских и кыргызских владетелей состоялось, согласно «Бахр ал-ас-рар» [т.6,ч.4,л.106-1076], в 1033 г.х., соответствующему году Свиньи, т.е. в 1623 г. Турсун-султан, пишет Махмуд б. Вали, «ранее осчастливленный Имамкули-ханом преимуществом родства через бракосочетание и получивший в свои руки бразды правления Ташкента с округом, гнусным образом повернул поводья с пути согласия и единства и вступил на путь разногласия и разлада». Имамкули-хан решил наказать его и стал собирать войско. На помощь он призвал также свое доверенное лицо в Андижане, казахского Абулай-султана, который, согласно повелению, выступил со своим отрядом в сторону Ташкента. Численность войска Имамкули-хана, будто бы, «достигала 160 тыс. всадников». Ополчение Турсун-султана, якобы, составляло 100 тыс. человек, из которых 10 тыс. было выставлено предводителями кыргызских племен. Противники сошлись близ крепости Шахрухия, и сеча началась. В самый жаркий момент сражения «казахское воинство» под началом Абулай-султана покинуло поле боя. В бухарском войске поднялась паника и Имамкули-хан отступил.

В 1624 г. Турсун-хан и прибывший к тому времени из Восточного Туркестана Ишим-хан организовали совместный поход на Андижан. Валием (управителем) Андижана тогда был Ханзаде-султан, сын казахского султана Келди-Мухаммада. Вали запросил помощи у Имамкули-хана; хан откликнулся и отрядил войско. Вспомогательный отряд прибыл как раз тогда, когда казахские султаны осаждали крепость Ахси. Дали сражение. Войско бухарского ханства потерпело поражение и отступило. Казахские султаны захватили несколько крепостей, разграбили их и ушли в сторону Ташкента и Туркестана.

Отношения двух казахских ханов — Турсуна и Ишима — между тем постепенно обострялись и доходили до военных столкновений, о чем свидетельствует «Запись в Тобольской приказной избе», датированная августом 1625 г. Правда, в 1036 г.х. (1626-27), по словам Махмуда ибн Вали, Турсун-хан и Ишим-хан «простили друг друга и снова завязали узы дружбы». Однако угли вражды тлели, и вскоре началась новая волна муждоусобной борьбы за верховную власть. Вот рассказ человека, который именно

в те смутные годы волею судьбы оказался среди казахов и провел несколько лет в ставке Ишим-хана и Турсун-хана. «Я отправился, — пишет Абу-л-Гази, будущий хивинский хан и историк, описывая события, имевшие место около 1625 года, — к казахам. В Туркестане, у Ишим-хана я провел три месяца. В то время [старшим] ханом казахов был Турсун-хан. Он приехал в Туркестан из Ташкента. Ишим-хан отправился повидаться с ним; меня же оставил дома. Возвратившись после свидания с Турсун-ханом, Ишим взял меня с собою, повел к хану, представил ему и сказал: «Это Абу-л-Гази из рода Ядгар-хана. До сих пор еще никто из членов этого дома не приезжал гостить к нам; наших же пребывало у них много. Было бы желательно, чтобы он находился при Вас». «Хорошо, — сказал Турсун-хан, — пусть будет посему». Он взял меня с собою и привез в Ташкент. В Ташкенте, у Турсун-хана я провел два года. Года через два Ишим-хан умертвил Турсун-хана и перебил его катаганов. Тогда я обратился к Ишим-хану. «Я приехал к вам, — сказал я ему, — в надежде: не будет ли мне от вас, обоих ханов, какой-либо пользы; а у вас самих вот какое вышло дело. Дайте мне разрешение на поездку к Имамкули-хану [в Бухару]. «Хорошо, — отвечал Ишим-хан, — ступай!». Я отправился к Имамкули-хану». [Абу-л-Гази, т. I, с. 306-307].

Междоусобная война казахских султанов и гибель Турсун-хана подробно описывается в четвертой части шестого тома «Бахр ал-асрар». Для полноты сюжета приведем краткий пересказ этого длинного описания. В указанный год (1036 г.х. — 1626/27), пишет Махмуд б. Вали, Ишим-султан решил устроить набег на йурты калмаков. Он собрал под свои знамя «все войско алачинов» и других подвластных племен улуса, а также часть катаганов, что были опорой Турсун-султана, двинулся «в один из пределов Моголистана», напал на становища калмаков и подверг их разграблению. Тем временем Турсун-султан, долгое время выжидавший удобного момента для расправы со своим главным политическим соперником, отрядил войско на орду (ставку) Ишим-султана, которая располагалась «в одной местности Туркестана», для захвата и истребления оставшихся там людей. Воины отряда прибыли в орду, перебили множество людей, а жен и детей Ишим-султана со всей челядью доставили в Ташкент. Турсун-хан, окрыленный успехом, решил покончить и с самим Ишим-ханом: «застать его врасплох и схватить его в пути». С этой коварной мыслью он отпра-

вился со своим войском навстречу Ишим-султану. Стороны встретились в окрестностях Сайрама, обе рати сошлись и «растопили печь сражения». Войнство Турсун-султана потерпело поражение и отступило к Ташкенту. Однако же, когда Турсун-султан с остатками разбитого войска добрался до Ташкента, узнал, что «невестка царства уже находится в объятиях другого». Подробность этого события такова, пишет далее Махмуд б. Вали и продолжает свой рассказ так. В то самое время, когда Турсун-султан, с намерением учинить засаду, направился навстречу Ишим-султану, владетель Андижана казахский султан Абулай объединился с некоторыми эмирами бухарского хана Имамкули и все вместе напали на подвластный Ташкенту Бискент; после боев и сражений отняли его у Иш-Кара-султана казаха. Затем они направились на крепость Шахрухия и изгнали оттуда Мурад-султана казаха. А тем временем правитель Дизака (Джизак) Бек-оглы двинулся с войском на Ташкент. Эти обстоятельства стали известны Ишим-султану. Он решил воспользоваться благоприятным случаем, выступил из Сайрама и тоже направился на Ташкент. В окрестностях Ташкента состоялось повторное сражение воинов двух казахских владетелей. Турсун-султан погиб: его умертвили его же приближенные. Ишим-султан отправил голову поверженного Турсун-султана через Бек-оглы к Имамкули-хану. В свою очередь бухарский хан передал Ишим-султану ферман (ханская грамота) о вручении ему бразды правления Ташкентом, Туркестаном и другими крепостями и селениями тех пределов.

Итак, наступили день и час, истекло отведенное Турсун-хану время, и погасла лампада жизни одного из могущественных казахских владетелей XVII в. К сожалению, наши сведения о генеалогии Турсун-хана фрагментарны. После гибели хана, по сообщению Чураса, его сын (имя его в источнике не приводится) бежал из Ташкента в Яркенд. Абд ал-Латиф-хан могол отобрал у Мирза Курбана чураса должность хакима (правителя) Кашгара и отдал сыну хана. Но жители Кашгара прогнали казахского султана. В «Бахр ал-асрар» называются имена трех его сыновей: Мухаммад-султана, Шах-Саид-султана и Баки-султана. Последний был убит людьми Имамкули-хана в 1638 г. Известно имя одного из его внуков — Мухаммадияр-султана; в 1635 г. он принимал участие в осаде Ташкента казахскими султанами. В «Хронике» Чураса отмечается, что матерью Абд ал-Латиф-хана могола была Ханым-падишах, сестра Турсун-хана, «умнейшая женщина своего времени».

После гибели Турсун-хана Ишим во второй раз стал старшим казахским ханом. Именно в это время Ишим-хан истребил значительную часть племени катаган, которые являлись опорой Турсун-хана. Однако Ишим-хан ненадолго пережил своего соперника: согласно известиям Махмуда ибн Вали, современника хана, он умер естественной смертью в самом начале 1038 г.х. (сентябрь — октябрь 1628). Ишим-хан похоронен в г. Туркестане, подле мечети Ходжа Ахмада Ясави; тогда же над могилой хана был построен особый, небольшой, ныне совершенно разрушившийся мавзолей.

Сколько было детей у Ишим-хана, в точности неизвестно. По словам Махмуда б. Вали, у него было «дорогое дитя» по имени Джанибек-султан, по-видимому, старший сын; другого его сына звали Джахангир. По сведениям А. Левшина, у Джахангира был брат по имени Сырдак-султан.⁵ У Ишим-хана, очевидно, было много жен; одна из них, Падишах-ханым, была дочерью могольского Абд ар-Рахим-хана. У Падишах-ханым от Ишима была дочь Ай-ханым, которая умерла при жизни матери и похоронена в Алтуне, в окрестностях Яркенда. Согласно русским источникам, одна из дочерей Ишима была замужем за бухарским ханом Имамкули.

По словам автора начала XIX в. Г. Спасского, к Ишим-хану казахи «дныне имеют особое уважение». Народное предание связывает с его именем создание Уложения, известного как «Есим ханнын ески жолы» («Древняя дорога хана Есима»).

После смерти Ишим-хана вновь начались усобицы, и власть в Ташкенте захватил казахский султан Абулай, раньше владевший Андижаном. Бухарский хан, не оставивший мысли выжить казахов из Ташкента, не преминул воспользоваться междоусобием казахских султанов и повел на них войско. Предприятие Имамкули-хана оказалось успешным, и бухарское войско заняло в 1038 г.х. (1628-29 г.) Ташкент, управление которым было поручено одному из Аштарханидских султанов. Однако спустя некоторое время Ташкент опять отошел от Аштарханидов и вновь стал принадлежать казахским владетелям.

Усобицы султанов в Казахском ханстве продолжались несколько лет. В конце концов ханом был провозглашен сын Ишима — Джахангир (Джангир, Янгир, Янгар). Точная дата начала его правления неизвестна. Об обстоятельствах Джахангир-хана будет рассказано в следую-

щем разделе главы. Здесь только отметим, что вся его жизнь прошла в борьбе с калмаками из-за обладания кочевьями Семиречья и с Аштарханидами из-за господства над присырдарьинскими городами. Джахангир-хан погиб в 1652 г. в одном из сражений с калмаками. Он похоронен в г. Туркестане, возле мечети Ходжа Ахмада Ясави; тогда же, в XVII в., над его могилой был построен мавзолей, который, однако, не сохранился до наших дней.

Известны имена двух его сыновей — Апак (Аппак)-султан и Тауке-султан. По сведениям Чураса, одна из дочерей Джахангир-хана (имя ее не приводится) еще при жизни отца была выдана замуж за сына могольского хана Абдаллаха Юлбарс-султана. Согласно «Силсалат ас-салатин», другая его дочь по имени Казак-ханым в начале 40-х годов XVII в. была выдана замуж за Аштарханида Абд ал-Азиз-султана, впоследствии хана Бухары.

По рассказу «сарта Нур-Мухаммада, записанного 15 марта 1735 г. в Оренбургской экспедиции в г. Уфе», после Джахангира правил «Батыр-хан, после Батыра — Тауке-хан». О событиях правления Батыр-хана ничего не известно. Зато Тауке (Тевке, Текей, Тявка)-хан правил очень долго, прожил богатую событиями жизнь и умер глубоким стариком около 1718 г. В Присырдарье ханская власть Тауке была прочной; основным местом его пребывания был город Туркестан; там находится и его могила. В документе, датированном 1748 г., русский дипломат М. Тевкелев следующим образом характеризует хана: «Тевке-хан был человек умной и у киргизцов [т.е. казахов — Т.С.] в великом почтении». А. Левшин, писавший в 20-х годах XIX в., называет его «Ликургом Орд Казачьих». Народное предание связывает с его именем создание «Жети Жаргы» — законодательного памятника казахов второй половины XVII в. Полное имя Тауке, согласно его личной печати, было Таваккул-Мухаммад-батыр-хан.

Что касается Аштарханидов (Джанидов), то могущество этой династии постепенно падало. Около 1700 г. возникло новое, Кокандское ханство в Фергане. Уже при правлении Аштарханида Абу-л-Файз-хана (1711-1747) власть фактически принадлежала главарям отдельных племен. В 1785 г. династия Аштарханидов окончательно прекратила свое существование, и управление страной перешло к представителям племени мангыт.

5. Казахи и калмаки в XVII в.

Отношения с калмаками, продвинувшимися еще в конце XVI в. значительно на запад, стали занимать в XVII в. важное место во внешней политике казахских владетелей. Отсутствие естественных границ между их владениями и постоянное соперничество из-за обладания кочевьями служили причиной частых столкновений и войн. Прежде чем перейдем к описанию этих взаимоотношений, напомним читателю, что калмак (калмык) — тюркское название западных монголов, самоназвание которых — ойраты; в китайских источниках западные монголы называются элутами. Слова калмак, как полагал В.В. Бертольд, по-видимому, впервые появляется в мусульманских источниках в «Мукаддима» («Введение») к «Зафар-наме» («Книга побед») Шараф ад-Дина Али Йазди; книга завершена в 1425 г. Это слово выводится народной этимологией от тюркского глагола калмак — «оставаться»; оно будто бы обозначает «Оставшихся» язычниками ойратов. Судя по «Маджму ат-таварих» Ахсикенти, этот номин мог применяться в XVI в. и к различным враждебным немусульманским племенам и народностям вообще. Но каково бы ни было происхождение слова калмак, оно употребляется мусульманскими авторами в более широком значении, чем термин ойрат. Что касается термина ойрат, то вопрос о его происхождении и значении остается открытым. По мнению одних монголоведов, слово ойрат следует понимать как «союзник»; согласно утверждениям других, номин ойрат составлен из двух слов «ой + арат», которые соответствуют понятию «лесной народ» Рашид ад-Дина (XIV в.); есть исследователи, которые считают, что термин ойрат не содержит реального смыслового значения и потому бессмысленно пытаться его переводить.

Таким образом, слова калмаки, ойраты, элуты, а также термин джунгары (собственно: люди «левой стороны», «левого крыла») — это разные названия западномонгольских племен чорос, хошоут, торгоут, дэрбэт, — которые во второй половине XIV в. составили «ойратский союз» племен, вышли из-под власти всемонгольского хана и стали управляться своими предводителями (тайши). В то время владения ойратских тайш, согласно исследованию И.Я. Златкина, располагались

на сравнительно небольшой территории, ограниченной западными склонами Хангайских гор на востоке, песками Гоби на юге, Моголистаном на западе, верховьями Иртыша и Енисея на севере. Племена западных монголов жили в междоусобных распрях, но бывали времена, когда они, объединившись, делались сильными, и тогда ойраты-калмаки предпринимали набеги на владения соседей, в частности на Моголистан. В конце первой половины XV в. калмаков возглавил предприимчивый и энергичный сын Тогана — Эсен-тайши. Он сумел объединить все ойратские племена и поколения в один союз и даже распространить свою власть на Восточную Монголию. (Сын Эсен-тайши, Уз-Тимур — если читатель помнит содержание предыдущей главы настоящей книги — в 1457 г. разбил войско узбекского хана Абу-л-Хайра в окрестностях Сыгнака, на Сыр-Дарье, разграбил ряд туркестанских городов и удалился к себе на восток). Однако со смертью Эсен-тайши (1455 г.) фактически кончилось на время и политическое могущество калмаков. Лишь в начале XVII в. среди ойратов вновь появились энергичные и воинственные вожди. Первым из таких вождей был чоросский Хара-Хула (Каракула)-тайши, который сумел объединить основную часть ойратских феодалов, кочевавших в районе среднего и верхнего течения Иртыша, по Ишиму и Оби. Он и возглавил общеоиратскую кампанию против казахов, именно его энергичные действия привели в конечном счете к становлению государства, получившего в научной литературе название Джунгарского ханства. И в самом деле: Хара-Хула умер в 1634 г., тогда же власть над ойратскими владениями перешла в руки его сына Батур-хунтайши, а 1635 год признан в науке годом образования Джунгарского ханства.

Словом, с первых десятилетий XVII в. соотношение сил Казахского ханства, раздираемого междоусобными распрями, и ойратской группировкой, объединенной в единый союз, изменилось и стало неблагоприятным для казахов.

Экспансия калмаков шла медленно и постепенно. Военные столкновения и короткие перемирия сменялись периодами подчинения части передовых калмаков власти казахских ханов и султанов. Так, в грамоте Таваккула (ум. в 1598 г.) русскому царю казахский хан именуется себя «царем казакским и калмацким». Более определенные сведения о подчинении калмаков-ойратов казахскому

хану сохранились в записи беседы казахского царевича-племянника в Москве с послом Таваккул-хана Кул-Мухаммадом, датируемой январем 1594 г. Посол говорил: «Ныне дядя твой Тевкель-царевич царь учинился на Казатцкой орде, а брата своего Шахмагметя-царевича посадил на калмаках, а кочюют-де поблиску и все в соединенье».

Если принять во внимание, что основные кочевья калмаков находились в те годы на Иртыше и по оз. Зайсан, то можно предположить, что калмаки, о которых упоминает посол Таваккул-хана, составляли лишь часть ойратов, приблизившуюся в это время вплотную к землям, находившимся в сфере влияния казахских владетелей. Таковыми могли быть калмаки, обитавшие в 90-х годах XVI в. в бассейне р. Ишим, о которых сообщает Ремезовская летопись.

К началу XVII в. передовые улусы калмаков настолько продвинулись на запад, что имели возможность совершать набеги на Хорезм. Зимой 1603-04 гг., пишет Абу-л-Гази, пришло калмыцкое войско, произвело погромы среди населения, сидевшего на берегу реки от Ходжа-Куля до крепости Тук, и ушло через Бурли (местность на правом берегу Аму-Дарьи, в районе Туйе-Муюна). Предводитель хивинцев Араб-хан отправился в погоню и отнял у калмаков пленных и добычу. По словам Абу-л-Гази, это был первый набег калмаков на Хорезм.

По данным русских архивных документов, в августе 1604 г. «все колмацкие тайши и улусные люди пошли воевати с Казацкой ордой». Однако военные действия калмаков против казахов, связанные, видимо, с приходом новых групп кочевников с востока и усилением калмаков, были не совсем удачными: они встретили мощный отпор объединенных сил казахов и ногаев (мангытов). Хотя подробности военных столкновений нам неизвестны, тем не менее сохранились достоверные известия о том, что казахи «разорили и повоевали калмаков и жен их и детей и животов поимали, а их с юртов разогнали». Теснимые, таким образом, с запада и юга, калмаки вынуждены были откочевать на север и вступить в сношения с русским правительством, чтобы обеспечить тыл.

Достижение соглашения с Москвой развязало им руки в борьбе с казахами. Новый поход калмаков на «Казацкую орду», где «промеж себя люди секутца», был удачен; казахи, раздираемые междоусобной распрей, оказались легкой добычей. Более того, в те же годы (а именно

в 1616 г.) «Казачья Большая орда» оказалась в подчинении у калмакских предводителей. Последние, однако, довольствовались лишь политическим влиянием, не имея реальной власти над большинством племен казахского жуза, и казахи Семиречья, сохраняя автономность в управлении, не прекращали борьбы за свои кочевья.

Отметим, что из двух казахских ханов — Ишима и Турсуна — только Ишим-хан вел постоянные войны с калмаками. Этот факт отчасти объясняется, во-первых, тем обстоятельством, что Ишим-хан, издавна связанный с моголами и владевший Туркестаном и Семиречьем, постоянно действовал в сопредельных с калмаками районах, а во-вторых, значительной удаленностью местопребывания Турсун-Мухаммад-хана (г. Ташкент) от основных кочевий калмаков. Кроме того, по сообщению источников, калмакские тайши побаивались Турсун-хана, «потому что им Турсун-царь силен, да и потому, что меж ими войны и наперед тово не бывало».

Нажив себе кровных врагов в лице казахов, ногаев (мангытов) и теснимые с востока монголами и китайцами, калмаки очутились в 20-х годах XVII в. в очень тяжелом политическом положении, выход из которого они пытались найти в мирных переговорах с казахами. По словам приехавшего из улусов калмаков толмача П. Семенова, в 1620 г. тайши отправили послов к казахскому хану Ишиму для переговоров о мире. Однако Ишим-хан, разгневанный нападением некоторых калмакских тайш на казахов, последовавшим во время ведения переговоров, убил послов и, двинув большое войско, перебил много калмаков, в том числе двух тайш.

Войны Ишим-хана с калмаками продолжались с переменным успехом и в последующие годы. Особенно тяжело пришлось калмакам в самом начале 20-х годов XVII в., когда они сражались сразу на несколько фронтов. В эти годы бухарский хан Имамкули, возмущенный грабежами и убийствами бухарских купцов калмаками, после предъявления ультиматума, который, однако, не прекратил бесчинства, двинул свое войско на калмаков. Между тем война на несколько фронтов не мешала калмакам одерживать победы в мелких стычках, захватывать в полон казахов и переправлять их затем в Тюмень для обмена на калмаков, оказавшихся в русском плену.

Затем наступило временное затишье. По свидетельству посла тобольского воеводы Я. Буголакова, зимой 1624 г. к дэрбэтскому тайше Далаю приходили от Турсун-хана и

Ишим-хана «послы о миру». В «Ногайских делах» за 1625 г. имеется сообщение о том, что калмаки помирились с казахами, а «с юргенцами и бухарцами мира у них нет, но и войны также нет». Но мир был непрочен. В 1627 г., по сообщению Махмуда ибн Вали, состоялся поход казахов под главенством Ишим-хана на кочевья калмаков. Ойратские тайши потерпели поражение и в следующем, 1628 году, и часть калмаков вынуждена была откочевать подальше от владений казахов.

Между тем в истории ойратов-калмаков происходили важные события. Около 1627-1628 гг. прежний ойратский союз вдруг распался: хошоуты подались в Тибет, а торгоуты (около четверти миллиона человек) во главе с Хо-Урлюком отделились от остального ойратского общества, откочевали через Северный Казахстан на Нижнюю Волгу, получили название халимак (калмак, калмык) и в 30-х годах XVII в. основали там Калмыцкое ханство. Оставшиеся кочевать на просторах Южной и Западной Сибири ойратские племена начали объединяться под эгидой чоросских князей и в 1635 г. создали на берегу Иртыша другое ойратское ханство, — Джунгарское, — во главе которого стоял энергичный и воинственный Батур-хунтайши (1634-1653).

Борьба казахов и калмаков из-за обладания кочевьями, изредка прерываемая кратковременными перемириями, переросла при Батур-хунтайши в изнурительные и непрерывные войны, соотношение сил при этом склонилось не в пользу казахов, предводительствуемых в это время Джохангиром, сыном Ишим-хана.

Источники, относящиеся к этому периоду, упоминают, помимо мелких столкновений, три крупных сражения между казахами и калмаками. Подробности о первом из них, имевшем место в 1635 г., нам неизвестны: сохранились лишь отдельные факты. В этой войне предводитель казахов Джохангир попал в плен к калмакам, и только какая-то счастливая случайность возвратила ему свободу. Освободившись от унижительного плена, он остался на всю жизнь непримиримым врагом ойратов и не переставал беспокоить их частыми набегами. В борьбе с калмаками казахский хан пользовался, видимо, какой-то подгольской моголов. Во всяком случае, Джохангир и могольский хан Абдаллах поддерживали добрососедские отношения и обменивались посольствами. По сообщению Шах-Махмуда Чураса, во главе одного казахского посольства стоял сын Джохангира Тауке-султан, а другого

— старший его сын Апак-султан. Со своей стороны Батур-хунтайши, желая усмирить беспокойного соседа, собрал 50-тысячное войско и вторгся в 1643 г. в кочевья казахов. Удачный вначале поход окончился, однако, поражением хунтайши и отступлением калмаков с большим уроном. В этой войне на стороне казахов выступили ополчения кыргызов и отряд эмира Бухарского ханства Ялангтуш-бия алчина.

Предводитель калмаков, решившись отомстить Джанхангиру за понесенное поражение, собрался было идти опять на казахов и стал организовывать закупку оружия и предметов военного снаряжения в Кузнецком уезде, однако из-за противодействия некоторых тайш поход так и не состоялся. Согласно данным биографии ойратского ученого XVII в. Зая-Пандиты, выступление калмаков состоялось лишь в 1652 г. «В эту зиму [1652г.], — читаем в биографии, — Цэцэн хан покорил бурутов. В этом походе 17-летний Галдан убил Янгир хана [Джанхангира]».

Зимой следующего, 1653 года умер основатель Джунгарско-ойратского ханства Батур-хунтайши. С его смертью начались новые междоусобные войны тайш за власть, которые не прекращались в течение всех лет правления преемника Батур-хунтайши-Сенге (1653-1670). В эти годы во взаимоотношениях казахских и джунгарских феодалов наблюдается относительное спокойствие. Но при хунтайши Галдан-Бошокту (1670-1697) ойратские тайши начали новые завоевательные походы в Южный Казахстан, Среднюю Азию и Восточный Туркестан. В 1678-1680 гг. ойраты совершили походы в Кашгарию; в 1681 г. Галдан-Бошокту проник за р. Чу и осадил город Сайрам, но не смог его взять. В 1683 г. он вновь предпринял поход на Сайрам; и, наконец, в 1684 г. Сайрам был взят. Отвлеченные, однако, военными действиями с китайцами, калмаки вскоре покинули разграбленный и разрушенный город, а многие жители тех краев были уведены в плен в Джунгарию. В 1683-1685 гг. Галдан-Бошокту ходил на Ош и Андижан, но натолкнулся на решительное противодействие кыргызов и узбеков и вынужден был отступить. Тогда Галдан предпринял поход в Восточную Монголию, но его военные действия там были очень неудачны, и в 1697 г. он кончил жизнь самоубийством. После смерти Галдан-Бошокту правителем Джунгарского ханства сделался его племянник Цеван-Рабтан.

После прихода к власти Цеван-Рабтана (1697-1727) казахско-джунгарские отношения вновь резко обострились.

Предводитель ойратов говорил русскому послу И. Унковскому, что с начала своего правления он «непрестанную войну имеет с Казачьей ордою, которые с каракалпаками за едино воюют». В своем же письме к китайскому императору от 1698 г. Цеван-Раптан, между прочим, сообщал: «1) что войну имеет он, Раптан, с х азаками поневоле; 2) что прежде сего сын хана казацкого Текея (т.е.Тауке) был в полону у Галдана, и Галданом отослан к Далай Ламе; 3) что по том Текей просил его, Цеван Раптана, о сыне своем, чтобы от Далай Ламы высвободил и к нему доставил. По прозбе сей он, Цеван Раптан, исполнил, и сына его к нему, Текею, отослал с 500 человек; но он в благодарность всех оных 500 человек перерубил, и еще по том убил моего князя, а князеву жену с детьми и с людьми, всего более ста кибиток, увез к себе; 4) что он, Текей, чинил нападение на Цеван Раптанова шурина, Аюки Ханова сына на дороге, который вез к нему, Цеван Раптану, в замужество сестру свою, и 5) что перехватил к себе несколько российских купцов, кои от него, Цеван Раптана, следовали назад в Россию» [Леонтиев, 1777,с.67-68].

Однако отдельные удачи казахского хана Тауке в мелких стычках не могли, конечно, принести ему успеха в войне, инициатива в которой принадлежала ойратам. В годы правления Цеван-Раптана калмакско-казахские войны следовали одна за другой; наиболее значительные из них имели место в 1711-1712, 1714, 1717, 1723, 1725 гг. Наступательные действия джунгаров несли серьезную угрозу казахам, что ускорило сближение Казахстана с Россией, а в последующем вхождение жузов в состав Российской империи. В 1758 г. под ударами внешних сил Джунгарское ханство пало окончательно и прекратило свое существование.

Итак, переход в конце XVI в. в руки казахов Ташкента, г. Туркестан и других городов правобережья Сыр-Дарьи и стремление Аштарханидов вытеснить казахских владетелей из этих городов, с одной стороны, и близкое соседство иноплеменного врага в лице джунгарских тайш — с другой, поставили Казахское ханство в XVII в. в положение, которое делало его похожим на осажденный лагерь. Если при этом войны с Аштарханидами велись прежде всего за господство над городами и шли с переменным успехом, то на юго-востоке страны продолжалась изнурительная война с сильным противником из-за обладания кочевьями. В этой войне, принимавшей все более

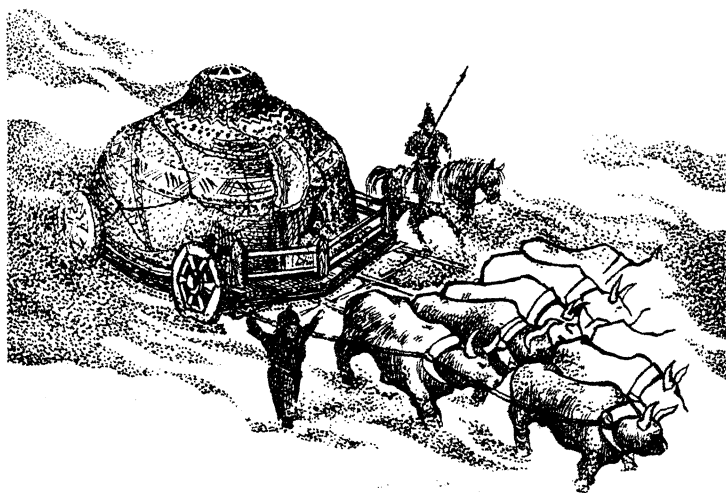
ожесточенный характер по мере распространения экспансии джунгарских феодалов на казахские земли, казахские владельцы все чаще терпели неудачи, а отдельные успехи даже в крупных сражениях не могли существенно повлиять на общие результаты. Потеряв часть своих кочевий и пережив ряд потрясений, основная масса казахов сумела, однако, сохранить политическую и экономическую самостоятельность, и даже, собравшись затем с новой силой, повести, уже при более благоприятном международном положении, успешную войну и вернуть утерянные владения.

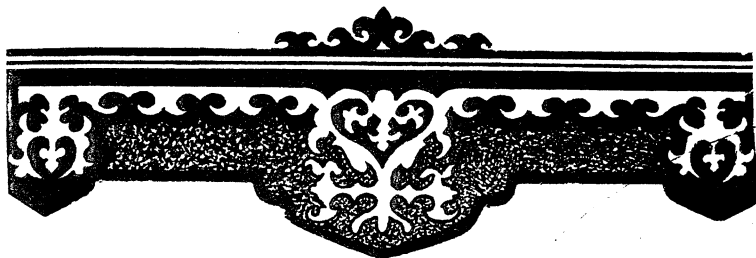

Казаху:
одшество
и хозјуство

Кочевье.

*Реконструкция по описанию французского
путешественника Рубрика, XIII в.*

ГЛАВА 7

КАЗАХИ: ОБЩЕСТВО И ХОЗЯЙСТВО

В предыдущих главах были изложены основные факты военно-политической истории Казахстана. Задачей настоящей главы является изучение вопросов внутренней истории Казахского ханства XV-XVII вв.

1. Законы хана Тауке

Для изучения общественного строя любого общества первостепенное значение имеют законодательные памятники, фиксирующие сложившиеся в обществе отношения. В истории казахского права ханского периода (XV-XIX вв.) известен только один законодательный памятник — «Жети Жаргы» («Семь установлений»).

Мы не располагаем точными сведениями о том, кто был автором «Жети Жаргы» или инициатором его составления. Со ссылкой на казахские предания творцом «Жети Жаргы» принято называть хана Тауке (ум. ок. 1718 г.). Он будто бы собрал для совета трех биев — Тюля-бия из Улу жуза, Казбек-бия из Орта жуза, Айтек-бия из Киши жуза — и, обсудив с ними случавшиеся между казахами частые ссоры, составил и утвердил некоторые законоположения. Согласно другому преданию, Тауке-хан собрал в урочище Куль-Тобе (Сырдарьинская область) семь биев и «эти бии соединили старые обычаи ханов Касима и Ишима в новые обычаи, называемые «Жети Жаргы». Поэтому в научной литературе «Жети Жаргы» именуется также «Уложением» хана Тауке и «Законами» хана Тауке.

Единого мнения о конкретном времени составления «Жети Жаргы» нет: без особой аргументации одни исследователи относили его ко второй половине XVII в., другие — началу XVIII в. Наиболее приемлемым нам кажется первое мнение, высказанное еще Г. Спасским в 1820 году. Можно даже утверждать, что идея создания «Жети Жаргы» относится к 70-м годам XVII в. и явилось ответным действием казахского Тауке-хана и его окружения на законодательную инициативу ойратского Галдан-хунтайши (1670-1697). Время правления Тауке-хана приходится на один из самых трудных периодов истории казахского народа. Во второй половине XVII в. на западе ханства казахские владетели ввели войну с Аштарханидами за господство над Присырдарьинскими городами, а на юго-востоке продолжалась изнурительная борьба с джунгарами (ойратами) из-за обладания кочевьями. По мере распространения экспансии джунгарских феодалов на казахские земли, казахи потеряли к 70-м годам XVII в. значительную часть своих кочевий в Семиречье и на северо-востоке страны. Это вызывало, в свою очередь, внутренние неурядицы, и прежде всего борьбу за пастбища среди самих казахов. Возникшие междоусобия должны были создавать предпосылки и условия для нарушения традиционного обычая, права и вести к подрыву норм общественной и государственной жизни. Это, в свою очередь, должно было вызвать противоположное стремление — стремление к законодательному урегулированию расшатавшихся общественных устоев, поскольку только так возможно было наиболее полным образом мобилизовать все наличные силы для общей обороны от внешнего, сильного врага — ойратов, война с которыми была неизбежной.

Разумеется, однако, что военно-политической ситуацией Казахского ханства в середине XVII в. не исчерпываются побуждения, вызвавшие появление «Жети Жаргы». При создании «Жети Жаргы», несомненно, важным и даже определяющим сам его характер оказалось стремление приспособить существовавшие нормы обычного права к новым потребностям казахского общества, узаконив при этом лишь те из них, которые соответствовали интересам феодальной знати, создать вместо устаревших и неудобных ей норм новые и выгодные ей правила.

Таким образом, в «Уложении» хана Тауке нашли свое юридическое выражение те жизненные условия и конфликты казахского общества того времени, те социальные и правовые нормы, посредством которых каждый индивид общества включался в общественную структуру ханства. Совершенство этих условий и конфликтов, норм и обычаев,

зафиксированная в «Жети Жаргы», и известна нам по преданиям как законодательная инициатива Тауке и его ближайшего окружения.

Насколько нам сейчас известно, у самих казахов «Жети Жаргы» не было записано. Оно дошло до нас в поздних записях русских ученых и известно в двух редакциях, отличающихся вариациями текста и неодинаковым количеством и порядком статей. Одиннадцать фрагментов этого «Уложения», записанные в 1804 г. со слов «старшины яппасского рода» Кубека Шукураниева, были опубликованы в 1820 г. Г. Спасским на страницах издаваемого им «Сибирского вестника». Текст второй редакции «Жети Жаргы» приводится в сочинении известного знатока истории и быта казахов А. Левшина. Между тем и наиболее полная (34 фрагмента «Уложения») запись А. Левшина не представляет «Жети Жаргы» в первоначальном его виде. Он записал «Уложение» хана Тауке спустя более ста лет после его составления, что, конечно, не могло не отразиться на точности его передачи.

Таким образом, анализ «Уложения» хана Тауке затруднен следующими обстоятельствами. Во-первых, оно известно нам не целиком, а лишь в отрывочных записях-пересказах. Во-вторых, дошедшие до нас его тексты представляют собой результат языковой транспозиции: известные ныне варианты «Жети Жаргы» зафиксированы на русском языке, а не на языке авторов этого свода законов. Это имеет свои отрицательные стороны: социальная, правовая и иная терминология источника не отражает точно понятий, бытовавших в казахском обществе XVII в., и т.п.

История изучения этого памятника имеет давнюю традицию: некоторые соображения о времени составления и общем характере «Уложения» были высказаны уже Г. Спасским и А. Левшиным. В дальнейшем к «Жети Жаргы» обращались многие исследователи правовых обычаев и истории казахов, причем все исключительно по записи А. Левшина. Учитывая это обстоятельство, а также тот факт, что книга А. Левшина, изданная в Санкт-Петербурге в 1832 г., давно стала библиографической редкостью, представляется необходимым воспроизвести здесь все 34 фрагмента «Жети Жаргы» в его записи. Кстати, текст «Жети Жаргы» ни в публикации Г. Спасского (первая редакция), ни в публикации А. Левшина (вторая редакция) не имеет деления на статьи. Впервые деление первой редакции на 11, а второй — на 34 статьи предложил Ф.И. Леонтович еще в 1879 г. Такое деление

считается общепринятым и нередко встречается в научной литературе.

Извлечение из книги:

А. Левшин. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Часть третья. Этнографические известия. СПб., 1832, с.170-178.

«Сей золотой век, о котором воспоминают они [казахи — Т.С.] со вздохами, есть царствование знаменитого хана их Тявки, который, если верить преданиям, был действительно в своем роде Гений, и в летописях казачьих должен стоять на ряду с Солонами и Ликургами. Усмирив волновавшиеся долго роды и поколения, он не только ввел в них устройство, порядок, но и дал им многие законы.

Киргизы Большой и Средней Орд утверждают, что народные законы их гораздо древнее хана Тявки.

Не останавливаясь на изысканиях о том, кому принадлежит первенство законодательства киргиз-казачьяго, изложим краткий свод онаго.

— Первое место в нем занимает закон возмездия: за кровь мстить кровью, за увечье таким же увечьем.

— За воровство, грабеж, насилие, прелюбодеяние казнить смертью.

— По сим постановлениям, родственники убитого имеют право лишать жизни убийцу; а отрубивший руку, ногу, ухо и проч. должен быть лишен той-же части тела. Впрочем, наказания могут быть смягчаемы по приговорам судей, или согласию истцов, и тогда преступник наказывается только установленною за всякое преступление платою. Убийца возвращает себе жизнь, платя кун, т.е. отдавая за каждого убитого мужчину 1000, а за женщину 500 баранов. Изувечивший, или отрубивший другому какой-нибудь член, платит равным образом определенное число скота. Большой палец стоит 100 баранов, мизинец — 20 и так далее.

— Кто убьет султана или ходжу, тот платит родственникам убитого кун за семь человек. Обида султана, или ходжи словами, наказывается пенсью в 9 скотин; а за побои 27 скотин.

— Если жена умертвит мужа, то она непременно предается смертной казни, от которой не может спасти заплата кун, если родственники не простят ее. Из правила сего исключаются беременные жены, которые за убийство мужей не наказываются; но навсегда предаются презрению и

почитаются безчестными. Если муж убьет жену, то он может избавиться от казни, заплатив *кун*.

— Родители за убийство детей своих ни чем не наказываются; но женщина, умертвившая от стыда младенца, незаконно прижитого, предается смерти.

— Самоубийцы погребаются в отдельных местах.

— Ежели женщина будет сбита с ног всадником и изувечена, и от того родит мертвого младенца, то с виновного взыскивается плата по следующему расчету: за младенца до пяти месяцев, за каждый месяц по одной лошади; а за младенца от 5-ти до 9-ти месяцев, за каждый месяц по одному верблюду.

— Изнасилование равняется убийству, и потому подвергает виновного смертной казни, или заплате *куна* мужу за жену, и родственникам за девицу; но женитьба на изнасилованной девице и уплата за нее *калыма* избавляет преступника как от смертной казни, так и от *куна*.

— Муж, заставший свою жену в прелюбодеянии, может ее убить и, если сделает сие тотчас по открытии преступления, остается безнаказанным. Во всяком другом случае он может просить судей о приговоре к смертной казни неверной жены и ее соблазнителя, если преступление их доказано; если же 4 благонадежные человека присягнут за них в невинности, то суд не подвергает их ни какому взысканию.

— Увезший чужую жену, без ее согласия, наказывается смертью или взысканием *куна*; а если похищение последовало с согласия увезенной, то похититель может удержать ее, заплатив мужу *калым*, и доставив ему сверх того девицу, без *калыма*.

— Обидевший женщину обязан просить у нее прощения, а в случае отказа в оном, платить безчестие.

— Кровосмешение подлежит смертной казни; но она заменяется наказаниями по приговору семейства, ибо преступления сего рода не передаются на рассмотрение сторонним людям.

— Богохульника, избличенного семью свидетелями, должно убивать камнями.

— Ежели кто примет христианскую веру, у того родственники отнимают все его имение.

— Над рабами владельцы имеют неограниченное право жизни и смерти. Жалоба раба на господина нигде не приемлется.

— Сына, осмелившегося злословить или бить отца или мать свою, сажают на черную корову, лицом к хвосту, с

навязанным на шею старым войлоком: корову сию водят вокруг аулов и сидящего на ней бьют плетью; а дочь связывается и предается матери для наказания по ее произволу.

— Изобличенный в воровстве возвращает трижды девять (27) раз украденное, и наказание сие называется *айбана*. Если покража состоит в скоте, то виновный должен придать к верблюдам одного пленного, к лошадям одного верблюда, к овцам одну лошадь. Сто верблюдов равняются 300 лошадям и 1000 овцам.

— Кто сделал и воровство и убийство вместе, тот платит за два преступления.

— Жена и дети, знавшие о воровстве мужа или отца и недонесшие на него, не подвергаются никакому взысканию, ибо на старшего в семействе не позволено доносить.

— За убитую охотничью собаку или беркута хозяин может требовать невольника или невольницу.

— Ежели сын, отдельный от отца, умрет бездетен, то имение его поступает к отцу его. Малолетние дети отдаются в опеку ближайшим родственникам, а если их нет, посторонним надежным людям.

— Духовные завещания делаются при родственниках и муллах.

— Лошади, коровы и овцы, бывшие в чужих руках, взыскиваются с приплодом, какой был, кроме скота, барантою угнатою; а для удостоверения в том, что нет утайки, требуется от передержателя присяга.

— Разбирать ссоры и произносить приговор над виновным должны, если не сам хан, то правители или старейшины тех аулов, к которым принадлежат истец и ответчик, приглашая к разбирательству еще и избранных обеими сторонами двух посредников.

— Если ответчик имеет подозрение на судей, он может их устранить.

— Если ответчик к суду не явится или присужденной пени заплатить не может, то она взыскивается с его родственников или с его аула, предоставляя оному право возвратить свою потерю совершением над виновным судебного приговора.

— Для удостоверения в преступлении требуется не менее двух, и иногда трех, свидетелей. За отсутствием свидетелей, позволяется прибегать к присяге; но давать оной ни истец, ни ответчик сами за себя не могут: за них должны присягать люди, известные своею честностью. Если же ни кто за обвиненного не присягает, то он осуждается.

Женский пол, равно как работники, слуги и рабы, к свидетельству не допускаются.

— Судьям и посредникам, за решение дела, положено давать 10-ю часть всего иска.

— Если осужденный не исполняет приговора суда, или начальник аула умышленно уклоняется от разбирательства дела и тем покровительствует преступнику, то истец получает право, с позволения своего старейшины, произвести *баранту*, т.е. с родственниками или ближайшими своими соседями ехать в аул ответчика и тайно отогнать к себе скот его; но, возвратясь домой, должен объявить о том своему начальнику, который наблюдает, чтобы количество возмездия соразмерно было иску.

В дополнение к сим законам, должны быть присоединены следующие достопамятные постановления хана Тявки:

— Чтобы сам хан, равно как и все султаны, старейшины и правители родов, собирались осенью в одно место, в середине степи, для рассуждения о делах народных.

— Чтобы ни один киргиз не являлся в собрания народные иначе, как с оружием. Безоружный не имел голоса, и младшие могли не уступать ему места.

— Чтобы всякий, могущий носить оружие (кроме султанов), платил хану и правителям народным в подать 20-ю часть своего имущества, ежегодно.

— Всякому поколению, роду и отделению иметь свою собственную *тамгу* (знак, заменяющий герб). Тамги сии тогда же и розданы, с обязанностью накладывать их на весь скот и имущество, для различения что кому принадлежит».

Таково содержание «Уложения» хана Тауке в записи А. Левшина.

Приведем теперь, в качестве дополнительного материала, еще 11 фрагментов «Жети Жаргы», записанные Г. Спасским.

Извлечение из публикации: Г. Спасский.

Киргиз-кайсаки большой, средней, и малой орды. — «Сибирский вестник», 1820, ч.9.

Санкт-Петербург, 1820, с.185-188.

(Известие об «Уложении» хана Тауке, представленное старшиной «яппасского рода» Кубеком Шукураниевым «на татарском языке 1804 года апреля 8 дня»).

«Некогда народ киргизкий с общего согласия Тявку султана признал своим ханом, и в то же самое время

трех поколений киргизы большей, средней и меньшей орд, избрали по одному главному бею: в большей Тюля бея, средней Казбек бея и меньшей Айтяку бея. Сей хан, посоветуясь с сими беями, в рассуждении случившихся между киргизами частых ссор, сделали и утвердили нижеследующие положения (прежде у киргизов существовавшие):

— Если кто умертвит человека, то отмщалась кровь за кровь, или за убийство платили по 200 лошадей всем родом того виновника.

— За увечье мужского пола, например: плетьюми, палками или же ранами, осмотря человека и его увечья, по согласию платили скотом, или за плети также ударами плетью, за палку палками, за рану ранами; а когда полагалось платить скотом, то платили всем родом того убийцы.

— За честь женского пола, когда кто растлит или насильно учинит блудодсяние, того человека умерщвляли, или за безчестие взыскивали с него 200 лошадей.

— Кто украдет верблюда и будет в сем обличен, с того взыскивали за одного верблюда трижды по девяти верблюдов и одного слугу. По сему же платили, если украдено и более того.

— За кражу лошадей также взыскивали за одну трижды по девяти лошадей и одного верблюда. Если и более, то по сему же положению платили.

— За кражу рогатого скота: за одну трижды по девяти голов и одного верблюда и так далее.

— За кражу мелкого скота по вышеописанному же положению платили, с придачею одной лошади.

— За похищение имущества взыскивалось верблюдами или иным скотом, на толикую же сумму, сколько у кого украдено, по оценке.

— Воров за кражу верблюда или лошади, когда сделает сам признание или доказан будет четырьмя свидетелями, для страху другим убивали.

— Когда убиенных наследники, а похищенному хозяева не могут и не в силах виновных привести к разбирательству беям, а хан и беи не имеют для взятия их при себе войска, то сделали предположение, чтобы обиженные с отделения причиняющего человека, от сильных и хороших людей, на четвертую часть против потери, отогнали в баранту скотом, днем или хотя ночью, токмо потаенным образом, дабы хозяева отогнанного скота вора отделения своего насильно могли представить на разбирательство беям.

— Обиженный получает в баранту толикое число, сколько ему следует и чтобы сие положение было ненару-

шимо, да объявится при поездке на баранту родовым старшинам и верствия достойным людям, а при возвращении с добычею всем попавшим на пути людям или в аулах; и когда кто потаенно пригнав из того скота, сколько возмет себе в баранту, задержит или куда продаст, за то получает подобное наказание, какое определено вора́м».

Как видно из приведенных материалов, дошедший до нас текст «Жети Жаргы», несмотря на его фрагментарность, довольно разнообразен. Он содержит нормы административного, уголовного и гражданского права, а также положения о налогах, религии и др., охватывая, таким образом, разные стороны жизни казахского общества. Из его состава ясно, что основная направленность «Уложения» Тауке — соблюдение привилегий казахской феодальной верхушки, защита собственности и господствовавших в патриархальной семье порядков, поддержка мусульманской религии. Судя по тому, что в составлении (или принятии) «Жети Жаргы» участвовали представители всех трех казахских жузов, можно заключить, что зафиксированная в нем совокупность правовых норм территориально действовала не только в отдельных жузах, но и в пределах всего Казахского ханства.

Период действия «Жети Жаргы» нам в точности неизвестен. По мнению М. Красовского, повторенному рядом исследователей, «Жети Жаргы» имело силу, «да и то условно-обязательную», только при жизни хана Тауке. Согласно мнению других, «Уложение» хана Тауке сохраняло действительную силу и при правлении казахского хана Абу-л-Хайра, то есть до середины XVIII в. Есть исследователи, которые считают, что «Жети Жаргы» оставался основным актом правового регулирования общественно-политических отношений в казахском обществе в течение XVIII и XIX веков.

Между тем сама постановка вопроса о периоде действия «Жети Жаргы» не является вполне корректной. «Уложением» хана Тауке не регламентировались, разумеется, все обычно-правовые нормы, действовавшие среди казахского населения, и наряду с «Жети Жаргы» в практической жизни применялись и традиционное право, и новые правовые нормы, возникавшие исподволь, как следствие насущных потребностей времени. Представляется очевидным, что определение периода действия «Жети Жаргы» неразрывно связано с проблемой разделения этого традиционного, нового и того, что из действовавших в XVIII — начале XIX вв. правовых норм, не зафиксированных в известных нам записях «Уложения» хана Тауке, безусловно принадлежит

(могло принадлежать) «Жети Жаргы». Едва ли это можно осуществить, опираясь лишь на имеющиеся фрагментарные записи «Уложения» хана Тауке и не привлекая дополнительных данных историко-этнографического характера.

2. Хозяйство и быт

Основным занятием казахов было пастбищное скотоводство. Скот, главное богатство казахов, доставлял им продукт питания, материал для одежды и жилища, а также служил им транспортом. Он также им служил средством обмена на предметы первой необходимости с соседними народами. Кажется, нельзя с большей точностью указать на важность скота в жизни кочевников, чем это сделал Ч.Ч. Валиханов, который писал, что «кочевой степняк ест и пьет, и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргиз, как известно, начинается следующей фразой: здоров ли твой скот и твое семейство? Эта забота, с какой наперед семейства осведомляются о скоте, характеризует быт кочевников более, нежели целые страницы описаний» [Валиханов, т.2, с.28]. А вот что мы читаем о стране «узбеков-казаков» в сочинении наблюдательного и рассудительного Ибн Рузбихана. Описав прелести Кипчакской степи и отметив многочисленность там скота, автор «Записки бухарского гостя» пускается в такое рассуждение. «Кажется, — пишет он, — корм этой местности при небольшой переработке превращается в жизнь, а жизнь еще скорей превращается в зверя. Должно быть, это одна из особенностей стран севера — быстрый переход одного сложного соединения в другое, потому что растительный корм их быстро переходит в животное, животное — в человека, а почва и вода тоже как будто быстро переходят в корм» [Ибн Рузбихан, пер., с.94].

Казахи разводили в основном овец, лошадей и верблюдов; крупный рогатый скот занимал в хозяйстве казахов незначительное место, так как он не приспособлен к условиям круглогодичного выпаса и особенно к добыванию корма зимой из-под снега. При этом ведущее место по хозяйственному значению у казахов занимали овцы. По словам Шейбани-хана (ум. в 1510 г.), стада овец составляли главное богатство кочевников Кипчакской степи. Мясо и молоко овец служили пищей, кожа и шерсть шли на изготов-

ление одежды, обуви, посуды и многих других предметов хозяйственного обихода. Из бараньего сала и золы пахучих трав казахи изготавливали хозяйственное мыло, которое имело черноватый цвет и свойство выводить из белья всякого рода пятна.

Степные кипчакские овцы, по свидетельству очевидцев, отличались выносливостью, размерами и хорошими мясомолочными качествами. Так, И. Барбаро, венецианский купец XV в., несколько лет проживший в Тане, об основных видах скота, разводимого дештскими кочевниками, писал: «Четвертый вид животных, которых разводит этот народ, — крупнейшие бараны на высоких ногах, с длинной шерстью и с такими хвостами, что некоторые весят до двенадцати фунтов каждый. Я видел подобных баранов, которые тащили за собой колесо, а к нему был привязан их хвост. Салом из этих хвостов татары заправляют свою пищу; оно служит им вместо масла и не застывает во рту» [Барбаро и Контарини, с.149]. Посетивший в середине XVI в. степные просторы Приаралья англичанин А. Дженкинсон также отмечал, что тамошние бараны очень крупные, с большими курдюками, весом в 60-80 фунтов. В начале XIX в. А. Левшин, который, будучи чиновником, провел несколько лет в казахских степях, также отмечал особенность казахских овец — большой курдюк — и писал: целая овца иногда весит от 4 до 5 пудов и дает сала до 2 пудов; они вообще так крепки, сильны и высоки, что 10- и 12-летние дети могут ездить на них для забавы верхом.

В связи с последним сообщением А. Левшина о казахских овцах вспоминаются прелюбопытнейшие рассказы Мирзы Хайдара Дуглата о Тибете и тибетцах. В 1532-1533 гг. он лично посетил Западный Тибет, а спустя десять лет в своем «Тарих-и Рашиди» писал так: «Население Тибета делится на две части: одну из них называют *йулла*, то есть «житель деревни», другую — *джанна*, то есть «житель степи». Образ жизни у кочевников Тибета удивительный, такой, какого нет ни у одного народа. Первое: мясо и любую другую пищу они едят сырой и никогда ее не варят. Второе: они дают лошадям вместо зерна мясо. Третье: тяжести и ноши они грузят на баранов, и баран поднимает, примерно, двенадцать шариятских манов груза (примерно, 3 — 3.5 кг). Они шьют переметные сумы, привязывают к ним шлею, нагрудный ремень и кладут на барана, до тех пор, пока не понадобится, они не снимают груз с них, так что зимой и летом он находится у барана на спине. Зимой *джанна* направляются в Индию, и приво-

зят туда тибетские, китайские товары. А из Индии они нагружают на баранов индийские товары и весной направляются в Тибет. Не спеша, постоянно паса по пути баранов, к зиме они достигают Китая. Так, товар, который они грузят на баранов в Китае, они снимают с них в Индии, а то, что грузят в Индии, снимают в Китае».

Однако, «вернемся к нашим баранам». В письменных источниках постоянно отмечается, что у кочевников Кипчакской степи «много баранов». Тем не менее, число людей, занятых выпасом и охраной мелкого рогатого скота на пастбищах, было весьма незначительно. Для обозначения пастухов овец мусульманские авторы средневековья обычно употребляют персидско-тюркское слово *чупан* или *чобан* (у казахов более употребительно слово *койшы*). Основной контингент пастухов овец составляли невольники из числа пленников, дети-сироты и дети-калеки. Пастухи овец традиционно составляли самый низший слой в кочевом обществе.

Надо ли говорить, что значила в жизни кочевника лошадь. Как заметил еще ал-Джахиз, знаменитый арабский автор IX в.: «...если бы ты изучил длительность жизни тюрка и сосчитал дни ее, то нашел бы, что он сидел на спине своей лошади больше, чем на поверхности земли». Кочевники не только использовали лошадь для верховой езды и гужевой перевозки, ею они питались и одевались. Без конных состязаний не обходился ни один праздник; на досуге жители степи любовались табуном свободных лошадей с несущимся впереди долгогривым красавцем-жеребцом. В этом отношении весьма примечательны слова, которые автор «Тарих-и Рашиди» вкладывает в уста казахского хана Касима (ум. в 1518 г.): «Мы — жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, ни товаров, — говорил он предводителю моголов Султан Саиду, — главное наше богатство состоит в лошадях; мясо и кожа их служат нам лучшей пищей и одеждой, а приятнейший напиток для нас — молоко их и то, что из него готовится, в земле нашей нет ни садов, ни зданий; место наших развлечений — пастбища скота и табуны коней, и мы ходим к табунам любоваться зрелищем коней».

Степные лошади отличались большой выносливостью, неприхотливостью и сравнительно легко переносили суровые условия круглогодичной добычи подножного корма из-под снега или ледяной коры. По свидетельству И. Барбаро, дештские лошади низкорослы, с большим брюхом и не едят овса. Примерно такими же словами описывает лошадей

казахов и А. Левшин: ростом они невелики, статуями редко красивы, шерстей бывают различных, но более светлых. При этом, по его словам, в северной части казахских степей лошади крепче и многочисленнее, нежели в южной.

Лошади разделялись на вьючные (упряжные, рабочие), верховые и скакуны-аргамаки. В источниках подчеркивается, что страна Дешт-и Кипчак не производит очень породистых лошадей, и чистокровные скакуны с длинной шеей всегда были редкостью в Кипчакских степях. В рассказе могольского хана Саида о его поездке в ставку казахского Касим-хана в 1513 г. говорится так. Когда мы приехали, рассказывал он будущему автору «Тарих-и Рашиди», хан показал нам весь свой скот и лошадей и сказал: «У меня есть два коня, которые одни стоят всего табуна». Их привели, и Султан Саид-хан неоднократно изволил рассказывать Мирза Хайдару, что никогда в жизни не видел коней, подобных этим двум. Касим, когда привели лошадей, обратился к Саид-хану и сказал: «Людям степей без коня и жизнь не в жизнь; эти два коня для меня — самые надежные и достойные. Обоих подарить не могу; но так как вы гость дорогой, выберите себе любого, который вам по душе, — я буду доволен, только другого оставьте мне». Касим-хан описал достоинства обоих коней. Султан Саид-хан взял себе одного. И этого коня звали «Оглан-Торук». По признанию Мухаммада Хайдара Дуглата, и ему также никогда не приходилось видеть подобного коня.

Для кочевого скотоводства характерно табунное содержание лошадей. Табунная лошадь называется *джылкы*, в отличие от *ат* — лошадь верховая, вьючная, и вообще лошадь. Гурт кобылиц (обычно числом 12-15) непременно с одним жеребцом составляет косяк (*уйир*). Жеребец служит в гурте кобыл вместо строгого пастуха и сгоняет их вместе. Если какая-либо кобыла отделится от него и поймается с другим жеребцом, то прежний уже больше не подпускает ее к своему косяку. Несколько косяков (обычно три, то есть три жеребца и 40-50 кобылиц) составляют конский табун. (Здесь кстати заметить, что тюрко-монгольское слово *табун* или *табын* обозначает вообще любую группу численностью 40-50 единиц). При перегоне из нескольких (обычно трех) малых конских табунов формируется большой табун. Для каждых 40-50 лошадей — малый табун — выделяется один пастух. Судя по письменным источникам, пастуха коней называли разными словами, а именно: *келебан*, *улакши*, *йамши*; в современном казахском языке пастух при конском табуне называется *джылкышы*.

Значительное место в хозяйстве казахов занимало верблюдоводство: верблюды были незаменимы при перекочевках и перевозках грузов. По свидетельству Ибн Рузбихана, эти животные, равно как и быки, использовались казахами для перевозки домов-кибиток, поставленных на колеса. Кроме того, с верблюдов снимали шерсть, а калорийный и вкусный напиток из верблюжьего молока (*шубат*) ценился наравне с кумысом. Казахи, как и все кочевники Дешт-и Кипчака, разводили мохнатых двугорбых верблюдов. Одногорбых верблюдов (*нар*) редко держат казахи потому, писал А. Левшин, что климат свой полагают для них слишком суровым, да и двугорбых в жестокие холода обшивают войлоками. Больше всего их разводили в песчаных районах южной полосы Казахстана.

Верблюд являлся символом мира. В этой стране, писал о Дешт-и Кипчаке А. Дженкинсон в своем «Путешествии в Среднюю Азию», мирные люди путешествуют только караванами, в которых много верблюдов, а поэтому свежие следы лошадей без верблюдов внушают опасение. Кстати, о караване. *Караван* — это цепь, ряд, вереница (*катар*) верблюдов. Каждый малый караван имеет строго один колокольчик. Иными словами, караван — это вереница верблюдов, в ряду которой слышен звон металлического колокольчика; обычно это — вереница в 7-8 верблюдов.

Наряду с овцеводством, коневодством и верблюдоводством казахи занимались также разведением крупного рогатого скота и коз. Но разведение этих животных имело наименьшее значение в хозяйстве казахов.

Скот был частно-семейной собственностью. Зато право общинного пользования пастбищами (*отлаг*) принадлежало всем свободным членам кочевого общества. Однако общинное пользование территорией выпасов не нарушало обычая потомственного владения пастбищами родов и племен, составлявших население улуса, и каждый улусный султан «со своим народом пребывал, — по словам источника XVI в., — в какой-либо местности, старинном йурте», располагаясь и занимая места на территории ханства «согласно Ясе Чингиз-хана». Перекочевывали только владельцы стад, а бедняки, у которых почти нет скота, отказывались от перекочевков и оставались круглый год обычно на берегах рек. Правила перекочевков, выработанные многовсковым опытом, основывались на учете травяного покрова в том или ином районе в соответствии с сезонами года. Вся территория выпасов делилась на четыре типа сезонных пастбищ:

зимние (*кыстау*), весенние (*коктеу*), летние (*джайлау*) и осенние (*кузеу*). Так что жители Кипчакской степи не были скитальцами, в течении круглого года пассивно следовавшими за своими табунами и стадами с одного поля на другое в поисках свежей травы и воды, как их представляли себе иные мужи науки. Тогдашние жители современных казахских степей, в сущности говоря, вели полукочевой образ жизни: они были скотоводами, которые, соблюдая выработанную веками скотоводческую культуру, перекочевывали с известной летовки на знакомую зимовку.

Места для зимовок чаще всего выбирались возле рек. Это объясняется преимущественно тем, что на берегах рек находились густые заросли камыша и кустарника, служившие в суровую зимнюю пору кормом для скота и хорошо защищавшие его от снежных метелей и пурги, к тому же поставлявшие кочевникам топливо. Чем богаче пастбищами было побережье реки, тем большее число кочевников располагалось вдоль него и тем дольше они оставались на берегах реки. По сведениям Ибн Рузбихана, некоторые реки пользовались особенною привязанностью кочевников. Такой рекой у казахов была Сыр-Дарья, особенно богатые зимними пастбищами долины и степи ее среднего и нижнего течения. «Местом их (т.е. казахов) зимовья является побережье реки Сейхун, которую называют рекой Сыр, — пишет он. — Как мы объяснили выше, все окрестности Сейхуна покрыты зарослями най (тростника), который по-тюркски называется камыш, богаты кормами для скота и топливом... Когда казахи прибывают в места зимовья, то располагаются на протяжении реки Сейхун, и, может быть, длина берегов Сейхуна, на которых они оседают, превышает триста фарсахов». Зимовки казахов в XVI в. располагались также в Кара-Кумах, на берегах оз. Балшах, р. Урал и т.д.

Зимой казахи-кочевники размещались как можно более просторно, чтобы около каждой зимовки была достаточно обширная кормовая площадь для выпаса скота. Поэтому общение между улусами было сопряжено со многими трудностями. «Между стоянками и зимними их стойбищами иногда бывают далекие расстояния, — говорится в источнике. — Вследствие снегопада, льда и сильной стужи они совершенно не имеют никаких сведений и известий о положении друг друга». Зимние стойбища кочевников Кипчака бывали всякого рода. Но обычно — это поставленные на небольшие углубления-ямы и занесенные снежными сугробами юрты и кибитки, в которых беспрерывно разводится

огонь. Для скота заранее строились загоны (в источниках употребляется термин *агыл*: в современном казахском языке — *кора*), чаще всего из камыша, кый, бараньего помета.

В декабре кочевники занимались *согумом* — забой скота, делаемый раз в год для снабжения себя продовольствием на зиму. Величина согума зависела от состояния, и человек хорошего достатка забивал на зиму десять лошадей и более, не считая баранов. Дни согума были днями зимних игр и развлечений, пиров и взаимных угощений. Но, все кончается. Наступали самые трудные для хозяйства и самые тревожные для кочевников месяцы — январь и февраль: скотина спала с тела, ослабела и требует большого присмотра, а морозы усилились и достигли апогея, начался сезон бурана — степной метелицы. Зима с ее хмурым лицом и крутым нравом была не только трудным для хозяйства кочевников временем года, но и в военном отношении самым опасным: насколько можно судить по сведениям источников, походы против кочевников обычно предпринимались именно зимой, когда улусы размещались, по выражению Ибн Рузбихана, «вразброс» и расстояние между зимними стойбищами составляло, «должно быть, дней пятнадцать пути».

С наступлением весны, которую кочевники всегда встречали с восхищением, казахи откочевывали на весенние пастбища. Здесь в отличие от зимних стойбищ юрты и кибитки разбивались большей частью на сопках и возвышенностях; здесь весь световой день кочевники проводили вне жилых помещений, под открытым небом; здесь отощавший за зиму скот набирал вес, приносили приплод овцы, кобылицы и верблюдицы. Производилась весенняя стрижка овец, верблюдов, двух- и трехлетних холостых кобылиц.

В летние дни, когда наступает зной таммуза (июльская жара) и время множества пожаров и сторания, — пишет Ибн Рузбихан, — казахский народ занимает места по окраинам, по сторонам и рубежам степи. На летовках жили более сплоченно, чем зимой, и жизнь на джайлау была самым привольным временем. Тут справлялись свадьбы, проводились игры, конные скачки на приз (байги), устраивались состязания борцов, певцов, музыкантов и сказителей.

С наступлением осени скотоводы уходили на осенние пастбища, которые в большинстве случаев совпадали с весенними. Здесь производилась осенняя стрижка овец; тут, писал А. Левшин, бывают празднества; тут же по большей

части производятся и баранты, коим способствуют темнота ночей и то обстоятельство, что лошади тогда в теле и способны выдерживать быстрые и большие перегоны. С осенних пастбищ кочевники обычно совершали и отдаленнейшие набеги на соседней. Осенью же проходили народные собрания, на которых решались важные для страны дела.

Расстояния между зимовками и местами сезонной кочевки исчислялись сотнями километров и составляли путь длиною в несколько месяцев. Столь большая длина пути определяла и некоторые особенности быта жителей Дешт-и Кипчака, заключающиеся, в частности в том, что тогда кочевали не отдельными аулами (как в XVIII-XIX вв., навьючив все имущество и войлочный дом на верблюдов и делая привалы через каждые 25-30 км), но целыми улусами, то есть одновременно по степи медленно двигались десятки и сотни тысяч людей и животных. Поскольку и народу было много и животных огромное число, приходилось двигаться широким фронтом, чтобы идущие впереди не уничтожили всю траву и кустарники, необходимые для тех, которые шли сзади. Промежуток между флангами «движущегося народа» составлял, по свидетельству И. Барбаро, до 120 миль (190 км и даже больше).

Другая особенность быта кочевое население Дешт-и Кипчака заключалась в том, что их перекочевка — это было передвижение на колесах целыми домами. У нас нет недостатка в примерах, описывающих это необыкновенное зрелище. «Отъехав от Переволоки» и двигаясь по степи дальше на юг, в Среднюю Азию, писал английский путешественник XVI в. А. Дженкинсон, мы увидели большое скопление ногайцев, пасших свои стада; «тут было, примерно, свыше 1000 верблюдов, впряженных в повозки с жилищами на них в виде палаток странного вида, казавшихся издали городом». А вот что писал о способе передвижения казахов в XVI в. Ибн Рузбихан. Так как на пути следования казахов к зимовкам иногда не бывает достаточно воды для их огромных стад, они по необходимости пускаются в путь тогда, когда дороги покрываются снегом; их жилища построены в форме арб и поставлены на колеса, а верблюды и лошади перевозят их от стоянки к стоянке, вытягиваясь наподобие каравана; «если они идут непрерывно один за другим, то растягиваются на расстояние ста монгольских фарсахов, а промежуток между ними будет не более шага»; их арбы вполне пригодны для передвижения по степям и даже для того, чтобы пройти по снежному

насту, в противном случае казахам угрожала бы опасность погибнуть от жажды и безводья.

Раз уж речь зашла о повозках, то приведем здесь хотя бы краткие сведения об этом виде транспорта и жилища кочевников Дешт-и Кипчака.

В книге знаменитого арабского путешественника XIV в. Ибн Баттуты, озаглавленной им «Подарок наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий», говорится так. Местность, в которой мы остановились принадлежит к степи, известной под именем Дешт-и Кипчак. Ездят по этой степи не иначе как на телегах. «Телегу называют они *араба* (-*арба*), — пишется через *a*, *pa* и *ba*». В других источниках для обозначения повозки, крытой телеги употребляются также слова *телеген*, *гардунэ*.

Арбы кочевого населения Дешт-и Кипчака были двух родов: двуколка и телега на четырех больших колесах. Смотря по тяжести или легкости арбы возили лошади, волы и верблюды. Остов и колеса арб были сделаны обычно из березы; арбы изготовлялись в апреле и мае, когда дерево легко гнется. Сама же постройка производилась летом. Прочные и крепкие арбы имели по меньшей мере двоякое назначение: при обороне кочевники образовывали укрепления, окружив свой лагерь поставленными в ряд арбами; на арбах помещалось жилище степняков — «шатры», которые в сочинении Шараф ад-Дина Али Йазди названы тюркским словом *кутарме*. Жилищем степняков в этой безграничной пустыне, писал он, описывая поход Тимура в Дешт-и Кипчак в 1391 г., являются «шатры *кутарме*», которые делают так, что их не разбирают, а ставят и снимают целиком, а во время передвижений и перекочевков едут, ставя их на телеги. Вот еще пример. Зимой 1509 г. предводитель кочевых узбеков Шейбани-хан повел свою рать против казахов, читаем в «Михан-наме-йи Бухара»; когда войска хана дошли до окрестности улуса Джаниш-султана, то «стали видны кибитки, которые казахи устанавливают на колесах при передвижении».

Эти «дома на колесах», крытые повозки жителей Дешт-и Кипчака описывали многие авторы средневековья. «Ах, какие шатры! — восклицает, например, Ибн Рузбихан. — Замки, воздвигнутые высоко, дома, построены из дерева в воздушном пространстве». Согласно описанию И. Барбаро, остов таких домов-повозок строили следующим образом. Брели деревянный обруч диаметром в полтора шага и на нем устанавливали несколько полуобручей, пересекающихся в центре; промежутки застилали камышовыми циновка-

ми, которые покрывали либо войлоком, либо сукнами, в зависимости от достатка. Когда они хотят остановиться на привал, пишет далее И. Барбаро, кочевники Кипчака снимают эти дома с повозки и живут в них.

Спереди и сзади этих «подвижных домов», как их называет Ибн Рузбихан, делали решетчатые оконца; окошечки зашторивались «войлочными занавесками, очень красивыми и искусными». Величина, обстановка «домов-повозок» и их количество отражали знатность и богатство хозяев. «Домы-повозки», принадлежавшие султанам и знати, были искусно и красиво обставлены и могли вместить одновременно человек двадцать или более. Такой большой шатер укрепляли на повозке, в повозку впрягали несколько верблюдов и везли. «Домы-повозки» простых казахов «делали продолговатой формы». Они также были сделаны с подлинным мастерством, но отличались значительно меньшими размерами, их вез один, иногда несколько верблюдов. Эти подвижные, «стоящие на высоком основании дома» были до того превосходны, что «разум поражается и кружится голова от красоты, мастерства и изящества».

По утверждению очевидцев, кочевники Кипчакской степи ездили на своих телегах «с уверенностью, не знающей страха», хотя обитателями шатра на колесах были в основном женщины. Тот, кто заправлял большой арбой, садился верхом на одну из везущих ее лошадей (верблюдов), на которой находилось седло. В руках у него были плетень для погонки и большой шест, которым он направлял арбу, когда необходимо было сворачивать с пути. Арбы обычно сопровождали верховые, которые, в частности при подъеме, привязав веревки к оглоблям арб, помогали тащить их на гору, а при спуске тормозили колеса, обеспечивая таким образом безопасность и покой обитателей шатров. Они же обеспечивали переправу через реки. Это было, по словам путешественника А. Контарини, красивое и быстрое предприятие, но, конечно, весьма опасное, заключает он. А вот как описывается в записи И. Барбаро переправа через Дон орды золотоордынского хана Улуг-Мухаммада, имя которого неоднократно упоминалось выше, при изложении восшно-политических событий, имевших место в 20-х годах XV в.

Улуг-Мухаммад пришел к Дону в июне 1436 г. и переправлялся через реку в течение двух дней со всем своим многочисленным народом, с телегами, со скотом и со всем имуществом. «Поверить этому удивительно, но еще более удивительно самому видеть это! — восклицает И. Барбаро. — Они переправлялись без всякого шума, с такой уверен-

ностью, будто шли по земле. Способ переправы таков: начальники посылают своих людей вперед и приказывают им сделать плоты из сухого леса, которого очень много вдоль рек. Затем им велят делать связки из камыша, которые они прилаживают под плоты и под телеги. Таким образом они и переправляются, причем лошади плывут, таща за собой эти плоты и телеги, а обнаженные люди помогают лошадям» [Барбаро и Контарини, с.150-151].

Дома-повозки, как основной вид жилища и транспорта, исчезли среди кочевников Дешт-и Кипчака в XVII в.: к началу XVII в. относятся последние по времени известные сообщения об использовании жителями Кипчака домов-повозок, а в более поздних источниках упоминаются только двухколесные арбы и содержатся лишь описания, хотя нередко и больших по размерам, но разборных юрт и переносных кибиток. Повсеместный переход от кочевания в кибитках на колесах к разборным юртам был крупным изменением быта кочевого населения Дешт-и Кипчака, и можно полагать, что причины этого изменения надо искать в процессах социально-экономической истории. Экономический упадок в условиях кочевого хозяйства может быть вызван прежде всего уменьшением пастбищ и количества скота. В истории казахов этот период падает как раз на XVII столетие и связан в первую очередь с ожесточенной борьбой их с ойратами из-за обладания пастбищами, историю которой мы вкратце изложили в предыдущей главе настоящей книги.

Представляется целесообразным завершить раздел об арбах и домах-повозках кочевников кратким описанием юрты, — до сих пор наиболее распространенного вида жилища скотоводов. Это удобное и простое сооружение, которое быстро разбирается, чинится и перевозится на вьючных животных. О ее величине и тяжести можно судить по тому, что разобранный юрта может поместиться на одном верблюде. Деревянный остов юрты состоит из трех частей: *кереге* — решетки из тальника, звенья которых — *канат* (числом от 4 до 12) — составляют окружность юрты; *ууки* — выгнутые прутья-стрелы, составляющие свод юрты; *чангарак* — деревянный круг для прохода дыма и света. Деревянный остов юрты покрывается сверху войлоками и обвязывается веревками. Зимой, для сохранения тепла, юрта обкладывается двойным слоем войлока, снизу присыпается землей или снегом, а кереге одеваются снаружи между ним и кошмою еще *чием* — тонким степным тростником, обмотанным разною цветною шерстью. Пол юрты обычно покрыт войлоком, шкурами, коврами. В центре войлочного

дома кочевника располагается очаг — оазис тепла и уюта в осеннее ненастье и зимнюю стужу.

По свидетельству Ч.Ч. Валиханова (1835-1865), в его время у казахов существовало еще два рода юрты. Одна называлась *кос*, или *жолым-уй* (дорожный дом). Кос отличался от стандартной юрты прямыми ууками, отсутствием чангарака и конической формой; кос редко бывал больше двух звеньев решеток. Этот небольшой и легкий, но хорошо защищавший от холода и зноя войлочный шатер использовался табунщиками лошадей, воинами во время дальнего похода и торговцами во время хода каравана. Третий род юрты назывался *калмак-уй*, или *торгоут-уй* и отличался от традиционной казахской юрты тем, что имел более коническую форму.

Отдельные сообщения источников говорят о том, что казахи занимались земледелием. Но развитие земледелия в разных районах территории Казахского ханства было крайне неравномерно: в подавляющем большинстве районов земледельческое хозяйство оставалось слабо развитым или вовсе отсутствовало. Однако в некоторых районах оно имело важное хозяйственное значение, и это в первую очередь относится к тем районам территории казахских владетелей, где издавна существовали очаги земледельческой культуры, а именно в Семиречье и Южном Казахстане. Но оседлым земледелием в этих районах занимались люди, издавна освоившие земледельческое хозяйство. Что касается собственно казахов, кочевавших на этой территории, то они, по словам русского посла Ф. Скибина, «все живут для пашенных земель по кочевьям, а пахоты де их скудны, коней и овец много, а коров мало; кормятся мясом и молоком». «А хлебов де у них стоялых нет, — дополняет В. Кобяков, — и держат у себя, только чем было пропитатца год».

Казахи в основном выращивали просо (*тары*). О традиционности этой культуры в хозяйстве кочевников Дешт-и Кыпчака свидетельствуют следующие сообщения источников. Ат-Омари (XIV в.), отметив, что большая часть подданных золотоординского хана — «обитатели шатров, живущие в степях», писал: «Посевов у них мало, и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов же почти нельзя отыскать. Чаще всего встречаются у них посевы проса; им они питаются.» О посевах проса писал и И. Барбаро. При этом отмечал, что когда дештский кочевник собирается в долгую дорогу, он берет с собой «небольшой мешок из шкуры козленка», наполненный просеянной мукой из проса, размятой в тесто с небольшим количеством меда. Запасы этой

еды позволяли как отдельным наездникам, так и сторожевым отрядам удаляться от «своих людей на расстояние добрых десяти, шестнадцати, а то и двадцати дней пути». По словам А. Левшина, побывавшего в казахских степях, зерно проса, по собственным уверениям казахов, «при хорошем урожае дает им от 50 до 60 зерн».

В науке считается установленным, что переход кочевников к земледелию совершается везде под давлением экономической необходимости и что к оседлости переходили прежде всего бедняки, не имевшие возможности кочевать. Для обозначения оседлых, лишившихся своих стад скотоводов в источниках употребляется тюркское слово *джатак* (букв. *лежащий*) или *отурак* (букв. *сидящий*). Характерно при этом, что обедневшие кочевники при первой же возможности обзавестись необходимым количеством скота легко оставляли вынужденное «землепашество» и охотно принимались за привычное им скотоводство. Возможность кочевать всегда считалась у номадов признаком благополучия, и это сугубо степное представление о богатстве замечательно просто выражено устами кочевника-казаха, сказавшего в беседе с представителем науки: «Мама-аке имеет столько скота, что может и кочевать».

Необъятные просторы Дешт-и Кипчака с разнообразным животным миром давали кочевникам большие возможности для индивидуальной и коллективной охоты. Хорошо знавшие эту страну средневековые авторы отмечают, что дештские кочевники «прекрасно умеют охотиться, употребляя преимущественно луки». Об этом же пишет и Ибн Рузбихан в разделе «Описание отрады страны Туркестан»: «Все пустынные степи той многоблагословенной страны полны дичи. Сайгаки от изобилия луговых пастбищ той степи, подобно жирным коровам, не в силах бегать и охотник в той области, преследуя дичь, никогда не погонял коня старания. От многих надежных людей, которые были вестниками, заслуживающими доверия, пошел слух в тех местах, что в этой области бывает, когда у кого-либо в доме уважаемый гость делается кунаком и хозяин дома по отношению к нему исполняет правила соблюдения гостеприимства и угощения, — что является обычаем жителей Туркестана, — то, если возникла нужда в мясе, хозяин тотчас же, закинув за плечо могучий лук с несколькими стрелами, выходил на охоту, чтобы приготовить ужин для гостя. Он отправлялся в степь и сразу же искусным большим пальцем делал жирного кулана мишенью своей охотничьей стрелы. Из жира и мяса сего достойным образом приготовив дозво-

ленную пищу для угощения гостя, он с обильной дичью возвращался домой». Там же говорится о пасущихся на степных просторах стадах джейранов, на которых охотились кочевники.

Существовало несколько видов охоты: с ловчими птицами, охота с борзыми собаками, охота загоном и т.п. Из охотничьих птиц использовались ястребы, беркуты, кречеты, соколы и др. Охота с ловчими птицами широко практиковалась в Казахстане вплоть до начала XX в. Описание охоты казахов загоном на сайгаков мы находим у А. Левшина. На местах водопоя сайгаков охотники устраивали полукруглую изгородь из камыша, втыкая камышины так, что часть их была направлена острием внутрь изгороди. Охотники прятались в засаду. Как только сайгаки приходили на водопой, их пугали. Животные бросались в оставленный со стороны водопоя в изгороди проход и, пытаясь перескочить ограду, натывались на заостренные камышины. Раненных сайгаков добывали ножами.

У кочевников Дешт-и Кипчака охота не составляла, однако, самостоятельного занятия, а была лишь подспорьем скотоводству, хотя в натуральном хозяйстве степняков она имела, видимо, немалое значение. По словам автора XIV в. ал-Озмари, у кочевников Кипчака мясо не продается и не покупается. «Большая часть их еды состоит из мяса добываемого посредством охоты, из молока, сала и проса. Когда у одного из них начинает хиреть скотина, как-то: лошадь или корова, или овца, то он закалывает ее и вместе с домочадцами своими съедает часть ее, и часть дарит своим соседям, а когда у соседей также попортится овца или корова, или лошадь, то они закалывают ее и дарят часть ее тем, кто их одарил. По этой причине в домах их никогда не бывает недостатка в мясе. Это обыкновение так установилось между ними, как будто дарение мяса обязательное постановление». Путешествовавший в XVIII в. П. Паллас также отмечает, что у обитателей Прикаспийских и Приаральских степей недостатка в мясе не бывает, ибо они ходят на охоту, также «убивают поврежденной или охрамельой скот, и потому довольно имеют мяса». Собственный скот без нужды убивать, «включая токмо пиршество, почитается за необыкновенное дело», пишет он.

Значительное место в хозяйстве казахов занимали различные ремесла и домашние промыслы, большинство из которых было связано с обработкой продуктов скотоводства. Казахи издавна умели выделывать кожу и войлок и окра-

шивать их в разные цвета, искусно владели они техникой тиснения, аппликации и узорного шитья. По свидетельству Ибн Рузбихана, казахи «производили разноцветные войлоки с необыкновенными узорами и нарезные ремни, очень красивые и изящные». То, что домашнее ремесло казахов XVI в., как, например, выделка кожи, стояло на высокой ступени развития, подтверждают, в частности, данные османского автора XVI в. Сейфи Челеби, которые впервые были привлечены к рассмотрению академиком В.В. Бартольдом. Однако в печатном тексте его «Очерка истории Семиречья» допущены неточности и имеются некоторые пропуски в переводе источника, которые объясняются тем, что он не имел возможности корректировать наборный текст своего «Очерка». Поскольку большинство авторов современных историко-этнографических исследований о казахах ссылаются на это место из сочинения В.В. Бартольда по важности сообщаемых в нем сведений, представляется необходимым привести перевод, выполненный по микрофильму оригинала, хранящегося в Лейденской университетской библиотеке. «У них много баранов, лошадей и верблюдов, — пишет Сейфи о казахах, — их жилища помещаются на арбах. Их кафтаны сделаны из овечьей кожи, они окрашиваются в разные цвета и становятся похожими на атлас. Их привозят в Бухару, где продают по той же цене, что и кафтаны из атласа, настолько они изящны и красивы. У них есть также удивительные накидки, сделанные из той же овечьей кожи. Они совершенно непромокаемы и не боятся сырости; это происходит от свойства некоторых растущих там трав, которые служат для обработки кожи».

Описание технологии изготовления мягких кожаных накидок, столь удивлявших османского автора XVI в. своими свойствами, мы находим у П. Палласа [ч.1, с.569-571], летом 1769 года побывавшего у казахов, кочевавших тогда по Яику, и в сочинении А. Левшина, российского чиновника пограничной комиссии и великого энтузиаста науки, справедливо названного за свои основательные исследования о кочевниках Приаралья «Геродотом казахского народа». Вот что писал, в частности, А. Левшин: «Кожи бараньи и козы, употребляемые для одежды, называемой *бака*, или *джаха*, готовятся так: остригши шерсть, спрыскивают их теплою водою, свертывают в трубки и кладут в теплое место, где держат до тех пор, пока волосяные корни отпреют и станут вылезать. Тут скоблят шерсть ножами, просушивают кожу на воздухе и потом кладут в кислое молоко дни на три или четыре. Вынув из молока, сушат в тени,

мнут руками, коптят в дыму, опять мнут руками, пока дадут надлежащую мягкость, и наконец красят в темно-желтый цвет краскою, составляемою из кореньев ревеня или из каменного чая, с квасцами и бараньим салом. Состав сей густ, как каша, и кожи, с обших сторон намазываемые оным в течение двух или трех дней, после каждого раза просушиваются и мнутся, от чего получают свойство не пропускать сквозь себя влаги и мыться как полотно, не теряя цвета» [Левшин, ч.3,с.210-211].

Все эти трудоемкие и физически тяжелые работы, как катание войлока, обработка шкур, выделка кож, шитье кожаных изделий и т.п. в кочевом обществе целиком выполнялись женщинами. Вместе с тем женщины участвовали в выпасе овец и коз, ставили и разбирали юрты, занимались дойкой скота, переработкой животноводческой продукции, приготовлением пищи и другими домашними делами; на женщинах также лежала забота о малолетних детях. Словом, у кочевников доля участия женщин в хозяйственной деятельности значительно превышала трудовой вклад мужчин. Такое соотношение мужского и женского труда в быту объясняется тем, что у кочевников, как правило, физический труд, связанный с обработкой продуктов скотоводства и ведением домашнего хозяйства, считался недостойным свободного мужчины и поэтому целиком возлагался на женщину, а по возможности и на рабов. Однако сказанное не означает, конечно, что в быту мужчины вовсе ничего не делали. Свободные мужчины кочевого общества изготовляли предметы вооружения, сбрую,седла,арбы, строили дома, шили сапоги и для самих себя, и для женщин, «имели отчасти попечение о стадах», упражнялись в стрельбе, охотились на зверя и птицу. Наиглавнейшая обязанность мужчин состояла в охране семьи и имущества, в ведении войны.

Военные традиции имели большое значение в жизни кочевников; воинская повинность являлась одной из самых важных и общих повинностей в степи. Население степей, по существу, представляло собой вооруженную массу людей. Кочевники Приаралья, пишет английский путешественник и дипломат XVI в. Антоний Дженкинсон, никогда не выезжают без лука, стрел и меча, «будь то на охоту или для какого-нибудь другого увеселения». Ношение оружия было не только законным правом свободного скотовода, но даже обязанностью, и, к примеру, на народном собрании безоружный мужчина не имел права голоса, а младшие могли не уступать ему места.

У казахов-кочевников постоянное войско отсутствовало, а было только родо-племенное ополчение, собиравшееся по мере необходимости. Родоплеменной отряд представлял собой самостоятельную войсковую единицу: во главе его стоял предводитель рода, каждое ополчение имело свой боевой стяг и свой *уран* — боевой призывный клич. Некоторое число таких автономных отрядов составляло улусное войско. Глава улуса одновременно являлся и главой улусного войска; улусное войско имело свое главное знамя, свой единый уран. Верховным руководителем объединенных войск являлся хан; он лично возглавлял воинов в сражении, делил с ними тяготы и опасности. Вспомним здесь ранение во время сечи Бурундук-хана и Касима, гибель в бою Буйдаш-хана и смерть Таваккул-хана от полученной в одном из сражений раны во время похода на Шибанидов в 1598 г.

Независимые друг от друга источники показывают, что верховный повелитель казахов мог выставить в случае всеобщей мобилизации 300-400 тысяч человек. Так, по словам Ибн Рузбихана, когда старший хан казахов, Бурундук, во все стороны улуса казахов посылал приказ: «Садитесь на коней для набега», то в тот же час являлись «четыреста тысяч колчанов (т.е. богатырей)». По свидетельству Бабура (1483-1530), в армии преемника Бурундука, Касим-хана, современники «насчитывали около трехсот тысяч человек». В действительности, конечно, ни один казахский хан никогда не имел под своим командованием такого числа ополченцев. В этой связи заметим, что в сочинениях мусульманских авторов число 300 000 повторяется довольно часто. Так, в частности, говорится, что численность войска Шейбани-хана во время третьего похода на казахов составляла 300 тысяч человек. Между тем известно, что Шейбани-хан никогда не обладал такой огромной армией. Есть еще и другие примеры. Число 300 тысяч, похоже, применялось мусульманскими авторами средневековья тогда, когда они хотели подчеркнуть, что тот или иной военачальник предводительствовал многочисленным войском. По-видимому, цифру 300 тысяч следует признать стереотипом. Анализ числовых данных источников показывает, что численность конных бойцов казахских владетелей в среднем составляла 30-50 тысяч всадников. Лишь в тех редких случаях, когда военный поход не представлял собой рядового набега, казахские ханы для усиления своего воинства привлекали ополчение, собранное в близлежащих к владениям казахов районах. Так, по сообщению Бинаи, потерпевший поражение

ние от Шейбани-хана казахский султан Махмуд направился к Бурундук-хану и попросил его помощи. Бурундук-хан удовлетворил его просьбу и с войском в сопровождении Махмуд-султана направился в вилайет Сузак. Собрав «пешие и конные войска» из людей Сузака и окрестностей Кара-Куруна, соединил их в одно большое войско и выступил навстречу Шейбани-хану. В другом сочинении говорится о том, что во время похода Таваккул-хана на Мавераннахр в 1598 г. в составе его войска кроме собственно казахов также были «султаны Ташкента и Туркестана, кыргызы и кипчаки». Общее число войска казахского хана во время этого похода составляло 90-100 тысяч человек. Согласно Махмуду ибн Вали, казахский хан Турсун-Мухаммад (ум. в 1627 г.) водил против Аштарханида Имамкули-хана 100-тысячное войско, из числа которых около 10 тысяч составляло ополчение кыргызских племен.

Основным оружием казахов рассматриваемого периода были сабля и лук. Из других видов боевого оружия упоминаются секира, кистень, одноручная булава, двуручная палица, длинные копья, украшенные кистью из конских волос и снабженные крюком для стаскивания противника с седла. В источниках шейбанидского круга, например, сражающийся султан из Дешт-и Кипчака описывается так: на груди у него — синяя, как небо, кольчуга, на голове сверкающий шлем с подшлемником, а талия перепоясана перевязью, на которой висит меч. Казахи сами изготовляли основные предметы вооружения. Стрелы они делали из березового дерева, тетиву для лука — из кишок овец, а «из желудка ее делали обертку для наконечников стрел». Огнестрельное оружие было распространено мало, но казахи умели делать «доброй порох», а также плавить свинцовую и медную руду, которую добывали в районе Улу-Тау и других регионах страны.

Непременной принадлежностью военного снаряжения кочевников были боевые знамена (*туг*, *бунчук*). Знамена выполняли по меньшей мере две функции: они были важным священным символом и одним из эффективных средств управления войсками на марше и в бою. Знамя имел каждый род, каждый улусный султан и, разумеется, хан. По установившейся традиции, высшее число знамен, которое могло быть у одного хана, было девять. Когда говорили о «хане с девятью знаменами» (токуз туглук хан), то это вызывало представление о могущественных правителях. По свидетельству средневековых авторов, первые казахские владетели были «ханами с девятью зна-

менами». Знамя являлось не только внешним знаком власти, но оно также было символом воинской славы и чести военачальника и войска. Главное знамя, как государственная святыня, тщательно хранилось в мирное время и выносилось только на войну. Хранителем войскового знамени в походах обычно назначался один из султанов или влиятельных биев, который, после верховного руководителя воинства, являлся первым лицом в войске. Знамя охранял особый отряд. Во время боя шла настоящая охота за знаменами противника. Смерть воина-знаменосца (*тугчи*) всегда производила смятение в рядах воннов, а падение, исчезновение главного знамени означало поражение войска.

В сочинении среднеазиатского историка XVII в. Махмуда ибн Вали «Море тайн относительно высоких качеств добродетельных людей» приводится рассказ, который непосредственно касается занимающей нас темы — военное знамя казахов, и любопытен во многих отношениях, поэтому приводим его полностью. «В то время, как сам Абд ар-Рашид (1533-1560) правил в Яркенде на троне владычества, а сыновей назначил управлять различными областями государства, Абд ал-Латиф-султан из Аксу совершил набег на казахов, кыргызов и калмаков. Все достояние того племени он пустил по ветру грабежа и расхищения. Так как такое обращение достигло границ чрезмерности, казахи и кыргызы объединились между собой, и когда в пятый раз Абд ал-Латиф-султан нанс их объединенным силам огромный урон, они во время его возвращения пустились преследовать его во главе с Буйдаш-султаном казахом, а нагнав, внезапно обрушились на Абд ал-Латиф-султана. После того, как он отправил в небытие некоторое число врагов, от раны, нанесенной стрелой одного из противников, погиб и он сам. И дело его выпало из рук его. Когда эта прискорбная весть дошла до Абд ар-Рашид-хана, то

Настроение его стало настолько удручающе тревожным,
Что ты сказал бы: «Весна его жизни попорана».
Повелел он, чтоб войско выступило в путь,
Так как судьба нуждается в кровопролитии...

Короче говоря, Абд ар-Рашид-хан шел так быстро, что Буйдаш-султан находился еще в окрестностях Иссык-Куля, когда передовой отряд победоносной армии хана настиг тыл его войска. Так как у Буйдаш-султана не было силы про-

тивостоять войску яркендского двора, он волей-неволей бросил все свое унаследованное имущество и достояние и обратил лицо в долину бегства.

Хан назначил своих известных эмиров преследовать войско Буйдаша, а сам также быстро направился вслед за ним. После двадцати дней стремительной погони за тем племенем — а за все это время у казахов и кыргызов нигде не нашлось удобного момента для остановки — они настигли их в местности Кильма-Каджура. Вынужденные остановиться, казахи и кыргызы убрали руку от подола жизни, и враги смешались в схватке.

Словом, огонь возмущения воспылал на той земле настолько, что гумна жизни большей части злодеев сгорели в той битве. И в тот же день в руки войска яркендского двора попало девять казахских знамен. Воспользовавшись своей постыдно сохраненной жизнью, Буйдаш-султан с немногочисленными остатками войска спасся благодаря быстроте ног скакуна. И с того дня у казахов исчез обычай поднимать бунчук и возвышать знамя. До сих пор их приметой служит то, что у них нет знамен и у них в обычае — формировать свое войско без всякого знамени».

Военный быт кочевников имел специфические особенности. Скотоводы-кочевники совершали свои отдаленные походы на соседней-земледельцев обычно с осенних пастбищ, то есть тогда, когда их боевые кони в теле и способны выдержать быстрые и большие перегоны, а дехкане собрали весь свой урожай. Но вот приближался День Касима (по народному календарю, 8 ноября): сбор и построение войска прекращались, ибо, как сказано в источнике, «жители степи в это время должны подумать о зимовках».

При мобилизации каждый воин должен был выступать в поход минимум с двумя боевыми конями и со своим военным снаряжением. Легкая конница степняков-кочевников отличалась огромной подвижностью и в любой момент в любом месте они могли сосредоточить крупные силы для нападения. К бою готовились тщательно: кормили коней, расчесывали им гривы, точили сабли и копыя, проверяли луки и стрелы, готовили боевые значки. Перед битвой воины надевали на боевых коней латы, сами облачались в кольчуги, навязывали себе на руки одинакового цвета с своим воинским знаменем повязки, чтобы отличать своих и чужих. В назначенный час воин-знаменосец поднимал главное знамя и армия в боевом порядке выступала навстречу врагу. Вот ряды неприятелей сблизились. С обеих сторон поднимается такой громкий клич, что земля и небо

содрогаются. Первыми вступают на «ристалище доблести» славные витязи, поодиночке вызывая друг друга на бой. В конце концов, два моря войск в ненависти обрушиваются друг на друга, и все живое становится убойным рубящим мечам и мишенью для летящих стрел. По рассказам очевидцев, среди кочевников Дешт-и Кипчака «есть много таких, которые в случаях военных схваток не ценят жизни, не страшатся опасности, но мчатся вперед и, не раздумывая, избивают врагов, так что даже робкие при этом водушевляются и превращаются в храбрецов» [Барбаро и Контарини, с.146].

Источники сообщают немало сведений о военном искусстве тюрко-монгольских кочевых племен и народностей. Вот несколько примеров. Если военачальники не считали разумным в данной конкретной ситуации сражаться с противником в конном строю, то воинство спешивалось по необходимости и, привязав поводья лошадей к своим поясам и пустив по врагам дождь стрел, ударами копий преграждали им путь. Если люди неприятеля напали врасплох и выстроить ряды войска было невозможно, то старались сомкнуть фланги и образовать круг, а затем, сражаясь, кружились круг в круге «по монгольскому обычаю». При нападении кочевники Дешт-и Кипчака использовали способ, который имел свое особое название — *тулгاما* (так по Бабуру), или *тулгамыш* (так по Абд ал-Гаффару Кирими). Обе эти формы образованы от тюркского глагола *тулгамак* — окружить, обернуть, обратить, кружить, крутить. *Тулгاما* как способ ведения боя, соответственно, — оборот, фланкирование, нападение во фланг или в тыл противника. Бабур в своих записках характеризует способ ведения тулгاما как «великое искусство в бою» кочевых узбеков Дешт-и Кипчака и подробно описывает его. Вот отрывок из описания боя Бабура с Шейбани-ханом в 1501 г. Когда ряды двух враждующих армий приблизились один к другому, пишет Бабур, край правого фланга войска Шейбани-хана обогнул мой левый фланг и зашел к нам в тыл. «Тут я повернулся к ним фронтом и наш авангард ... оказался на правой руке». «Так как наш авангард остался на правой руке, то наш фронт оказался оголенным. Люди неприятеля теперь напали на нас спереди и сзади и начали пускать стрелы». По словам Бабура, у жителей Кипчацкой степи ни одного боя не бывает без тулгاما. Здесь же Бабур сообщает еще о другом приеме боя кочевников Дешт-и Кипчака. Этот способ нападения заключался в следующем: беки и нукеры, все вместе, мчат-

ся во весь галоп в сторону неприятеля, пускают стрелы, резко осаживают коней; отходя, скачут врассыпную, опустя поводья.

Воинская доблесть высоко ценилась, и тот, кто больше других «рубил головы, проливал кровь», пользовался общим уважением в кочевническом государстве. За личную храбрость в сражении и за умелое руководство военными действиями присваивался почетный титул *батыр* (*бахадур*, *багатур*). Особо выдающиеся рубаки, многократные герои поля брани получали, как свидетельствует источник XV в., титул или прозвание толубатыр (*толубахадур*) — собственно «полный богатырь», то есть человек безмерной отваги, стойкости, силы. Как титул слово *батыр* прибавлялось к собственному имени храбреца. Этот почетный титул мог получить за свои воинские качества любой свободный член кочевого общества, будь он рядовым воином: или принцем крови. В частности, титул батыра носил, судя по личной печати, казахский хан Тауке. Подвиги батыров прославляли степные певцы-импровизаторы — *акыны*.

Подведем некоторые итоги. Скотоводство было основным источником богатства и любимейшим занятием казахов. Оно было неразрывно связано с перекочевкой и перегоном скота через обширные пространства, в зависимости от времени года. Соответственно, кочевой быт был сопряжен с большими трудностями и требовал огромных усилий для сохранения и увеличения поголовья скота в условиях круглогодичного выпаса. Тем не менее казахи-кочевники были убеждены, что их жизнь лучше жизни горожан и земледельцев, запертых в тесном пространстве домов, кварталов и наделов, и это своеобразное настроение прекрасно выражено у Ибн Рузбихана, который писал в 1509 г.: «В настоящее время они [казахи — Т.С.] ничего не знают о радостной жизни, благоденствии и довольстве узбеков. Суровый и грубый образ жизни, который они ведут, они представляют себе основой спокойствия и досуга, а узбеков считают поселившимися в тесных владениях и домах и не имеющими достоинства. Кроме своего полного недостатков образа жизни, они не признают ничего более благородного и приятного».

3. Социальные группы и категории

Казахское общество ханского периода состояло из двух основных противопоставленных друг другу социальных групп — *ак-суйек* (белая кость) и *кара-суйек* (черная кость), — различавшихся не столько экономическими, сколько политическими и правовыми признаками. К *ак-суйек* относились только Чингизиды, которые назывались султанами, и *ходжи*, которые считались потомками сподвижников пророка Мухаммада (ум. в 632 г.). Все остальные группы и прослойки общества составляли *кара-суйек*. Принцип разделения общества на группы по сословному признаку и соединенные с этим признаком различия прав проводились строго последовательно. Ниже мы рассмотрим доступные ныне историко-этнографические материалы о социальных группах *ак-суйек* и *кара-суйек*, характеризующие главным образом их политико-юридический статус в обществе.

Султаны у казахов сделали аристократическим сословием и в рассматриваемое время представляли самую влиятельную политическую силу казахского общества. Кстати сказать, словом *султан* первоначально обозначалось собирательное понятие о верховной власти — *владычество*, *господство*, а также *власть*, *правительство*. Не ранее середины X в. этот термин стали употреблять и для обозначения персонального носителя светской власти, государя; первыми, кто ввел это слово в официальный обиход и надписи на монетах, были сельджуки. В Османской империи *султаном* назывался государь. Однако слово султан применялось не только к падишаху, но и ко всем принцам и принцессам династии Османов (1299-1922). В Средней Азии и Казахстане, по крайней мере со времен кочевых узбеков (XIV в.), слово султан обозначало титул каждого члена династии, происходившей от Чингиз-хана.

Наряду с термином *султан* для обозначения нецарствовавших потомков Чингиз-хана по мужской линии употреблялся термин *оглан* или *торе*. Однако, в частности, слово *торе* служило не только для обозначения султанов, но и более широкого круга лиц — как видных и знатных людей вообще, так и чиновников и судей в частности.

Дети Чингизидов по праву рождения приобретали титул султана и вместе с ним все права, потомственно принадле-

жавшие этой социальной группе, независимо от экономических обстоятельств, а также нравственных, умственных и физических качеств того или иного лица. Монопольное право на ханский престол сохранялось только за Чингизидами, для которых право правления в силу происхождения превращалось как бы в естественно присущий им атрибут. При этом сфера действия этого права Чингизидов не зависела от существовавших этнических или государственных границ: каждый Чингизид независимо от того, к какой именно династии потомков Чингиз-хана он относился, мог претендовать на ханский титул в любом месте, где только еще сохранялись в какой-то мере традиции монгольской империи. Поэтому Чингизиды казахских улусов, например, оказывались то в роли падишаха каракалпаков и кыргызов, то в роли подставных ханов Бухары и Хивы. Важно отметить, что при этом султаны сами не были ни казахами, ни узбеками, не относили себя ни к одному из тюрко-монгольских племен, не разделялись на колена. Они были по происхождению Чингизидами, то есть потомками Чингиз-хана по мужской линии с установившимися наследственными правами на правления. Политическая по своему содержанию и характеру власть Чингизидов, основанная лишь на генеалогическом праве, не имела национального значения.

Право участия в общегосударственном управлении султаны казахских улусов осуществляли, сообщая являясь на ежегодно созываемый *курултай* — собрание, ведавшее делами, касавшимися всех слоев и прослоек казахского общества. Один из пунктов «Жети Жаргы» гласил: «Чтобы сам хан, равно как и все султаны, старейшины и правители родов, собирались осенью в одно место, в середине степи, для рассуждения о делах народных».

Казахи сохраняли традиции степной государственности и не отвергали установившиеся права потомков Чингиз-хана, вследствие которых каждый влиятельный султан претендовал на улус. В каждом известном улусе, описывая Ибн Рузбихан административно-политическое устройство казахов XVI в., есть свой полновластный султан, который со своим народом пребывает в какой-либо местности, «старинном йурте». Правление в улусах давало султанам как военно-политическую власть над улусными людьми, так и фактическое право распоряжения пастбищами, водными источниками и т.п.

Власть султанов имела, таким образом, определенное политическое и территориальное значение, но, согласно традиционным представлениям, власть каждого отдельного

султана определялась единственно его принадлежностью к совместно правящему ханством царствующему роду, вне которого его власть не имела ни территориального, ни политического значения. Каждый улусный султан был прежде всего правителем с правом управления улусом и командования улусным войском, а не частным на наследственном праве владельцем улусной территории. Верховным собственником всей земли, согласно категории тогдашнего политического мышления, был царствующий род в целом, то есть земля составляла сословную собственность всех Чингизидов, вместе взятых, но верховное управление в каждый данный момент осуществлялось одним из них — главой царствующего рода, то есть ханом, которому, если он был достаточно силен, принадлежало и право распоряжения, и право ограничения территории улуса, и даже право отчуждения и передачи улуса другому султану.

Политическая значимость Чингизидов, обусловленная их генеалогией, необходимо порождала ряд возведенных в юридический принцип преимуществ для всех султанов перед другими членами общества, и эти особые преимущества обнаруживались, в частности, в том, что по существовавшему в ханстве закону различно наказывались люди разных социальных слоев за одни и те же преступления, различно карались за нанесенные обиды и оскорбления. «Кто убьет султана или ходжу, — говорится в постановлениях «Жеті Жарғы», — тот платит родственникам убитого кун за семь человек. Обида султана или ходжи словами называется пенею в 9 скотин; а за побои 27 скотин». Из этой неодинаковой в законе оценки ответственности различных слоев общества вытекали неодинаковые их обязательства: султаны не несли никаких (кроме военных) повинностей. Все султаны казахских улусов имели один особенный уран, выражаемый словом Аркар, которого уже простой народ — кара-суйек — не мог употреблять.

Привилегии султанов перед другими членами общества состояли также в том, что они были избавлены от телесного наказания и не подлежали суду биев. Творить суд над Чингизидами мог только старший султан или сам хан. Простые люди в разговорах не могли называть их по имени, но вместо имени должны были употреблять слово *таксыр* (господин). При встрече с султаном всякий простолюдин сходил с лошади и, становясь на одно колено, приветствовал его. Султан в ответ на приветствие клал ему на плечо свою руку. Таким же образом поступали и в юртах. Одним из внешних признаков султанского достоинства считалась

белая кошма. В общих собраниях и во всех остальных торжественных случаях все представители *белой кости* садились только на белые кошмы. Если простой казах присваивал себе из тщеславия титул султана, то подвергался наказанию от 15 до 30 ударов нагайкою. Если же человек *черной кости*, выдавая себя за носителя султанской крови, женился на султанской дочери или его родственнице, его подвергали наказанию, выражавшемуся в выплате полного *куна*, то есть оплаты за убийство мужчины.

В противоположность аристократическому сословию — *ак-суйек* — остальной народ ханства назывался *кара-суйек* (черная кость). Для обозначения различных категорий простолудинов, в отличие от султанов и ходжей, употреблялось несколько терминов: *карачу* (*караджи*), *каракиши*, *кулкутаны*, *шаруа*, *пукара* (*бухара*). Отметим, что здесь слово *бухара* (пукара) не имеет ничего общего с названием древнего среднеазиатского города Бухара, а является формой арабского слова *фукара* (мн.ч. от *факир* — «бедняк»).

Согласно сведениям источников, *карачу* — юридически свободное лицо, обладающее личными и имущественными правами. Лично свободный кочевник мог завещать по своему усмотрению имущество, давать свидетельские показания и т.д. Убийство рядового кочевника наказывалось, хотя закон и придавал неодонокоевое юридическое значение правам лиц, различавшихся социальным и общественным положением. Но защита свободы личности и имущественных прав свободных лиц обеспечивалась не государственным аппаратом, а исключительно солидарностью членов рода; государство в лице бия только обеспечивало родственникам, например, убитого осуществление права кровомщения, ограбленного — права на баранту и т.д. Таким образом, отдельная личность имела смысл только как часть рода, и только род был юридической единицей. Этот характерный для кочевого быта способ осуществления прав приводил к тому, что человек, от которого отступился его род, тем самым оказывался абсолютно беззащитным, оставался как бы вне закона.

В отличие от аристократического сословия у представителей *кара-суйек* прочно сохранялось деление на отдельные роды и племена. Все казахские племена были объединены (по крайней мере с XVII в.) в три группы, именуемые самими казахами *Улу жуз* (Большой, или Старший, жуз), *Орта жуз* (Средний, или Серединный, жуз) и *Киши жуз* (Малый, или Младший, жуз). В дореволюционной истори-

ческой литературе вместо жуз употреблялся в давние времена вошедший в русский язык термин *орда*.

Жузы упомянуты здесь не случайно. В ханстве казахов одним из основополагающих принципов общественного устройства была иерархия родов и племен. Соответственно, общественное положение каждого отдельного представителя *кара-суйек*, будь он потомственным биём или рядовым кочевником, определялось степенью привилегированности его рода и племени. Наличие же трех жузов делало сообщество казахов глубоко ранжированным сообществом. Дело в том, что существовало старшинство не только между родами внутри каждого жуза, но и между самими жузами. При этом старшинство между родами и жузами считалось по прямой линии: «самый последний род» Улу жуза имел преимущество перед «самым старшим родом» Орта жуза и т.д. Согласно этнографическим наблюдениям, порядок старшинства соблюдался: 1) при определении места в босвом порядке; 2) при разделении военной добычи; 3) при вступлении в дом и рассаживании по местам; 4) при открытии торжества; 5) при представлении качества предлагаемого в гостях и на пирах кушанья.

В казахском обществе существовало, конечно, и деление лиц по имущественному состоянию: богатый (*бай*) — бедный (*кедей*). Баем, по словам Ибн Рузбихана, назывался всякий «влиятельный богач», владевший большим количеством скота и движимого имущества, включая «дома-повозки». Богатство представлялось тогда неотделимым от власти, и «люди степи», по рассказу Мухаммада Шейбани-хана, «прилагают большие усилия и заботы, чтобы в короткое время от размножения овец собрать огромные богатства и чтобы от разведения мелкого рогатого скота добыть в этой бескрайней степи большое состояние». Богатейшие из казахов имели десятки домов-повозок, сотни верблюдов, по много десятков тысяч овец и насчитывали в табунах своих по 15, 18 и даже по 26 тысяч лошадей. Для скотовладельцев богатство служило предметом тщеславия. «Однажды спросил я одного владельца 8000 лошадей, — пишет А. Левшин, — почему он не продает ежегодно по некоторой части табунов своих. Он отвечал мне: «для чего стану я продавать мое удовольствие? деньги мне не нужны; я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает, что они мои, и всякий говорит, что я богат» [Левшин, ч.3, с.83-84].

У казахов-кочевников баи составляли довольно многочисленную прослойку общества. Однако здесь следует строго оговорить, что баи не составляли особое сословие: баи были и среди султанов, и среди биев, и среди рядовых кочевников. Иными словами, баи представляли собой социально неоднородную группу общества. Богатство, материальное благополучие, несомненно, давали огромные выгоды и определяли престиж в обществе. Тем не менее, однако, с большим состоянием не соединялись особые политические права. Значение отдельных биев в обществе определялось значением сословия, к которому они принадлежали. Какой-нибудь султан, например, в экономическом отношении мог быть даже нищим, но он пользовался всеми правами и привилегиями, даваемыми законом этой социальной группе общества в постоянное совместное обладание.

Из социальной группы *кара-суйек* особыми правами обладали только *бии* — предводители родов и племен. Слово *бий* представляет собой позднее видоизменение старого *бек* и не встречается в источниках раньше XV в., а тюркское слово *бек* соответствует монгольскому *нойон* и арабо-персидскому *эмир*.

Влияние биев (беков) определялось как многочисленностью и силой, так и древностью происхождения и старшинством возглавляемых ими родов. Бии казахских улусов пользовались некоторыми особыми правами: в пределах подвластных им родов только биям (кроме хана) принадлежала и судебная, и административная, и военная власть. Эта власть придавала биям определенный политический вес, который выражался в том, что бии наряду с султанами участвовали в решении общегосударственных дел, сообщая являясь на ежегодное созываемое «народное собрание». Наиболее влиятельные родоначальники входили в «совет биев» при хане.

Бий, являясь важным звеном в системе управления ханством, сочетал в себе, таким образом, по меньшей мере четыре качества: военачальник, административное лицо, судья и представитель степной аристократии. Бии — наследники далекого прошлого, поэтому они так органично усвоили все функции управления. Ведь и впрямь бии (беки) Дешт-и Кипчака древнее Чингизидов. Бии, в противоположность Чингизидам — «национальному» сословию, составляли, так сказать, «национальную» аристократию, элиту социальной группы *кара-суйек*.

Кроме аристократии и простых людей, богатых и бедных, но лично свободных, в обществе казахов-кочевников

было какое-то число лично несвободных мужчин (*кул*) и лично несвободных женщин (*кюн*) — рабов. Основными источниками пополнения рабов были: плен, работорговля, долговая несостоятельность. Юридически рабы представляли собой самую бесправную социальную группу общества. Само состояние неволи лишало раба преимуществ правоспособного человека, ставила его наравне с вещью, скотом. Раб не мог выступать в качестве свидетеля, не мог жаловаться на хозяина, даже если тот обходился с ним крайне жестоко. Рабы не несли ответственности за свои преступления. Ответственность за преступления рабов несли их владельцы, которые обязаны были вознаграждать потерпевшую сторону за убытки, причиненные рабом. В свою очередь, дела, касавшиеся рабов, не подлежали суду биев. За все виды проступка невольника меры наказания определялись хозяином провинившегося. Рабы не несли никаких государственных повинностей. Общая характерная черта всех рабов, которая отличала их от других слоев общества, — личная зависимость от хозяина. Причем зависимость эта была наиполнейшей, и, согласно ст.16 «Жети Жаргы», только владелец раба был властен над его жизнью и смертью. Составляя, таким образом, собственность владельца, которым могло быть любое свободное лицо, раб служил только своему господину и получал от него известное вознаграждение в виде питания, одежды.

Таким образом, казахское общество ханского периода представляло собой иерархически организованную социальную структуру сословных групп и прослоек, находившихся между собой в тесных и неоднозначных связях. Высшее сословие социальной иерархии составляли султаны и ходжи. Ступенью ниже стояла родоплеменная знать, не принадлежавшая к роду Чингизидов. Нижнюю ступень общественной лестницы занимали рядовые кочевники-скотоводы, объединенные в родовые общины. Особую группу составляли рабы.

Вершину всей социальной иерархии представляло лицо, облеченное титулом хана. Только султана можно было провозгласить ханом. Согласно обычаю преимущественное право на ханское достоинство имел старший в роде, и, например, дядя, брат хана, считался старше своих племянников, сыновей хана. Но этот обычай часто нарушался. В действительности, верховная власть переходила от отца к сыну. Однако и этот порядок не всегда столь уж строго соблюдался. Благодаря отсутствию строго фиксированных зако-

ном правил о порядке престолонаследия частым явлением была борьба за верховную власть между несколькими султанами, и почти всякий раз после смерти хана в степи наступали смутные времена. Такими смутами в истории Казахского ханства характеризовались периоды после смерти Касим-хана, Тахир-хана, Шигай-хана, Ишим-хана. Кроме того, нередко бывали случаи, когда еще при жизни царствующего хана ханский титул принимали также могущественнейшие из султанов. Поэтому у авторов, хорошо знавших положение в казахских улусах, можно встретить уточнение, что именно такой-то «сейчас является самым старшим из ханов и известнейшим из предводителей Дешта». Иногда даже верховная власть в ханстве в нарушение генеалогической традиции и наследственного принципа переходила от старшей ветви правящей династии к представителям младшей ветви.

В жизни обыкновенного человека обычно две опорные даты — рождения и смерти. У хана прибавляются еще две даты — начало и конец правления. Это важные для истории страны даты. К сожалению, в истории Казахского ханства неизвестны точные даты правления ряда представителей правившей династии Чингизидов. Поэтому при определении дат правления ханов в настоящей работе часто приходилось делать пометы «не раньше», «не позднее», «около» такого-то года, «между» такими-то годами и т. п.

При возведении на престол нового государя традиционно соблюдался древний обряд вознесения на войлоке: провозглашаемого ханом султана сажали на тонкий белый войлок, который должен был олицетворять чистоту его намерения, происхождения и богатства его рода, и наиболее влиятельные лица ханства из султанов и биев трижды приподнимали его за концы, провозглашая: «Хан! Хан! Хан!». Едва белый войлок с ханом касался степной травы, как он снова подхватывался подбегавшей толпой, которая вновь поднимала и опускала войлок на землю. Затем войлок, служивший как бы треном, разрывали на мелкие части, и всякий старался унести лоскуток на память того, что он был участником торжественного провозглашения хана. Этот обряд, начинавшийся торжественно и упорядоченно, завершался шумным многодневным пиршеством.

В общих чертах характер ханской власти в обществе определяется в средневековых источниках так: хан обязан заботиться о своих подданных, «как мать» о своих детях, а подданные должны считать хана «отцом для себя» и ис-

кренне ему повиноваться. Если говорить конкретно, то власть хана определялась известными правами и была связана с исполнением ряда функций. Этим прав и функций хана было по меньшей мере пять. Вот их перечень.

1. Хан как глава царствующего рода и верховный сюзерен всех казахских племен имел верховное право распоряжаться всей территорией ханства, всеми землями, принадлежавшими улусам, право, которое было следствием его основной функции и главной обязанности — вооруженная охрана страны от внешних врагов.

2. Хану принадлежало право объявления войны и заключения мира, бывшее следствием его функции верховного руководителя войск.

3. Хану принадлежало верховное право ведения переговоров с иностранными государствами, что являлось следствием его функции определять внешнеполитический курс государства.

4. Хану принадлежало право убить или оставить в живых своего подчиненного — право, бывшее следствием его функции верховного судьи. Это право и функции хана четко зафиксированы в рассмотренном нами памятнике права казахов «Жети Жаргы».

5. Наконец, хану принадлежало право издавать законы и обязательные для всех членов общества приказания — право, бывшее следствием его функции сохранять существующее общественное устройство и порядок.

Есть прямые свидетельства источников, где говорится о том, что степного властелина всегда окружала многочисленная группа помощников, советников, восначальников, а также дружина (обеспечивавшая охрану его самого, его семьи и имущества) и челядь (прислуживавшая хану в повседневном быту). Но в то же время в источниках ничего не говорится ни о ханских дворах, ни вообще о постоянном местопребывании казахских ханов до XVII в. Правительственная деятельность казахских ханов, по крайней мере в XV-XVI вв., протекала в разъездах по степи среди кочевий, как это бывало и раньше. «Нужно заметить, — писал, например, И. Шильтбергер о Дешт-и Кипчаке XV в., — что в этой стране король и вельможи кочуют летом и зимой с женами, детьми и стадами своими, возя с собою все свое прочее добро, странствуя от одного пастбища к другому в этой совершенно ровной стране» [Шильтбергер, с.55]. О том, что и казахские ханы XVI в. постоянно переезжали с одного пастбища на другое, буквально не слезая с седла, можно

судить по следующему сообщению Мухаммада Хайдара: вдова Касим-хана жаловалась Тахир-хану, что состарилась и чувствует, что не в силах оставаться в степи. «Я хочу, — говорила она, — чтобы ты доставил меня к моему племяннику Султан Саид-хану, дабы остаток дней моих я могла прожить в городе и провести в спокойствии и без тревог на одном месте».

Постоянный объезд ханом улусов диктовался как необходимостью исполнения им своих функций верховного судьи, главного охранителя и т.д., так и самим образом жизни основной массы тогдашних подданных Казахского ханства. Выше уже отмечалось, что характерной чертой экономики ханства являлось кочевое скотоводство; соответственно, налоговая система для кочевой части населения определялась натуральными видами поставок и взаимных расчетов. А поскольку ежегодный сбор в пользу хана кочевники-скотоводы отбывали в натуральной форме, то главе кочевников приходилось посещать улусы хотя бы для того, чтобы тут же, на месте умножить свои стада, свое «прочее добро», употребить съестные припасы, перевозка которых в единый центр была невозможной из-за его фактического отсутствия. Описываемое здесь явление из жизни верховного главы кочевников замечательно метко характеризуется словами Шейбани-хана, предводителя кочевых узбеков Дешт-и Кипчака, сказанные им в одной из бесед автору «Михман-наме-йи Бухара» Ибн Рузбихану: «Столица наша — наше седло».

Но положение постепенно менялось. На рубеже XVI-XVII вв. в руки казахских владетелей перешли Ташкент и Туркестан с прилегающими областями. Эти города по большей части оставались в их власти на протяжении полутора столетий и в XVII — первой половине XVIII вв. являлись местом пребывания казахских ханов и политическими центрами ханства. Там казахские ханы имели «особые дворы», а когда они отправлялись с ордой кочевать в степь, в столице оставались управлять «дядьки их».

Словом, облеченный титулом хана султан представлял собой верховного главу царствующего рода (*ак-суйек*) и всех подданных ханства (*кара-суйек*). Однако власть степного хана не соответствовала европейскому представлению о правителе. Эта власть лишь в редких случаях достигала той полноты, которая не допускает разделения ее с какими-либо другими политическими силами внутри государства. В истории Казахского ханства этот редкий случай при-

ходится на период правления Касим-хана (ум. в 1518 г.): по свидетельству Бабура, Касим-хан держал свой народ в строгом повиновении. Других же случаев, когда бы хан держал все казахские улусы в «строгом повиновении», мы не наблюдаем. Даже, напротив, наблюдается постепенное ослабление политической власти хана. Так, по словам русского посла В. Кобякова, побывавшего в 1694-1695 гг. в г. Туркестане, казахи «живут поволностию своею, а Тевкихана слушают по малу». Между тем Тауке был достаточно сильным государем и, кстати заметить, последним из казахских ханов, чья власть территориально распространялась на все три казахские жуза. Вскоре после смерти Тауке-хана (около 1718 г.) во всех трех жузах появились свои ханы, родословная которых очень запутана. С тех пор жузы превратились в самостоятельные ханства, которые, однако, не имели особых названий, и хан каждого жуза соответственно именовался ханом Улу жуза, ханом Орта жуза, ханом Киши жуза.

Окончилась история Казахского ханства. Началась история Казахских ханств.

ЭПИЛОГ

Мы не будем подводить итоги и пересказывать уже сказанное. Мы лишь надеемся, что внимательный читатель увидит в нашей книге то, что хотели сказать ее авторы.

Мы понимаем, что не смогли (да и не могли!) вместить в сравнительно небольшой объем книги всего того, что заслуживает быть отмеченным и обсужденным. Многие подготовленные нами материалы пока неиспользованы. Мы рассчитываем, что сумели внести некоторую ясность в те проблемы, которые решились обсудить.

Мы предполагаем вернуться к нашей теме, расширив и дополнив ее изложение в следующих работах, о которых уже думаем. Мы понимаем, что не все и не во всем будут согласны с нами, и не стремимся к всеобщему согласию. Мы готовы к дискуссии, если она будет основана на принципах общепринятой методики исторических исследований и общепринятого понимания научной истины. И мы заранее признательны всем тем, кто проявит интерес к нашей работе.

Сергей Кляшторный

Турсун Султанов

Санкт-Петербург
июнь, 1992

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И.*, — Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- Абу-л-Гази*, — Histoire de Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadour Khan. publiee par Le Baron Desmaisons, t.1. Texte. St.-Petersbourg, 1871.
- Авеста*, — Избранные гимны. Перевод И.М. Стеблина—Каменского. Душанбе, 1990.
- Агаджанов С.Г.*, — Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. М., 1991.
- Акимушкин О.Ф.*, — К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х годах XVI в. — 60-х годах XVII в. — Палестинский сборник, вып.21, Л., 1970.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А.*, — Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963.
- Акишев К.А.*, — Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978.
- Акишев А.К.*, — Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
- Алексеев В.П.*, — В поисках предков. Антропология и история. М., 1972.
- Аммиан Марцеллин*, — История. — в кн. В.В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб, 1906
- Арриан*, — Поход Александра. М. — Л., 1962.
- Ахинжанов С.М.*, — Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989.
- Бабар-нама*, — The Babar-Nama (fac-simile). Ed. by A.S. Beveridge, London, 1905 ("E.J.W. Gibb Memorial" ser., vol.1).
- Бабер-намэ*, или Записки Султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н. И[льминским]. Казань, 1857.
- Байпаков К.М.*, — Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.
- Барбаро и Контарини о России*. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.
- Бартольд, I-IX*, — Академик В.В. Бартольд. Сочинения. Том 1-9, М., 1963-1977.
- Бертельс А.Е.*, — Насири Хосров и исмаилизм. М., 1959.
- Бертельс Е.Э.*, — К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов. — "Советское востоковедение", т.4, 1947, сс.73-79.

- Бертельс Е.Э.*, — История персидско-таджикской литературы. М., 1960.
- Бичурин*, I-III, — Н.Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в древние времена. Том 1-3, М. Л., 1950.
- Бойс М.*, — Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987.
- Большаков О.Г.*, — К истории Таласской битвы (751 г.). — "Страны и народы Востока", 1980, вып.22, кн.2.
- Валиханов Ч.Ч.*, — Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1985.
- Вельяминов-Зернов В.В.*, — Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч.1-3, СПб, 1863-1866.
- Воскресенская летопись*, — Полное собрание русских летописей, т.8, СПб, 1859.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.*, — Индоевропейский язык и индоевропейцы. т.1-2, Тбилиси, 1984.
- Гардизи*, — Зайн ал-ахбар (извлечения) — в кн. В.В. Бартольд. Сочинения, т.VIII, М., 1973, сс.23-62.
- Геродот*, — по изданию: А.И. Доватур, Д.П. Каллистов, И.А. Шишова. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М., 1982.
- Грантовский Э.А.*, — О восточноиранских племенах кушанского ареала — Центральная Азия в кушанскую эпоху. т.II, М., 1975.
- Дандамаев М.А.*, — Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.
- Дандамаев М.А.*, — Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
- Джувайни*, The Tarikh-i-Jahan-gusha of Ala ud-Din Ata Malik-i-Juwayni (Composed in A.H. 658 A.D. 1260), pt.1 Leiden — London, 1912.
- Древнетюркский словарь*, Л., 1969.
- Дьяконов И.М.*, — История Мидии. М. Л., 1956.
- Дьяконов И.М.*, — К методике исследований по этнической истории ("киммерийцы"). — Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981, сс. 90-100.
- Дьяконов И.М.*, — О прародине носителей индоевропейских диалектов. ВДИ, 1982, N 3-4.
- Жагварал Н.*, — Аратство и аратское хозяйство. Улан-Батор, 1974.
- Зув Ю.А.*, — Китайские известия о Суябе. — Изв. АН КазССР, сер. ист., археол. и этнограф., 1960, вып. 3(14).

- Ибн Рузбихан*, — Фазлаллаха ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя) М., 1974. Mehman-name-ye Bokhara by Fazlollah ibn Ruzbehān Khonji. Ed. by Manoochehr Sotoodeh. Tehran, 1962.
- Ибн ал-Факих*, — Китаб ахбар ал-булдан (фотокопия Мешхедской рукописи) — Рукописный отдел Института востоковедения РАН. ФВ-202.
- Исмагулов О.*, — Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970.
- Кирими*, — ал-Хаджж Абд ал-Гаффар Кирими. Умдат ат-таварих. Стамбул, 1343/1924-25 г.
- Кляшторный С.Г.*, — Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кляшторный С.Г.*, — Терхинская надпись. — "Сов.тюркология", 1980, N 3, сс.81-85.
- Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.*, — Согдийская надпись из Бугута. — "Страны и народы Востока", вып. X, 1971, сс.121-146.
- Книга моего деда Коркута*. Огузский героический эпос. М. — Л., 1962.
- Кононов А.Н.*, — Махмуд Кашгарский и его "Дивану лугат ит-турк" — "Сов.тюркология", 1972, № 1, сс.3-17.
- Кононов А.Н.*, — Поэма Юсуфа Баласагунского "Благодатное знание" — в кн.: Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М., 1983, сс.495-517.
- Кузьмина Е.Е.*, — Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных. — Сб. "Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности". М., 1981.
- Кузьмина Е.Е.*, — Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.
- Кумеков Б.Е.*, — Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.
- Кухистани*, — Масуд ибн Усман Кухистани. Тарих-и Абул-Хайр-хани. Рукопись СПб филиала Института востоковедения РАН, С 478.
- Левшин А.*, — Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч.1-3, СПб, 1832.
- Леонтиев*, — Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у катаяцев с зенгорцами. Выписал из китайской истории секретарь Леонтиев. СПб, 1777.
- Литвинский Б.А.*, — Древнейшие кочевники "Крыши мира". М., 1972.

Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н., — Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата, 1985.
Малов С.Е., — Памятники древнетюркской письменности. М. — Л., 1951.

Малов С.Е., — Енисейская письменность тюрков. М. — Л., 1952.

Малов С.Е., — Памятники древнетюркской письменности Монголии. М. — Л., 1959.

Мандельштам А.М., — Характеристика тюрков IX в. в "Послании Фатху б. Хакану" ал-Джахиза. — Труды института истории, археологии и этнографии. Т.1, Алма-Ата, 1956, сс.227-250.

Марвази, — Табаи ал-хайаван. Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. London, 1942.

Махмуд б. Вали, — Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. т.6, ч.2-3, фотокопия рукописи Джурабека (СПб филиал Института востоковедения, ФВ-82); т.6, ч.4, ксерокопия рукописи библиотеки "Индия Оффис" (Сосдиненное королевство).

Махмуд Кашгарский, — Mahmud al-Kasgari Compendium of the Turkic dialects (Diwan Lugat at-Turk). Harvard University, 1982, pt.I-III.

Медоев А.Г., — Гравюры на скалах. Ч.4, Алма-Ата, 1979.

МИКХ, — Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.

Миняев С., — К проблеме происхождения сюнну. — Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. вып.9, М., 1985.

Мирза Хайдар Дуглат, — Тарих-и Рашиди. Рукопись СПб филиала Института востоковедения РАН, В 648.

МИТТ, — Материалы по истории туркмен и Туркмении. т.1. VII-XV вв. М. Л., 1939.

Муизз ал-ансаб фи шаджарат салатин могол, — Рукопись Национальной библиотеки, Париж.

Натанзи, — Муин ад-Дин Натанзи. Мунтахаб ат-таварих-и Муини ("Аноним Искандара"). Рукопись СПб филиала Института востоковедения РАН, С 381. Extraits du — Muntakhab al-tavarikh-i Mu'ini (Anonime d'Iskandar). Publies par Jean Aubin. Editions. Teheran, 1957.

Патриаршая, или Никоновская, летопись. — Полное собрание русских летописей, т.9, СПб, 1860.

Пищулина К.А., — Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков. Вопросы политической и социально-экономической истории. Алма-Ата, 1977.

Плано Карпини, — Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Пьянков И.В., — Кочевники Казахстана VII в. до н.э. и античная литературная традиция. — Сб. "Античность и античная традиция в культуре и искусстве народов Советского Востока", М., 1978.

Пьянков И.В., — Саки. Содержание понятия. — Изв. отд. общ. наук АН ТаджССР, № 3, 1968.

Пьянков И.В., — Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975.

Раевский Д.С., — Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.

Рамstedт Г.И., — Как был найден Селенгинский камень. — Труды Троицко-Кяхтинского отделения Русского Географического Общества. т.XV, 1912, вып.1.

Рашид ад-Дин, — Сборник летописей. Т.1, кн.1-2, М. — Л., 1952; т.2. М. Л., 1960; т.3, Л., 1946.

Самарканди, — Абд ар-Раззак Самарканди. Матла ас-садайн ва маджма ал-бахрайн. Рукопись Санкт-Петербургского гос. университета, N 157.

Сейфи Челеби, — Таварих. Рукопись Лейденского университета, № 917.

Семенов А.А., — Шейбани-хан и завоевание им империи тимуридов. — Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т.XII, Сталинабад, 1954.

Семенюк Г.И., — Проблемы истории кочевых племен и народов в период феодализма (на материалах Казахстана). Калинин, 1974.

Смирнов К.Ф., *Кузьмина Е.Е.*, — Происхождении индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.

Сокровенное сказание, — С.А. Козин, — Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М. — Л., 1941.

Ставиский Б.Я., — Средняя Азия и ахеменидский Иран. — Сб. "История Иранского государства и культуры. М., 1971.

Стеблева И.В., — Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. М., 1971.

Страбон, — География. В 17-ти книгах. Пер. с греческого, статья и комментарии Г.А. Стратановского. Л., 1964.

Султанов Т.И., — Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II. — Тюркологический сборник. 1973. М., 1975.

Султанов Т.И., — Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. М., 1982.

Тарих-и Хайдар, — Хайдар б. Али ал-Хусайни Рази. Тарих-и Хайдар. Рукопись Гос. Публичной библиотеки СПб, ПНС-230.

Таскин В.С., — Материалы по истории скунну. М., I — 1968; II 1973.

Тизенгаузен В.Г., — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб, 1884; Том 2. Извлечения из персидских сочинений. М. — Л., 1941.

Толстов С.П., — По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Фрай Р., — Наследие Ирана. М., 1972.

Хазанов А.М., — Золото скифов. М., 1975.

Хафиз-и Аbru, — Зубдат ат-таварих-и Байсунгури. Рукопись Бодлеянской библиотеки в Оксфорде (Соединенное королевство).

Худуд ал-алам, — Minorsky V. Hudud al-Alam "The Regions of the World". A Persian Geography 372 A.H. 982 A.D. London, 1937.

Членова Н.Л., — Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах. — СА, 1984, № 1.

Шер Я.А., — Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

Шильтбергер, — Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Одесса, 1866.

Юстин, — Эпитома сочинения Помпея Трога. ВДИ, № 1, 1955.

Юсуф Баласагунский, — Благодатное знание. Перевод С.Н. Иванова. М., 1983.

Arat R.R., — Kutadgu Bilig. Indeks. Istanbul, 1979.

Chavannes E., — Documents sur les Tou-kine (Turcs) Occidentaux. St.Petersbourg, 1903.

Clauson G., — An etymological dictionary of pre Thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972.

Dumézil G., — L'ideologie tripartite des Indo-Europeens. Bruxelles, 1958.

Dankoff R., — Three Turkic verse cycles relating to Inner Asian Warfar. — "Harward Ukrainian Studies", vol.III-IV, 1979-1980, pt.1, 151-165.

Hulsewe A.L., — China in Central Asia. Leiden, 1979.

Humbach H., — Die Gafhas des Zarathustra. Bd.1, Heidelberg, 1959.

Justi J., — Dareios I. Konig der Perser. Leipzig, 1944.

Kljastornyj S.G., — Das Reich der Tataren in der Zeit vor Cinggis Khan. — "Central Asiatic Journal", vol.36, 1992, № 1-2.

Liu Mau-tsai, — Die chinesischen Nach richten zur Geschichte der Ost-T'brken (T'u-kue), Wiesbaden, 1958.

Указатель имен и династий

- Абаев 25
 Абай-хан 196
 Абдаллах ибн Мухаммад 228
 Абдаллах (Абдулла)-султан 279
 Абдаллах-хан 290-296
 Абд ал-Керим 114
 Абд ал-Латиф-хан 302, 342
 Абд ал-Мумун 295
 Абд ар-Раззак Самарканди 204, 205, 252
 Абд ар-Рахим-хан 292, 303
 Абд ар-Рашид 225
 Абд ар-Рашид-хан 232, 277, 283-288, 342
 Абиев 5
 Аблязов 5,6
 Абулай-султан 293
 Абу Музахим 101
 Абу Муслим 108
 Абу Ханифа 244
 Абу Юсуф 244
 Абу (Бу)-Саид 212, 230, 242
 Абу-л-Гази 127, 186, 188, 189, 234, 243, 271, 301, 307
 Абу-л-Касим-султан 280
 Абу-л-Файз-хан 304
 Абу-л-Фатх Мухаммад Шейбани-хан 244
 Абу-л-Фатх 243
 Абу-л-Футух ал-Гафир ал-Алмаи 212
 Абу-л-Хайр Фазлаллах ибн Рузби-хан 227
 Абу-л-Хайр 8, 306
 Абу-л-Хайр-султан 244
 Абу-л-Хаир-хан 212, 217-223, 226, 230-229, 242-245, 268, 271-274
 Абу-л-Хасан Мухаммед ибн Суфьян Келимати 114
 Абу-Саид 230
 Абулай-султан 297, 300
 Агаджанов 110
 Аганак-бике 221
 Адаб-бек 217
 Адик (Атик, Айтик)-султан 272, 277, 282
 Айаз 225
 Айтиас-бек 211
 ал-Айни 207
 Айтек-бий 315, 322
 Айтик 242
 Ай-ханым 303
 Акдес Нимет 207
 Акимушкин 284, 286
 Акишев 43-45, 48
 Аккозы-бегим 243
 Александр Македонский 34, 35, 39, 41, 44, 165
 Алексеев 14, 45
 Али-Ходжа из Бухары 174, 178
 Али-султан 292
 Алп Кутлуг Бильге-каган 110
 Алтун-ханым 292
 Амин ад-Дин Харави 174
 Аммиан Марцеллин 67, 68
 Анахуань 78
 Ань Лушань 106, 109
 Апак (Аппак)-султан 310
 Аполлон 42
 Арат 125
 Ардви Сура 23-25
 Аристей 42
 Арриан 39-41
 Арслан Кара-каган 113
 Арслан-Ходжа-тархан 208
 Арслан-тегин 135, 136
 Арслан-хан 172, 176, 183
 Аршакиды 42
 Арэджатаспа 24
 Асад ибн Абдаллах 101
 Асени (Ашина) 137
 Астиаг 234
 Атик 242
 Аттила 68
 Афрасиаб 246, 112, 163, 165
 Ахай 181
 ал-Ахари 193
 Ахемениды 32, 34, 35
 Ахинжанов 127
 Ахмад-Гирей 293
 Ахмад-мирза 246
 Ахмад-султан 264, 265, 268
 Ахмад-хан 2216 281-283
 Ахмедов 204, 233
 Ахура Mazda 19, 22, 24, 28, 29, 39
 Ашена 137
 Ашина 77, 78, 88, 90, 100, 104, 112, 135, 137
 Ашина Сянь 107
 Ашина Шэр 124

- Аштарханид 229, 291, 296-298, 303, 304, 311, 341
 Ашшурбаналпал 33
 Баба-султан 291, 294
 Бабур 225, 228, 243, 251-253, 256, 273, 276, 340, 344, 356
 Бага Таркан 101
 Бадакул-оглан 242
 Базыр Арслан-хан 113, 114
 Баим-биким 292
 Байпаков 97
 Бай-Бури 143
 Баки-Мухаммад-хан 291, 297
 Баки-султан 302
 ал-Белазури 117
 Банийал-Бахадур 218
 Барак (Борак, Бурак, Боррак) 204-211, 215, 216, 220, 242, 285-288, 292, 338
 Барбаро 325, 326, 332-334, 344
 Бартольд 796 91, 109, 114, 118, 133, 137, 165, 174, 195, 204, 208, 215-217, 219, 222, 229, 237, 241, 243, 257, 258
 Барчук 176
 Басам 143
 Еату (Батый) 186-191, 195, 197, 222
 Батур-хунтайши 309, 310
 Бауш-султан 283
 Бахадур-султан 295
 Бахадур-хан 191, 192
 Бахрам Чобин 93
 Бачжо (Барс-чор?) 123
 Башыак-султан 221
 Баян 90, 196
 Бегю-каган 106, 110
 Бег-чор 140
 Бек-оглы 302
 Березин 224
 Берке 186, 187, 190, 191, 195, 203
 Беркечар 186, 195
 Бертельс 175, 161
 Бильге-бек 159
 Бильге Кюль Кадыр-каган 113
 Бильге-каган 100, 104, 107, 118-120, 140, 142, 155, 157, 158
 Бинаи 226, 241-243, 247, 340
 ал-Бируни 136
 Бигурин 546 706 726 856 86
 Благова 257
 Богра Кара-каган 113
 Бойс Мэри 20-22
 Большаков 108
 Босворт 198
 Бувал 186
 Буголаков 308
 Будберг 121
 Будрач 136
 Бузар 173
 Буйдаш (Буйлаш)-султан 280, 282, 283, 286, 298, 342, 343
 Буку Чин 111
 Булад (так), сын Тимур-Кутлука 196
 Булад-султан 211, 230
 Булек-Булад-султан 210, 211
 Бумын-каган 75, 78, 85, 88
 Бунин 18
 Буре 186
 Бурудж-оглан 241, 245
 Бурундук-хан 226, 241, 242, 244, 246-248, 268, 271, 272, 340
 Байсака 24
 Вайс-хан 232, 251
 Ваккас-бий 219
 Валентин 93
 Валиханов 324, 335
 Вали-Мухаммад-хан 297
 Варуна 31
 Васифи 228, 284, 286
 Вельяминов-Зернов 225, 230
 Вишгаспа 20
 Вэньди 69
 Вэретрагна 28-30
 Гази-бий 211, 217
 Гази-мирза 210
 Гайр-хан Йиналчук 174-176
 Галдан-Бошокту 310
 Гамкрелидзе 12
 Гандарва 23
 Гао Сяньчжи 108
 Гардизи 109, 113, 128, 129
 Гатифар 91
 ал-Гаффари 194, 209, 270
 Гекатей Милетский 42
 Герберштейн 275
 Геродот 32, 33-36, 39-43, 149, 338
 Гийас ад-Дин 209
 Гильом Рубрук 148
 Гирей (Кирай) 223, 230-242, 252-255
 Грантовский 33, 44
 Григорей Протасиевич 206
 Григорьев 191
 Гуюк 195
 Гэн Куй 71
 Давлат-Берди 207, 209

- Давлат-Шайх 218
 Дадым-ханым 272, 292
 Дандамаев 36-38
 Даикофф 136
 Дарий III Кадоман 39
 Дарий I 32, 36, 37
 Датань 71
 Джаган-бегим 271
 Джадик (Йадик, Джаук)-султан 242
 Джалал ад-Дин 173, 251
 Джалал-оглан 237
 Джалим-султан 298
 Джамал Карши 112, 113, 183, 215
 Джамал Мараги 174
 Джанах ибн Хакан ал-Кимаки 129
 Джанибек 193, 197, 212, 223, 230-242, 244, 245, 247, 252-255
 Джанибек-султан 234
 Джанибек-хан 236, 242, 271
 Джаниды 296, 304
 Джаниш 242
 Джаниш-султан 264, 265
 Джан-Тимур 210
 Джаук 242
 Джахангир (Джангир, Янгир, Янгар) 303, 309
 ал-Джахиз 102, 103, 326
 Дженкинсон 325, 328, 331, 339
 Джувайни 187, 188
 Джувак-султан 221
 Джузджани 184, 203
 Джумадук-хан 217, 218
 Джунейд б. Абдаллах 101
 Джурабек 192
 Джучиды 188, 195, 196-299, 201-204, 212, 221, 238, 276
 Джучи 169, 173, 175, 178-180, 182-195, 218, 221, 222, 224, 236, 242, 244
 Джучи-Бук 218
 Джэбэ-нойон 179
 Дизавул 88
 Динибек 193
 Дин-Мухаммад 229, 291
 Дионисий 67
 Доу Сянь 70, 71
 Дува (Тува) 216
 Думочжы 142
 Дьяконов 12, 32
 Дюмезиль 30
 Евдокия 95
 Едигей 204
 Есең-Бука-хан 231, 233, 238
 Есугей-бахадур 171
 Жавгарал 148
 Заратуштра (Зороастр) 19-216 28
 Захир ад-Дин Мараши 169
 Земарх Киликиец 93
 Земарх 151
 Зияд ибн Салих 108
 Златкин 305
 Зуев 97
 Зу-р-рийасатайн 111, 116
 Ибн Асам 117
 Ибн ал-Асир 117, 136, 182
 Ибн Баттута 193
 Ибн Кафрадж Богра 175
 Ибн Халдун 199, 332
 Ибн Хаукаль 114
 Ибн Хордадбех 116б 128
 Ибн ал-Факих 101-103, 147
 Ибн Рузбихан 227, 255, 262, 264-268, 276, 282, 324, 329-332, 336, 340, 347, 350
 Ибрагимов 204, 231
 Ибрахим 218
 Ибрахим-султан 292
 Иванов 12, 139, 145
 ал-Идриси 129, 130
 Идигу-барлас 200
 Икинджи ибн Кочкар 133
 Ильтаг 159
 Ильтэр (Илигу) 121, 122, 126
 Имамкули-хан 228, 297-301, 341
 Инанчу-иркин 122
 Инэль 99
 Ираклий 94
 Иран-бек 201
 Иренджи 242, 245
 Исан-Буга-хан 230
 Искандар 193
 Искандар Мунши 228, 293, 295
 Искандер Зу-л-Карнайн 165
 Исмагулов 45
 Исмаил ибн Ахмад 113, 134
 Исмаил-шах 265, 270, 273
 Истеми-каган 75, 88-91, 93
 Ишим-хан 217, 292, 293, 295, 301-303, 308, 309, 315, 353
 ал-Йакуби 117
 Йакут 101
 Йездигерд 164
 Йенчу Бильге-каган 122, 123
 Йер-Суб150
 Йойшта 23
 Йоллыг-тегин 119
 Кадырали-бек 209, 219, 224, 275, 276, 282, 290
 Кадырберди 204

- Кадырбаев 4
 Казбек-бий 3156 322
 ал-Калкашанди 199
 Камар ад-Дин 199
 Камаш 277
 Канбар-мирза 242, 270
 Капаган-каган 99, 100
 Караджа-хаджиб 176
 Каранчи-бахадур 200
 Караханиды 105, 112-115, 134-137, 159
 Кара-каган 78, 85, 104
 Карсаспа 23
 Касим-хан 226, 242, 270-278, 315, 326, 340, 353, 355, 356
 Катта-бек 273
 Кафаров 181
 ал-Кашканди 198
 Келди-Мухаммад-султан 278, 297
 Кепекмангыт 200
 Кепек-бий 217
 Киккули 31
 Кимсин 272
 Кыр 34-37, 42
 Кичинек (Кучик) 297
 Клаусон 125
 Клюкин 120
 Ключевский 293
 Кляшторный 24, 25, 77, 107, 116, 128, 357
 Кобяков 335, 356
 Кононов 161, 162
 Контарини 324, 325, 344
 Коркут 143
 Красовский 323
 Крез 35
 Ксенофонт 46
 Ксеркс 37, 38, 40
 Ктесий 47
 Кудут 210
 Кузьмина 14
 Куинджи (Коничи) 196
 Куйручук 201, 203, 204, 215, 242
 Кули-Чор (Курсуль) 100, 107, 143
 Кул-Мухаммад 293
 Кумеков 128, 130
 Кункиран 196
 Кутба 192
 Кутейба ибн Муслим 100, 106
 Кутлуг 98, 104
 Кутлуг-бага-гаркан 145
 Кутлук-Бука 200, 201
 Кутлук-хан 178
 Кухистани 218
 Кучлук 172
 Кучук (Кучунк)-султан 292
 Кучук-Мухаммад 209-211
 Кучум-султан 266, 267 271
 Кучум-хан 273, 279
 Кушаев 43, 45
 Кывчак 127
 Кыта-хан 133
 Кюль Эльбильге-каган 95
 Кюль-Тегин Алп-Тархан 164
 Кюль-багатур 95
 Кюль-тегин 74, 75, 100, 104, 207, 118, 142, 155, 157
 Лаошань-шаньюй 64
 ал-Лари 194
 Левшин 304, 317, 318, 321, 325, 327, 328, 330, 336-339, 350
 Леонтович 317
 Литвинский 37, 39
 Ли Гуань-ли 65
 Лиу Мау-Цай 88, 121
 Лифшиц 77
 Лутфулла Чусты 282
 Лэн-Пуль 198
 Лю бан (император Гао ди) 58
 Ляо 136
 Мавлана Пайрави 229
 Магриб-бек 311
 ал-Макдиси 132, 133 151
 Максимова 29
 Маликшах 133
 Малов 75
 Мамай 199
 Мамаш (Мумаш, Камаш)-хан 276, 277
 ал-Мамун 111
 Мандельштам 103
 Маниах 92, 153
 Мани 152
 Мансур 207, 210, 211
 Маодунь 57-59, 69
 Марко Поло 148
 ал-Масуди 13, 132
 Масуд б.Усман Кухистани 218
 Мас'уд 165
 ал-Масуди 112
 Матфей Эдесский 137
 Махмуд 136
 Махмуд Кашгарский 117, 128, 134, 146, 160, 162-166
 Махмуд из Хорезма 174
 Махмуд б.Вали 188, 191, 192, 196, 198, 218, 221 222, 228, 229, 234-238, 272, 281, 295, 298, 300-303, 342

- Махмуд-Ходжа-хан 217, 220, 221
 Махмуд-султан 248, 271
 Махмуд-султан, сын Джанибек-хана 242, 341
 Махмуд-хан 221, 222, 248
 Медоев 27
 Меликшах 166
 Менаандр 89, 93
 Менгли-Гуркан 201
 Менгли-бек 201
 Менгу-каан 190
 Менгу-Тимур-хан 191, 195
 Мессершмидт 154
 Миняев 57
 Мирза (Мухаммад) Хайдар Дуглат 216, 218, 219, 224-226, 230-232, 235, 236, 241, 247, 271, 262, 274, 276-279, 281, 283, 325, 327, 355
 Мирхонд 206
 Мир Мухаммад-шах 220, 285
 Мир Керим-Берди 220
 Мир Сайид 212
 Мир Хакк-Берди 220
 Мир-Касим 212
 Митра 21, 25-28, 29-31, 38, 41, 48
 Михр-Нигар-ханым 236
 Мохэ Дагань 142
 Мубарак-Ходжа 197
 Муган-каган 78, 85, 142
 Мугун 55
 Муин ад-Дин Натанзи 193-199, 201, 202
 Мунаджжим-баши 194, 199
 Мунгатай 291
 Мурад II 207
 Мурзагалиев 5
 Муса 114
 Муса-мирза 235, 246
 Мустафа Кафалы 201
 Мустафа-хан 217, 222
 Мухаммадияр-султан 302
 Мухаммад 115, 173-175, 183, 186, 222, 243, 346
 Мухаммад Аваз 229
 Мухаммад Яр ибн Араб Катаган 291
 Мухаммад Салих 226
 Мухаммад-Джуки 208
 Мухаммад-Тимур 244
 Мухаммад-Тимур-султан 248, 266, 270
 Мухаммад-султан 302
 Мухаммад-хан 201, 210
 Навруз-мирза 210
 Навуходоносор 182
 Надир Мухаммад 228
 Надир-Мухаммад-султан 298, 299
 ан-Насави 173, 176
 Насатъя 31
 Насири Хосров 130, 132
 Наср ибн Сейдр 101
 Науруз Ахмад-хан 282
 Нивар Ышбара-ябгу-каган 96
 Низами Арузи 112
 Низам ад-Дин Ахмад 282
 Ногай 194
 Нур ад-Дин 219
 Нью Шицзян 99
 Обен 193
 Огуз-каган 127
 Огуз-хан 90
 Огулчак Кадыр-хан 113, 114
 Одоевский 206
 ал-Озмари 335, 337
 Омар-Ходжа Отрари 174
 Омар-Шейх 193
 Ондан-султан 292
 Орда 186, 188-190, 196
 Орда-Эджен 187, 188, 190, 194-198
 Осень (Ашена-Ашина) 137
 Отчигин 186
 Пайанда-султан 204
 Паллас 337, 338
 Петр I 154
 Пир-Мухаммад II 296
 Пищулина 231, 243
 Плано Карпини 148, 188, 190
 Помпей Трог 44
 Потанин 280
 Поурушаспа 19
 Пулад (Булад)-хан 204
 Пьянков 42, 43, 46, 47
 Радлов 154
 Раевский 33
 Рамстедт 118
 Рашид ад-Дин 127, 128, 132, 179, 184-186, 188-190, 197
 Рашид-хан 283, 285
 Роман Диоген 166
 Рукийа-султан 204
 Рустам 250
 Савз (Шаба) 93
 Саид Кул-султан 292
 Саид-бек конграт 237
 Саин-хан 186, 187, 209, 221
 Сайид Ашик 271
 Сайид-Али 201, 210

- Сайид-Ахмад 201
 Сакал 99
 Салих ибн Хумейд 108
 Саманиды 113, 114, 132-134
 Самарканди 208, 209
 Санджар-Джахан 272
 Сартактай 196
 Сасаниды 21, 94, 164
 Сатук Богра-хан 114
 Сатылмыш найман 237
 Сафаргалиев 190, 202
 Сейдяк 282
 Сейфи Челоби 287, 288, 338
 Сельджукиды 115, 132
 Сельджук 166
 Семенов 231, 243, 308
 Семенюк 149
 Сенге 310
 Сильзибул 88
 Синджибу 88
 Синташт I 17
 Скибин 335
 Скунха 36, 37
 Смирнов 14, 204
 Спасский 303, 316, 317, 321
 Спитамен 41
 Спулер 202
 Ставиский 39
 Стеблин-Каменский 22
 Страбон 39, 40, 44
 Страленберг 154
 Струве 37
 Субэдэй-нойон 179
 Суди-бек 201
 Суй 86
 Сукнак-тегин 176
 Султан Ахмад 247, 252
 Султан Махмуд-оглан 251
 Султан Хусайн 251
 Султан Сабирбек-ханым 292
 Султан Саид 225, 274, 277
 Султан-Махмуд-хан 247, 272
 Султан-хатун 186
 Султанов 207, 357
 Сулук Чабыш-чор 100, 101, 103, 107, 141
 Сулум-султан 292
 Суюнджи-Ходжа-султан 246, 266-268, 274, 275, 278
 Сыбан 188, 244
 Сыма Цянь 54, 57-61
 Сюань Цзан 97
 ат-Табари 117
 Табгач Богра-Кара-хакан 160
 Таваккул (Тевекель, Тевкель, Тауке, Тукай, Букай) 287-289, 292, 293, 295, 306, 340
 Тайтоглы 193
 Тайцзун 124
 Тамим ибн Бахр 130
 Тангут 186, 195
 Тан 86, 106
 Таниш-султан 266-268
 Тардуш-шад 94
 Таскин 55, 57, 58, 60, 69, 71
 Таспар-каган 85, 138, 151, 153
 Тауке 8, 169, 244, 309, 311, 315-317, 321, 323, 356
 Тауке (Тевке, Текей, Тявка)-хан 8, 169
 Тахир Мухаммад 209
 Тахир-хан 226, 277, 278, 287, 353, 355
 Ташибек кирпчак 237
 Тевкелев 304
 Темучин 171, 172
 Тенгри 150
 Тенгри-каган 104
 Тизенгаузен 182, 193
 Тимур 196, 199-205, 215, 216, 219, 232
 Тимуриды 199, 222, 227, 233, 235, 245-249, 251, 256, 263, 265
 Тимур маджар 237
 Тимур-Кутлук 196, 221
 Тимур-Малик-оглан 201, 201
 Тимур-Шайх б.Хаджи-Тули 238
 Тимур-хан 209, 221, 222
 Тиним-султан (Тиниш-султан) 291
 Тиниш 242
 Тогрул-бек 166
 Токтакия 201, 230
 Токтамыш-оглан 200-203, 232
 Токта-Булад 201
 Толстов 39, 40
 Томсен 154
 Тоньюкук 99, 100, 119, 120, 124, 150, 155
 Тон-ябгу-каган 94, 95, 107
 Тоумань 57
 Туган-хан 136
 Туглук-Булад 20
 Тугум-хан 281, 290
 Туй-Ходжа-оглан 200
 Тукай-Тимур 186-192, 195, 221, 242
 Тулуджан 200
 Тулуй 176, 183

- Тумиду 105, 123
 Турксаф 93
 Турсун-Мухаммад 299
 Турсун-оглан 206, 207
 Турсун-хан 298, 300-303, 308
 Тухварсен Кут-чор-каган 103
 Тыныбек 192, 193
 Тюля-бий 315, 322
 Тюрк-барлас 206, 207
 Убайдулла Самарканди 282
 Убайдулла-султан 265, 267, 270, 271
 Угедей 176, 178-180, 183-185, 187
 Уджи-бий 199
 У-ди 65
 Удур 186, 188
 Узбек-хан 192, 193, 200, 216
 Уз-Тимур 196, 242
 Уз-Тимур-тайши 223, 230
 Улугбек 204, 205, 219
 Улуг-Джирчи 185
 Улуг-Мухаммад 205-208, 333
 Умай 150
 Умар-Шайх-мирза 236
 Урак (Аврак)-мирза 282
 Урук-Тимур 200
 Урус-хан 169, 198-203, 215, 216, 223, 230-232, 242, 254
 Уснак 242
 Усяк 242
 Утемиш-хаджжи 186
 Учаньму 70
 Уч-элиг 96, 99
 Фадл ибн Сахл 111, 112
 Фахр ад-Дин Дизаки Бухари 174
 Федоров-Давыдов 202
 Феофил Симмокатте 89
 Фирдауси 250
 Фрай 21, 22, 31
 Франхрасьян (Афрасиаб) 24
 ал-Хаджж Абд ал-Гаффар Кирими 209, 210, 252
 Хазанов 43
 ал-Хаки 194
 Хайдар Рази 194, 209
 Хайдар б.Али 285, 286
 Хайду 215, 216
 Хакк-Назар 276, 282, 286, 288, 290, 294
 Хамдаллах Казвини 132
 Хамза-султан 267, 271
 Ханым-падишах 302
 Ханьк Султан-ханым 290
 Хань 58, 59
 Хан-Мелек 192
 Хаома 38
 Хаосрав 24
 Хара-Хула (Каракула)-тайши 306
 Хасан-бек 237
 Хасан-хаджжи 178
 Хафиз-и Абру 198, 206, 208
 Хафиз-и Таныш 185, 228, 289, 290, 293, 299
 Хварно (Хварэна) 22, 23
 Херман 39
 Хингис 171
 Хирт 120
 Хишам 101
 Ховорс 202, 233
 Ходжа Ахмад Ясави 304
 Ходжа 242
 Хондамир 276
 Хормизд 91
 Хосров Бери-шад 99
 Хосров I Ану Ширван 91
 Хоянь 70
 Хубилай-нойон 172
 Хулсева 69
 Хулугу 70
 Хумбах 19
 Хуррамшах-султан 244
 Хутаоса 20
 Хуханье-шаньюй 70
 Хызрбек 193
 Хынк-оглан 202
 Хэли 87, 88
 Цеван-Рабтан 310
 Цзихоусянь 70
 Цзэцэн хан 310
 Чагатаиды 216, 225, 251, 261, 271, 274
 Чагатай 176, 178-180, 183-185, 216
 Чагры-бек 130
 Чан-чунь 181
 Чжао Дэ-янь 87
 Чжичжи-шаньюй 66, 70
 Чилаукун 186
 Чимпай 186
 Чинагупта 151
 Чингизиды 148, 169, 184, 189, 196, 198, 215, 257, 346-348, 351
 Чингиз-хан 149, 168, 169, 171-187, 218, 219, 235, 242, 244, 256, 328, 346, 347
 Чингис 172
 Чин-Тимур 178
 Членова 25
 Чулошников 233

- Чурас 302
Чурын-ябгу-каган 105, 121, 347
Шаваннес 90, 95, 96, 105
Шади 238, 239, 241, 245-247
Шадибек 203, 204, 209
Шайбек-хан 243
Шайх Мухаммад-бек 211
Шайх-Мамай 276
Шайх-Хайдар-хан 239, 240, 242, 244
Шайхим 272
Шакар-бек 201
Шамс ад-Дин Ахмад Афлаки 203
Шана 112
Шараф ад-Дин Али Йазди 199, 203, 219, 304, 332
Шараф аз-Заман Тахир Марвази 133, 134, 136, 137
Шахбахт 243
Шахибек-хан 243
Шахим-султан 292
Шахрух 193, 208, 209
Шах-Будак-султан 243
Шах-Саид-султан 302
Шегуй 94
Шейбаниды (Шайбаниды) 244
Шейбани 218, 220, 226, 227, 231, 241-248, 251, 255-257, 261-274, 324, 332, 341, 344, 355
Шейбан 244
Шибаниды (Шибаниан, Сыбаниды) 196, 212, 217, 218, 220, 223, 226, 240, 243, 244, 246, 254, 256, 261-274, 276, 282, 284, 289-285,
Шибан 186, 188, 191, 195, 218, 242, 244, 256
Шиби-каган 86
Шигай (Сыгай) 272, 292, 293, 353
Шидак-хан 243
Шильтбергер 209, 354
Шингкум 186, 188
Шингкур 186
Шифарн 159
Шукуралиев 321
Ышбара Эльтериш Шир-каган 95, 96
Элетмиш Билыге-каган 106-109, 118-120, 127, 141, 142
Эльтериш-каган 98, 100, 105, 124, 143
Эль-каган 86-88, 123
Эль-Тогаи-тутук 144
Эрклиг 143
Эсен 186, 219
Эскиль Кюль-иркин 91
Юдин 284
Юлдуз-тархан 237
Юнус-хан 219, 233, 235, 241
Юстиниан 90
Юстин 44, 153
Юстин II 93
Юсупова 204
Юсуф Баласагунский 139, 145, 160-162
Юсуф Канка из Оггара 174
Юсуф Мунши 243
Яглакары 105, 106, 108, 126
Ядгар-хан 301
Ядринцев 154
Якубовский 198, 202
Яланкус (Ялангтуш)-бахадур 310
Ямавук 207
Яхшим-биким 292

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ	4
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА 1	
МИР ПЕРВЫХ КОЧЕВНИКОВ	11
1. Эпоха боевых колесниц	12
2. Страна ариев	19
3. Саки	31
ГЛАВА 2	
ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ С ВОСТОКА	51
1. Этнолингвистическая ситуация в Казахстане в начале I тыс. н.э.	51
2. Ранние кочевники Центральной Азии	53
3. Держава гуннских шаньюев	57
4. Хозяйство, общественное и государственное устройство	60
5. Расцвет и упадок кочевой империи	64
6. Гунны у границы Римской империи	66
7. Гунны между Алтаем и Аралом	69
ГЛАВА 3.	
СТЕПНАЯ ИМПЕРИЯ ТЮРКОВ И	
ЕЕ НАСЛЕДНИКИ	75
1. Сложение древнетюркского союза племен	77
2. Общая концепция этнической истории древнетюркских племен	80
3. Первый Тюркский каганат (551-630 гг.)	85
4. Тюрки в Средней Азии	88
5. Тюркский каганат, Сасанидский Иран и Византия. "Шелковый путь"	92
6. Западнотюркский каганат. Согдийские колонии Семиречья	94
7. Возрождение Восточнотюркского каганата. Тюркешский каганат. Борьба с арабами	98
8. Уйгурский каганат и Карлукское государство. Караханиды	105

9. Кипчаки	116
10. Общественные идеалы и социальное устройство в древнетюркских государствах	138
11. Религии и верования у древних тюрков	150
12. Памятники письменности Казахстана и Центральной Азии	153

**ГЛАВА 4.
НАШЕСТВИЕ ЧИНГИЗ-ХАНА И
УЛУСЫ ЧИНГИЗИДОВ 169**

1. Вторжение татаро-монгольских орд	171
2. Улус Джучи	183
3. Кок-Орда и Ак-Орда	189
4. Восточный Дешт-и Кипчак в XIV — начале XV-вв	195

**ГЛАВА 5.
НАЧАЛО КАЗАХСКОЙ ГОСУДАР-
СТВЕННОСТИ 215**

1. Политическая обстановка в Узбекском улусе в 30-50- годах XV в.	217
2. Образование Казахского ханства	224
3. Первые казахские владетели и Мухаммад Шейбани-хан	241
4. Казак: слово и этноним	250

**ГЛАВА 6.
КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО И ЕГО
СОСЕДИ В XVI-XVII вв. 261**

1. Взаимоотношения казахских владетелей с Шибанидами и Чагатаидами в начале XVI в.	261
2. Казахи, моголы и калмаки в 30-50-х годах XVI в.	283
3. Казахские владетели и Шибаниды в последней трети XVI в.	289
4. Казахские владетели и Аштарханиды	296
5. Казахи и калмаки в XVII в.	305

ГЛАВА 7.	
КАЗАХИ: ОБЩЕСТВО И ХОЗЯЙСТВО . . .	315
1. Законы хана Тауке	315
2. Хозяйство и быт	324
3. Социальные группы и категории	346
ЭПИЛОГ	357
ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ	
И ЛИТЕРАТУРА	358
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ДИНАСТИЙ	365
СОДЕРЖАНИЕ	373

ТУРСУН СУЛТАНОВ

«Историческая книга в Средней Азии XV — XIX вв.»

Автором первой «Истории» был Геродот (V в. до н.э.). Но историческая книга родилась гораздо раньше и ее родиной была не только Эллада. В мире существует несколько историографических традиций, т.е. способов написания книг об истории. Мусульманская историография одна из таких самостоятельных и самобытных традиций. Она формировалась не только на родине ислама, в Передней Азии, хотя начиналась там, но также в других странах мусульманского Востока, и прежде всего в Средней Азии. Для средневековой истории Средней Азии местная мусульманская историческая книга, по- существу, — единственный источник познания прошлого тюркских и иранских народов этой огромной страны. Поэтому так важно знать, кто, как и зачем писал эти книги, чем он руководствовался в выборе темы и способе изложения, как связаны между собой разные авторы, как воспринимались их труды читателями их современниками и потомками, что влияло на замысел и содержание труда мусульманского автора и, наконец, как складывалась литературная судьба исторического сочинения в культурной среде средневекового мусульманского Востока.

На все эти и многие другие вопросы Вы найдете ответ в монографии доктора исторических наук Т.И. Султанова «Историческая книга в Средней Азии XV-XIX вв.»

Книга готовится к изданию Центром «Казахстан-Петербург» во II квартале 1993 г. Подписка будет проводиться ответственными распространителями Центра в областных городах Казахстана. Следите за рекламой в республиканских и местных газетах!

Центр "Казахстан-Петербург"

Мы хотим и умеем работать

480124, Алма-Ата,
пр. Абая, 143

(3272) 42-59-01

Фах: 33-00-65

194068, Санкт-Петербург,
пл. Победы, 2

(812) 293-81-44

293-05-44

Фах: 291-84-60

С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов

КАЗАХСТАН

ЛЕТОПИСЬ ТРЕХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Художник А.Б. Сухоруков

Редактор Н. Аблязов